

Тандзан Исибаси (яп. 石橋 湛山 Исибаси Тандзан, 25 сентября 1884 — 25 апреля 1973) — политический деятель, журналист, учёный-экономист, а также 55-й премьер-министр Японии с 23 декабря 1956 года по 25 февраля 1957 года. Пер. Е. Кручины выполнен в 2001 г.

ИСИБАСИ ТАНДЗАН

ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО

= Отец и мать =

После того, как в июне 1951 года с меня был снят запрет на занятие официальных должностей [1], несколько авторов попытались написать историю моей жизни. Я, конечно, был тронут их вниманием, однако при внимательном прочтении обнаружил в их трудах ряд неизбежных в подобных случаях ошибок, в частности, при описании моих детских лет. Разумеется, данный период моей жизни не представляет особой ценности, однако, когда видишь даже незначительные неточности напечатанными типографским способом, то невольно хочется их исправить.

Недавно несколько журналов попросили меня написать что-нибудь о начальном периоде моей жизни, в частности, о моем отце. Мне, право, неловко сознаваться в этом, но я получил новый вариант описания своего детства весьма просто - добавил к написанному мною ранее еще некоторые фрагменты...

Я родился в 1884 году, в году Обезьяны. Свое первое «уа» я прокричал в Токио, но потом мы переехали на родину отца в префектуру Яманаси. Отца моего звали Сугита Тансэй, правда, потом он принял имя Ниппу. Отец происходил из весьма древнего рода. Семья его жила в деревне Масухо уезда Минамикома префектуры Яманаси. В детские годы отец был учеником в буддийском храме Сёфукудзи в соседнем с деревней Масухо местечке Аояги. Кстати, сейчас настоятелем в этом храме случит ученик отцовского ученика, которого зовут Ивама Танрё. Вообще это достаточно известный храм школы Нитирэн [2], издавна славящийся тем, что молитва в нем помогает излечить младенца от глистов. Слава об этом храме идет до самого Токио. Не знаю, как сейчас, а в пору моего детства храм привлекал целые толпы верующих с

маленькими детьми.

Когда я родился, отец как раз закончил духовную семинарию Нитирэн. Она была расположена в Токио, в районе Сиба-Нихонъэноки, и являлась главным учебным заведением школы Нитирэн. Отец даже получил там место ассистента, но вскоре его пригласили стать настоятелем храма Сёфукудзи на своей малой родине. Вместе с сотоварищами Нодзава Ёсиманэ, Ямадзаки Гиоку и другими отец возглавил движение за расширение влияния Нитирэн в префектуре Яманаси; они строили новые школы, выпускали журнал... Словом, эти люди слыли в буддистских кругах новаторами и вели поистине замечательную и плодотворную деятельность.

Я не буду рассказывать здесь в подробностях о жизненном пути моего отца. Скажу лишь, что в 1894 году его пригласили служить в храме Хонкакудзи в районе Икэда префектуры Сидзуока, а в 1924 году избрали 81-м настоятелем храма Минобусан-Куондзи - главного храма школы Нитирэн в префектуре Яманаси. В 1930 году во время пасторской поездки в Нагоя отец серьезно заболел и переехал в Сэмбонхама, пригород города Нумадзу, где и жил до самой своей кончины в возрасте 75 лет. Все эти годы он трудился буквально не покладая рук, управляя храмами и проповедуя вероучение Нитирэн.

Мать мою звали Кин. Она была дочерью довольно известного мастера по изготовлению татами [3], чья мастерская находилась в Сиба-Нихонъэноки. На протяжении многих поколений члены их семьи были ревностными адептами школы Нитирэн. В годы моего детства мастерская процветала, однако после смерти хозяина - старшего брата моей матери - она пришла в упадок. В силу некоторых обстоятельств мне пришлось принять фамилию матери - Исибаси. Мать моя скончалась в 1933 году в возрасте 68 лет.

= Мое имя =

Меня зовут Тандзан. Многие люди частенько коверкают мое имя. Как только его не произносят - и Дзиндзан, и Кандзан! Правильное же чтение - именно Тандзан. Я уж не говорю об ошибках в написании первого иероглифа! И поныне получаю каждый день несколько писем с неправильным написанием первого иероглифа имени. Впрочем, этот иероглиф, «тан», действительно даже не входит в последний иероглифический минимум, и вообще особой нужды в нем нет. Наверное, люди, в имени которых встречается такой иероглиф, сами

виноваты, и им не следует роптать на то, что их имя коверкают на все лады...

Почему меня назвали таким странным именем? На то были свои причины. Но сначала - о другом. Дело в том, что поначалу меня звали вовсе даже не Тандзан; мое детское имя было Сэйдзо, ласкательно - Сэй-тян. Два года назад у меня родился внук, и я уступил ему свое детское имя. Надо сказать, я очень долго размышлял над этой проблемой, пытаюсь выбрать одно из множества имен, но все же лучше, чем свое собственное имя, так и не нашел. Но есть одна маленькая деталь: иероглифы в имени моего внука те же, что и в моем имени, но читаются они несколько иначе - Сёдзо, а не Сэйдзо. В трактате «Беседы и суждения» содержится такая знаменитая фраза: «Я ежедневно проверяю себя в трех отношениях» [4]. Так вот, при написании слов «проверяю себя в трех отношениях» используется тот самый иероглиф, который входит в мое детское имя и в имя моего внука. По-японски он может читаться либо «сэй», либо «сё». Фраза эта очень была очень популярна, поэтому такое имя носило немалое число людей. Но за все надо платить - и уж если ты выбрал себе столь красивое имя, то будь готов к тому, что многие не смогут его прочесть...

А вот мое «взрослое» имя - Тандзан - является уникальным. Более того, думаю, что сейчас кроме меня, его не носит никто, хотя вообще-то знак «тан» довольно часто встречается в качестве первого иероглифа в именах жителей префектуры Яманаси, исповедующих учение школы Нитирэн. Кроме уже упоминавшегося Сёфукудзи, в Яманаси есть множество храмов школы Нитирэн, в том числе такие, которые принадлежат какому-то более узкому течению внутри Нитирэн (правда, в чем именно состоит их особенность, я толком не знаю). Так вот, оказывается, что ученики в этих храмах издревле выбирают для своих имен этот самый иероглиф «тан». Скажем, мой отец во времена ученичества в храме Сёфукудзи носил имя Тансэй. По этой же самой причине после окончания средней школы я получил новое имя - Тандзан. Слышал, что у этого явления есть какие-то исторические корни, но в чем они состоят - я, к сожалению, не знаю.

= «Доверь воспитание сына другому» =

В начальную школу я поступил весной 1889 года в возрасте 6 лет. Сначала я учился в начальной школе в местечке Инакадо города Кофу (ныне район Исэ). Однако вскоре в связи с назначением отца настоятелем мы переехали, и я стал ходить в школу, расположенную в деревне Масухо уезда Минамикома. Там я и закончил обязательные в те времена четыре

класса начальной школы и поступил в первый класс начальной школы высшей ступени. Это было в 1894 году.

Однако, как я уже писал, в сентябре того года отца снова перевели по службе, на сей раз в префектуру Сидзуока, а потому он оставил меня в Яманаси, вверив заботам отца Мотидзуки Нитикэн - настоятеля храма Дзёондзи в деревне Кагаминакадзё уезда Накакома. Осенью мне исполнилось 11 лет. Я перешел в начальную школу деревни Кагаминакадзё. Проучившись всего еще два года в начальной школе высшей ступени, я раньше срока поступил в префектуральную среднюю школу (впоследствии средняя школа города Кофу). Это произошло весной 1895 года. Так еще подростком я вышел из-под родительской опеки. И, надо сказать, то, что я попал в руки учителя Мотидзуки, явилось для меня поистине счастливым событием.

Как-то, в последние годы жизни отца, я спросил у него, почему он так рано отдал меня учителю Мотидзуки. Отец ответил мне словами Мэн-цзы: «Древние отдавали сына на воспитание в чужие руки» [5].

За следующие восемь лет, которые прошли до момента окончания средней школы в 1902 году, я только раз в сопровождении учителя Мотидзуки съездил в Сидзуока, где мы провели всего одну ночь в храме Хонкакудзи. Связь моя с отцом и матерью практически оборвалась. Наверное, отец приезжал по делам в префектуру Яманаси, но мы с ним так ни разу и не встретились. Переписка тоже была односторонней: я исправно посылал родителям письма, но ответа не получил ни разу - ни от отца, ни от матери. Похоже, такова была принципиальная позиция отца: коль скоро ты доверил воспитание сына другому, то нельзя позволять отпрыску общаться с родителями, нельзя бездумно пестовать привязанность к дому - это может помешать Учителю.

Впрочем, правда и то, что в те времена выехать куда-нибудь из Яманаси было крайне трудно. Поезда тогда ходили от Токио только до городка Хатиодзи. Это теперь к Яманаси ведет железнодорожная линия Тюосэн, но и то до Кофу эту дорогу дотянули лишь перед самой Русско-японской войной, в 1903 году. Прежде же для того, чтобы попасть в Токио или Сидзуока, приходилось либо проходить через перевалы Сасаго и Коботокэ и на своих на двоих плестись до Хатиодзи, либо, преодолев перевал Мисака и миновав два озера - Кавагути и Яманака, идти к Готэмба - станции на железной дороге Токайдо. [6] Правда, был еще один путь - вниз по реке Фудзи к Ивабути, другой станции на линии Токайдо. Иных способов

выбраться из Яманаси не было.

По дороге, ведущей к Хатиодзи или Готэмба, можно было добраться также на лошади или на редкой тогда подводе, однако деньги надо было за это выложить по тем временам немалые. В принципе вполне можно было попытаться подсесть на подводу на одном из перегонов, но на подобный способ передвижения решались очень немногие. Словом, ребенку без сопровождения взрослых добраться до Токио или Сидзуока было тогда очень и очень трудно - и в этом также крылась одна из причин того, что я в течение восьми лет не виделся с родителями.

= Опасный спуск по реке Фудзи =

О реке Фудзи я вспомнил во время последней войны [7] и даже рассказал о ней своим коллегам. Теперь там построили гидроэлектростанцию, и Фудзи потеряла былую славу одной из трех самых стремительных рек Японии. Кроме того, между станцией Фудзи на Токайдо и городом Кофу протянули железнодорожную ветку Фудзи-Минобу (ныне Государственная железная дорога Минобу), так что знаменитые прежде кораблики, на которых сплавлялись вниз по реке Фудзи, исчезли за ненадобностью.

Однако в те времена, когда железная дорога еще не дошла до Кофу, центра префектуры Яманаси, до Токио или к тракту Токайдо проще всего было добраться по реке Фудзи. В соседнем с Аояги местечке Кадзикадзава была пристань, и если человек успевал сесть на кораблик, отправлявшийся в пять часов утра, то к полудню он уже был в Ивабути. В тот же день путник мог добраться аж до Токио - и ноги не сбивал! Добираясь же своим ходом по суше, приходилось останавливаться на ночевки в гостиницах, а, главное, преодолевать опасные крутые склоны. Впрочем, если говорить о водном путешествии, то удобным был только спуск по реке Фудзи, обратно же вверх лодку приходилось тащить канатами против быстрого потока, так что на путь до Кадзикадзава уходило несколько дней. Естественно, желающих проделать такое путешествие было немного, поэтому возвращаться в префектуру приходилось по суше.

Спуск по реке Фудзи был настолько удобен, что желающих воспользоваться этим маршрутом было великое множество. Однако не всё и не всегда проходило гладко: нередко суденышки переворачивались и разбивались, так что пассажиры постоянно рисковали жизнями.

Я уже писал о том, что в наше время кораблики по реке Фудзи больше не ходят, а течение уже не такое стремительное, как встарь. А вот прежде Фудзи была вполне достойна своей славы одной из трех самых быстроходных рек Японии: тот путь, на который требовалось два дня пешком, лодка пролетала всего за полдня!

Днища этих маленьких деревянных суденышек специально обивали тонкими листами железа. Дело в том, что русло реки было сплошь усеяно острыми камнями. Когда судно проходило мель, стоял ужасающий скрежет, наводивший страх на пассажиров; казалось, еще немного - и кораблик разломится на части. Да и других неприятных моментов в путешествии было немало. И по берегам, и среди течения там и сям виднелись над водой скалы самой причудливой формы. Лодка пролетала мимо них стрелой, едва не задевая камни бортами. Такие участки считались самыми опасными, и для того, чтобы их преодолеть, лодочнику приходилось применять все свое мастерство. А весь арсенал лодочника состоял из одного-единственного шеста, с которым он и стоял на носу лодки. Малейшая неточность - и лодка могла врезаться в скалу, получить пробоину и затонуть.

Мне не раз доводилось спускаться на лодке по реке Фудзи, и всякий раз я чувствовал себя на краю могилы. Сходя на берег в Ивабути, я с облегчением переводил дух: пронесло! И всякий раз думал: нет, больше никогда и не подойду к этому суденышку! Ни за что на свете! Но уже на следующий раз, собираясь в Токио, я начинал с тоской думать о том, как долго мне придется ковылять по горным дорогам в своих соломенных сандалиях-варадзи... и, замирая от страха, снова садился в утлую лодчонку.

= Хорошие пловцы тонут =

Итак, река Фудзи была опасной, но важной водной магистралью префектуры Яманаси, а поэтому власти строго следили за безопасностью движения по этой водной артерии. В частности, все три-четыре утренних регулярных рейса доверяли только искусным лодочникам, а после дождей, когда менялось русло реки, лодки выпускали только после обследования всех речных перекатов. Поэтому считалось, что на регулярных рейсах особого риска нет. И все же время от времени аварии случалась. Так, однажды потерпело крушение судно, на котором плыл сам губернатор префектуры. Впрочем, сам губернатор тогда уцелел, а вот его спутники погибли...

Кстати, я обратил внимание на один любопытный факт. Во время крушения обычно оставались в живых самые слабые и неумелые - женщины и дети, а вот искусные молодые пловцы, как это ни странно, гибли. И понял я это, когда погиб один мой знакомый парень. Он был родом из Сидзуока, а в городе Кофу учился в средней школе Яманаси. Вообще-то он очень уверенно чувствовал себя на воде, был великолепным пловцом. Я имел возможность своими глазами оценить его таланты, когда ученики школы купались в бурной речке Аракава, протекавшей в окрестностях города Кофу. Однако именно с ним и случилось несчастье: он погиб, когда лодка, на которой он возвращался домой в Сидзуока, налетела на камни. Пассажиров было немало, среди них множество женщин и детей, но утонул только он один. Почему?

Я долго расспрашивал об этом происшествии самих пострадавших и знающих людей, сопоставлял их рассказы с собственным опытом и в результате пришел вот к какому выводу. Фудзи - река стремительная, но мелкая и неширокая. На многих участках она имеет отлогие песчаные берега. Глядя на них, человек, который хотя бы немного умеет плавать, может подумать, что он с легкостью переплывет поток и выберется на отлогий берег. Тот самый юноша, скорее всего, так и решил, и как только лодка наскочила на камень, не задумываясь, прыгнул в воду. И в этом была его роковая ошибка. Ведь Фудзи недаром считается одной из самых быстрых рек: даже в самом узком месте переплыть ее невозможно. Парня этого, по-видимому, просто снесло быстрым течением, а, может быть, накрыло волной или ударило о камень, и он погиб. Остальные же пассажиры, плохо державшиеся на воде, решили не искушать судьбу и мертвой хваткой вцепились в разбитую лодку. Их тоже несло по течению, накрывало волнами, но они крепко держались за спасительную лодку и потому выжили.

= Во время войны вспоминаю о кораблекрушениях =

При всей своей стремительности скорость течения реки Фудзи на разных участках разная. Благополучно миновав опасное место, разбитая лодка, по-видимому, выбралась на относительно спокойную воду. Пассажиры, наконец, смогли выбраться на пологий берег и тем самым сохранить себе жизнь. Сам я этого, конечно, не видел, но мне почему-то кажется, что все произошло именно так...

Несколько лет назад, уже во время войны, я рассказал об этом эпизоде молодым сотрудникам журнала «Тоё кэйдай симпо», которым тогда руководил. Случай для этого представился вот какой. Наш журнал слыл либеральным, даже антимилитаристским, и потому во время войны

подвергался постоянным гонениям со стороны властей. Одно время он вообще оказался на грани закрытия. Многих сотрудников в открытую убеждали уйти от господина Исибаси и сулили за это солидную материальную поддержку. Словом, коллектив был взбудоражен...

В 1941 году из журнала все-таки уволилось несколько ведущих сотрудников. Кто следующий? Про меня уже стали говорить, что я - диктатор, что таких, как я, нужно гнать взашей с работы и т.п. Безусловно, так говорили люди, которые спали и видели, чтобы я ушел из журнала. Вот тогда-то я и вспомнил о бурной реке Фудзи...

Да, в жизни часто встречаются опасные участки - такие же опасные, как на той бурной реке. Однако лодка нашей жизни стремительно проносится мимо них, и даже самый трудный отрезок пути когда-то заканчивается. Конечно, в таком гиблом месте судно вполне может перевернуться. Однако не стоит торопиться прыгать в воду и пытаться преодолеть реку вплавь - это смертельно опасно. Лучше уж судорожно цепляться за разбитую лодку: покинуть ее человек всегда успеет. Вот этими мыслями я и поделился со своими молодыми коллегами.

= Учитель Мотидзуки Нитикэн =

Учитель Мотидзуки Нитикэн, на чье попечение меня отдали в возрасте 11 лет, родился в деревне Минобу уезда Минамикома префектуры Яманаси. Он был немного моложе моего отца. В юности Мотидзуки был послушником в каком-то захудалом храме в родном уезде, где работал не покладая рук, постоянно испытывая чувство голода, поскольку и поесть три раза в день там удавалось не всегда. Это состояние запомнилось ему на всю жизнь, и наставник всегда следил, чтобы в нашем храме ученики хорошо питались и не голодали.

Как потом сложилась жизнь моего учителя, я не знаю. Известно только, что Мотидзуки, как и мой отец, закончил семинарию Нитирэн и попал в Токио в знаменитый храм Мёходзи, построенный в честь «святого из Хориноути». [8] В те времена настоятелем Мёходзи был Такэми Нитидзё, который привечал у себя многих молодых людей. Примерно в 1902-1903 годах он построил при храме школу для студентов, изучавших учение Нитирэн. Школа эта находилась в квартале Мёгадани района Коисикава и называлась Мэйкоку гакуэн. Я тоже как-то раз в ней останавливался.

Мотидзуки не было и 30 лет, когда он стал настоятелем храма Дзёондзи в префектуре Яманаси.

Вскоре после этого меня и отдали на его попечение. Дзёондзи считался одной из самых достойных обителей среди храмов Минобусан-Куондзи, и стать настоятелем такого храма в молодые годы означало сделать поистине выдающуюся карьеру. А ведь у учителя Мотидзуки не было особых связей... Вероятно, его таланты были оценены по достоинству учителем Такэми и предыдущим настоятелем храма Дзёондзи отцом Кубота Нитё.

В дальнейшем Мотидзуки служил настоятелем еще в двух храмах: Дзицугёдзи в городе Хакодате на Хоккайдо и Дзэнсёдзи в токийском районе Ниппори. На закате жизни его, как ранее и моего отца, избрали настоятелем храма Куондзи - 83-м по счету. Словом, в буддийских кругах он пользовался большим почетом и уважением.

И мой отец, и наставник Мотидзуки учились на буддийских сутрах и китайской классике, но, тем не менее, обрели исключительно прогрессивный склад ума, и их никак нельзя было назвать консервативными и твердолобыми монахами. Однако их длительное, от молодых ногтей, пребывание в атмосфере благочестия буддийских храмов привело к тому, что в повседневной жизни они стали очень строгими и требовательными людьми. Но проявлялась их строгость совершенно по-разному. Так, мой отец был строгим и педантичным даже в мелочах. Особенно сильно эти качества его характера проявлялись в молодые годы. Тогда малейшее нарушение заведенного порядка вызывало у отца невероятное раздражение и гнев, и не удивительно, что окружавшие отца люди жили в постоянном страхе. Учитель Мотидзуки тоже умел строго отчитать за нерадивость, однако характер имел легкий, словно порыв весеннего ветерка, и ко всем относился радушно и приветливо. Отец за свою жизнь ни разу не прикоснулся ни к шашкам го, ни к сёги [9], а вот наставник, хотя и не был искусным игроком, частенько играл в го с гостями, явно испытывая при этом подлинное наслаждение - и в этом тоже проявлялась присущая ему свобода духа. Я сам не играю ни в го, ни в сёги, но вовсе не считаю склонность к подобным забавам чем-то достойным порицания.

Думаю, что если бы меня не отдали учителю Мотидзуки и моим воспитанием занимался отец, то я, наверное, не смог бы вытерпеть его давления и просто ушел бы из дома. По-видимому, отец и сам опасался такого развития событий, и именно поэтому отдал меня на попечение учителя Мотидзуки, избрав путь «воспитания у других». Как бы то ни было, мне в жизни исключительно повезло, ибо моим наставником стал именно священник Мотидзуки. Впрочем, отцу за этот выбор я тоже очень глубоко благодарен.

= Годы обучения в начальной школе =

До поступления в начальную школу я был типичным благовоспитанным столичным мальчиком. Когда мы переехали в Кофу, то богатые соседи даже просили меня поиграть с их детьми. Да и в школе первое время учителя хвалили меня за воспитанность и образцовое поведение.

Но у меня были и свои проблемы. Так, например, мне не разрешалось иметь карманные деньги и тем более что-либо покупать себе самому. В результате получилось так, что я совершенно не знал цены деньгам. А между тем в то время в стране имели хождение не только серебряные и медные монеты, выпущенные уже в период Мэйдзи [10], но и некоторые старые деньги, доставшиеся в наследство от периода Токугава [11]. Встречались монеты совершенно одинаковые по величине и по форме, но имевшие разное достоинство (например, один рин или один рин и пять мо [12]), - что вносило ужасную путаницу. Когда учитель показывал в классе какие-нибудь монетки и спрашивал нас: «Сколько это будет? А это сколько?», - один я был не в состоянии ответить на эти вопросы. До сих пор помню, как мне было тогда стыдно...

Впрочем, столь нежным и наивным мальчиком я был недолго: уже к 3-4 классам начальной школы я не уступал в озорстве деревенским мальчишкам. Родители упорствовали в своей строгости и денег на карманные расходы мне по-прежнему не давали, предпочитая оплату «натурой». В результате я стал украдкой брать у них по 10-20 сэн, и это вошло у меня в привычку.

Мне кажется, что чрезмерное ограничение свободы ребенка в детстве не дает в итоге ничего хорошего. Например, я так и не научился ни лазать по деревьям, ни плавать - а все потому, что в детские годы мне все это строжайшим образом запрещалось. Конечно, родителей можно понять: в префектуре Яманаси моря нет, и купаться можно было только в реке, но она была далеко. Запрещалось мне купаться еще и потому, что тогда повсюду свирепствовала дизентерия, и в реке можно было подцепить какую-нибудь заразу.

В нашем храме, кроме монахов, жило несколько учеников, которые были на пару лет старше меня. Среди них мне запомнился мальчик по имени Одзава Тандзэн. Позднее он окончил университет Риссё и пошел по стопам моего отца, став настоятелем храма Хонкакудзи в Сидзуока. Это был очень мягкий, славный человек, ныне, к сожалению, покойный... Правда, и в храме меня тоже не научили ни плавать, ни лазать по деревьям...

Помню, когда я учился в четвертом классе начальной школы, отец начал учить меня камбуну [13]. Поначалу я никак не мог понять написанное, и дело доходило в буквальном смысле до слез. Однако именно благодаря урокам отца я раньше других научился читать и понимать китайские тексты.

Когда я попал в храм Дзёондзи к наставнику Мотидзуки, там уже жили двое мальчиков старше меня и один - чуть помладше. Мы вместе занимались в школе, а утром и вечером выполняли ряд обязанностей по хозяйству. В то время еще не было электричества, люди обходились керосиновыми лампами, и в наши обязанности входила чистка этих самых ламп, мытье уборных, уборка комнат, в которых жили учителя и т.п. Мы также подавали гостям чай и прислуживали за столом. Так я провел почти год до поступления в среднюю школу. Надо сказать, необходимость выполнять какую-то работу меня совершенно не тяготила. Напротив, такой образ жизни выработал у меня привычку не гнушаться никакой работы. Младший из моих тогдашних товарищей рано умер, а один из старших - его зовут Фудзии Норихито - сейчас является настоятелем подворья храма Минобу в токийском квартале Готэмма. Еще один мой друг, Мотидзуки Гисан, служил настоятелем в храме Дзёкёдзи, расположенном неподалеку от Дзёондзи. Недавно он, к сожалению, скончался.

= Два провала на экзаменах в средней школе =

Как уже говорилось, я поступил в среднюю школу в 1895 году. В те времена в префектуре Яманаси была только одна префектуральная средняя школа - в городе Кофу. Кроме нее существовало еще педагогическое училище, которое тоже находилось в Кофу. Других подобных учебных заведений в округе не было, поэтому ученики нашей школы пользовались всеобщим вниманием. Так, множество нарядно одетых детей со всего города приходили каждый год 3 ноября посмотреть на наши школьные спортивные состязания.

Для поступления в среднюю школу нужно было сдавать вступительные экзамены. Несколько человек из нашей начальной школы в деревне Кагаминакадзё попытались пройти через это испытание, однако по странной случайности успешно сдал экзамены только я один, хотя и отучился в начальной школе высшей ступени всего два года. А остальные претенденты, несмотря на то, что они закончили четыре класса начальной школы высшей ступени, на экзаменах провалились.

Во время вступительных экзаменов учитель Мотидзуки заболел: заразился оспой, свирепствовавшей в то время в Кофу. Заведующий храмовой канцелярией, он же управляющий делами храма, стал недовольно брюзжать, что, мол, не дело это - сдавать какие-то экзамены, когда твой наставник болен и лежит при смерти. Однако Мотидзуки еще до болезни строго наказал мне обязательно сдавать экзамены в этом году. С его благословения я вместе с друзьями и отправился на экзамены, не обращая внимания на ворчание старого монаха. И - единственный из всех - неожиданно эти экзамены выдержал.

После поступления в среднюю школу Яманаси я, как уже говорилось, некоторое время жил в общежитии этой школы. Потом учитель Мотидзуки женился и переехал с семьей в Кофу, а я перебрался к нему в дом. Супруга наставника всегда обо мне заботилась. Она окончила Токийское женское училище, то есть имела для женщины тех времен просто блестящее образование.

Школу Яманаси основали в 1900 году мой отец и его товарищи. Изначально она предназначалась для детей священнослужителей школы Нитирэн, но потом в нее разрешили поступать всем желающим, что было очень удобно для тех, кто по каким-то причинам не мог учиться в префектуральной средней школе.

В средней школе я не отличался примерным поведением. Так, одно время я по какой-то причине не в самом Кофу, а в его пригороде, и ходил в школу вместе с дружкойми. От деревни Кагаминакадзё до школы было всего два с половиной ри [14], но за время переходов туда и обратно я умудрился потратить на сласти все деньги, которые должен был внести в качестве ежемесячной платы за обучение. Кроме того, я дважды проваливался на экзаменах...

Первый мой провал случился в первом классе и случился потому, что я совершенно не представлял себе, как следует заниматься в средней школе, и вел себя абсолютно так же, как в начальной, - то есть не делал домашних заданий, не повторял уроков и вообще всячески бездельничал. Второй раз я провалился на экзаменах в четвертом классе. Причина тоже была проста: я целыми днями бил баклуши на улице и совершенно не готовился к урокам. На самом деле если бы я хоть немного поднапрягся, то наверняка вышел бы на третье или четвертое место по успеваемости в классе. Но мне было лень... Лень не давала мне этого сделать. Наверное, такой уж я лентяй от природы...

Кстати говоря, наставник Мотидзуки ни разу не упрекнул меня в лености и вообще не сказал ни одного плохого слова. Более того, он без возражений внес растраченную мною ежемесячную плату за обучение, как только поступил запрос из школы. Представляю, какой бы меня ждал разнос, окажись на его месте мой отец! Скорее всего, он бы не только сурово наказал меня, но и вообще забрал бы из школы! Однако Мотидзуки не сказал мне ни слова упрёка - и, кстати сказать, именно это молчание заставило меня задуматься над своим поведением. Может, в этом и заключался педагогический секрет моего наставника?..

= Три директора школы =

Когда я поступил в среднюю школу города Кофу, нашим директором был бакалавр литературы Курокава Кумото. Он носил черный хлопчатобумажный костюм со стоячим воротником, в котором выглядел как заправский педагог. Однако по непонятной причине при нем в школе царил совершенный хаос, а ученики частенько устраивали забастовки. Правда, здание школы у нас тогда было временным, и располагалось в квартале Нисикитё. Может, это расхолаживало учеников? Не знаю... Кстати говоря, заводилой забастовок старшеклассников, т.е. учащихся четвертого-пятого классов, был тогда в нашей школе некто Танабэ Харумити. Впоследствии он окончил Императорский университет в Токио, поступил на работу в министерство связи и даже дослужился до министра связи...

Директор Курокава ушел со своего поста, когда я учился во второй раз в первом классе, а может, уже во втором. После него некоторое время обязанности директора временно исполнял начальник отдела школьного образования префектурального управления господин Идзава Такио, потом его сменил на этой должности бакалавр литературы Сидэхара Хироси. А Идзава впоследствии стал членом тайного совета [15] и прославился в политических кругах как мастер закулисной интриги. Это он выбрал и пригласил в школу Сидэхара, о чем сам и рассказал мне при нашей встрече в тайном совете уже после войны. Впрочем, к тому времени Сидэхара тоже стал тайным советником...

Ныне наш бывший директор господин Сидэхара находится в добром здравии и живет в Осака. Перед Русско-японской войной он работал в Корее - ставка японского генерального резидента [16] пригласила его для того, чтобы наладить там новую систему образования, - затем был директором Педагогического института в Хиросиме, потом - ректором Тайбэйского

университета на Тайване. В общем, господин Сидэхара занимал исключительно ответственные посты в системе образования и сделал для нее немало полезного. Неудивительно, что и нашу разболтанную школу в Кофу он тогда быстро привел в порядок. А между тем в то время он был совсем молодым человеком - ему едва исполнилось 27 лет. Между прочим, это при нем на территории замка Кофу было выстроено новое здание нашей школы... Кстати, директор Сидэхара приходится старшим братом ныне покойному Сидэхара Кидзюро [17].

Но, как я уже писал, тогда - кажется, было это весной 1901 года - директор Сидэхара отправился в Корею, а на смену ему пришел Осима Масатакэ, агроном по специальности. Он был одним из первых выпускников Сельскохозяйственной школы в Саппоро, где учился у знаменитого доктора Уильяма Кларка. Выходец из префектуры Канагава, Осима после окончания Сельскохозяйственной школы остался в Саппоро и некоторое время преподавал там английский язык.

Среди учащихся этой школы было много выходцев из северо-восточных районов страны. Они говорили на своем диалекте, искажая принятое произношение ряда слогов. Стараясь поставить им правильную английскую речь, Осима стал заниматься исследованиями в весьма редкой тогда области - фонетике, благодаря чему впоследствии получил степень доктора филологии. Кроме того, будучи ревностным христианином, он основал в Саппоро первую христианскую церковь и проводил в ней службы. Учитель не отличался крепким телосложением, но был человеком широким, в нем было что-то героическое, подвижничское. Возможно, такой характер сложился у него благодаря влиянию доктора Кларка.

Директор Осима часто рассказывал мне о докторе Кларке, так что легендарный доктор оказал огромное влияние и на мою жизнь.

= Доктор Кларк =

Доктор Кларк был химиком, учился в Геттингенском университете в Германии, а потом основал сельскохозяйственный институт в американском штате Массачусетс и стал в нем директором. Но Кларк был не просто ученым. Он участвовал в войне Севера и Юга, носил погоны полковника, был глубоко верующим христианином и вообще обладал большим запасом душевных сил.

В 1876 году японское правительство задумало основать в Саппоро Сельскохозяйственную школу с целью готовить в ней пионеров освоения острова Хоккайдо. Старшим преподавателем (а фактически - директором) этой школы и был рекомендован доктор Кларк, работавший до этого в Америке. Оставаясь ректором Массачусетского сельхозинститута, Кларк взял отпуск сроком на один год и приехал в Японию. В тогдашнем неудобном для путешествий мире ему понадобилось очень много времени на дорогу туда и обратно, так что в действительности Кларк пробыл в Саппоро не более девяти месяцев. Тем не менее, его пребывание оставило глубокий след не только в Сельскохозяйственной школе города Саппоро (ныне университет Саппоро), но и во всей Японии.

Кларк не вводил в школе никаких строгих правил поведения и вообще общался со студентами при помощи всего лишь двух слов:

- Be gentlemen! - говорил он [18].

И лишь однажды, уже покидая Хоккайдо, он обратился к собравшимся его проводить студентам не с двумя, а с тремя словами. Сидя верхом на лошади, Кларк произнес:

- Boys! Be ambitious! [19]

И эти его высказывания приобрели очень широкую известность.

Как я уже говорил, доктор Кларк был ревностным христианином. Вместе с тем даже в своих наставлениях он оставался подлинно демократичным преподавателем и стремился привить своим ученикам дух стойкости и мужества первопроходцев. Об этом говорит и тот факт, что именно доктор Кларк впервые в японской школе ввел в качестве обязательного предмета военную подготовку.

Мне посчастливилось услышать рассказы о нем из уст директора школы Осима, и я сразу почувствовал, что доктор Кларк был настоящим Учителем...

С рождения я был погружен в атмосферу, которая должна была сформировать из меня глубоко верующего человека. Однако ни отец, ни мой наставник господин Мотидзуки, ни преподаватели из буддийского монастыря, которые занимались моим воспитанием, никогда не

навязывали мне мысли о том, что я непременно должен уйти в буддийские монахи. «Главное - человеком хорошим стать», - часто повторял мне отец, но никогда ни слова не говорил о моей будущей профессии. Однако как-то так само собой получилось, что под влиянием окружения я стал склоняться к тому, чтобы избрать себе занятие, связанное с религиозной или с преподавательской деятельностью.

В среднюю школу [20] я пошел сразу после окончания Японо-китайской войны. Школьникам тогда очень нравились военные, и когда детей спрашивали, кем они хотят быть, то многие отвечали: «Генералом!». В конце периода Мэйдзи и в начале Тайсё [21], мне кажется, такого уже не было. Сам я, впрочем, никогда не стремился стать военным, и хотя в своих размышлениях еще не доходил до того, чтобы ясно сформулировать какую-то цель, но в глубине души, повторяю, явно склонялся к тому, чтобы заняться религиозной или педагогической деятельностью.

А тут еще рассказы директора школы господина Осима о докторе Кларке... Они произвели на меня столь сильное впечатление, что я решил стать новым Кларком. Кстати говоря, я и сейчас ношу в бумажнике его фотографию...

= Самоуверенность =

Между тем наш директор господин Осима полагал, что я не только не смогу окончить среднюю школу после пяти лет обучения, но и шести лет мне для этого будет слишком мало. Более того, господин директор считал, что и до пятого класса я добрался преждевременно, а два провала на экзаменах только лишней раз показали, насколько я ленив.

Нет, лениться, конечно, нехорошо. Но, по-моему, дело в тот раз было не в моей лени. Просто происходят иногда в человеческой жизни такие вот невообразимые случайности. Как я мог завалить два экзамена? Непонятно...

Конечно, экзамены в средней школе заваливал не я один. Но в таких случаях неудачники в большинстве своем обычно переводились в другие школы куда-нибудь неподалеку от Токио.

Да, положение мое было не из приятных. Впрочем, когда я сегодня вспоминаю эту историю, то понимаю, что тогда у меня не было никакого чувства неловкости. Не знаю почему -

наверное, такой уж я был толстокожий... А больше всего мне тогда не хотелось уходить из нашей школы и менять ее на другую. Сам я, конечно, об этом и не заикался, но очень боялся, что однажды учитель Мотидзуки подойдет ко мне и скажет: «Ну, что будем делать?»

Была у моих неудач и еще одна причина - моя самонадеянность. «Ну поленился слегка, ну, завалил экзамены, но ведь с головой-то у меня все в порядке!», - думал я. И было мне при этом совершенно не стыдно. А привили мне эту самонадеянность как раз мой наставник Мотидзуки и его родственник господин Кагава Конан. Кагава, ученый-конфуцианец, преподавал у нас в школе китайскую классическую литературу. Конечно, Мотидзуки и Конан напрямую не культивировали во мне бахвальство и даже в мыслях не имели таких намерений, но их постоянные похвалы не могли пройти мимо моих ушей...

Нельзя говорить детям ничего такого, что будило бы в них самонадеянность - это одна из заповедей педагогики. И я убедился в ее истинности на собственном опыте...

= Мой девиз =

Обычно преподаватели бывают невысокого мнения об учениках, провалившихся у них на экзаменах. Но, как говорится, «и твердую гречку шашель ест» - то есть у каждого свой вкус. Были и такие учителя, которые меня любили. Среди них - уже упоминавшийся Кагава Кодзиро (Конан), который до самой своей кончины в 1936 году относился ко мне с трогательным вниманием и заботой. Учитель и его супруга неоднократно останавливались в моем доме в Камакура.

Кагава-сэнсэй [22] родился в старинной и высокородной самурайской семье в нынешней префектуре Ямагути. В точности не знаю, но говорят, что в этой семье наследственным делом было преподавание китайской классики. В нашей школе Кагава тоже преподавал классическую китайскую литературу, но прекрасно знал и отечественную историю.

- Сэнсэй, - приставали мы, бывало, к учителю на уроке, - расскажите про Каванакадзима! - И с упоением слушали его рассказ [23].

Нам сэнсэй напоминал ученых литераторов китайской древности: он знал огромное число стихов, а, выпив изрядное количество вина, сам с удовольствием их сочинял и записывал. Он

постоянно восхищался произведениями японца Рай Саньё [24] и китайского классика Су Дун-по [25], так что ученики прозвали его Сандун-сэнсэй, да он и сам с удовольствием так себя называл [26].

В 1902 году, когда я окончил среднюю школу и собирался в Токио, господин Кагава устроил в своем доме прощальный ужин в мою честь, во время которого написал мне на листе бумаги формата «хансэцу» [27] стихотворение по-китайски:

Тандзан, любимый мой ученик!

Среди четырех морей

Такие вершины духа

Доступны только тебе!

Однажды (по-моему, сэнсэй к тому времени уже переехал в Токио), я зашел к нему как раз в тот момент, когда он получил подарок от господина Каваками Кинъити из Осака. Это тоже было стихотворение, которое тот собственноручно написал на бумаге формата «хансэцу». «Если хочешь, возьми его себе», - сказал мне наставник. Я с благодарностью принял подарок. Автор этой каллиграфической надписи, господин Каваками Кинъити - это отец нынешнего главы Экспортного банка Японии [28] господина Каваками Коити. В середине периода Мэйдзи он был одним из ведущих членов правления Банка Японии, а позднее - членом правления концерна «Сумитомо». Словом, фигура Каваками была широко известна в осакских финансовых кругах. Написанное им стихотворение звучало так:

Сотни тысяч бойцов едины под знаменем Шу.

Их полководец ведет - усцев и вэйцев гроза...

Если бы Чжугэ Лян дворцовой карьеры искал,

Вряд ли б к нему Лю Бэй в хижину трижды входил [29].

Я и теперь бережно храню два этих каллиграфических свитка, лишь время от времени выставляя их в нише токонома, [30] а написанные господином Каваками две стихотворные строчки «Если бы Чжугэ Лян дворцовой карьеры искал, Вряд ли б к нему Лю Бэй в хижину трижды входил» стали моим девизом. Думаю, наставник Кагава потому и подарил мне этот свиток, что сразу понял глубинный смысл этих слов.

Помню, когда я пришел на работу в журнал «Тоё кэйдзай симпо», то поначалу работа у меня шла ни шатко, ни валко, ибо все равно я собирался скоро ее бросить и продолжить учебу. Однако когда я рассказал об этом Кагава-сэнсэй. Тот сразу возразил:

- В «Беседах и суждениях» сказано: «Продать. Продать. Я жду цены». Это Конфуций сказал, когда его спросили, продавать яшму или нет. Прочувствуй эти слова! [31]

Когда в 1912-1913 гг. у меня случились перебои в работе сердца, наставник слал мне написанные старинным слогом письма, полные внимания и заботы. «Лучшее лекарство от болезни - забыть о ней», - писал он. Эти письма мне очень помогли.

Да и спиртное я тоже, насколько помнится, первый раз попробовал под влиянием Кагава-сэнсэй. В общем, я сохранил о нем множество самых приятных воспоминаний. Таким, по моему мнению, и должен быть настоящий китайский мудрец-философ...

= Я занимаюсь кэндо =

В средней школе я был маленького роста и на занятиях по физкультуре всегда стоял в шеренге первым или вторым с конца. В то время для того, чтобы поступить в университет, нужно было проучиться четыре года в начальной школе и четыре года - в средней школе. Я уже проучился в средней школе два года, но за это время совершенно не подрос и оставался таким же маленьким и щуплым. К тому же тогда (как, впрочем, и сейчас) я не отличался отменным здоровьем - не то, чтобы часто болел, но просто по природе своей был каким-то хилым...

Как я уже говорил, в детстве мне не разрешали купаться или лазать по деревьям, да вообще многого не разрешали... А мне кажется, что для детей все это совершенно необходимо... И в школе на занятиях по физической подготовке я не мог выполнить даже самых простых упражнений и терпел неудачу за неудачей. А все это, думаю, потому, что в детстве мне не давали возможности заниматься спортом и подвижными играми...

Мои недостатки очень меня огорчали, и я решил их исправить. Поначалу мой выбор пал на борьбу дзюдо. В обязательную программу занятий в средней школе дзюдо не входило, но у нас были учителя дзюдо и кэндо [32], которые занимались этими видами спорта со всеми желающими. Однако занятия дзюдо вскоре пришлось прервать: после первых же борцовских

схваток мое тело превратилось в сплошной синяк, даже в туалет ходить было трудно - мешала мучительная боль... Потом я узнал, что так бывает со всеми новичками, но тогда подумал, что такой вид спорта вряд ли пойдет на пользу моему здоровью, и решил переключиться на кэндо.

Здесь я преуспел больше. Я и поныне продолжаю заниматься кэндо вплоть до того, что натираю мозоли на тыльной стороне правой ладони. Наставники говорят, что у меня и сейчас все неплохо получается.

А в те времена я даже выступал за нашу школу на разных соревнованиях. Кэндо в нашей школе тогда преподавал Кавасаки-сэнсэй, на занятиях которого всегда было очень интересно.

Не помню, в каком точно классе начались мои занятия фехтованием, но хорошо помню, что я продолжал регулярно заниматься вплоть до окончания средней школы. Позже, когда я поступил в университет Васэда и переехал в Токио, то, как я уже говорил, продолжал некоторое время заниматься кэндо в районном спортивном центре, который находился неподалеку от нашего общежития в районе Мэгадани. А потом я начал играть в теннис. На фоне тенниса кэндо, которым приходилось заниматься в полутемных залах, да еще в мокрых от пота доспехах, как-то быстро перестало мне нравиться, и я на некоторое время забросил занятия фехтованием. Да и вообще мне с тех пор больше нравятся занятия спортом на открытом воздухе.

В январе 1935 г. у озера Яманака неподалеку от горы Фудзи мы с моим сыном Кадзухико, который был тогда студентом факультета коммерции университета Васэда, впервые в жизни попробовали ходить на лыжах и быстро поняли, какое это интересное и увлекательное занятие. В январе следующего года я уже добирался на лыжах до Синкадзава в префектуре Нагано. Конечно, всю дорогу туда я только и делал, что падал, но зато... Зато и сейчас я не могу забыть то ощущение бодрости и свежести, когда вокруг тебя снега, а по лицу градом катит пот... А Кадзухико, с которым мы тогда ходили на лыжах, во время войны на Тихом океане был призван на службу в военно-морской флот, направлен на Юг и в звании лейтенанта интендантской службы погиб в боях за остров Кваджелейн [33]...

Начав заниматься кэндо, я заметно подрос, хоть и оставался довольно слабосильным. Но главное, что эти занятия позволили мне обрести уверенность в себе. А то, что мне в детстве запрещали плавать и лазать по деревьям - сказывается до сих пор; и на воде, и на

возвышенных местах я чувствую себя не очень уютно...

= Модные завязки у хаори =

Хочу рассказать о некоторых забавных вещах, которые были популярны в те времена, когда я учился в средней школе, то есть в 1899-1900 гг. Тогда, в частности, вошли в моду исключительно длинные завязки для хаори [34]. В школе мы должны были носить форму европейского типа, а дома обычно переодевались в японскую одежду, да и на улицу выходили в японском платье с хакама [35]. Обычно японские костюмы у нас шили из хлопчатобумажной ткани в горошек. Хаори, которые, естественно, носили только зимой, тоже были либо из ткани в горошек, либо черные, с пятью гербами [36].

И вот тогда к нам пришла (думаю, что из Токио) совершенно дурацкая мода на длиннейшие шнурки, которыми связывали полы хаори. Они были настолько длинны, что в свободном состоянии свешивались до нижней кромки одежды. А мы, школьники, связывали их концы между собой и полученную петлю надевали на шею - получалось довольно забавно... Все бы было хорошо, но распоясавшаяся мода продолжала диктовать нам свои условия дальше: для того, чтобы выглядеть стильно, нужно было носить еще более длинные завязки. Еще, еще длиннее!.. Были эти шнурки витые, из белых хлопковых нитей...

Когда и по какой причине схлынула мода на эти длиннющие шнурки - я, честно говоря, точно не помню. По крайней мере, когда я оканчивал среднюю школу в 1902 году, об этих шнурках уже точно не вспоминали... Во всяком случае, я о них скоро и думать забыл.

Но в период Сёва [37] об этих завязках почему-то вспомнили снова. Причем мне рассказывали про них самые разные люди, в том числе и те, от кого я меньше всего ожидал услышать такие воспоминания. Среди них был, например, господин Ногутти Ясуцуги, знаменитый в Осака коммерсант, ветеран текстильной биржи, вообще человек разносторонних интересов и, в частности, давний и постоянный поклонник «Тоё кэйдзай симпо». Во время войны торги на бирже на некоторое время были прекращены, но потом возобновились, и мы с ним как-то после долгого перерыва встретились в Осака. Так вот, господин Ногутти (правда, думаю, что до войны), тоже рассказывал мне про эти завязки:

- Все в мире движется, никогда не достигая конечной точки, но и никогда не останавливаясь...

- рассуждал Ногуту. - Говорят, что когда-то, давным-давно, была мода на такие длинные шнурки у хаори, что их даже на шее завязывали и так ходили. Не знаю, было такое или нет, но в наше время шнурки были, наоборот, очень короткими, да и делались из бумажного шпагата, поэтому их никогда туго не затягивали... Да, было и такое... Всякое было...

Слушая Ногуту, я вспомнил, что да, действительно, я тоже когда-то подвязывал хаори бумажной бечевкой, только было это, по-моему, еще до того, как в моду вошли длинные шнурки. Но как бы то ни было, я был просто восхищен тем, что господин Ногуту, этот деловой человек, закаленный в биржевых схватках, помнил и такие забавные вещи... Да, в общем-то, я и сами эти тесемки для хаори вспомнил тут только потому, что мне пришел на память разговор с господином Ногуту.

Интересно, что Ногуту тогда говорил только о длине самых шнурков для хаори. Но ведь и сами хаори тоже постоянно менялись: помню, сразу после Японо-китайской войны была мода на очень длинные накидки, которые тогда называли «школьными» (особенно часто так говорили женщины). А в период Токугава, хаори, может быть, были настолько коротки, что не прикрывали и поясицы... Не знаю, сколько раз за нашу историю одежда удлинялась и укорачивалась, но что человечеству нужна изменчивая мода - это совершенно точно. Меняться - это ведь так по-человечески...

= Кофу - город горячих источников =

Сейчас в Кофу имеется большое число гостиниц с горячими минеральными ваннами, а сам город фактически превратился в курорт, стоящий на горячих источниках. А когда я жил в Кофу, то горячие источники встречались только в соседних деревнях. Ими пользовались, в основном, для того, чтобы лечить кожные болезни. В черте города был только один, причем холодный источник, на котором стояла гостиница «Кайсу». И все - других ключей поблизости не было.

По какому-то странному стечению обстоятельств именно в период Тайсё в окрестностях Кофу было открыто множество очень горячих источников, и вскоре на месте этих самых окрестных деревень возникло большое число гостиниц. И с историей этого открытия связан еще один забавный случай.

Сейчас в Кофу, конечно, есть водопровод, но в мое время в нашей части города питьевой воды

не было. Причем если в районе Камибутю, находящемся к северу от замка, повсюду были во множестве вырыты относительно мелкие колодцы, которые давали хорошую воду, то к югу от замка, где, собственно, и находился центр города, колодцы только понапрасну рыли - питьевой воды они не давали, и потому все горожане покупали ее у торговцев.

Торговали водой следующим образом. В западной части города протекает река Аракава. На берегу этой реки были выкопаны два колодца, в которых и брали вкусную воду - скорее всего, она поступала туда из подземного русла той же Аракава. Там торговцы и запасались водой для продажи, заливая ее в большие бочки. Договорившись с покупателем о цене, торговец вынимал из дна бочки пробку, и вода с журчанием вытекала...

Проблему строительства в Кофу водопровода стали обсуждать примерно в то время, когда я окончил среднюю школу. Вскоре в город даже приехал для этих целей инженер из геологоразведочного управления Министерства по делам сельского хозяйства и торговли. Однако на строительство водопровода требовались деньги, а их в Кофу не было.

И в это время один священник (по-моему, француз), который прибыл в Кофу на католический собор, напечатал в местной газете письмо, в котором говорилось:

«Судя по рельефу местности, в префектуре Яманаси и в Кофу должны быть подземные воды. Поэтому представляется необходимым повсюду рыть глубокие колодцы, которые только и могут дать городу вкусную питьевую воду. Это намного выгоднее, чем вести откуда-то издалека водопровод!» - заключал автор.

В какой газете была напечатана эта заметка - не помню, но в Кофу тогда было всего три газеты. Кому-то из их бывших сотрудников, наверное, сейчас очень интересно читать эти строки...

Но тогда высказанное в заметке мнение никто не воспринял всерьез... В один из своих приездов в Токио я как-то поинтересовался у начальника геологоразведочного управления Министерства по делам сельского хозяйства и торговли (имени его, к сожалению, не помню, но помню, что он был родственником уже упоминавшегося господина Кагава Конан), что он думает по поводу этой заметки.

- А Вы считаете, что какой-то дилетант может разбираться в подземных водах? - с едва заметной усмешкой ответил мне вопросом на вопрос признанный эксперт...

А что было бы, если бы тогда мнение этого священника приняли во внимание? Что, если бы в Кофу повсюду начали копать глубокие колодцы? Водопроводов бы они, конечно, не заменили, но вместо пресной воды еще тогда было бы открыто большое число горячих минеральных источников, и город еще во времена Русско-японской войны превратился бы в большой и оживленный курорт со знаменитыми минеральными ваннами. А тот католический священник удостоился бы памятной стелы как основатель города-курорта...

= В английской школе «Сэйсоку» =

В марте 1902 г. я окончил среднюю школу и выехал в Токио для того, чтобы в июне или июле сдавать вступительные экзамены в высшую школу. Случай был тем более благоприятный, что моя мать в то время также переехала в Токио и жила в квартале Гёрандзака района Сиба.

В то время я мечтал после окончания высшей школы поступить в университет и выучиться на врача. Точнее говоря, тогда во мне боролись два начала: я хотел стать или врачом, или священником, ибо, как говорится, «каков в колыбельку, таков и в могилку» - пришедшее ко мне в младенчестве желание стать священником меня не оставляло. Однако при всем при том я не собирался вести жизнь обыкновенного монаха в заурядном монастыре. Нет, мои планы были более честолюбивыми - мне хотелось пойти по стопам доктора Кларка!

«Как замечательно было бы стать выдающимся педагогом, да еще и священником! - думал я. - Как было бы прекрасно, подобно отшельникам древности, сегодня врачевать плоть, а завтра исцелять души страждущих!»

Мое юношеское желание стать врачом, скорее всего, коренилось в моей природной склонности к медицине, которая сохранилась у меня до сего дня...

Но, понятное дело, врачом я так и не стал. Раньше мне казалось, что это не в последнюю очередь было связано с результатами вступительных экзаменов в высшую школу, которые, как известно, поставили барьер на пути моей энергии. Но сейчас мне представляется, что мне тогда помешали стать врачом, главным образом, мои самонадеянность и самодовольство...

В Токио я каждый день ходил из нашего дома в Гёрандзака в английскую школу «Сэйсоку», которая находилась в квартале Нисикитё района Канда. В этой школе работал очень известный тогда преподаватель английского языка господин Сайто Хидэсабуро - я еще в средней школе занимался по его учебникам грамматики и пособиям по написанию сочинений на английском языке. Здесь, в английской школе, и я начал подготовку к вступительным экзаменам.

Многое на новом месте казалось мне странным. Так, у нас в средней школе всегда были определенные кабинеты для тех или иных занятий, а в классе за каждым учеником было закреплено определенное место. В начале каждого урока учитель устраивал переключку, и каждый ученик, услышав свое имя, должен был встать и сказать «Я!». Словом, во всем был раз и навсегда установленный порядок.

Иное дело в английской школе «Сэйсоку»: все занимались в одном большом зале. Мало того, что ученики сидели где попало, но они могли входить в зал и выходить из него по ходу лекции! Никакой переключки тоже, естественно, не проводилось, а на занятиях популярных преподавателей иногда набивалось столько студентов, что мест на всех не хватало и многим приходилось стоять. Впрочем, были и такие учителя, на уроках у которых слушателей можно было пересчитать по пальцам. Бывало и так, что кто-то из студентов посередине лекции вдруг неожиданно вставал, собирал вещи и уходил.

«Ну и ну! И это называется школа!» - думал я. Для меня, деревенского парня, все в ней казалось диковинным и нелепым.

Не знаю, есть ли ныне подобные школы, но я и сейчас без радости вспоминаю то учебное заведение, в котором мне довелось готовиться к экзаменам...

В то время занятия в средних школах заканчивались в марте, а вступительные экзамены в высшую школу проводились в июне-июле, поэтому абитуриенты имели достаточно времени на подготовку. Однако немалое число кандидатов тратило на такую подготовку не месяцы, а один, а то и два года. Для них были созданы специальные подготовительные курсы и школы, которые в это время буквально процветали. Нормальные английские школы тоже принадлежали к этой системе и считались в ней одними из лучших.

Направляясь в английскую школу «Сэйсоку», я обычно шел от Сиба до района Канда пешком. Это тоже была одна из примет тогдашней столичной жизни. В 1900-х годах трамвая в Токио еще не было, а главным видом городского транспорта считалась конка, которая ходила от южного района Синагава через Симбаси и Гиндза до Асакуса. Потом по путям, проложенным для конки, пошли трамваи.

Табак тогда тоже продавали не в киосках, а в большом и знаменитом магазине «Ивая Тэнгу», который держала на Гиндза компания-производитель табачных изделий.

Что же касается платы за проезд на конке, то она - тоже примета того времени - зависела от расстояния и была достаточно высока, так что для учащихся каждый день приезжать в школу на конке было непозволительной роскошью. Тем не менее, иногда мне приходилось пользоваться конкой, и тогда я поступал следующим образом: от Гёрандзака доезжал до Исараго, там выходил и шел пешком до Нисики. Но вообще-то на конке я ездил редко, а обычно добирался до школы на своих двоих, проходя через парк Сиба и мимо парка Хибия. Последний, впрочем, тогда еще только создавался...

= Опыт работы школьным учителем =

Предполагалось, что я должен усердно готовиться к вступительным экзаменам. В действительности же я никакой особенной подготовкой себя не утруждал...

Сегодня в Японии предмет постоянных мучений для старшеклассников - вступительные экзамены в университет. В Японии же времен Мэйдзи и Тайсё самыми сложными были вступительные экзамены в высшие и технические школы. Один из моих друзей, Сэки Ёсабуро, тогда студент университета Васэда, преподавал английский язык в Токийской высшей промышленной школе (было это в период Тайсё). Так вот у них в ходу была такая шутка, что экзамены существуют не для того, чтобы абитуриенты поступали в учебные заведения, а для того, чтобы их на этих экзаменах заваливали. Проблема состояла в том, что многие преподаватели действительно стремились к этой цели - и довольно легко ее достигали. Средств для этого существовало великое множество: например, на экзамене по английскому языку оценивали вовсе не степень владения языком; главной задачей экзаменатора было вволю помучить абитуриента разными заковыристыми английскими словами и оборотами...

Для меня, человека по природе своей ленивого, готовиться к испытаниям такого рода было просто выше всех сил. Поэтому сдавать-то экзамены я пошел, но с треском на них провалился и снова возвратился в префектуру Яманаси...

По возвращении домой я решил махнуть рукой на всю эту высшую школу и честно рассказал о своем решении моему наставнику Мотидзуки.

- Да? - только и сказал он. - Ну, тогда позанимайся немного, а я помогу тебе поступить на работу в нормальную школу Яманаси (Яманаси фуцу гакко).

Мотидзуки тогда был как раз директором этой школы. Наверное, если бы он действительно хотел, чтобы я продолжил учебу, то не стал бы так беспечно предлагать мне пойти работать... А я тоже, не особенно задумываясь о будущем, решил, что так тому и быть...

Позднее, окончив университет Васэда, я получил лицензию на право работать преподавателем или воспитателем в средней и высшей школах, но правом этим почти не пользовался. Впрочем, и педагогом в своей жизни я тоже побывать успел, причем дважды: один раз, когда с января 1924 по февраль 1932 года раз в неделю читал лекции по экономике в Высшей промышленной школе Иокогама, а второй - в тот самый раз, когда служил ассистентом преподавателя в нормальной средней школе Яманаси.

Наверное, идти преподавать в среднюю школу сразу после того, как ты провалился на вступительных экзаменах в высшую - это было весьма смело, но, приступив к работе, я скоро понял, что она у меня получается, и получается, в общем-то, неплохо. Ученикам первого и второго классов я преподавал английский язык и природоведение. Кроме того, я иногда давал уроки истории в третьем или четвертом классах.

Когда я прочитал методическое пособие по природоведению, выпущенное Министерством просвещения, то понял, что там подробнейшим образом расписано все, что нам в свое время говорил на занятиях учитель. То есть он просто зачитывал нам то, что сейчас прочитал я! Это было для меня так странно и удивительно! С другой стороны, мне стало казаться, что стать учителем - это не так уж сложно...

Впрочем, были у меня и трудности. Классы в школе были смешанные, в них учились как

воспитанники одного из расположенных поблизости буддийских монастырей течения Нитирэн, так и дети из обычных семей, причем некоторые из учеников третьего и четвертого классов были по возрасту старше меня. И, как это водится во всех школах, они стали задавать новому учителю вопросы на засыпку: «Сэнсэй, вот карманные часы называются по-английски «watch», напольные - «clock», а как будет по-английски «будильник»?..

Но труднее всего мне давалось преподавание природоведения. Так, например, в методичке по этому предмету подробно рассказывалось про «хвоц полевой» и ни слова не говорилось о растении под названием «пупыш» [38]. Видимо, авторы учебника решили, что подрастающему поколению никаких объяснений в этом деле не потребуется. Но как только я на уроке начал что-то втолковывать про «хвоц полевой», кто-то из учеников тут же спросил: «А про пупыши нам расскажете?» Ничего удивительного - ученики каждый день видели эти растения в окрестных полях, срывали их для забавы именно как «пупыши» и понятия не имели ни о каком «хвоце полевым»...

Но, честно говоря, вопрос застал меня врасплох. Я растерялся. Но отступить было некуда, поэтому я взял себя в руки и спокойно сказал, что вот этого как раз и не знаю. Ученика это объяснение, похоже, вполне удовлетворило.

Я проработал в средней школе Яманаси всего около 10 месяцев, но у меня сохранились о ней самые светлые воспоминания. Эта работа принесла мне большую пользу.

= Я поступаю в университет Васэда =

Экзамены в высшую школу я так и не сдал. Постепенно мне совсем расхотелось продолжать учебу. «А, может, мне вообще остаться работать тут, в этой нормальной средней школе Яманаси? - размышлял я. - Сдать экзамен, получить сертификат на преподавание...»

В школе Яманаси работал один ее бывший выпускник по имени Маруяма Сигэёси. Он выучил английский язык, хорошо освоил математику и потому вернулся в родную школу преподавать. У Маруяма был большой опыт самообразования, который он предложил передать мне. Так или иначе, я умудрился как-то сдать экзамены в высшую школу, без чего нельзя было поступить в университет. А ведь до того я дважды проваливался на экзаменах в средней школе и дважды - при попытке сдать вступительные экзамены в высшую школу. Итого - четыре раза!

К счастью, в это время нашелся еще один человек, которого очень беспокоила моя беспечность. Это был ученик Мотидзуки, преподаватель Иикубо Гигаку, который позднее стал моим побратимом. Учитель Иикубо происходил из старинной семьи, которая жила в деревне Огасавара уезда Накатомима префектуры Яманаси. Иикубо имел исключительные способности и любовь к наукам - именно поэтому он попал в ученики к Мотидзуки.

Иикубо был старше меня на десять лет. Он окончил нормальную среднюю школу Яманаси, потом уехал в Токио, где учился в английской школе «Сэйсоку», а затем преподавал в средней школе «Кайсэй», открывшейся в токийском районе Канда. В последние годы своей жизни он стал настоятелем буддийского храма Мёдайзи, расположенного в местечке Оисо в префектуре Канагава. Несколько лет тому назад сэнсэй скончался...

Так вот, после того, как в 1903 году закончились вступительные экзамены в высшую школу, наставник Иикубо специально приехал в Кофу для того, чтобы позаниматься со мной перед вступительными экзаменами в университет Васэда. И за это я ему искренне благодарен по сей день.

А что было бы, если бы я тогда промешкал и остался бы работать в нормальной средней школе Яманаси? На следующий год началась Русско-японская война, так что, скорее всего меня бы призвали в армию и не исключено, что я бы погиб в боях где-нибудь под Порт-Артуром...

Но, к счастью, я тогда все же поступил в университет Васэда, и хотя по возрасту в 1904 году подлежал призыву в действующую армию, но как студент получил отсрочку - а там уже и война закончилась.

Вступительные испытания для поступления в университет Васэда предполагали знание материала в объеме двух классов высшей школы, но не были столь замысловатыми, как экзамены в средней школе. Вообще они не очень отличались от обычных школьных экзаменов, но я их, к счастью, выдержал.

Среди членов приемной комиссии университета Васэда был преподаватель по имени Абэ Исоо (хотя с ним, как, собственно, и с другими преподавателями, я познакомился уже после того, как поступил в университет). Помню, он постоянно писал на каких-то клочках вопросы по-

английски и требовал, чтобы мы письменно же и по-английски на них отвечали. А мы, новички, в то время могли их вернуть их преподавателю исключительно с ответами типа «yes» и «no», чем только добивались к себе пристального внимания нашего учителя...

Интересно, что среди тех, кто вместе со мной сдавал тогда вступительные экзамены в университет Васэда и выдержал их, был известный впоследствии драматург Икэда Дайго [39]...

ГЛАВА 2. СТУДЕНТ ЭПОХИ МЭЙДЗИ

= Университет Васэда в 1903 году =

Я поступил в университет Васэда в сентябре 1903 года, за год до начала Русско-японской войны. Говоря об учебном годе в тогдашней Японии, следует сказать, что в начальной и средней школах занятия начинались в апреле, а заканчивались - в марте следующего года. В учебных заведениях более высокого уровня начало учебного года приходилось на сентябрь, а конец - на июль следующего года. Таким образом, как я уже писал, если выпускник средней школы собирался продолжать образование в высшей школе, на подготовительном отделении университета или в училище, то он имел в своем распоряжении почти четыре месяца свободного времени, которое мог использовать для подготовки к вступительным экзаменам (они проходили в июле).

Университет Васэда, на который я нацелился, был образован в 1901 году из Токийского технического училища (токё сэммон гакко). Вместе с изменением названия на «университет» изменился и порядок работы его подготовительного отделения (в Васэда оно назывались Высшим подготовительным отделением). Теперь подготовительное отделение начинало работать в апреле, а заканчивало свою работу почти через полтора года, в июле следующего года, что совпадало по времени с выпускными экзаменами в средних школах и давало возможность их выпускникам сразу же поступать в университет.

Как я уже говорил, в то время в государственных высших школах учились три года, а между выпускными экзаменами в средней школе и вступительными экзаменами в университеты был почти полугодовой промежуток. Поэтому на практике, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, между выпуском из средней школы и выпуском из высшей школы (кото гакко) проходило три с половиной года.

В противоположность этому университет Васэда работал по новой учебной схеме, при которой выпускные экзамены в средней школе в точности стыковались с началом занятий на полуторагодичном подготовительном отделении, и, таким образом, полное время пребывания в собственно университете сокращалось до двух с половиной лет. Более того, тем, кто успешно сдавал в июле экзамены в университет Васэда, позволялось приступать к занятиям второго семестра подготовительного отделения (первый семестр начинался в апреле). Поэтому такие слушатели учились на подготовительном отделении только один год и сразу после этого зачислялись в университет.

Кстати сказать, именно в то время в стране разгорелась дискуссия о том, что в Японии между поступлением в начальную школу и окончанием университета проходит слишком много времени. А тогдашняя учебная программа университета Васэда и сегодня представляется мне весьма толковым начинанием...

Даже обновленная японская система образования, сформировавшаяся после [Русско-японской] войны, состояла из шестилетней начальной школы (сёгакко), трехлетней средней школы (тюгакко), трехлетней высшей школы (кото гакко) и четырехлетнего университета (дайгаку) - таким образом, полный курс обучения занимал 16 лет! А система, сложившаяся вокруг университета Васэда, предполагала шесть лет обучения в начальной школе, пять - в средней, полтора года - на подготовительном отделении университета и три года собственно в университете - всего 15 с половиной лет, что было на полгода меньше даже нового учебного плана. Оценивая эффективность системы Васэда с точки зрения моего практического опыта на сегодняшний день, могу сказать, что она давала весьма и весьма неплохое образование...

В июле 1903 г. после обучения на подготовительном отделении университета Васэда я сдал вступительные экзамены и в сентябре того же года был зачислен в университет.

В то время прошло всего два года после преобразования Васэда в университет, но по большому счету, своими масштабами он не очень сильно отличался от того учебного заведения, которое мы знаем теперь. Естественных и технических факультетов тогда, правда, еще не было (они появились только в 1909 году), но система гуманитарных факультетов уже действовала; в год моего поступления начались занятия и на факультете коммерции. Точно не знаю, но, думаю, что это было первый такой факультет, созданный в японском университете. Кроме обычных факультетов и подготовительного отделения в Васэда также действовали так называемый

специальный факультет и Высшие педагогические курсы.

А вот университетские здания тогда сильно отличались от сегодняшних: все они были деревянными, за исключением двухэтажного здания Большого аудиторного корпуса, сложенного из красного кирпича. Здание это, к сожалению, не сохранилось: оно был поврежден во время Токийского землетрясения 1923 года и затем снесено.

= Окрестности Васэда =

Как в то время выглядели окрестности университета Васэда? Прежде всего, нужно сказать, что вокруг него расцвел целый университетский городок: уже стояли вдоль улицы Цурумакитё лавки букинистов, молочников, других торговцев. Но слева от университета вдоль той же Цурумакитё пейзаж был иной, почти деревенский: там и сям виднелись рисовые поля. Только незадолго до моего поступления через рисовые чеки, тянувшиеся до самого Мэдзиродай, была проложена первая дорога. Кое-где виднелись новенькие, с иголки, здания дешевых пансионатов и гостиниц, но в целом район только складывался...

В старину окрестности Васэда славились своими плантациями имбиря. Однако и в 1900-х годах еще можно было увидеть следы этих некогда знаменитых плантаций: там, где сейчас делает поворот трамвай, идущий от Эдогавабаси к Васэда, в наше время стояла христианская церковь, а за ней действительно начинались поля, засаженные имбирем. Проезжая по этой дороге дальше в сторону Васэда, можно было попасть в район, который назывался Сэкигути Суйдотё. По правую руку здесь виднелось несколько деревянных мельниц, стоявших на реке Эдогава. А дальше до самой Цурумакитё дорога вилась через заливные и суходольные рисовые поля. Я знал эту дорогу очень хорошо, потому что через год после поступления в университет поселился в общежитии буддийской семинарии Мэйкоку Гакуэн, принадлежавшей к течению Нитирэн. Общежитие это находилось в квартале Мёгадани района Коисикава, поэтому мне каждый день приходилось добираться до университета через Хонго и Янака именно по этой дороге.

Во время Тихоокеанской войны вся полоса застройки от Кагурадзака до Васэда выгорела в результате бомбардировок, и тогда в этих местах, насколько мог видеть глаз, тянулись только пепелища да пожарища...

После войны территория, расположенная перед главными воротами университета, как и процветавший прежде район Цурумакитё, пришли в запустение, и признаков возрождения их не видно. Но зато неожиданно бурно стал развиваться район, примыкающий к улице Тоцука, которая связывает задний двор университета Васэда со станцией Такаданобаба. Здесь всегда оживленно, повсюду снуют группы студентов - как видно, именно этот район станет теперь центром студенческой жизни. Словом, по сравнению с тем временем, когда я учился в университете Васэда, все выглядит совершенно иначе. Да, наступила совершенно другая эпоха!

А связаны эти изменения, как мне представляется, в основном, с развитием транспорта. Когда я учился в Васэда, мимо него еще не ходили электрички государственных железных дорог, а на месте нынешней станции Такаданобаба тянулись сплошные рисовые поля. Тогда даже трамвайные пути - и те только начинали прокладывать, причем в центральных районах города. До Эдогавабаси трамвайную ветку довели, по-моему, только в тот год, когда я оканчивал университет, если не позднее. Еще позже пошел трамвай от Эдогавабаси до Васэда. А о таком виде транспорта, как автобус, тогда никто и слыхом не слыхивал...

Говоря о другом транспорте, ходившем в окрестностях Васэда, нужно назвать паровичок, курсировавший между Иидабаси и Хатиодзи по частной железнодорожной линии Кобу (теперь это Центральная линия Тюосэн). Между Иидабаси и Мансэйбаси действовала также речная переправа, которую обслуживали так называемые «скоростные суда» (в действительности небольшие лодки с гребцами). А в районы, лежащие к западу от Сотобори, вообще можно было добраться только на рикше - никакой другой транспорт туда не ходил.

По этой причине большинство студентов университета жили в дешевых пансионах или снимали недорогие комнаты неподалеку от университета. Но и те, кто жил далеко, все равно были вынуждены добираться до университета на своих двоих. Собственно говоря, так были вынуждены поступать не только студенты: в то время пешком ходили все, ибо даже велосипедисты были в Токио большой редкостью, и для того, чтобы попасть в университет, многие тогда ежедневно преодолевали пешком невероятно большие по нынешним меркам расстояния...

А мне, как я уже говорил, приходилось добираться до Васэда аж из квартала Нисиката района Хонго или от храма Тэннодзи в районе Янака, где я одно время жил... И в этом далеком Янака

я не только снимал комнату и сам готовил себе еду, но и каждый день ходил оттуда в университет! Нет, сейчас все это мне представляется совершенно невероятным...

Как-то, помню, я разговорился с одним знакомым владельцем большой оптовой лавки в районе Нихомбаси о том, насколько престижно сейчас иметь велосипед.

- Да что говорить! - пустился в воспоминания торговец. - Сейчас (то есть в 1918-1919 гг.) на них ездят даже мальчишки из лавок, а хозяева их распекают за то, что те еле шевелятся вместо того, чтобы сесть на велосипед и быстро сгонять куда-нибудь по делу... А вот в годы Мэйдзи - не-е-т, тогда велосипед был только у хозяина лавки, а когда однажды на нем уехал кто-то из мальчишек-посыльных, то это посчитали возмутительным, и виновник получил хоро-о-о-шую взбучку... А хозяин после этого решил отвадить ребят от велосипеда. По возвращении домой он тщательно протирал машину от грязи и пыли и подвешивал ее под потолком в коридоре своей квартиры...

Действительно, насколько я помню, только к 1907 году, когда я оканчивал университет Васэда, число велосипедистов на улицах заметно возросло, и немалое число студентов также начало пользоваться этим видом транспорта.

= Студенческая жизнь в наше время =

Пользуясь случаем, хочу немного рассказать о том, как жили в то время токийские студенты. Прежде всего, нужно сказать, что одежду мы тогда носили японскую, чаще всего - хакама. Конечно, в каждом университете уже тогда была своя форма европейского типа - обычно китель с металлическими пуговицами, но - по крайней мере, в университете Васэда - мало кто из студентов все время ходил в этой форме.

В районе Хонго, в нынешнем Токийском, а тогда - Императорском университете ежегодно проходила выпускная церемония, на которой присутствовал император. Студенты должны были приветствовать Его Величество при прибытии и участвовать в церемонии проводов императора. В таких случаях, естественно, им полагалось быть при полной парадной форме. Но поскольку даже в Императорском университете мало у кого была летняя форма (а выпускные церемонии во всех высших школах и университетах проходили в июле), то большинство студентов приходило на эту церемонию в форме зимней. В студенческой среде

возникло даже выражение «Верноподданнически поджариться». А ведь в целом слушатели императорского университета были в то время намного богаче, чем студенты Васэда или прочих вузов. Что уж говорить о форме в других университетах!

Я также ходил в то время в зимней форме, которую мне сшили еще на выпускной вечер в средней школе, то есть летней формы у меня тоже не было... А когда в 1907 году настало время оканчивать университет и получать диплом гуманитарного факультета, нам вдруг запретили появляться на торжественной церемонии в хакама или легких кимоно. Пришлось мне позаимствовать у кого-то китель от летней формы. В нем я и пришел на церемонию, которая, как водится, проходила под палящим солнцем. Интересно, что рубашки к кителью мне раздобыть не удалось, поэтому пришлось надеть его на голое тело. В этом же одеянии я пошел и на праздничную вечеринку, которая проходила в районе Кагурадзака и, помню, очень смутился, когда гейша предложила мне по случаю жары китель снять...

Тогда же мы, выпускники гуманитарного факультета, решили сфотографироваться на память об окончании университета, и заказали снимки в знаменитом в те времена фотоателье «Огава Иссин». Фотографировались мы по отдельности, и каждый, естественно, старался вырядиться как только мог, чтобы предстать перед камерой в наилучшем виде.

Так вот, когда мы рассмотрели фотографии, то оказалось, что из 137 студентов всего лишь 33 человека запечатлены в форме, а остальные - в повседневной японской одежде. На сделанной для того же выпускного альбома общей фотографии под названием «На лекции доктора Цубоути» тоже от силы 2-3 человека одеты по-европейски, а все остальные - в японском платье. Причем наша японская одежда была далеко не та, которую можно было встретить, скажем, в районе Мита у студентов университета Кэйю. Те-то франтили: носили хаори из шелкового крепа и бамбуковые сандалии дзори. У нас же, в районе Васэда, таких франтов не было; студенческий народ ходил либо в застиранных костюмах из хлопчатобумажной ткани в белый горошек, либо в старых хлопковых хаори с гербами.

К тем костюмам, в которых мы каждый день приходили в университет, многие надевали хакама и почти все - исключительно популярные тогда у студентов деревянные сандалии итадзори. И только фуражки обычно носили форменные, европейские.

На нынешних студентах итадзори уже не увидишь - а ведь это была весьма удобная обувь:

сверху они выглядели, как обычные дзори, а снизу вместо кожаной подошвы крепилось несколько деревянных планок шириной в один сун и толщиной в 5-6 бу [40] (точный размер подгоняли по ноге). В итадзори, как и в другой легкой обуви, можно было сидеть в аудитории. А вот для дождя или снега они не годились...

В то время в Токио даже центральные улицы не имели мостовых, а уж в таких предместьях, как наш Васэда, дороги в дождь становились совершенно непролазными. При всем желании не то, что в итадзори, но и в сапогах нельзя было пройти, не измазавшись по уши в грязи... Так что в дождь или снег мы носили деревянные сандалии на очень высоких подставках - так называемые такаасида. Но эта обувь была очень неудобной: кожаные ремешки сандалий часто обрывались, высокие деревянные подставки обламывались. А если добавить, что зонтики тогда были невероятно тяжелы (раскладные европейские зонтики - их еще называли «летучие мыши» - были очень дороги, и мы в большинстве своем пользовались японскими зонтиками из промасленной бумаги), то легко понять, что ходить по улицам в дождь было одно мученье... К тому же нам запрещали входить в аудитории в испачканных грязью такаасида - их, как и зонтики, нужно было оставлять в специальном помещении рядом с лекционным залом. Но, к несчастью, в университете не было гардеробщиков, которые могли бы принять обувь на хранение: каждый студент ставил свою пару куда и как хотел. Оставленная без присмотра обувь, в конце концов, обязательно пропадала, поэтому в университет носили самые стоптанные и изношенные башмаки, да и те старались распаровать и засунуть по отдельности в самые укромные уголки. Но все эти ухищрения не помогали: обувь все равно воровали.

Помню, тогда меня начал буквально преследовать страх потерять обувь. Дело дошло до того, что по ночам мне стали сниться кошмары, содержание которых было всегда одинаково: «Нужно возвращаться домой, а обуви-то и нет! Что делать? Идти-то все равно надо!»

Естественно, в таких условиях и зонтики в гардеробе тоже оставлять было нельзя, и мы старались всеми правдами и неправдами протащить их с собой в аудиторию...

Теперь - о фуражках. Когда я поступил в университет, в Васэда только что ввели форменные головные уборы. Это были академические шапочки, точь-в-точь такие, как в американских университетах: круглый околыш, над ним - квадратный верх, с одного из углов которого свисает кисточка. Украшали шапочки вышитые золотом эмблемы университета. Такие головные уборы прекрасно подходили к мантиям, с которыми их и полагалось носить, но с форменными кителями или с синим кимоно в белый горошек они, конечно, смотрелись очень

и очень странно. Мало того - эти шапочки, как и все тогдашние шелковые шляпы и цилиндры, имели внутри твердую вставку, на которую ни в коем случае нельзя было нажимать - иначе головной убор безнадежно портился. Иными словами, шапочки эти требовали самого бережного ухода, да к тому же были гораздо дороже тех студенческих фуражек, которые мы обычно носили. Поэтому даже самые щеголеватые студенты форменные шапочки недолюбливали и вместо них носили обычные фетровые шляпы...

Тут хочу вспомнить еще о некоторых мероприятиях, которые проводили в этой области наши университетские власти. В 1904 году, когда я окончил высшую школу, в Васэда были отменены все существовавшие прежде головные уборы и введены форменные квадратные фуражки, которые в университете носят до сих пор. Правда, если мне не изменяет память, герб университета тогда был немного другой и представлял собой колосья риса, изгибающиеся кверху...

Почему форменный головной убор представляет собой фуражку с квадратным верхом - я, честно говоря, не знаю, но знаю, что и в Императорском университете издавна носят такие же квадратные фуражки. Как они возникли? По-видимому, кто-то позаимствовал форму фуражек в каком-то иностранном университете и сделал на ее основе что-то свое, японское... Мне, по крайней мере, кажется, что такую форменную фуражку можно встретить только в Японии...

Почему в Васэда безо всяких изменений позаимствовали форму головного убора Императорского университета - сейчас не столь важно. Мне интересно другое: почему в японских университетах поначалу просто копировали форму головных уборов, а потом вдруг почему-то решили ее изменить? Как возникла форменная фуражка Императорского университета? Не знаю, кто ее придумал, но, наверное, было это нелегко и потребовало немало сил... А дальше почему-то во всех новых частных университетах начали носить эти квадратные фуражки; никаких новых идей в этой области не появилось. Все, с очевидностью, просто скопировали форму головных уборов, принятую в Императорском университете... Наверное, если бы там поторопились, то могли бы запатентовать эту форму фуражки, и сейчас можно было бы подавать иски о нарушении авторских прав...

= Чернильницы и керосиновые лампы =

Вспоминая студенческую жизнь в период Мэйдзи, я часто представляю себе картину переезда

на новую картину. Ясно вижу фигуру студента в дешевом синем кимоно и хаори, в поношенных хакама и стоптанных деревянных сандалиях. Он сложил на тележку или в коляску рикши свои постельные принадлежности и другой немудрящий скарб и шагает рядом с возчиком, держа в руках керосиновую лампу... В студенческие годы я сам несколько раз переезжал так с места на место: с квартиры в общежитие, из общежития - в пансион...

Прямо сейчас мне вспомнилась еще одна характерная черта облика тогдашнего студента: тогда у каждого пришедшего на занятия обязательно болталась на поясе переносная чернильница - авторучек-то еще не было. Нет, наверное, импортные авторучки где-то водились, но мы, студенты, и не подозревали об их существовании, а если кто и знал, то все равно купить не мог по причине дороговизны... Словом, обычные студенты авторучками тогда не пользовались. Да что - студенты? Однажды, помню, уже в 1909-1910 годах, а, может, и немного позже, в период Тайсё, знаменитый тогда литератор Тикамацу Сюко [41] написал в газете «Иомиури» о том, как ему хочется иметь авторучку. А прочитавший эту заметку советник компании «Марудзэн» господин Утида Роан [42] (тоже литератор) взял да и подарил ему свое «вечное перо»! Эту историю потом еще долго обсуждали в обществе...

Сюко жил в бедности и постоянно нуждался. Помню, уже в бытность мою редактором журнала «Тоё кэйдзай симпо» я несколько раз выдавал ему авансы под будущие статьи. Причем часто не получал взамен ни строчки...

Словом, уже по этому эпизоду можно себе представить, что авторучка в те времена была очень и очень престижной и дорогой вещью. Только в 1918-1919 годах, когда в Японии наладили собственное производство авторучек, они стали доступны каждому. Я свою первую авторучку приобрел 25 июля 1918 года - это была ручка марки «Орион», купленная в магазине «Марудзэн» по цене 6 иен 50 сэн [43]...

Короче говоря, в мои студенческие годы наряду с тетрадками на занятия нужно было обязательно приносить чернильницы и перьевые ручки - без них мы в аудиториях не появлялись. Поэтому у всех студентов, направлявшихся на занятия, болтались на поясе чернильницы. Нынешним молодым людям, наверное, это и представить-то трудно...

Точно так же нашему современнику, наверное, невозможно понять, зачем это при переездах нужно было нести в руках керосиновую лампу. Я тоже сейчас уже не упомяну во всех

подробностях, в чем именно состояли трудности ухода за лампой и что именно нужно было ежедневно проделывать с этим огнеопасным предметом. Помню только, что ребенком мне приходилось каждый день чистить такие лампы в храме Дзёндзи, и за разбитые ламповые стекла меня очень бранили... А при переезде лампу нужно было нести в руках потому, что стекло у нее было очень хрупкое, а керосин мог пролиться...

Электрическое освещение начало бурно распространяться в Японии только в начале XX века. По статистике, уже к концу 1903 года в стране было более 365 тысяч электрических осветительных приборов. Так-то это так, но когда я в 1913 году впервые в жизни решил снять дом, то в этом доме - а был он новостройкой квартала Хара в токийском районе Усигомэ - электрического освещения не оказалось. Так что и в 1913 году, в конце которого общее число лампочек в стране достигло уже 6 миллионов, все еще строили дома без электричества, что было не только крайне удивительно, но и очень неудобно... Вместо электричества в моем доме под потолком горел газовый фонарь. Для того чтобы его зажечь, нужно было поднести огонь к калильной решетке - тогда газ вспыхивал и заливал комнату мертвенно-бледным светом... Домов с газовым освещением было в те годы немало, и потому калильные решетки для газовых фонарей продавались во всех мелочных лавках...

Вообще производство каменноугольного газа началось в Японии еще в 1873-1874 годах в Токио и Иокогама, и весь он шел исключительно на освещение. Еще до Русско-японской войны в центре Токио установили уличные фонари с газовыми и керосиновыми лампами. По вечерам их зажигали фонарщики, обходившие центральные кварталы города с длинными шестами наперевес. Конец эры газовых фонарей наступил примерно в 1913 году. После этого как-то вдруг для токийского пейзажа стали типичны не газовые, а электрические фонари. Но, согласно той же статистике, больше всего газовых осветительных приборов было в стране в конце марта 1914 года - 1833600 единиц. Сколько было уличных фонарей до 1910 года - неизвестно, но в том году их насчитывалось 4463 штуки - намного меньше, чем мне тогда казалось...

= «Записки Товарищества сокурсников» =

10 марта 1945 года во время воздушного налета сгорел мой токийский дом, который находился неподалеку от парка Сиба. Вместе с домом погибли все мои книги и дневниковые записи. Но наш старый дом в Камакура, где хранились по большей части ненужные вещи, во время войны

уцелел. Там я и обнаружил как-то тетрадь под названием «Записки Товарищества третьекурсников философского отделения гуманитарного факультета университета Васэда за июль 39-го года Мэйдзи [1906 г.]». Как я уже рассказывал, в июле 1907 года я закончил отделение философии гуманитарного факультета университета Васэда, так что записи эти были сделаны в последний год существования нашего Товарищества.

После каждого заседания нашего кружка составлялся финансовый отчет, который передавался председательствующему на следующем заседании. Благодаря этой практике мы сегодня имеем возможность узнать, как жили японские студенты 50 лет тому назад...

Первый раз наше Товарищество собралось 17 ноября 1906 года, после чего до конца июня следующего года мы успели провести шесть регулярных собраний, одно специальное заседание, посвященное церемонии окончания университета, одно заключительное чаепитие и три заседания студенческого научного кружка - итого 11 встреч. Протокол первого из этих собраний выглядел так:

«Протокол № 1

Клуб «Асахи»

17 ноября 1906 г., 2 часа пополудни

Организационные расходы на проведение заседания - 25 сэн.

В собрании принимает участие лектор Канэко-сэнсэй.

Получено: 7 иен 75 сэн.

Израсходовано:

Суси: 12 сэн х 33 чел. = 3 иены 96 сэн.

Примечание: дополнительно за доставку: 7 сэн.

Аренда помещения (16 татами [44]): 80 сэн.

Освещение, уголь: 27 сэн.

Хурма: 60 сэн.

Сладости (по 5 сэн на чел.) 1 иена 65 сэн.

Девушке на раздаче: 30 сэн.

Данная тетрадь для записей: 3 сэна.

Итого:

7 иен 68 сэн.

Остаток в 7 сэн передан ответственным Кумаки господину Осуги - ответственному на следующий период деятельности Товарищества».

Клуб «Асахи» - это один из нескольких залов, которые можно было тогда снять для собраний в районе университета Васэда. Как видно из сметы, обходилось это в 5 сэн за татами. Если собравшиеся пользовались жаровней для отопления зала, то с них дополнительно взималась плата за уголь, а если собрания проходили вечером - то и за освещение (как видно из протоколов второго и последующих собраний Товарищества, для освещения использовались, главным образом, керосиновые лампы). По желанию в клубе также можно было заказать еду и напитки. Одним словом, это было чрезвычайно удобное место для проведения всякого рода собраний.

В районе Яраи (где точно - сейчас не упомяну) было и еще одно, чуть более дорогое место для собраний - так называемый Клуб «Яраи», в котором иногда проходили заседания руководства университета Васэда. А чуть дальше, в районе Эдогавабаси, находился зал под названием «Сэйфутэй» - «Павильон Свежего Ветра». Именно на сцене этого клуба давал свои первые спектакли театр «Гэйдзюцудза», основанный Симамура Хогэцу и Мацуи Сумако после их разрыва с доктором Цубоути. Здесь с успехом шла знаменитая «Катюша» и другие пьесы [45]. Но наибольшей популярностью у студентов пользовался все-таки Клуб «Асахи» - это был очень удобный и сравнительно недорогой зал. Там проходили и все регулярные собрания нашего Товарищества. Упомянутый в протоколе «лектор Канэко-сэнсэй» - это тогдашний заведующий учебной частью гуманитарного факультета, лектор отделений философии и психологии Канэко Умадзи. Он пользовался особенно большой популярностью у студентов отделения философии (в то время в университете Васэда все преподаватели числились именно лекторами, званий доцентов и ассистентов еще не было). Кроме Канэко, в наших собраниях участвовали также Танака Одо, Хигути Кандзио и другие лекторы.

= Студенческие подработки в период Мэйдзи =

Насколько сильно нынешние [1950 г.] цены отличаются от тех, которые были в 1906 году? Точные пропорции мне назвать трудно, но если исходить из изменения индексов цен, то можно

считать, что цены на товары сейчас примерно в 60 раз выше тех, которые были в 1906 году. А если дело обстоит так, то 25 сэн, потраченные тогда на проведение заседания нашего студенческого кружка, соответствуют нынешним 150 иенам, порция суси вместо тогдашних 12 сэн стоила бы сегодня 72 иены, а расходы на сладости составили бы 30 иен на человека.

В те годы, когда я учился в университете Васэда, студенты в основном тратили деньги на учебники. Если пока оставить в стороне расходы на покупку одежды, то в те времена в Токио студенту можно было вести вполне безбедную жизнь на 20 иен в месяц. Этих денег с избытком хватало на то, чтобы платить за квартиру и стол, покупать кое-какие книги, да еще и наведываться в мясную лавку. В нынешних деньгах это составляло бы примерно 12000 иен в месяц. Но при этом следует сказать, что даже среди тех, кто приехал в Токио работать после окончания школы, 20 иен в месяц не получал никто.

Вообще если в те времена студент получал из дома по 20 иен в месяц, то он считался зажиточным. Конечно, были среди студентов и такие богачи, которые совершенно свободно несли немалые расходы на обучение, но подавляющее большинство студентов все же было вынуждено жить на суммы, гораздо меньшие этих 20 иен. А ведь были и такие, кто либо вообще не получал денег из дома, либо получал, но совершенно мизерные суммы. Так что среди нас было большое число в буквальном смысле слова «бедных студентов».

А теперь - собственно о подработках. Самым приятным и любимым было у нас домашнее репетиторство; именно с его помощью надеялось заработать себе на жизнь подавляющее большинство «бедных студентов». Но по-настоящему хорошие репетиторы среди студентов встречались редко. Легко и просто можно было получить работу разносчика молока или газет, но давала она всего каких-то 3-5 иен в месяц. Можно было внести залог и взять на постоялом дворе тележку рикши, тем более что по вечерам в районе Канда бродило немалое число студентов, но работа рикши была тяжелой и весьма малоприбыльной. Рассказывали, что студенты подрабатывали и разными другими способами: гадали на бамбуковых палочках по китайской «Книге перемен», делали бумажные фонарики, подрабатывали у гадалщиков на въезде на мост Рёгоку и т.п. Иными словами, при определенных способностях и сообразительности некий приработок можно было получить всегда.

Я тоже сначала получал меньше 20 иен в месяц и очень нуждался, но потом мои заработки стали понемногу расти. При всем при том, однако, не беру на себя смелость утверждать, что

я был «бедным студентом». То ли из-за того, что я сам готовил себе еду, то ли еще по какой причине, но мне всегда как-то удавалось сводить концы с концами. С подобными же трудностями я столкнулся и в начале служебной карьеры, но их, наверное, не удастся избежать никому...

= Доклады студенческого научного кружка =

Я совершенно забыл о том, что у нас в Товариществе проходили собрания студенческого научного кружка, и только читая уже упоминавшийся «Журнал Товарищества» наткнулся на упоминание об этих собраниях, (они там назывались «семинарами»), вспомнил о них, и совсем удивился, когда увидел протоколы этих встреч. К сожалению, никаких записей о первом заседании научного кружка не осталось. Второе же заседание, судя по журналу, состоялось 26 января 1907 года и закончилось в 15:55. На заседании, которое вел лектор Канэко Умадзи, студент Касима Масудзо (позднее он стал известным каллиграфом) сделал сообщение о результатах своих исследований «по вопросу о дуализме души и тела». В «Журнале Товарищества» имеется пометка «продолжение», так что Касима, по-видимому, начал свое сообщение еще на прошлом семинаре. О чем было это сообщение - я признаться, совершенно запамятовал (хотя я был на этом семинаре и упомянут в списке присутствовавших)...

Третье заседание кружка открылось в 14:00 23 февраля 1907 года в аудитории «В» в присутствии лектора Хатано Сэйити. К моему несказанному удивлению, обнаружилось, что докладчиком на том заседании был ни кто иной, как я сам, выступивший с сообщением на тему: «Сравнительный анализ мировоззрений стоиков и эпикурейцев» [46]. О чем я тогда говорил? Сейчас не могу вспомнить из своего доклада ни слова. Но запись в журнале ясно свидетельствует, что «Коллега Исибаси степенно поднялся на трибуну и, громко откашлявшись, рассказал об общественных условиях того времени, которые вызвали к жизни новые научные школы и о причинах, по которым эти научные школы со всей неизбежностью должны были возникнуть. Затем, перейдя к систематической классификации этих течений, он разъяснил их философские, психологические, этические и другие особенности. В заключение докладчик отметил, что как последователи космополитичного учения Стои, так и адепты эпикурейства, ставившие во главу угла индивидуализм, отличались фатализмом. После этого участники перешли к ответам на вопросы, а в конце собрания лектор Хатано подробно проанализировал сделанные доклады».

Сейчас у меня нет материалов, по которым можно было бы судить, толковые вещи я тогда говорил или нет. Но, как бы то ни было, даже эти записи в журнале ясно говорят о том, что мы, студенты, уже тогда кое-что знали о таких высоких материях и занимались исследовательской работой...

= Преподаватели университета Васэда =

Когда я начинаю вспоминать своих университетских преподавателей, то мне, прежде всего, приходят в голову имена Таката Санаэ, Аmano Тамэюки и Цубоути Юдзо (Сёё) - их тогда еще называли «три знаменитых доктора из Васэда».

Таката, который впоследствии занял пост декана (поста ректора в Васэда тогда еще не было) и не только по форме, но и по существу возглавил Васэда, в мое время был инспектором нашего училища (будущего университета). А директором училища был не кто иной, как Хатояма Кадзуо, отец известного ныне политика Хатояма Итиро [47]. Таката стал деканом весной 1907 года, а вскоре после этого в Васэда был учрежден пост ректора, который занял Окума Сигэнобу [48].

С очевидностью, обязанности Хатояма Кадзуо как директора школы вряд ли простирались тогда за пределы чисто представительских функций. Реальная власть в это время находилась в руках доктора Таката. Таката в те годы еще читал лекционные курсы. Обучаясь на подготовительном отделении, я тоже (правда, недолго) слушал его лекции по конституционному праву. Хатояма тоже, наверное, в это время читал какие-то курсы, но поскольку он не работал на нашем гуманитарном факультете, то мне у него учиться не довелось. Впервые я увидел Хатояма Кадзуо осенью 1906 года, когда к нам приехал Почетный профессор Йельского университета, знаменитый тогда философ доктор Рад.

Рад выступал с лекцией в том самом Большом аудиторном корпусе, о котором я уже писал, а Хатояма как директор училища его приветствовал. Помню, что Хатояма пришел на встречу в профессорской мантии (Йельского университета или какого другого - не знаю) и произносил свою речь на английском. Затем началась говорить доктор Рад, но во время его выступления все уже откровенно зевали. Было видно, что собравшиеся либо слабо понимали, о чем идет речь, либо вообще ничего не понимали.

С доктором Аmano я близко познакомился позже, во время работы в «Тоё кэйдай симпо»; в студенческие годы я с ним не встречался. Только однажды, когда на площадке перед университетом происходило какое-то собрание, я увидел стоявшего на трибуне незнакомого мне преподавателя и решил, что это и есть доктор Аmano...

Доктор Цубоути преподавал нам перевод с английского языка. В университете он был также знаменит своими лекциями о Шекспире. Мы, студенты философского отделения, тоже, конечно, имели право их посещать, но я по лености своей никогда на них не ходил.

Напомню, что тогда на гуманитарном факультете университета Васэда было два отделения: философское и отделение английского языка и литературы, причем часто для нас всех устраивали общие, потоковые лекции. Кроме того, среди преподавателей гуманитарного факультета тогда было много совместителей, которые одновременно работали в других учебных заведениях (хотя, например, на подготовительном отделении такого не было). Короче говоря, с одной стороны, у нас постоянно не хватало аудиторий, с другой - в расписании занятий, словно дырки от вырванных зубов, зияли многочисленные «окна». Нередко бывало так, что, прослушав одну лекцию, студенты должны были два или три часа слоняться в ожидании следующей. Этим, как мне кажется, и объяснялась популярность лекций Цубоути. Впрочем, сейчас я жалею о том, что не ходил тогда на эти лекции. В те времена в оправдание собственной лености я говорил себе, что они не связаны с моей специальностью, и потому нет смысла слушать лекции о каком-то там театре, что если возникнет в том необходимость, то я и сам смогу прочитать ту или иную книгу... Но должен сказать, что и доныне времени на то, чтобы прочитать Шекспира, у меня так и не нашлось...

Я уже упоминал о том, что после землетрясения 1923 года мне довелось некоторое время поработать в Высшем техническом училище Июкогамы, где я читал лекции по экономике. Вот тогда я вспомнил эту историю и рассказал о ней своим студентам. «В той области, которая является Вашей специальностью, у Вас еще будет возможность совершенствоваться, - говорил им я. - Вы просто не сможете этого не делать. Но, поверьте, Вам может не представиться случая узнать что-то новое вне этой области. Пользуйтесь открывающимися в школе возможностями для того, чтобы создать себе задел на будущее». Иными словами, я хотел самым искренним образом помочь студентам советами, основанными на собственном горьком опыте, но... Но все равно среди них находились такие, кто говорил, что они начнут заниматься всякой там экономикой только если у них возникнет в этом необходимость...

Вслед за «тремя докторами из Васэда» не могу не назвать еще некоторых из университетских патриархов, прежде всего, Укида Кадзутами и Абэ Исоо [49]. Во время моей учебы на Высших подготовительных курсах Абэ был у нас деканом, а впоследствии стал заместителем директора этих курсов. Он вел у нас семинары по английскому языку. Занимались мы по знаменитому в то время пособию «Self Help» и столь же известной книге под названием «Character». С профессором же Укида я познакомился уже после окончания университета, а в самом Васэда даже не разу его не видел. Точно так же во время учебы мне не довелось непосредственно общаться ни с господином Танака Ходзуми, сменившем профессора Таката на посту ректора, ни с будущим известным экономистом Сиодзава Масасада, ни с другими преподавателями, которых я знал тогда только по именам. Непосредственно я общался только с лекторами гуманитарного факультета: Канэко Умадзи, Симамура Рютаро (Хогэцу), Фудзии Кэндзиро [50], Хатано Сэйити [51], Утигасаки Сакусабуро. Все они постоянно работали в Васэда.

А среди совместителей, которые служили в других учебных заведениях, но читали лекции и в Васэда, следует назвать таких преподавателей, как Мацумото Бундзабуро, Ёсида Кэнрю, Мураками Сэнсэй, Анэсаки Масахару [52], Ивая Садзанами [53], Осэ Дзинтаро, Хигути Кандзиро, Танака Киити и другие.

= Кэмуяма Сэнтаро и Канэко Умадзи =

Как-то в один из апрельских дней нынешнего, 1951 года, с самого утра зарядил мелкий морозящий дождь. Я вышел на прогулку со своей собакой - щенком породы Акита, которого я получил в подарок в январе. На пути к Хигаси Нагасаки (это в районе Тосима) я вдруг неожиданно увидел своего бывшего преподавателя Кэмуяма Сэнтаро. Сейчас ему, думаю, уже далеко за 70, если не больше, но выглядит он очень бодро. Сэнсэй, наверное, спешил на какие-нибудь занятия - по крайней мере, он, как всегда, шествовал с белой парусиновой сумкой через плечо. Стоя под дождем, мы снова и снова обменивались приветствиями и кланялись друг другу...

По пути домой я долго размышлял о судьбе моих стареньких учителей. Мне довелось учиться у многих преподавателей, но сейчас уже мало кто из них пребывает в добром здравии...

Самый старший из моих учителей - это доктор Сидэхара, который, как я уже писал,

директорствовал в нашей средней школе в то время, когда я в ней учился. Кроме Сидэхара-сэнсэй, из моих школьных учителей ныне здоровствует, наверное, только Кэмуяма-сэнсэй; всех остальных преподавателей, у которых я учился в школе и в университете Васэда, скорее всего, уже нет в живых. Да что говорить, если мне уже к 70-ти! Ничего с этим не поделаешь...

На Высших подготовительных курсах Кэмуяма-сэнсэй читал нам в течение года лекции по истории Запада. Надо сказать, что сэнсэй был совершенно одержим своим предметом, не вылезал из библиотек и архивов, где внимательно изучал различные документы. Он запомнился мне вечно спешащим по улице Цурумакитё. Сэнсэй всегда носил один и тот же костюм, из жилетного кармана которого постоянно вываливались часы - наверное, он часто заходил к часовщику...

Честно говоря, я не очень часто встречался с Кэмуяма непосредственно в университетских аудиториях, но, как это ни странно, он всегда производил на меня очень сильное впечатление и вызывал самые теплые чувства. А впоследствии, когда сэнсэй очень помог моему товарищу Сэки Ёсабуро, я стал испытывать к нему самую искреннюю признательность (хотя непосредственно меня эта история не коснулась)... В 1948-1949 годах у нас в Цуругадои в районе Канда по инициативе Убуката Тосиро часто проходили собрания так называемого Союза литераторов (Бундзинрэн), и сэнсэй всегда принимал в них самое живое участие...

О тех моих учителях, которые покинули этот мир, я могу вспоминать бесконечно. Если же вспоминать тех, кому я особенно обязан, то нужно, прежде всего, назвать господина Канэко Умадзи.

В годы моей учебы в университете Канэко-сэнсэй занимал пост заведующего учебной частью гуманитарного факультета. Гуманитарный факультет тех времен соответствовал, наверное, всему нынешнему гуманитарному отделению, а завуч был все равно, что сейчас декан. По специальности Канэко был психологом; во время стажировки в Германии он воспринял некоторые западные идеи в этой области, но интересы сэнсэя лежали не в области психологии, а, скорее, в сфере чистой философии. За те годы, которые я провел в университете (три года учебы и год исследовательской работы - итого, стало быть, четыре года), я прослушал самые разные лекции Канэко - не только лекции по психологии, но и другие его курсы. Посещал я и его семинары. Мне кажется, что самым сильным его курсом были лекции по истории философии Нового времени, то есть ее посткантианского периода.

Канэко много работал как публицист и критик, под литературным псевдонимом Тикусуй часто помещал свои статьи в «Тайё» [54], «Тюо корон» [55] и других «толстых» японских журналах того времени. Словом, наряду с такими преподавателями Васэда, как Симамура Хогэцу и Танака Одо и такими его выпускниками, как Цунадзима Рёсэн [56] и Хасэгава Тэнкэй [57], Канэко был одной из «звезд» тогдашней интеллигенции.

Впоследствии Канэко-сэнсэй долгое время был проректором университета по общим вопросам. Был ли он умелым администратором? Я, честно говоря, не знаю. Насколько можно судить, сэнсэй для административной работы был слишком мягок, он не умел «давить» при принятии решений, «благодетельствовать» при приеме на работу и т.п. Так что, скорее всего, администратором он был неважным...

Уже после окончания университета мы с Сэки Ёсабуро и Сугимори Кодзиро несколько раз заходили к сэнсёу домой, и, несмотря на то, что эти визиты ему, конечно, очень мешали, Канэко никогда не отвечал нам ничем, кроме самой безграничной теплоты и сердечности.

Как мне рассказывали, во время волнений, которые охватили университет Васэда в 1917 году [58], Канэко как-то выразил досаду на меня за то, что я после окончания университета не остался в Васэда. «Ну что бы произошло, если бы он еще немного подождал?» - якобы сказал он. Может быть, сэнсэй полагал, что это я был виновником этих беспорядков? Не знаю, но мне кажется, что в данном случае сэнсэй был неправ. А что касается намерений остаться после учебы в университете, то у меня такого желания никогда не было, да и речь об этом не заходила. Но даже если бы я захотел остаться в университете, а меня бы не оставили, то и в этом случае я все равно не стал бы поднимать никаких восстаний - не такой уж я злопамятный и мстительный человек...

Впрочем, когда мне передали слова учителя, я переполнился к нему глубокой благодарностью. Ведь, выходит, Канэко считал, что у меня хватит духу на такое выступление... К сожалению, впоследствии мне так и не удалось переговорить обо всем этом с сэнсэем...

= Симамура Хогэцу и Танака Ходзуми =

В то время, когда я учился в университете Васэда, на его гуманитарном факультете было два

отделения: философское и отделение английского языка и литературы. Симамура Хогэцу читал лекции, главным образом, на английском отделении, так что я, студент философского отделения, слушал у него, по-моему, только курс лекций по эстетике. Впрочем, конспекты этих лекций у меня все равно не сохранились...

Хочу сказать, что господин Симамура очень мне помог уже после окончания университета: именно по его рекомендации в 1908 году я получил работу репортера в газете «Токио майнити». А журналистская работа в «Токио майнити» впоследствии дала мне возможность стать сотрудником компании «Тоё кэйдзай симпо».

Некоторые удивляются, как это я после изучения философии в университете вдруг сделался специалистом по экономике. Честно говоря, я и сам не устаю этому удивляться. Мне и во сне не могло привидеться, что я вдруг стану журналистом, пишущим на экономические темы. А случилась эта совершенно немыслимая вещь только потому, что благодаря Симамура я попал в «Токио майнити», где мне очень многим помог господин Танака Ходзуми. Естественно, Симамура совершенно не собирался делать из меня экономиста, но в результате именно благодаря ему я стал тем, кем я стал...

В наше время на гуманитарном отделении более других заботился о выпускниках вовсе не Симамура. Главным покровителем молодежи выступал доктор Цубоути Сёё, но у меня к нему никаких подходов не было, да к тому же, как уже говорилось, я не ходил на его знаменитые лекции о творчестве Шекспира, о чем и поныне жалею. Вообще я тогда был переполнен спесью и сомнением и заранее считал, что его лекции о театре будут для меня неинтересны (а он-то читал их замечательно).

Кроме того, Цубоути-сэнсэй преподавал у нас письменный перевод с английского (что это были за тексты, я не помню). Однажды, объясняя правила употребления английских слов, он высказался в том смысле, что эти правила нужно обязательно знать всем, кто будет преподавать английский в средней школе, чем вверг нас в глубокое уныние: ведь все мы собирались стать великими философами, а сэнсэй, похоже, хотел сделать из нас школьных учителей! Меня охватило глубокое разочарование, я даже почувствовал резкую антипатию к Цубоути, который, между прочим, всего лишь искренне высказал свое мнение. И тут уже неправ был я. Ведь уже тогда ни для кого не было секретом, что образование, которое давал университет Васэда, было далеко от «горних высот» философской мысли и постепенно

нисходило до скромного уровня профессионального обучения.

Симамура как человек искренний и благожелательный в заботе о своих подопечных доходил до самых незначительных мелочей. Помню, поступив на работу в «Токио майнити», я пришел к нему домой поблагодарить учителя. Когда настало время прощаться. Сэнсэй проводил меня до порога своего дома. Увидев, что я натягиваю на ноги туфли со шнурками, он заметил, что для журналиста такая обувь не годится - ведь для того, чтобы зашнуровать туфли, требуется время, а человек, который после визита заставляет хозяина дома подолгу стоять у порога, вряд ли может рассчитывать на его приязнь. А умение вызывать к себе расположение - это одна из первых заповедей журналиста.

Скажу честно, что в своей дальнейшей жизни я не раз сталкивался и с таким мнением, что для журналиста носить ботинки со шнурками - это не обязательно плохо и, отнимая время у провожающего тебя человека, также можно раздобыть материал для газеты... Но все же, думаю, Симамура-сэнсэй был недалек от истины - во всяком случае, учитель задумывался даже о таких наших проблемах, и сейчас я вспоминаю об этом с чувством самой искренней благодарности.

Получал я от Симамура и другие полезные советы:

- Будет у тебя время, - говорил он мне, - зайди в нашу преподавательскую. Там из разговоров интересные темы для газеты можно почерпнуть...

Все преподаватели университета Васэда, независимо от того, на каком факультете они работали, ожидали своих лекций в одной-единственной комнате. Она представляла собой часть первого этажа Большого аудиторного корпуса, который, как я уже говорил, стоял в наше время неподалеку от нынешнего здания университетской библиотеки. Естественно, я последовал совету Симамура, стал регулярно заходить в преподавательскую и прислушиваться к разговорам, которые и впрямь касались самых разных вопросов и были в целом очень интересны. Так благодаря совету Симамура-сэнсэй я действительно нашел много тем для своих заметок.

Я бы мог еще немало рассказать о профессоре Симамура. Особое внимание, конечно, следовало бы уделить его работе по созданию театра «Гэйдзюцудза», но, думаю, для рассказа

об этой стороне его деятельности найдутся другие, более достойные люди...

Ради создания «Гэйдзюцудза» сэнсэй ушел из семьи, порвал с университетом Васэда, словом, буквально посвятил всего себя движению за создание «новой драмы» - «сингэки». Но в январе 1918 года он заболел испанкой - гриппом, эпидемия которого тогда свирепствовала по всей Японии, и скоростижно скончался. Воистину, печальный конец!..

Недавно в витрине одного букинистического магазина я неожиданно для себя увидел собрание сочинений Симамура и, подойдя поближе, долго глядел на фотографию на обложке. Тысячи мыслей и чувств теснились в моей груди...

От другого моего учителя, Танака Ходзуми, я почти ничего не получил в свои студенческие годы, но зато очень многим обязан ему впоследствии...

Танака начал преподавать у нас в университете в декабре 1908 года, оставаясь при этом главным редактором газеты «Токио майнити». А я, как уже об этом говорилось, благодаря Симамура впоследствии стал работать в этой газете репортером.

К несчастью, работа в «Токио майнити» у Танака не заладилась, и из-за трений с руководством стоявшей за этим изданием другой газеты, «Хоти симбун» (она тоже была связана с графом Окума) Танака, был вынужден уйти с поста главного редактора. Было это, если мне не изменяет память, в июле 1909 года. Вместе с Танака уволились из газеты еще около тридцати сотрудников, которых он взял на работу. Среди этой мелкой сошки был и я.

В том составе редакции работали Сэки Кадзүтомо, Кояма Тосукэ, а также будущий известный предприниматель Исидзава Аидзабуро. Сэки, мой старший товарищ по университету Васэда, впоследствии стал влиятельным членом руководства партии Кэнсэйкай [59], но, к сожалению, очень рано умер. Кояма, выпускник Токийского университета, начинал как литератор, но затем под влиянием Симада Сабуро [60] стал сотрудничать с газетой «Токио майнити», а с приходом Танака окончательно перешел туда на работу. Кояма также впоследствии стал депутатом парламента (он примыкал к Кэнсэйкай) и преподавателем Васэда. К сожалению, у него рано открылся туберкулез легких, и он тоже умер сравнительно молодым. Это был тонкий стилист и вообще глубоко мыслящий человек, обладавший к тому же прекрасным характером. Подобно Амидзима, Кояма был знаменитым в то время медиумом и организатором спиритических

сеансов.

В биографической книге о Танака, изданной несколько лет назад в Васэда, из всех названных лиц о временах работы сэнсэя в «Токио майнити» вспоминает только Исидзава Аидзабуро, но и он в своей статье ни слова не говорит о том, что Танака был связан с газетным миром. А мне помнится, что сэнсэй и до работы в «Токио майнити» был как-то связан с газетами, и забывать об этом - значит упускать из виду весьма значительную часть его биографии. А разве это позволительно?

= Танака Одо =

Рассказывая о своих учителях, я не могу не сказать хотя бы несколько слов о Танака Одо - ведь именно благодаря нему у меня впервые открылись глаза на человеческую природу...

Надо сказать, что экономической науке меня никто специально не учил - я сам понемногу начал читать книги по экономике. И здесь Танака Одо тоже дал мне немало ценных указаний. Так, одна из первых книг по экономике, которые я прочел, была «Industrial Revolution» («Промышленная революция») Тойнби [61], и ее тоже порекомендовал мне Одо-сэнсэй, который всегда отличался обширными познаниями и глубиной мысли.

Одо - псевдоним, настоящее имя Танака было Киити. В Японии он закончил только среднюю школу. Еще очень молодым человеком Танака отправился в США изучать философию. Пребывание его в Америке затянулось на десять лет. Говорили, что философию он изучал в Чикагском университете, причем в основном - у профессора Дьюи [62]. Потом Танака преподавал философию в разных университетах, но нигде не пришелся ко двору. Заканчивал он свою карьеру преподавателем философии в университете Васэда, но и там особо дружеского расположения не встретил. Вообще в его жизни было много черных полос.

В Васэда лекции профессора Танака Одо впервые услышали в 1905 году, когда я был на втором курсе. В то время основным местом работы сэнсэя считалось Высшее Токийское промышленное училище в районе Асакуса (Токё кото когё гакко), где он преподавал, главным образом, английский язык.

В тот год наш преподаватель этики Фудзии Кэндзиро уехал из Васэда на стажировку за границу,

и на его место взяли совместителя, который должен был читать у нас лекции по этому предмету. Это и был господин Одо.

После этого Одо проработал на кафедре анализа философских учений университета Васэда более десяти лет, с середины 1900-х до середины 1910-х годов, властвуя своими острыми и независимыми суждениями над умами целого поколения студентов. Но тогда, в 1905 году, когда он только пришел в университет, никто в Васэда его не знал. Когда студентам сказали, что вместо Фудзии-сэнсэй нам будет читать лекции какой-то преподаватель Высшего промышленного училища, то все подумали, что вряд ли оттуда пришлют к нам очень уж большого ученого, и впали в уныние.

Одо читал два курса: второкурсникам - историю эстетических учений, а третьекурсникам - собственно этику. Я как третьекурсник посещал также семинары, которые вел Одо, а потом год занимался у него в аспирантуре и вместе с другими аспирантами слушал его лекции по гносеологии, то есть теории познания (сэнсэй называл ее теорией знания).

Лекции его были очень трудны для понимания. Но зато у него были открытое, располагающее к себе лицо, длинные волосы, короткая бородка клинышком, небрежно повязанный красный галстук - словом, во всем с самого первого взгляда Танака производил впечатление настоящего философа. Писал он на доске по-европейски, строчка за строчкой, причем по большей части на английском, и иногда, задумавшись, пропускал несколько букв. С первых же слов сэнсэя - а говорил он исключительно неспешно - у слушателей складывалось впечатление, что они его давно и хорошо знают. При всем при том сколько мы ни пытались следить за ходом рассуждений профессора, они оставались для нас полностью и совершенно непонятными. Слова, которые произносил учитель, было невозможно не то что законспектировать, но даже просто повторить...

Впрочем, если говорить общепринятым философским языком, то взгляды сэнсэя были основаны на принципах операционализма [63] и резко отличались от преподававшихся нам до тех пор положений метафизических положений [64]. Когда мы это, наконец, поняли, то все студенты стали ставить Танака очень высоко, хотя до этого он был среди них совершенно непопулярен. Среди студентов даже прошел слух, что несколько лет назад Танака уже начинал читать у нас лекции, но поскольку тогда лектора никто не понял, то от его услуг отказались. Утверждали даже, что было это еще в те времена, когда университет назывался Высшим

Токийским училищем, а учились в нем Масамунэ Хакутё [65] и Тикамацу Сюко... Не знаю, было ли это в действительности или нет, но ясно, что раз такие слухи циркулировали достаточно долго, то Танака-сэнсэй они никак на пользу пойти не могли...

Впрочем, как я уже говорил, за один год оценки деятельности сэнсэя сменились на прямо противоположные...

Помню, однажды произошел такой случай. На занятиях по английскому языку преподаватель Такасуги Такидзо - тоже личность для тогдашних студентов Васэда незабываемая - спросил, кто, по их мнению, является философом № 1 в современной Японии. Чтобы стимулировать студентов, Такасуги стал называть имена знаменитых в то время философов: «Мотора Юдзиро? Куваки Гэньёку?» Однако студенты на все эти вопросы отвечали по-английски «No» («Нет»). Наконец, кто-то из студентов ответил, что японским философом № 1 является «Professor Kiichi Tanaka». «Кто-кто?» - Не ожидавший такого ответа Такасуги несказанно удивился. Студенты долго объясняли преподавателю на ломаном английском, кто такой профессор Танака, пока Такасуги, наконец, не догадался и не залился смехом: «А, так это сэнсэй, который носит красный галстук?»

Действительно, многие студенты не могли понять из лекций Танака ни слова, но, вместе с тем, никто из нас не сомневался в том, что именно Танака-сэнсэй превосходит всех прочих японских философов...

После окончания университета я и мои товарищи Сэки Ёсабуро, Сугимори Кодзиро и Осуги Дзюнсаку как-то особенно тесно сдружились с Танака-сэнсэй и долгое время находились под воздействием его необычного образа мыслей. Но если меня сегодня спросить, в чем именно состояли особенности этого учения, то я смогу сказать только то, что у Танака-сэнсэй была какая-то своя философия - и ни слова больше!

В период с конца 1900-х до середины 1910-х годов Танака написал множество блестящих статей и философских эссе, но ему так и не представилось случая систематически изложить положения своей философии. А в мае 1932 года в возрасте 66 лет он оставил этот мир...

Помню, в конце 1914 года, раздосадованный тем, что философия Одо так нигде систематически и не изложена, я решил хотя бы издать курс лекций, которые сэнсэй читал у

нас в Васэда. Один из моих однокашников и университетских друзей, Коидэ Дзион, как раз был в это время относительно свободен. Я попросил его приходить раз в неделю к сэнсэю домой в район Нэгиси, и записывать его рассуждения: Одо не любил брать в руки кисть и поэтому основные положения своей теории предпочитал надиктовывать...

Впрочем, несмотря на самое доброжелательное отношение ко мне со стороны сэнсэя и мое искреннее желание познакомить публику с его взглядами, издать лекции Танака мне так и не удалось... Я посоветовал приятелю для верности записывать за Танака все подряд, не упуская даже самых незначительных мелочей. Однако сколько мы ни вглядывались потом самым добросовестным образом в каждый иероглиф этих записей, мы так и не смогли понять, что же, в конечном итоге, хотел сказать Одо-сэнсэй...

Весной 1932 года я узнал, что Одо находится в больнице Дзюн Тэндо с диагнозом «мочекаменная болезнь». Мы с Сугимори тогда были одержимы идеей издать полное собрание сочинений философа, и, заручившись согласием господина Одо, начали переговоры с одним своим старым знакомым из издательства «Тюо корон», но тот отклонил наши предложения. Однако, к счастью, к изданию проявил большой интерес господин Симонака Ясабуру [66], президент компании «Хэйбонся». Вместе с Симонака мы и пришли к Танака в больничную палату для того, чтобы рассказать сэнсэю о наших планах.

Мы ожидали, что учитель обрадуется такой перспективе и сразу же согласится с нашими предложениями, но он только грустно посмотрел на нас с больничной койки и сказал:

- Ребята, да вы что? Решили таким образом помочь мне справиться с временными финансовыми трудностями? Не думаю я, что при нынешнем состоянии философской мысли в Японии кто-то вдруг возьмется за собрание моих сочинений... Да и не получится из них видная книга в роскошном переплете и всем таким прочим... А невзрачную брошюрку мне почему-то издавать не хочется... Вы знаете, помирать я пока не собираюсь, это всегда успеется. Правда, боли мучают, но боли - болями, а вот сейчас выйду из больницы и засяду за работу по Вашему плану...

Мы слушали сэнсэя в напряженном молчании. Я знал, что Одо оценивает себя очень высоко. В этой оценке можно было с ним соглашаться или не соглашаться, но его слова, произнесенные с больничной койки, произвели на меня глубокое впечатление, и мы по дороге домой еще

долго обсуждали высказывания сэнсэя и строили всякие планы.

Однако Одо так и не оправился от болезни. В клинике Дзюн Тэндо уже не могли ему помочь, и сэнсэя перевели в отделение урологии больницы при Токийском императорском университете. Здесь лечение, казалось, пошло более успешно, однако организм его уже был очень изношен, и вскоре сэнсэй скончался...

В издательстве сначала приняли заявку с кратким изложением философской концепции Танака, но потом прислали бумагу, в которой сообщалось, что «господин такой-то в течение последних нескольких лет прилагал все усилия для подготовки рукописи своих философских трудов, но их так и не удалось привести к виду, пригодному для печати, а теперь, с кончиной автора, это и вовсе не представляется возможным».

Помню, после кончины сэнсэя я получил из рук его вдовы госпожи Танака Такако эту рукопись и попытался хоть как-то ее выправить, но, как и в случае с лекциями, оказалось, что там были понятны только отдельные иероглифы, и из этой рукописи также ничего извлечь не удалось. Потом я попытался издать записи лекций профессора, которые он читал в Васэда, причем пользовался не только собственными записями, но и конспектами других студентов, слушавших лекции Танака после меня. Все это оказалось невероятно трудным делом, но я не сдавался и продолжал работу. Однако лучшая часть этой рукописи погибла во время войны... Я буду пытаться издать оставшиеся материалы и, таким образом, все же осуществить свою давнишнюю мечту, но получится ли это у меня? И если получится, то когда? Не могу сказать...

= Другие преподаватели =

Теперь - о Фудзии Кэндзиро. Позже он перешел на работу в Киотосский императорский университет, но в мои студенческие годы Фудзии по совместительству работал в Васэда. Я уже писал о том, что на втором году моего пребывания в университете Фудзии отправился на стажировку за границу. Собственно говоря, его научной специализацией была этика, но нам он на первом курсе преподавал английский язык и читал введение в философию по учебнику Паульсена [67]. Особенно большие надежды Фудзии возлагал на Сугимори Кодзиро (Сугимори закончил философское отделение годом раньше меня). После того, как профессор перешел на работу в Императорский университет в Киото, он добился, чтобы Сугимори сначала перевелся в Киото в соответствии с соглашением об университетских обменах, а потом и вообще уехал

на зарубежную стажировку по линии Министерства просвещения. Напрямую государственный университет студента из Васэда на стажировку за границу отправить не мог.

Уже во время моего пребывания в Васэда туда вернулся из Германии профессор Хатано Сэйити. Помню, что его первая после возвращения лекция также проходила в Большом аудиторном корпусе...

Занятия историей философии в нашем университете заключались в том, что мы слушали курс лекций Хатано по этому предмету, а на семинарах занимались по учебнику Роджерса «Students' History of Philosophy». А после окончания университета Сугимори, его бывший однокурсник Сэки Ёсабуро, Осуги Дзюнсаку и я примерно раз в неделю ходили к сэнсё домой (он жил в квартале Якодзи района Усигомэ), где под руководством профессора по очереди читали и обсуждали гегелевскую «Историю философии» [68]. Впрочем, после поступления на работу я по лености своей стал пропускать заседания этого дискуссионного клуба, а потом они и вовсе прекратились, потому что Хатано переехал в Киото.

Теперь об Утигасаки Сакусабуро. Впоследствии он получил широкую известность как политический деятель, но в мои студенческие годы Утигасаки был простым преподавателем отделения английского языка и литературы университета Васэда. Я посещал его занятия по чтению и переводу с английского только на Высших подготовительных курсах (Учебником нам служила, насколько я помню, книга Лэма «Рассказы из Шекспира» [69]).

Кто-то сравнил рот господина Утигасаки с раструбом рукава халата, и, по-моему, это было очень точное сравнение. Говорил он по-английски с невыносимо тяжелым акцентом уроженца Тохоку [70], нимало не заботясь о своем произношении, причем иногда буквально заливал аудиторию бурным потоком своих речений. Студенты Утигасаки не любили, открыто говорили, что ничему он научить их не может и потому старались его избегать. Когда я учился на первом курсе, среди студентов английского отделения даже развернулось движение за бойкот Утигасаки...

Мацумото Бундзабуро, как мне помнится, уже тогда был доктором филологии и работал в Токийском императорском университете. На первом курсе мы слушали его лекции по истории западной философии. Лекции эти состояли в том, что профессор, открыв большой блокнот, просто диктовал нам свои записи...

Когда Мацумото по какой-то причине в разгар учебного года ушел из Васэда, чтение лекций по истории западной философии продолжил Ёсида Кэнрю. Лысина, рассекавшая голову сэнсэя наподобие страшного шрама, придавала ему весьма странный вид, и когда он впервые вошел к нам в аудиторию, то многие студенты не смогли сдержать совершенно непочтительных улыбок. Но спустя некоторое время мы привыкли к его внешнему виду, как и к несколько отстраненной манере чтения, с нетерпением ожидали его очень серьезных лекций и даже выходили встречать сэнсэя. Впоследствии Ёсида возглавил Высшее педагогическое училище в Хиросима, а, выйдя в отставку, остался жить в этом городе. Там же он потом и скончался. Мне приходилось бывать в Хиросима, я каждый раз собирался навестить сэнсэя, но удобного случая нанести ему визит мне так и не представилось, несмотря на то, что он в Хиросима был личностью весьма известной...

Профессор Мураками Сэнсэй был буддийским священником течения синсю. Говорили, что ради учения синсю он когда-то пренебрег доктринами другой буддийской школы. В целом Мураками обладал передовыми взглядами и во многом по-новому толковал положения буддизма. Мы слушали у него лекции по предмету, который назывался «История развития буддийского учения». Во всем облике Мураками сквозило спокойствие и самообладание, присущие буддийскому священнику. Лекции он читал суховато и рационально, безо всякого налета религиозной экзальтации. Иллюстрируя основную тему лекции, он приводил интересные примеры из жизни людей в глубокой древности. Словом, его лекции были очень интересны, и я часто их вспоминаю...

Кстати сказать, крупный буддийский авторитет того времени, профессор Маэда Кэйун, который как знаток буддийского учения оценивался тогда гораздо выше Мураками, в сентябре 1907 года также начал читать в аспирантуре нашего университета курс лекций под названием «Великая Колесница Буддийского Учения» («Дайдзёкисинрон»). Я прослушал и этот курс лекций, но, честно говоря, особого восхищения от них не испытал. Не знаю, насколько хорошо Маэда знал буддийские сутры, но как философ, он, по-моему, все же уступал Мураками...

В то время в Токио блистал своими лекциями профессор Императорского университета Анэдзаки Сэйдзи. Мы в Васэда слушали его курс лекций по теологии. К сожалению, этот курс продолжался крайне недолго и был прерван на середине...

9 июня 1949 года в ресторане «Сэйёкэн» в районе Уэно состоялось чествование Анэдзакисэнсэй по случаю достижения им «благостных лет» [71]. Я тоже был на этом вечере. Когда ведущий предоставил мне слово для приветствия, я вспомнил об одном эпизоде, который произошел 40 лет тому назад. Надо сказать, что во время своих лекций по теологии сэнсэй никогда не писал ничего на доске. И вот на очередной лекции, когда речь профессора совсем уж переполнили санскритские слова и термины, мы очень скоро потеряли нить изложения и перестали вообще хоть что-нибудь понимать. Но и учитель тоже несколько раз запнулся и вдруг с растерянным видом нам сказал: «Знаете, я ночью совсем не спал, так что с головой у меня не все в порядке. Давайте сегодня на этом закончим!» Лекция прервалась, но как душевно и искренне повел себя при этом сэнсэй!

После окончания университета мне несколько раз предоставлялась возможность выразить учителю свои теплые чувства. Так, весной 1946 года, когда я впервые баллотировался в Палату представителей по 2-ому Токийскому избирательному округу вместе с такими фигурами, как профессор Ямада Сабуро, господин Одзаки Юкио [72] и госпожа Хани Томоко [73], сэнсэй написал письмо в поддержку моей кандидатуры. Причем профессор тогда не знал, что я слушал в Васэда его лекции, как, наверное, не догадывался и о том, что через несколько лет я буду, как об этом уже сказано выше, говорить приветственную речь на его юбилейном вечере...

А вскоре сэнсэя не стало. Печально, но все меньше остается в живых людей, которые были моими наставниками...

Ивая Садзанами еще в эпоху Мэйдзи начал возделывать целину японской детской литературы и стал известен всей стране как добрый сказочник, «дедушка Садзанами Сандзин» (а впоследствии просто Садзанами). Но в обычной жизни это был суховатый джентльмен, настоящий щеголь. Ивая, который почему-то считался в университете основным специалистом по немецкому языку, читал нам лекции по истории немецкой литературы. После окончания университета меня несколько раз приглашали к нему домой...

И в заключение обязательно нужно вспомнить Осэ Дзинтаро, преподавателя Высшего Токийского педагогического училища (Токё кото сихан) [74], который читал у нас курс педагогики, или господина Хигути Кандзиро, который обучал нас методике преподавания... Дело в том, что в то время выпускники гуманитарного отделения университета Васэда безо

всяких квалификационных экзаменов получали право преподавать в средней школе, включая ее старшие классы. Мне тоже выдали свидетельство на право работы педагогом или воспитателем в школе. Однако для того, чтобы получить этот документ, нужно было обязательно прослушать курсы педагогики и методики. Вот почему эти два предмета, независимо от интереса к ним со стороны студентов, всегда занимали в университетской программе особое место.

ГЛАВА 3. Я НАЧИНАЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ РАБОТУ

= Спецстажировка =

В июле 1907 года я закончил философское отделение гуманитарного факультета университета Васэда. Совершенно неожиданно для себя я лучше всех сдал выпускные экзамены. Вообще-то я был тогда не из тех, кто рьяно стремится к знаниям (да и сейчас такой). Но примерно за год до окончания мне просто надоело каждый день ездить издалека на занятия, и я переехал в общежитие, которое находилось рядом с университетом, и потому целиком отдался учебе. Впрочем, сам я тогда и не предполагал, что это как-то заметно улучшит мои результаты на выпускных испытаниях, да, собственно говоря, и не питал никаких надежд на получение хороших оценок. Так что когда мои товарищи наутро после экзамена ворвались ко мне в комнату общежития с криками «Ты первый!», то я, признаться, подумал, что они просто врут...

Как я уже говорил, на гуманитарном факультете университета Васэда было тогда два отделения: философское и отделение английского языка и литературы. По английскому отделению первым в нашем выпуске был Накамура Масатамэ (Сэйко), который прославился тем, что еще в студенческие годы был удостоен за написанный им роман литературной премии университета Васэда. Он вообще подавал большие надежды как литератор, но вот на выпускных экзаменах получил не очень высокие оценки (всегда откровенный Утигасаки говорил: «к сожалению»). Словом, я почему-то на этот раз оказался сильнее и по результатам выпускных испытаний стал лучшим на всем гуманитарном факультете.

Так завершилась моя студенческая жизнь. Большую роль в ней играли случайности, неожиданные как для меня, так и для других. Можно назвать их капризами судьбы, но когда я оглядываюсь назад, то вижу, что именно эти капризы определили, в конечном счете, всю мою последующую жизнь. И чем чаще я вспоминаю былое, тем больше убеждаюсь в том, какую

великую роль в человеческой жизни (или, по крайней мере, в моей жизни) играют случайности...

В то время в университете Васэда существовала так называемая «специальная аспирантура» или «специальная стажировка», которая состояла в том, что ежегодно лучшему выпускнику каждого факультета предоставлялась возможность в течение года заниматься в аспирантуре. Для этого аспиранту выплачивалась стипендия, которая тогда составляла, если я не ошибаюсь, 12 иен в месяц. По существу университет таким образом готовил для себя преподавателей.

Если называть вещи своими именами, то нужно прямо сказать, что я не припоминаю примеров особенно уж доброго отношения ко мне со стороны тогдашних преподавателей (исключение составлял лишь господин Танака Одо). Но поскольку по оценкам, полученным на выпускных экзаменах, я оказался лучшим на факультете, то именно меня и рекомендовали на спецстажировку. За год до меня такую же стажировку проходил Сэки, а до него - Катагами Нобору [75].

Впрочем, система спецстажировок вскоре была упразднена, поскольку, по-видимому, не оправдала ожиданий тогдашнего университетского руководства. Произошло это то ли в тот год, когда я закончил эту стажировку, то ли годом позже. Но, во всяком случае, тогда кто-то взял на себя ответственность за то, что такой отъявленный лентяй, как я, получил возможность еще год стажироваться в университете. А я благодаря выходу приказа о зачислении меня на спецстажировку получил возможность на некоторое время забыть о житейских проблемах. Более того, передо мной стал более или менее отчетливо вырисовываться тот путь, по которому я смогу пойти здесь, в Токио. В детстве я собирался стать священником; я и теперь не исключал возможности того, что после окончания университета мне придется вернуться домой, обосноваться в каком-нибудь храме и начать жизнь буддийского монаха. Была у меня и еще одна возможность: воспользоваться полученной в университете лицензией на право преподавания, о которой я уже писал, и поступить учителем в какую-нибудь провинциальную среднюю школу (о работе в токийских школах выпускникам частных университетов тогда и думать было заказано). И если бы я случайно не окончил университет первым в выпуске, то наверняка выбрал бы одну из этих двух дорог. Но по какому бы из этих двух путей я тогда не пошел, несомненно одно: жизнь моя разительным образом отличалась бы от той жизни, которую я впоследствии прожил на самом деле. Во всяком случае, тогда мне и в голову не приходило, что после окончания университета я буду

работать в газете или журнале...

В течение года я посещал несколько лекционных курсов и все это время мучительно обдумывал замысел работы, которую каждый слушатель должен был подготовить к окончанию своей стажировки. Я то пытался разобраться в положениях философии Одо, то предавался пагубной привычке записывать «вслед за кистью» неясные обрывки мыслей и чувств, которые роились в моей голове, - словом, впустую потратил на эти метания уйму времени. А между тем политика руководства университета в этот момент круто изменилась; в частности, оно потеряло всякий интерес к спецстажерам. Пошли разговоры о том, что, может быть, вовсе и не обязательно завершать стажировку написанием какой-то итоговой статьи, и я, в конце концов, прекратил всякую над ней работу... Конечно, это было непростительно - ведь стипендию-то я продолжал исправно получать в течение всего этого года...

В довершение всего, как это ни странно, у меня пропало всякое желание работать педагогом, и в конце года мне пришлось еще и выбирать себе и новую профессию. И именно в это время я случайно услышал о том, что Всеяпонское просветительское общество (Дай ниппон буммэй кёкай) собирается выпустить книгу под названием «Религии мира»...

= Авторская ремарка =

В 1917 году все японские газеты сообщали о беспорядках, которые охватили университет Васэда, причем зачинщиком этих беспорядков единодушно называли меня. Наверное, именно из этих сообщений профессор Канэко Умадзи сделал вывод, что я действительно был зачинщиком этих волнений. «Уж не потому ли Исибаси поднял мятеж, что, кроме всего прочего, его тогда не оставили в университете? Жаль, что этого не сделали - может быть, если бы он тогда остался в Васэда, то ничего бы и не произошло...» - делился своими размышлениями профессор. Господин Канэко, по-видимому, решил, что меня настолько опечалила невозможность занять пост преподавателя в университете, что я решился на самые крайние меры... Разумеется, предположение о том, что из-за этого я стал во главе восстания в Васэда, полностью противоречит действительности. Ниже я напишу об этих событиях подробнее...

= Холодный прием для выпускников частных университетов =

Я не знаю, где сейчас живут и чем занимаются мои бывшие однокашники, но хорошо помню, что в наше время лучшей работой для выпускника гуманитарного факультета считалась должность преподавателя средней школы. В Токио этот канал был для нас полностью перекрыт, но, имея свидетельство на право преподавания английского языка, можно было уехать в провинцию, где начальная ставка преподавателя составляла около 40 иен в месяц - по тем временам порядочные деньги...

Однако в целом судьба тех, кто уехал учительствовать в провинциальных школах, складывалась незавидно: в то время в Японии большинство средних школ и средних школ высшей ступени были государственными, и в них уже успели образоваться целые кланы из выпускников Высшего Токийского педагогического училища или Императорского университета. Так что мои друзья - выпускники частного университета - не только получали в этих школах самое низкое жалование и не имели никакой возможности продвинуться по службе, но и были первыми кандидатами на увольнение. Конечно, бывали и исключения из этого правила: так, мой однокурник Кумамото Сутэдзи стал инспектором Министерства просвещения, а затем возглавил Высшее коммерческое училище [76], но это, скорее всего, произошло потому, что за плечами у него была учеба не только в Васэда, но и в Императорском университете. Не знаю, как обстояло дело потом, но вплоть до 1917-1918 годов никто из выпускников Васэда не сумел подняться даже до поста директора государственной средней школы. Правда, по слухам, кто-то из наших выпускников дослужился до поста завуча, но рассказывали об этом как о чем-то настолько диковинном, что, боюсь, это и правдой-то не было...

Словом, нынешним выпускникам частных университетов, наверное, и представить себе невозможно, насколько холодно встречала Япония того времени их старших коллег. А вот в журналистских или литературных кругах - то есть там, где высоко ценятся личные качества - такой клановости не было. Более того, в период Мэйдзи вообще мало кто из выпускников государственных вузов стремился работать в этой области, и потому тон там задавали как раз выпускники частных вузов. А вот на государственной службе, в образовании, предпринимательстве безраздельно властвовали кланы выпускников Императорского университета, Высшего Токийского педагогического училища, Высшего Токийского коммерческого училища и некоторых других учебных заведений. Выпускники частных вузов из этих сфер просто выталкивались. Только старейший из частных университетов, университет Кэйо, благодаря прозорливости своего основателя Фукудзава Юкити с самого начала стал

внедрять своих выпускников в предпринимательские круги и потому обрел в деловом мире большое влияние. Васэда же с этой точки зрения представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо у университета не было группировок своих выпускников ни в одной сфере, за исключением, быть может, журналистских и литературных кругов. Начальная ставка выпускника Васэда также обычно была ниже, чем у его сверстника, окончившего Императорский университет - и ничего нельзя было с этим поделать! Более того, в некоторых компаниях выпускник Васэда получало даже меньше, чем выпускник Высшей коммерческой школы или университета Кэйо. А хуже всего положение было в компании «Сумитомо», где были введены разные коэффициенты роста зарплаты в зависимости от стажа. Иными словами, выпускник Васэда с течением времени получал в процентном отношении все меньшую и меньшую долю зарплаты выпускника государственного вуза... Помню, что такая несправедливость временами вызывала просто-таки приступы возмущения и гнева у нашего профессора Танака Ходзуми (правда, случались они еще до того, как он стал ректором университета Васэда).

= «Религии мира» =

Итак, я был вынужден искать себе какую-нибудь работу. В то время в Токио для нас, выпускников гуманитарного факультета, весьма достойной деятельностью считалось переписывание рукописей. Насколько я помню, новичку платили за это по 20-30 сэн за страницу из 400 знаков. А если, вдобавок к этому, выпускнику удавалось подработать переводами, то он мог получать вполне приличные по тем временам деньги.

Те из выпускников, кто обладал литературными способностями, пытались заработать себе на жизнь литературной поденщиной, нанявшись на службу к какому-нибудь знаменитому мастеру. Так, например, наш ныне широко известный флотоводец Ито Сигэзиро (или Дзюндзиро?), который до волнений в Васэда в 1917 году работал преподавателем нашего университета, рассказывал мне, что он некоторое время подрабатывал секретарем у таких писателей, как Осада Сюто и Одзаки Коё [77]. Говорят, что знаменитые переводы «Дамы с камелиями» и «Стража звонницы» [78] в действительности были сделаны именно Ито...

Я отродясь не имел никаких литературных талантов. Но время поджимало, и у меня не оставалось иного выхода, кроме как тоже попробовать заработать себе на жизнь литературным трудом.

Как я уже говорил, в это время в стране активно действовало Всеяпонское просветительское общество во главе с маркизом (позднее - графом) Окума Сигэнобу. Основная задача Общества состояла в том, чтобы знакомить японцев с переводами лучших произведений мировой литературы, и оно действительно издавало довольно много переводных книг. Впрочем, как мне представляется, у Общества была и еще одна цель, а именно - предоставлять хоть какую-то работу выпускникам Васэда. Во всяком случае, работали в нем, как правило, выпускники нашего университета. Скажем, за выпуск переводных книг полностью отвечал выпускник Васэда господин Укида Кадзутами. Он и поручил мне мою первую работу: перевод «Variety of Rangers Experience» Уильяма Шекспира. Правда, потом это задание отменили, и мне поручили уже не перевод, а компиляцию книги под названием «Религии мира». Я обсудил проект издания с Укида и составил примерный план издания, которое должно было представлять собой однотомник, знакомящий читателя не только с буддизмом и христианством, но и с различными другими существующими в мире религиями. Это был крайне амбициозный план, который ни в коей мере не сводился к рутинной работе по составлению рукописи книги.

Вскоре после этого я перешел в газету и потерял возможность постоянно заниматься такого рода деятельностью, поэтому, в конечном счете, большая часть работы по составлению рукописи была выполнена моими коллегами Оя Токудзё, Осуги Дзюнсаку, Одзава Хадзимэ и другими. Я успел написать в книге только часть вступительной статьи под названием «Сущность религии». Интересно, что все мы, работавшие над этим трудом, закончили философское отделение Васэда, только в разные годы: Оя - в 1906, а Осуги, Одзава и я - в 1907 году...

Впрочем, когда предисловие к книге уже было в общих чертах готово, то оказалось, что мы написали его не разговорным, а книжным языком камбун кадзуси. Иными словами, вступительная статья оказалась исключительно трудной для понимания - а именно на максимальной простоте текстов настаивали в Просветительском обществе. Меня эта история, честно говоря, очень расстроила...

В декабре 1909 года мне предстояло уйти в армию, поэтому я попросил закончить работу над злосчастной вступительной статьей Кояма Тосукэ (Тэйхо)... Короче говоря, хотя именно я начал работу над книгой «Религии мира», получилось так, что сам я написал для нее только часть вступительной статьи, да и то в соавторстве с Кояма...

А почему я тогда очень расстроился? Об этом теперь и вспоминать-то не хочется... Вовсе не потому, что мне жаль было расставаться со всеми этими «засим» и «паче чаяния» - нет, беспокоился я, главным образом, из-за того, что теперь в предисловии не будут должным образом отражены мои идеи! Но Кояма, прочитав черновик, столь блестяще разъяснил мне, в чем именно они заключаются, что мне даже стало стыдно за такие подозрения...

Выше я уже упоминал о Кояма. В свое время он закончил факультет общественных наук Токийского Императорского университета, имел ученую степень бакалавра литературы. Именно благодаря содействию Кояма я потом пришел работать в газету «Токио майнити» - ниже об этом еще будет идти речь. К несчастью, вскоре после этого у Кояма открылся туберкулез легких; потом он вроде бы пошел на поправку и даже стал депутатом парламента от своего родного округа, расположенного где-то у города Сэндай, но в конце концов болезнь возобновилась и очень быстро свела его в могилу...

В 1911 году, когда Кояма лежал в больнице «Нанкоин» в районе Тигасаки, он увлекся спиритизмом, который тогда владел умами многих людей. В 1912 году вышла в свет его книга под названием «Древнее христианство», в которой Кояма рассказывал о своих спиритических сеансах, а я в июньском номере «Тоё кэйдзай симпо» опубликовал детальный критический разбор этой книги... Уже после кончины Кояма, в 1923 году, когда обсуждался план издания собрания его сочинений, я напечатал в «Тоё кэйдзай симпо» статью «Воспоминания о Кояма Тэйхо», которая была опубликована в номере от 26 мая. «При жизни мы знали господина Кояма как журналиста, религиозного и политического деятеля. Его литературные таланты остались почти неизвестными широкой публике, - писал я. - Однако если судить по вступительной статье к книге «Религии мира», то Кояма можно поставить в один ряд с такими известными авторами, как Такаяма Тёгё [79] и Цунадзима Рёсэн.

= Косуги Тэнгай и его «Безымянные новости» =

Кажется естественным, что я рано или поздно должен был стать на такой жизненный путь, который, в конце концов, привел бы меня к литературной работе. И действительно, примерно в это время Симамура Хогэцу рекомендовал меня для работы в редколлегии нового журнала, который начинал издавать Косуги Тэнгай [80], и познакомил меня с ним.

Тэнгай в то время считался одной из самых видных фигур в литературных кругах. Я пришел в его роскошный дом, который он построил в районе Синагава, неподалеку от Готэньяма. Мне навстречу вышли несколько очаровательных горничных, которые проводили меня в находившийся тут же кабинет мастера. Кабинет был обставлен по-европейски.

Косуги задумал журнал, чем-то напоминавший издания, появившиеся после войны, например, «Синсо» - «Правда» (но, естественно, не коммунистической направленности). В своем журнале он надеялся со всей свойственной писателю пронизательностью критиковать, обличать и разоблачать пороки современного ему общества. В силу такого подхода все статьи предполагалось давать без подписи, поэтому издание получило название «Мумэй цусин» - «Безымянные новости». Что касается механизма распространения журнала, то Косуги хотел направлять его прямо в киоски по всей стране, минуя посредников. Издатель полагал, что в 1910-х годах, когда по всей стране началось идейное брожение, когда в душах молодых людей вызревали недовольство и неудовлетворенность положением дел в обществе, подобный журнал, смело бичующий общественные пороки, определенно мог рассчитывать на успех...

Тэнгай сказал, что хотел бы почитать что-нибудь из написанного мною, и я в тот же день или наутро принес ему несколько своих статей. Он попросил меня зайти через несколько дней, и когда я снова пришел к нему домой, то встретил меня очень дружелюбно и с улыбкой сказал: «Да, ершистые у тебя заметки! Но стиль, стиль.. Как буддийские сутры читаешь!» Впрочем, как оказалось, именно такие люди ему и были нужны, и в результате меня приняли на работу. Было это, если я не ошибаюсь, 11 октября 1908 года.

Выпуск «Безымянных новостей» по каким-то причинам постоянно откладывался, и в декабре того же 1908 года я по рекомендации того же господина Симамура поступил на работу в газету «Токио майнити». Получив долгожданную постоянную работу, я потерял возможность служить под началом господина Косуги... Но потом «Безымянные новости» все же начали выходить и, помнится, я даже писал для них небольшие заметки. Интересно, что вместо меня редактором журнала был назначен Мисава Ютака, который годом позже закончил все то же отделение английского языка и литературы университета Васэда, а до того учился со мной в одной школе - средней школе города Кофу! Не помню, сколько лет просуществовали «Безымянные новости», но надо сказать, что в издательском мире они считались достаточно влиятельным журналом...

= О тех, кто ввел меня в литературные круги =

Я хочу вернуться немного назад и чуть более подробно рассказать о господине Симамура Хогэцу. Как уже говорилось, до 1907 года, когда я окончил университет Васэда, мне и во сне не могло привидеться, что я буду подвизаться на литературном поприще. Между тем моя реальная жизнь сложилась так, что я почти всю ее провел именно в литературных кругах. И обязан я такому развитию событий исключительно усилиям господина Симамура.

Напомню, что я поступил на работу в компанию «Тоё кэйдзай симпо» в 1911 году - и рекомендовал меня туда господин Танака Ходзуми. С Танака я познакомился (об этом еще будет идти речь) в газете «Токио майнити». А в «Токио майнити» привел меня ни кто иной, как господин Симамура. Но Симамура не просто направил меня в мир людей пишущих: именно он предоставил мне возможность стать тем, кем я стал: журналистом, причем журналистом, пишущим на экономические темы. И если тот жизненный путь, по которому я иду до сегодняшнего дня - и в личном плане, и в плане моих взаимоотношений с обществом - не стал для меня путем одних несчастий и невзгод, то более всего я должен благодарить за это именно господина Симамура, одного из главных моих благодетелей (не берусь, впрочем, судить о том, была ли моя жизнь счастливее прочих или нет).

Естественно, господин Симамура был столь благосклонен далеко не только ко мне одному. Людей, которые, как и я, пользовались его добротой, насчитывается неисчислимое множество (а, может, и того более)...

Помню, что утром первого января Симамура вставал очень рано для того, чтобы приготовить у себя в гостиной сакэ и простые рыбные закуски для огромного числа молодых людей, которые приходили поздравить его с Новым годом. И с каждым он находил возможность выпить и поговорить! Собственно, говоря, так было далеко не только на Новый год. Двери дома сэнсэя были открыты всегда, так что молодые люди, испытывавшие к господину Симамура вполне естественную симпатию, не чинясь, могли в любой момент зайти к нему на огонек. А сэнсэй всегда входил в их трудности и проблемы...

С апреля 1911 года я начал сотрудничать с журналом «Васэда бунгаку» [81], во главе которого тогда стоял Симамура. В то время в журнале существовала колонка «Заметки об образовании», которую вел Сугимори Кодзиро, годом раньше меня закончивший философское отделение нашего университета (тогда он носил фамилию Сиромачу и писал под псевдонимом Нандзан).

С апреля мы с ним начали вести эту колонку по очереди: месяц - он, месяц - я. Уже на этом примере видно, как Симамура заботился о том, чтобы читающая публика как можно быстрее узнавала имена новых молодых авторов. Еще один подобный пример - история знаменитого ныне композитора Накаяма Симпэй [82]. Если мне не изменяет память, то именно он создал мелодию песни «Катюша», которая прозвучала в спектакле «Воскресение», поставленному в театре «Гэйдзюцудза». А заказал неизвестному молодому человеку музыку к спектаклю ни кто иной, как все тот же господин Симамура...

В 1913 году Симамура и актриса Мацуи Сумако открыто противопоставили себя «Литературно-художественному обществу» во главе с признанным мэтром профессором Цубоути.

Я достаточно часто встречался с Сома Гёфу, Накамура Китидзо, Накамура Сэйко и другими актерами, работавшими в труппе Цубоути с момента ее основания, но они никогда не говорили о том, что в действительности толкнуло Симамура на этот шаг. А когда я, проявляя неумеренное любопытство, пытался приставать к ним с расспросами, то артисты отвечали неохотно и по большей части односложно: «Ну... Не знаю... Да и что теперь поделаешь?»

Между тем тогда в обществе эта история получала, естественно, самые разные оценки. В основном все обсуждали две темы: ту безоглядную решимость, с которой Симамура разом пожертвовал своей семьей, детьми, репутацией ради того, чтобы фактически в одиночестве, лишь вместе с Сумако, создать новую труппу; и тот успех, который сопутствовал новому театральному коллективу. «Песенка Катюши», которую Сумако исполнила в спектакле по роману Толстого «Воскресение», обрела в конце 1910-х годов невиданную популярность и стала, можно сказать, гимном целого поколения...

В ноябре 1918 года Симамура заболел гриппом-испанкой, эпидемия которого свирепствовала тогда по всей Японии, и скоропостижно скончался. Сумако вскоре после его смерти покончила с собой. Эти события еще на некоторое время всколыхнули обывательский интерес к «истории Хогэцу и Сумако», но вскоре она окончательно забылась...

Хорошо помню, что господин Тагава Дайкитиро, узнав о смерти Симамура, с тяжелым вздохом сказал: «Да, слишком рано пришлось ему оставить дело всей своей жизни...»

Почему Симамура столь решительно пошел на разрыв со всей своей прошлой жизнью? Ведь

44-летний сэнсэй был тогда профессором университета Васэда, считался одним из самых образованных людей своего времени, имел высочайшую репутацию в обществе. Да и по характеру своему Симамура был человеком исключительно благоразумным и рассудительным и менее всего походил на человека, готового поддаться порыву чувств и бездумно пуститься во все тяжкие. И, тем не менее, он пренебрег всеми общественными условностями и поступил именно так, как он поступил. Не остается ничего другого, как предположить, что для такого шага у него были свои причины, и причины гораздо более веские, чем мы можем себе представить...

Пытаясь найти объяснения поступку Симамура, господин Танака Хосэки, который хорошо знал сэнсэя, отмечал гнетущую обстановку в семье, которая, по его мнению, и повлияла на решение мастера.

Были и другие объяснения. Господин Симамура стоял во главе самого популярного литературного направления в Японии того времени - натурализма. А суть натурализма в том и состоит, чтобы ломать сопротивление традиции и противопоставлять ей в буквальном смысле слова натуральную, то есть естественную, жизнь. То есть, согласно этим объяснениям, своим поступком Симамура попытался претворить в жизнь основной принцип натурализма... Но даже если принять эту гипотезу, то все равно остается неясным, почему Симамура решил, что для того, чтобы бороться с традициями, нужно обязательно порвать со своей семьей и начать жить с актрисой? Может быть, ближе к истине находится все-таки Танака?..

По-моему, если бы Симамура просто разошелся с Цубоути и его сторонниками в творческих вопросах, то он бы действовал по-иному. Мне все же кажется, что вся эта история - яркий пример того, сколь сильное влияние на жизнь человека оказывают отношения в семье.

Кстати сказать, когда мы обсуждали эту историю с моей женой, то она сразу предупредила меня, что я вполне могу разделить судьбу Симамура, если вдруг появится такая вот Сумако...

= В газете «Токио майнити» =

Газета «Токио майнити симбун», в которую я пришел на работу в ноябре 1908 года, считалась старейшей газетой Японии. Она была основана еще в 1868 году под названием «Иокогама симбун», потом называлась «Иокогама майнити симбун», «Токио Иокогама майнити симбун»,

просто «Майнити симбун», и, в конце концов, получила свое тогдашнее название «Токио майнити симбун» - «Токийская ежедневная газета».

Газету «Токио майнити» всегда связывали с именем Симада Сабуро, который в конце XIX - начале XX века имел большой вес в правительственных кругах (кстати сказать, нынешний ректор университета Васэда господин Симада Коити - родной сын господина Симада Сабуро). В 1911 году «Токио майнити» перешла непосредственно в собственность Симада. Точные причины этой сделки остались неизвестными, но поговаривали, что она была обусловлена трудностями, с которыми столкнулись управляющие компанией. В том же году Симада «уступил» эту газету своему наставнику в политических делах графу Окума Сигэнобу. Теперь «Токио майнити» стала издаваться за счет средств, полученных от продажи другой газеты, «Хоти симбун» [83]. «Хоти симбун», которая также принадлежала господину Окума, имела в то время самый большой в Японии тираж и вообще была процветающим изданием, рассчитанным на широкого читателя. Иными словами, «Хоти» была, что называется, «газетой для парикмахерских»; в кругах интеллигенции читателей у нее было мало, и Окума был, по-видимому, этим очень недоволен. С другой стороны, «Токио майнити» всегда считалась газетой высокого уровня, и Окума - по крайней мере, так мне тогда говорил Танака Ходзуми - задумал сделать из нее токийский вариант лондонской «Таймс».

Купив у Симада «Токио майнити», Окума назначил президентом издательской компании Такэтоми Токитоси, а главным редактором газеты - Танака Ходзуми. Впрочем, господина Такэтоми мы никогда и в глаза не видели, так что подлинным руководителем газеты был именно Танака. Всеми вопросами, непосредственно связанными с выпуском «Токио майнити», занимались господа из «Хоти симбун» - Таномоги Кэйкити и его начальник по этой газете Мики Кихати. Иными словами, все управленческие полномочия принадлежали у нас к представителям «Хоти». Господин Таномоги стал впоследствии депутатом парламента от токийского избирательного округа, служил министром связи и даже был мэром Токио. Но мне он запомнился как издавший виды газетчик и достойный наставник молодежи. Устроившись у печурки в комнате нашей редакции, мы часто и с удовольствием слушали занимательные истории, которые Таномоги рассказывал о газетном житье-бытье.

Под началом Танака в редакции работали Сэки Кадзүтомо, Кояма Тосукэ, Курацудзи Хакудзя, Такасу Ёсидзиро и другие сотрудники. Заведующим редакцией был Сэки Кадзүтомо, Кояма отвечал за написание передовиц и осуществлял общее редактирование первой полосы, а я

должен был для этой первой полосы поставлять разнообразные статьи. Всего в газете было тогда четыре полосы, причем в верхней части первой полосы обычно помещалась редакционная статья, а остальную площадь заполняли различные эссе, статьи о культуре и искусстве, романы с продолжениями и т.п. Иными словами, мы делали самую важную полосу газеты. Структура остальной части газеты была, насколько мне помнится, такова: на второй полосе шли статьи на политические и экономические темы, на третьей размещались статьи общественно-политической тематики, а четвертая полоса была посвящена биржевым и рыночным новостям...

Пост заместителя заведующего редакцией занимал тогда старый газетный волк по фамилии Курацудзи. Помню, как мы смеялись, когда он с преувеличенной серьезностью вручал нам пособие на приобретение европейской одежды. Впрочем, смех смехом, а эти выплаты тоже были одной из характерных черт тогдашнего нашего житья-бытья...

Должность заведующего отделом городских новостей занимал у нас Такасу Ёсидзиро (он же Байкэй), который пришел в газету чуть позже всех нас. Позднее Такасу увлекся чистой литературой, получил ученую степень доктора и стал одной из заметных литературных фигур того времени...

Все мои коллеги, за исключением Кояма, окончили наш университет. Танака даже говорил, что для выпуска газеты собрались все светлые головы Васэда... Как бы то ни было, практически вся редакция действительно состояла из выпускников этого университета.

Как я уже говорил, в студенческие годы я не был знаком с господином Танака Ходзуми и попал в газету по рекомендации профессора Симамура Хогэцу. Помню, когда я впервые пришел домой к Танака с рекомендательным письмом от Симамура (а дом Танака находился в квартале Бэнтэнтё района Усигомэ), то сэнсэй буквально засыпал меня вопросами:

- В газете хочешь работать? Ну, и о чем же мы собираемся писать?

Я смутился и не нашел, что ответить, а сэнсэй, не обратив на это внимания, продолжал:

- Газету-то ногами писать надо! А у нас все до сих пор головой норовят... Нет, так хорошие газеты не делаются!

Тогда я впервые услышал это выражение - «писать ногами» - и надолго запомнил первый урок моего учителя газетного дела.

За прошедшее с той поры время все японские газеты стали «писаться ногами»; в этом, конечно, виден большой прогресс. Однако жизнь столь же ясно показала и то, что газеты, создаваемые только и исключительно «ногами», также весьма далеки от идеала...

В то время редакция «Токио майнити» располагалась в районе Гиндза в здании, которое впоследствии занимало кафе «Lion». А напротив, на углу, находилась, насколько мне помнится, редакция газеты «Нитинити симбун». Дом наш был двухэтажный, деревянный, с небольшой мансардой... Весной 1909 года мы переехали в новое здание, выстроенное по соседству с редакцией газеты «Хоти симбун», а в старом здании на Гиндза после косметического ремонта и открылось то самое кафе «Lion». Сейчас на этом месте стоит пивной зал под тем же названием, но в нем уже нет ничего от прежних времен - здание было выстроено заново уже после войны.

Незадолго до наступления нового 1909 года, в декабре, в газете произошла передислокация: нашей редакции отвели комнату на втором этаже. Именно здесь валялись теперь на столах свернутые в трубки рукописи, здесь стояли тушечницы и лежали кисти для письма.

Да, рукописи приходилось переписывать обычными волосяными кистями! А пожилые газетчики вроде нашего господина Кояма и передовицы писали в точности так же, как в старину - письма: они держали бумажные свитки свернутыми перед собой и проворачивали их по мере необходимости.

Никаких авторучек у нас тогда, конечно, и в помине не было, но в других местах, по крайней мере, уже писали перьевыми ручками на бумаге в клеточку. Столь древний даже для того времени способ правки с помощью туши и кисти сохранялся, наверное, только в «Токио майнити». Помню, тогда мне это просто бросилось в глаза...

Впрочем, вскоре и у нас тушечницы и кисти оказались забыты, и все перешли на чернила и перья. А потом ушли в прошлое и рулоны писчей бумаги, и бумага в клеточку...

= Язык газет и журналов =

Недавно в справочном издании «Хроника издательского дела в период Мэйдзи» я наткнулся на следующую заметку, впервые опубликованную в газете «Токио Асахи» 8 декабря 1908 года:

«Как известно, распоряжением властей от 9-го года Мэйдзи (1873) служащим государственных учреждений возбранялось пользоваться разбавленной тушью европейского образца (так называемыми «чернилами») для написания любых официальных документов. Вчера Кабинет министров своим решением отменил вышеупомянутое распоряжение и, таким образом, сделал возможным беспрепятственное пользование чернилами...»

Правительственные учреждения всегда более консервативны, чем общество в целом, поэтому заметка о том, что чиновникам теперь дозволено пользоваться чернилами, скорее всего, не вызвала у читателей большого интереса.

Но из этой заметки в «Асахи» ясно видно, что газетные статьи писали в то время не разговорным, а сухим книжным языком. Нечасто писались разговорным языком и другие произведения: романы, статьи о литературе и искусстве, философские эссе.

Так, журнал «Тоё кэйдзай симпо», в котором я потом работал, перешел на разговорный язык в июле 1913 года, но и после этого редакционные статьи и материалы под рубрикой «Финансовые рынки» еще некоторое время печатались старым стилем. Полностью на разговорный язык мы в журнале смогли перейти только полтора года спустя, в январе 1915-го...

А произошло это так поздно потому, что тогда в обществе существовало сильное противодействие всяким языковым новациям. За долгие годы существования журналов читатели сроднились с материалами, написанными старым языком, с этими вечными «доколе» и «ежели», и потому издатели опасались, что внезапный резкий переход на разговорный язык просто отпугнет покупателей. Особенно сильна была оппозиция новому стилю в предпринимательских кругах. Именно ради этих читателей мы пошли на компромисс и продолжали печатать редакционные статьи старым стилем. Только через полтора года, когда протесты противников языковой реформы несколько поутихли, все материалы журнала стали излагаться разговорным языком. И здесь следует сказать, что при всем при том «Тоё кэйдзай

симпо» обновил свой стиль раньше всех других политических и экономических журналов.

Мы сообщили об обновлении журнала в выпуске от 5 июля 1913 года (№ 638). Об этом извещало крупно набранное объявление, помещенное на первой странице номера. В нем, в частности, говорилось:

«Все сотрудники нашего журнала глубоко уверены в том, что переход на разговорный язык в материалах, предназначенных для представителей финансовых кругов, будет способствовать делу подлинного просвещения всего нашего общества.

При всем разнообразии мнений на этот счет, всей нашей литературе предстоит рано или поздно перейти на разговорный язык. Единство письма и речи уже утвердилось в художественной литературе, однако в силу давней традиции оно пока еще отвергается многочисленными представителями политических и экономических кругов. Тем не менее, решение нашего журнала о переходе на новый стиль является твердым и окончательным, и впредь мы будем пользоваться разговорным языком во всех материалах, включая финансовые сводки. Рассчитываем на Ваше понимание».

Из этой редакционной статьи (а писал ее я) видно, что «Тоё кэйдзай симпо» переходил на новый стиль достаточно резко. С одной стороны, мы этим, конечно, очень гордились, но, с другой - все-таки опасались негативной реакции читателей. Тем не менее, журнал «Тоё дзирон», который компания «Тоё кэйдзай» начала издавать с мая 1911 года, с самого первого выпуска выходил на разговорном языке...

= Мои первые журналистские опыты =

В «Токио майнити» меня поначалу зачислили в отдел местных новостей. Было это в конце 1908 года. И сразу же мне и моему коллеге дали задание посетить злачный квартал Ёсивара (сейчас я уже в точности не помню, в чем конкретно состояло это задание). Я тогда совершенно растерялся. Однако мой напарник, к счастью, оказался не из робкого десятка, и задание мы выполнили. Вот только от самого квартала у меня остались самые мерзкие впечатления...

Следующее мое задание состояло в том, чтобы получить приветствие графа Окума Сигэнобу. Оно адресовалось читателям новогоднего номера газеты. Судя по наставлениям начальства,

дело это было совершенно рутинным, а само приветствие они собирались посвятить исключительно новогодним украшениям. Помню, тогда я еще подумал, что такая заметка будет выглядеть весьма нелепо: крупный японский государственный деятель - и вдруг рассуждает о какой-то праздничной мишуре... Но приказ есть приказ; подавив чувство стыда, я договорился по телефону об интервью и отправился в Васэда.

Но легко сказать «отправился». Автомобилей ведь тогда в Токио не было... Некоторое время я размышлял о том, удобно ли будет взять рикшу, но, в конце концов, кинулся по раскисшей от дождя и снега улице бегом, прямо в кимоно и сандалиях асида, забрызгивая грязью свои брюки.

Между тем граф Окума, как бы желая подчеркнуть, что он ждал моего появления, встретил меня в дверях своего дома, и встретил с исключительным радушием. Может быть, мне повезло, но, заведя речь о злосчастных новогодних украшениях, Окума увлекся и стал вспоминать в связи с этим разные истории, изобиловавшие интересными подробностями. Не помню, были ли у меня с собой заранее заготовленные вопросы или нет, но даже если они и были, то, к счастью, не понадобились, и мне не пришлось мучительно краснеть, выдавливая из себя эти дурацкие вопросы...

Задание было успешно выполнено, но еще долгое время при воспоминании о том, как редакция направила меня к графу Окума брать это идиотское интервью, я испытывал щемящее чувство стыда.

И тогда я решил перейти на работу в другой отдел газеты, тем более, что и в самой редакции начались разговоры о том, что в отделе новостей я нахожусь явно не на своем месте. В результате в начале следующего года я действительно перешел в отдел, выпускавший вторую страницу газеты, и был назначен ответственным за контакты с Министерством просвещения. Поначалу в силу моей неопытности здесь тоже дела шли не блестяще, но, к счастью, в это время в Токио переехал мой бывший учитель средней школы доктор Сидэхара. Теперь он работал в Министерство просвещения и инспектировал школы. Постепенно я стал разбираться в проблемах образования, и работа начала приносить мне удовольствие.

= Волнения в Высшем коммерческом училище и студенческие диспуты в Токио =

Во время моей работы в газете «Токио майнити» главной проблемой, волновавшей общество, были беспорядки в Высшем коммерческом училище. Волнения продолжались с конца февраля до конца мая 1909 года. Дело было так. В Высшем коммерческом училище Хитоцубаси готовились повысить свой статус до уровня Коммерческого университета. На этом фоне в Хитоцубаси решили открыть новый специальный факультет, не считаясь с указаниями Министерства просвещения. При этом директор училища господин Мацудзаки Куроносукэ (сам, кстати говоря, выпускник Токийского императорского университета) заявлял о своей лояльности Министерству просвещения. В училище принимались резолюции, требовавшие увольнения тех или иных преподавателей, в пожаре сгорела часть общежития училища, кто-то из Хитоцубаси послал тогдашнему министру просвещения Комацубара Эйтаро короткий самурайский меч [84] - словом, положение в училище с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Министерство просвещения оказалось в полном замешательстве и не предпринимало никаких действий. Скоро положение в Высшем коммерческом училище стало вызывать самое серьезное беспокойство.

И тут кому-то из наших газетчиков (кому точно - сейчас не помню) пришла в голову мысль, что кто-то из молодых журналистов, который имел дело с этой проблемой, мог бы выразить общую серьезную озабоченность и показать, что мы тоже прилагаем все силы, чтобы найти выход из создавшегося положения. Когда с этой идеей пришли ко мне, я сразу с ней согласился. Обсудив возможные пути, мы скоро пришли к выводу, что нам нужно обратиться к господину Накано Буэй [85]. Мы вдвоем с одним приятелем спешно отправились к Накано и попытались объяснить ему, что он должен срочно вмешаться в события. Накано тогда возглавлял Токийскую торговую палату и слыл в финансовых кругах фигурой влиятельной. Выслушав наши сбивчивые объяснения, он сказал, что очень рад тому, что молодые журналисты столь искренне обеспокоены создавшимся положением и дал слово приложить все силы для решения этой проблемы.

Через несколько дней после этой встречи благодаря усилиям Накано Буэй, Сибусава Эйити [86] и других миротворцев волнения в Высшей коммерческой школе утихли. И именно эти люди внесли впоследствии решающий вклад в повышение статуса школы и создании на ее основе университета Хитоцубаси. А мне здесь просто захотелось вспомнить этот оставшийся несколько в тени эпизод, который подтолкнул их к участию в делах Высшей коммерческой

школы.

От времени пребывания «Майнити» у меня сохранились, в основном, воспоминания, связанные с поручениями по работе. Одно из них - об освещении конкурса ораторского искусства студентов токийских вузов, который проходил весной 1909 года в течение двух дней в специально арендованном для этой цели Дворце учащейся молодежи «Китоку» (он находился в районе Канда). Замечательная идея разрекламировать эту студенческую встречу с помощью «Токио Майнити» принадлежала господину Танака Ходзуми, который сам был выдающимся оратором и, по-видимому, решил, что и для других подобное зрелище должно быть интересным.

Каждый вуз выдвигал на конкурс по два участника, а всего в состязании было представлено, если мне не изменяет память, одиннадцать учебных заведений. У меня и поныне хранится сделанная тогда на память фотографическая карточка, но, к сожалению, за давностью лет я успел позабыть имена многих и многих из запечатленных на ней студентов. Помню только Маэда Тамон (Токийский Императорский университет), Като Масахито (университет Кэйю), Ёсино Нобуцугу (Первая Высшая школа), Ёсиуэ Сёрё (Первая Высшая школа) и некоторых других участников.

= Мечты о лондонской «Таймс» =

Однако новая расстановка политических сил просуществовала недолго. Весной 1909 года во время парламентской сессии вспыхнул конфликт в возглавлявшейся графом Окума Прогрессивной партии Симпото (впоследствии она стала называться Минсэйто). Борьба между Инукаи Цуёси и другими членами партийного руководства в конечном счете привела к расколу партии. Это не замедлило сказаться и на контролировавшейся Окума газете «Токио Майнити» [87]. Журналисты тоже раскололись на сторонников и противников Инукаи, и каждая из фракций стала подчеркивать в статьях собственную значимость и обрушиваться с бранью на противников... Президент компании господин Такэтоми принадлежал к группировке антагонистов Инукаи, и с этой точки зрения позицию газеты можно было бы считать направленной против Инукаи, но дело было в том, что у Такэтоми и разделявшего его позицию Танака не хватало сил даже на то, чтобы обеспечить в редакции хотя бы показное единодушие. Словом, атмосфера в газете оставляла желать много лучшего.

В довершение всего возникли новые трудности: наша газета, претендовавшая на роль токийского варианта лондонской «Таймс», попросту перестала быть интересной для читателей и, как следствие, столкнулась с административными проблемами.

Еще в то время, когда мы только что переехали в новую контору на Гиндза, у нас в газете появилась маленькая ротационная машина. Мы надеялись, что она будет работать непрерывно, день и ночь, но увы - очень скоро ее пришлось остановить навсегда, поскольку тираж газеты «Токио Майнити» стал ничтожно мал. Точных цифр тиража после переезда на Гиндза я не помню (возможно, потому, что большая его часть печаталась в типографии «Хоти»), но можно с уверенностью сказать, что никакого роста тиража тогда не наблюдалось.

Среди влиятельных газетчиков распространилось мнение, что во всех этих бедах виновата бестолковая редакция; посыпались обвинения в адрес отдельных журналистов (имена их я сейчас, к сожалению, вспомнить не могу). Думаю, не обошлось в этой истории и без влияния той политической перебранки, о которой я уже упоминал. Не знаю, какие там, в верхах, велись переговоры, но закончилось дело тем, что руководству газеты «Хоти» пришлось признать выдвинутые против нее обвинения. Вернувшись с очередного совещания, главный редактор Танака собрал всех сотрудников, попрощался с ними и с горечью в голосе заявил, что уходит из компании. У сторонников Танака в руководстве газеты не оставалось иного выхода, кроме как последовать примеру своего начальника. В газете началось большое брожение.

Было бы, конечно, верхом самонадеянности утверждать, что все мы, вплоть до самых молодых журналистов, предпринимали такие шаги осознанно. Так, помню, что Кояма и его коллеги всячески советовали другим остаться в газете (хотя сам Кояма вместе с другими членами руководства из газеты все-таки ушел).

Впрочем, еще до этих событий я как призывник получил повестку и вскоре должен был уйти служить в армию. Да и после ухода из «Токио Майнити» позвавшего меня туда Танака у меня пропало всякое желание работать в газете, которая теперь принадлежала непонятно кому. Я подал заявление об уходе. Хорошо помню слова, которыми меня со всей искренностью пытался предостеречь от такого решения один из старших товарищей - заведующий отделом промышленности, пришедший к нам из газеты «Хоти». Он сказал:

- Тандзан, но ведь для того, чтобы стать министром просвещения, тебе обязательно нужно поработать в газете!..

Уже из этой реплики ясно видно, что тогда многие журналисты рассматривали работу в газете как трамплин для осуществления других, более честолюбивых замыслов, как средство попасть в правящие круги... И с чего это он вдруг решил, что я мечтаю именно на пост министра просвещения?.. Может быть, из-за того, что я закончил гуманитарный факультет и по работе был связан с этим министерством? Так или иначе, меня тоже приняли за юнца, который спит и видит попасть на высокую должность. Да у меня и в мыслях не было ничего подобного!

Итак, вслед за господином Танака многие из нас ушли из газеты «Токио Майнити». Было это летом 1909 года - не то в конце июля, не то в начале августа. Судя по фотографии, которую мы тогда сделали на память об этом событии, было нас, вместе с Сэки и Кояма, целых 28 человек - правда, возможно, кто-то просто не попал на эту фотографию...

Так скоропостижно, спустя только семь-восемь месяцев после своего начала, закончилась моя карьера газетчика. Но за этот короткий срок я успел многому научиться. Именно тогда я по поручению Танака впервые стал писать редакционные статьи. Именно в этой газете я впервые познакомился с работой редакции и типографии. Именно здесь началась та цепочка событий, которая привела меня, в конечном счете, к работе в «Тоё кэйдзай симпо».

В жизни человеческой бесполезен любой опыт...

ГЛАВА 4. СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ

= Рядовой 3-го пехотного полка =

Между моим уходом из газеты «Токио Майнити» и призывом на военную службу прошло четыре месяца. Я прожил это время на небольшое выходное пособие, полученное при увольнении с работы, а также благодаря гонорарам за статьи, которые я писал в «Безымянные новости» и другие издания. Кроме того, я дописал предисловие к уже упоминавшейся книге «Религии мира».

Квартировал я тогда в пансионе «Васэда» в районе Усигомэ. В этот же пансион я вернулся после демобилизации и обременял его своим присутствием вплоть до ноября 1912 года, когда я женился и - впервые в своей жизни - снял жилье на втором этаже дома одного мастера,

который делал коляски для рикш. Жили мы в квартале Хондзё Кинситё. А нашел мне эту квартиру в Кинситё мой товарищ Тобари Коган, который впоследствии стал известным скульптором...

Пансион «Васэда» стоял по соседству с домом маршала Хасэгава в тихом, спокойном месте, его владелец был замечательной доброты человеком - словом, жить мне там было в удовольствие, поэтому задержался я в «Васэда» намного дольше, нежели в других своих пристанищах.

Именно из «Васэда» я и отправился морозным утром 1 декабря 1911 года для прохождения срочной службы в 3-й пехотный полк, который был расквартирован в районе Адзабу. Провожали меня до казарм Сэки Ёсабуро и Осуги Дзюнсаку. Добраться до призывного пункта оказалось очень легко, поскольку, по тогдашнему обычаю, каждого новобранца провожали целые колонны родственников и соседей. Над колоннами реяли самодельные транспаранты с надписями «Приветствуем призывника такого-то». Впрочем, никакие транспаранты не могли отвлечь меня от мрачных мыслей о том, что служить мне в армии будет очень и очень нелегко...

За год до этого я прочитал в газете «Майнити» роман Исикава Тацусабуро «Тростник на ветру». В романе описывались немыслимые издевательства, которым подвергался призванный в армию молодой интеллигент. Там встречались сцены, которые и читать-то было невыносимо трудно... Короче говоря, отправляясь на действительную военную службу, я больше всего боялся издевательства над новобранцами, слухи о которых тогда буквально наводняли общество.

В период с 1904 года - начала Русско-японской войны - по 1907 год, когда срок действительной воинской службы был сокращен до двух лет, новобранцам в армии на самом деле приходилось несладко: с одной стороны, сказывалось эхо войны, с другой - служили-то тогда три года... В условиях, когда о существовавших проблемах публично не говорили, а служба в армии ничего, кроме отвращения, у молодежи не вызвала, многие старались уклониться от призыва. И находились люди, которые им в этом помогали...

Рассказывали, что один из моих бывших школьных товарищей после блестящего окончания Училища иностранных языков задумал сделаться непригодным к армейской службе по причине

астении. Он то ли действительно страшно голодал, то ли попросту совсем отказался от пищи, но в результате был вчистую комиссован. Правда, вскоре после этого он по-настоящему заболел и умер... Некоторые из молодых людей сознательно пытались испортить себе зрение, для чего носили очки от близорукости. Были и другие хитрости, но в призывных комиссиях их обычно достаточно хорошо знали и особенно тщательно проверяли именно зрение...

До лета 1908 года я в связи с обучением в университете Васэда имел отсрочку от призыва. В 1909 году, когда мне исполнилось 26 лет, меня вызвали в токийский район Ситая на военную комиссию. Мне тогда, ясное дело, тоже хотелось каким-то образом увильнуть от призыва, но на голодовку смелости у меня не хватило, и потому я был аттестован по первому разряду, то есть признан полностью годным к армейской службе. Какой-то офицерский чин выступил перед нами с приветственной речью по случаю вручения призывных свидетельств. Я слушал его далеко не в радостном расположении духа. Но ничего не попишешь: теперь мне предстояло провести в армии целый год в качестве вольноопределяющегося - или, как тогда говорили, «добровольца сроком на один год».

Институт вольноопределяющихся существовал в рамках старой армейской системы, сложившейся сразу после Русско-японской войны. Насколько я понимаю, из вольноопределяющихся просто готовили младших офицеров запаса. Набирали этих людей из числа лиц, окончивших среднюю школу или учебные заведения более высоких ступеней. Призванные в армию сроком на один год, люди занимались разного рода специальной подготовкой, получая за это 108 иен, то есть по 9 иен в месяц. По прошествии года человек увольнялся в запас в звании младшего или даже старшего унтер-офицера. Через год новоиспеченных старших унтер-офицеров призывали на трехмесячные сборы, после окончания которых они сдавали экзамены и получали свидетельства о присвоении им воинских званий младших лейтенантов запаса. Так что если у человека не было желания становиться младшим лейтенантом запаса, то его служба продолжалась ровно год, а тем, кто хотел им стать, требовалось для этого прослужить один год и три месяца. Словом, вольноопределяющиеся служили меньше, чем простые солдаты, да и условия службы у них были не в пример лучше, и потому выпускники средних и высших школ и университетов обычно шли служить именно вольноопределяющимися, а не простыми солдатами.

Впрочем, и в течение этого года условия службы у вольноопределяющихся могли быть самыми различными. Лучше всего было пойти служить интендантом, но туда брали только тех, кто до

того изучал право или экономику в учебных заведениях со сроком обучения не менее трех лет и к тому же успешно такие учебные заведения закончил. У меня, выпускника гуманитарного факультета, подобной квалификации не было...

Позднее система подготовки младших офицеров из числа вольноопределяющихся трансформировалась в систему подготовки командного состава...

Наслушавшись рассказов об ужасах воинской службы, я, естественно, со страхом ожидал ее начала...

После прохождения всех формальностей на призывном пункте меня зачислили в состав второго отделения третьей роты и направили в казарму, где я переоделся в положенное мне «обмундирование». Когда я выносил ожидавшим меня друзьям гражданскую одежду, в которой прибыл в полк, то Осуги не удержался и сказал, что в форме я выгляжу «очень мило»... Может быть, действительно стоило над всем этим посмеяться, но у меня тогда были совсем другие настроения: мне казалось, что друзья оставляют меня одного-одиношенького в каком-то старом доме, кишасщем чертями и оборотнями...

= Меня принимают за социалиста =

На входе в казарму, в которой жили солдаты нашего отделения, я столкнулся с каким-то добряком в форме старшего унтер-офицера.

- Здравствуйте. Меня зовут Исибаси, - сказал я.

- Так-так. А я - командир отделения старший унтер-офицер Цукагоси. Рад с Вами познакомиться, - учтиво ответил он, склонившись в приветственном поклоне.

Такое поведение командира отделения оказалось для меня совершенно неожиданным. По моим представлениям, все разговоры в армии должны были идти исключительно в командном тоне и таким образом, чтобы слова просто-таки слетали с губ. А тут...

Прошло несколько дней. Как-то после ужина один младший лейтенант, которому были поручены занятия с новобранцами (звали его Судзуки Ацуси; впоследствии мы крепко

подружились), отправил меня в казарму, где жили офицеры полка; по его словам, нужно было выполнить какое-то поручение дежурного по части.

Размышляя о том, что же это такое мне собираются поручить, я в волнении кинулся к дежурному.

- А, явился, наконец! - встретил меня тот. - Слушай, я тебе вот что хотел сказать... Извини, если отрываю... Тут мне сейчас денщик мотигаси [88] из города принес. Они уж получше будут, чем те, что в гарнизонной лавке продаются... Возьми!

Я, впрочем, еще не успел побывать в гарнизонной лавке и оценить, какие лепешки продаются там...

Всего в том году в 3-м пехотном полку служило, если я не ошибаюсь, человек 12-13 вольноопределяющихся, четверо или пятеро из них - во второй роте. По возрасту я не был среди них самым старшим, да и биография моя тоже не была какой-то выдающейся. Были среди нас гораздо более интересные люди, например, выпускник юридического факультета Токийского императорского университета, который до армии служил в банке «Дайхяку гинко», или выпускник университета Кэйо. Но, тем не менее, все командиры относились с трогательной заботой именно ко мне. Почему? Об истинных причинах такого отношения я тогда не догадывался. Между тем армейская доброжелательность дошла до того, что младший лейтенант Судзуки попросил меня давать ему уроки английского языка, и я каждый вечер приходил к нему в казарму для младших офицеров...

В такой обстановке мне уже спустя несколько месяцев присвоили звание младшего унтер-офицера, и вскоре я был уже на дружеской ноге со многими офицерами нашей второй роты. В это время командир нашей роты поступил в Академию сухопутных войск, и его обязанности стал исполнять старший по званию - лейтенант Такэда Хисаси. Лейтенант был добрейшей души человек. Впоследствии мы с ним очень сдружились и даже вместе выпивали. Он-то и рассказал, зачем тогда, в первые дни службы, младший лейтенант Судзуки угощал меня сладостями. «Да он просто шпионил за тобой!» - просветил меня Такэда.

Видимо, так оно и было. Наверное, в полку рассудили просто: «Окончил Васэда, да еще и в газете работал - не иначе, как социалист! И в какую же роту направить этого Исибаси? Да-а,

вопрос! А кто самый строгий командир у нас в полку? Командир второго отделения третьей роты старший фельдфебель Сибата. Значит, туда его!» Так я попал во второе отделение третьей роты.

Старший фельдфебель Сибата действительно был страшный придира, которого все солдаты боялись, как огня. Но зато за плечами у него был большой жизненный опыт, которым он любил делиться с новобранцами. Я с ним поддерживал хорошие отношения и в полку, и после моего увольнения в запас. Разговоры с фельдфебелем помогли мне рассеять многие мучившие меня сомнения. Иногда после расставания с Сибата я от души смеялся над его наставлениями, не забывая, конечно, прежде поблагодарить командира за очень ценные советы...

Проблемы, связанные с распространением коммунистической идеологии, возникли в Японии только после Первой мировой войны. До того, в конце периода Мэйдзи, в стране даже самого названия этого течения никто толком не знал. Так, например, в справочном издании «Хроника издательского дела в период Мэйдзи» нет ни слова «коммунизм», ни слова «компартия», а в указателях к «Политико-экономическому ежегоднику» (Сакуин сэйдзи кэйдзай нэмпё) слова «коммунистическая партия» появляются только в 1921 году. В период же Мэйдзи вместо слова «коммунизм» пугали термином «социализм». Правительство с блеском в глазах повсюду искало социалистов, и, конечно, очень опасалось их появления в армии.

Правда, были случаи, когда активничавшие группки настоящих социалистов действительно пытались внедриться в ряды армии. Например, за пару лет до моего призыва в одном полку был выявлен случай проникновения социалиста. Видимо, именно после этого случая в армии решили брать на карандаш всех поступавших на службу потенциальных «социалистов», а за «неблагонадежными» устанавливать слежку. К примеру, незадолго до моего призыва попал под наблюдение мой товарищ Сираянаги Сюко, проходивший службу в том же 3-м пехотном полку (он учился в Васэда на филологическом отделении и закончил университете в том же году, что и я).

Но командование 3-го пехотного полка, по крайней мере, не делало еще одной глупости: оно не пыталось «исправлять» образ мыслей солдат насильственными методами наподобие тех, о которых писал в своем романе Исикава Тацусабуру.

В те времена, когда в 3-м пехотном полку служил Сираянаги, его командиром был полковник

Танака Гиити [89] (позднее - генерал армии и президент партии Сэйюкай). Танака уже тогда имел заметный политический вес, который, например, позволял ему приглашать в полк графа Окума. Они и с Сираянаги относились друг к другу с взаимным интересом. Но к моменту моего прихода в полк им уже командовал другой человек. Новый начальник был не столь гибок и изворотлив, как Танака, но в том, что касается слежки за социалистами, старался следовать методам своего предшественника и избегал бессмысленного давления на непокорных подчиненных. Наверное, именно поэтому в полку ко мне так хорошо и относились (хотя я-то, конечно, никаким социалистом и не был).

= Слезы первогодков =

Впрочем, даже если бы в нашей части не было столь доброжелательного ко мне отношения, то все равно, оценивая тогдашние армейские порядки, я бы не сказал, что в армии (или, по крайней мере, в нашем пехотном полку) царила одна совершенная дикость. Что я могу сказать точно - это что за время своей службы я не только не видел ни одного офицера или унтер-офицера, о котором бы говорили, что он издевается над солдатами, но и не слышал о случаях такого измывательства. А если бы такой случай произошел, то виновные понесли бы суровое наказание: воинская дисциплина тогда была очень строгой.

Больше беспокойства в этом смысле вызывали нижние чины, то есть ефрейторы и рядовые второго года службы (три года тогда уже не служили). Здесь измывательства были: старослужащие в течение целого года измывались как хотели над новобранцами, которые и так с трудом тянули ляжку службы. Не удивительно, что первогодки не чаяли дожидаться нового призыва, ибо с приходом пополнения они сами становились старослужащими и могли тем же манером показать свое превосходство. Так все и шло год за годом...

Хуже всего было то, что первогодки вдобавок к своим обязанностям - навести порядок в казарме, сделать уборку территории, почистить оружие после учений, надраить до блеска обувь, постирать обмундирование и т.п. - должны были проделывать всю эту работу и за «стариков». В результате у первогодков не было ни минуты свободного времени. Утром они вставали задолго до сигнала «подъем» и, стараясь не шуметь, делали уборку в казарме. Другие новобранцы дежурили на кухне, готовили на всех еду, раскладывали по мискам и несли в столовую.

Естественно, по правилам во всех этих работах должны были принимать участие и старослужащие. Но только должны были... В действительности «старик» обычно и пальцем не шевелил. Все, что они делали - это покрикивал на «молодых» да «подкармливал» замешкавшихся тычками и подзатыльниками. Причем самое страшное было даже не в том, что новобранцы должны были выполнять чужую работу, а в том, какие унижения они при этом испытывали...

Произошло это вскоре после начала моей службы. Однажды вечером один ефрейтор (обычно очень тихий и симпатичный молодой парень) собрал всех «молодых» в казарме и начал им за что-то выговаривать. Прислушавшись, я понял, о чем шла речь. Оказывается, сегодня на ужине первогодки, «совершенно обнаглев», заняли в столовой лучшие столы, оставив «старикам» те, что поплоче.

Дело было в том, что новобранцы, не зная установившихся правил казарменного «этикета», пришли со своими мисками раньше всех и заняли лучшие места, так что когда в казарме появились задержавшиеся «по делам службы» старослужащие, то им пришлось сидеть за старыми столами.

Оказывается, даже за такую «провинность» можно было схлопотать выговор от начальника, а если «повезет», то и подзатыльник от «старших товарищей»!

Поразмыслив над случившимся, я пришел к выводу, что в этом случае «самоуправство» «молодых» было связано вовсе не с незнанием местных правил, а с протестом новобранцев. Иными словами, издевательства над новичками в данном случае встретили сопротивление.

Большинство новобранцев, впрочем, безропотно следовало существовавшим порядкам. В лучшем случае они действовали так, как пелось в одной популярной полковой песенке, переиначенной из детской считалки: «Раз, два, три, четыре - зарыдал «малец» в сортире». Причем, насколько можно судить, тяжелые переживания новобранцев не всегда объяснялись именно издевательствами. Часто люди страдали из-за того, что не сумели приспособиться к армейской жизни и просто тосковали до дому...

Питание в армии мне не нравилось: да, порции были большие, но жиров мало, да и вообще как-то все невкусно... Однажды я попытался поделиться своими заботами с одним военным

врачом, но тот сказал, что дело во мне самом: это я на гражданке привык ко всяким кулинарным изыскам, а большинство солдат такой вкусноты дома никогда и не пробовали. Засомневавшись, я, естественно, переговорил на эту тему и с простыми солдатами. Выяснилось, что некоторые из них жалуются на то, что в армии они стали есть меньше растительных жиров, и потому их постоянно мучают чирьи. Впрочем, если не считать появления нарывов, то армейской едой они были действительно вполне довольны и жалели только о том, что порции маловаты...

= «Офицеры, унтер-офицеры, лошади и солдаты...» =

Мы, вольноопределяющиеся, хотя и были приписаны к тому или иному пехотному отделению, но все же представляли собой некий особый, привилегированный слой. Мы были освобождены от многих обязанностей, нам разрешалось носить оружие, с нами не могли поступать так, как с простыми солдатами. Однако вместе с тем и мы все-таки были людьми подневольными и тоже терпели кое-какие жизненные тяготы. Среди невзгод была и та, с которой особенно трудно свыкнуться молодым вольноопределяющимся из интеллигенции - я имею в виду строгую армейскую субординацию. Какой-нибудь крестьянский сын, который и грамоты-то толком не знал, но был старослужащим или, чего доброго, носил на плечах погоны аж с одной звездочкой, имел полное право нами командовать, а мы были обязаны отдавать ему честь. И такие, на первый взгляд, мелочи, совершенно выводили людей из себя...

Однажды один из вольноопределяющихся где-то услышал выражение «офицеры, унтер-офицеры, лошади и солдаты» и страшно возмутился тем, что солдат, таким образом, армейские чины ставят солдат ниже скотины. Мы спросили старшего фельдфебеля Сибата, знает ли он это выражение, и он подтвердил, что оно действительно иногда встречалось в приказах времен Русско-японской войны.

Оказалось, что тогда перед отправкой на фронт офицеров готовили примерно в течение года, причем набирали их из числа лиц, имевших образование не ниже средней школы. Для того чтобы стать унтер-офицером, достаточно было окончить старшие классы начальной школы и пройти двухгодичную подготовку. Тренировка лошадей для нужд армии отнимала несколько месяцев. И, наконец, для того, чтобы показать солдатам, как следует обращаться с винтовками, хватало и нескольких дней. Но поскольку армейские чины никак не могли свыкнуться с мыслью, что подготовка офицеров, если судить по срокам, оказывалась не самым

трудным для армии делом, то офицеров в этом списке поставили на первое место, а за ним уже в порядке длительности подготовки были перечислены унтер-офицеры, лошади и солдаты. Именно так Сибата объяснил нам возникновение этой формулы. «Правда, сейчас в армии так уже, по-моему, не говорят», - смущенно заключил он.

Как я уже говорил, тогда власти очень опасались распространения в армии социалистических настроений, и если бы офицеры начали употреблять такие словосочетания в разговорах с солдатами, то дело могло бы дойти и до протестов, что далеко не всем бы понравилось...

Несмотря на опасения Сибата, что такое объяснение может вызвать недовольство вольноопределяющихся, мне его формула показалась интересной. Дело в том, что под воздействием теории об изначально присущих человеку правах, имевшей хождение на Западе начиная с XVII века, у многих сложилось мнение, что все люди с самого начала наделены определенными правами. Мне кажется, что в действительности дело обстоит несколько иначе. То, что людям даруются определенные права - это общественная необходимость, своего рода ценность, признаваемая данным обществом. Не будет такой необходимости - и людям ничего само по себе «даровано» не будет. Армия - это некий механизм, нацеленный на ведение войны. А раз так, то все суждения о ценности того или иного объекта в армейской структуре должны выноситься с точки зрения того, насколько тот или иной объект может помочь в достижении данной цели. Ведь что было бы, если бы дело обстояло противоположным образом? Представим себе армию, в которой лошадьми, офицерами и унтер-офицерами пренебрегают, а высшей ценностью являются солдаты, и, как следствие, они в полном объеме снабжаются всем необходимым. С очевидностью, такая армия обречена на быстрое разложение.

Таким образом, до тех пор, пока речь идет об армии как инструменте для ведения войны, последовательность «офицеры, унтер-офицеры, лошади и солдаты» описывает совершенно правильную философию, в которой не нужно искать ни антидемократизма, ни варварства. И стыдиться здесь нечего...

В эти же рассуждения укладывается и еще одно явление, которое я можно было наблюдать в те годы. Тогда солдаты должны были являться под ружье по повестке. Повестка писалась на открытке. Так вот, говорят, во время Русско-японской войны многие унтер-офицеры кричали солдатам: «Эй, вы, те, что за сэн и пять рин!» Почему? Потому, что именно один сэн и пять рин [90] стоила та самая открытка, на которой писалась повестка...

Вот такие соображения я изложил тогда моим товарищам. Как оказалось позднее, эту мою доморощенную теорию можно было перелицевать таким образом, что она принимала антивоенную направленность. Ведь получается, что в условиях, когда существует армия, целью которой является ведение войны, нельзя однозначно сказать, какой статус имеют те или иные люди в глазах общества: обладают ли они всеми правами человека или по своей ценности низводятся до лошадей...

Уже во время войны на Тихом океане я как-то написал на основе этих размышлений короткую статью для газеты «Тюбу Ниппон», которая так и называлась: «Офицеры, унтер-офицеры, лошади и солдаты». Как и следовало ожидать, статья вернулась ко мне с огромным штампом информотдела Главной ставки: «НЕ ДОЗВОЛЯЕТСЯ». Кроме штампа, на рукописи красовалась еще и сделанная красными чернилами надпись «Излагаются недопустимые для армии взгляды». В принципе можно было бы, конечно, опубликовать эту статью и без разрешения цензуры, но, похоже, в газете чего-то испугались, решили направить материал на предварительную цензуру в информотдел, а тот публикацию запретил...

= Зарисовки из армейской жизни =

Нечего и говорить - в армии мне приходилось несладко. Я не привык к большим физическим нагрузкам, и потому сильно похудел: если до начала в начале армейской службы во мне было около 15 кан (56 кг), то потом - меньше 12 кан (45 кг), и за все время пребывания в армии я так и не вышел на свой обычный вес. Кроме того, в полку я сильно простудился, и простуда эта скоро перешла в сильнейший катар верхних дыхательных путей, так что мне пришлось лечь в полковой лазарет... К счастью, я попал в руки прекрасного терапевта, капитана нестроевой службы военврача Акиба, который окружил меня особой заботой. По правилам, больной не мог находиться в лазарете больше недели - его следовало отправлять в гарнизонный госпиталь. Но там и речь нельзя было вести о каком-то лечении, поэтому Акиба оставил меня в полку. Я лежал на казарменной койке, а военврач очень трогательно за мной ухаживал и даже заказывал «на гражданке» разные лекарства, которых не было в лазарете. Я и поныне глубоко ему за это благодарен.

Хуже всего для меня в армейской жизни оказалось то, что в казарме постоянно пропадали выстиранные и вывешенные для просушки вещи. В бане столь же постоянно воровали обувь.

Правда, солдаты выставляли там дежурных, но все равно вещи продолжали бесследно исчезать. По большому счету, происходило это не по злему умыслу. Просто происходил обмен старого и поношенного обмундирования на новое. Обычно таким способом промышляли старослужащие из других отделений и рот. Не удивительно, что когда батальон шел в баню (а мылись мы побатальонно), то приходилось пересматривать выданную нам одежду и наряжаться во все самое ветхое и рваное...

Было это вскоре после начала моей армейской службы. Однажды я опрометчиво отправился в баню в новеньких, только что мне выданных танка [91]. Словно предчувствуя самое худшее, я забросил их в предбаннике на самую верхнюю полку и все время, пока мылся, буквально не спускал с них глаз. Лишь на мгновение я зажмурился, чтобы вымыть голову. И что же? Когда я снова поднял глаза, то тапочек уже и след простыл! Все произошло в буквальном смысле в мгновение ока! Кто-то, по-видимому, давно положил глаз на мои танка и только и ждал удобного случая...

В полной растерянности я вернулся в казарму и рассказал о своей беде соседу-старослужащему. «И только-то? Да ничего, вольнопер, не горюй! - стал утешать меня сосед. - Добудем тебе обувку!» И действительно, через несколько дней он принес мне пару вполне хороших тапочек, ничуть не хуже тех, что у меня пропали. С очевидностью, стащил в соседней роте...

Но ведь и эта пара обуви у кого-то пропала. И этот «кто-то» тоже был вынужден красть очередную пару у другого бедолаги. Кражи выстраивались в бесконечную цепочку...

Нередко в казарме пропадал и инвентарь, всякие там веники или совки для мусора. Пропадал он по той же причине, что и постиранное белье или ботики: в армии было строго определено количество единиц инвентаря и всякая его недостача, допустим, в роте, считалась непростительной оплошностью. Поэтому если в роте чего-то не хватало, то его непременно и срочно следовало где-то раздобыть. В результате в одних местах постоянно возникали недостачи, а в других - набирали все впрок, сверх необходимого.

Впрочем, и избыток инвентаря тоже считался упущением, и за этим тоже строго следило и командиры подразделений, и регулярно инспектировавшее казармы дивизионное начальство. Короче говоря, как недостача имущества, так и его избыток равным образом не сулили

подчиненным ничего хорошего, поэтому в случае проверки лишние предметы спешно прятали - обычно забрасывали на чердак. Этот устоявшийся, освященный годами практики армейский обычай был, естественно известен и проверяющим, и потому любая прибывшая в подразделение комиссия первым делом норовила подняться на чердак... В конце концов проверяющие находили в казарме какую-то недостачу (она в чем-нибудь, да обнаруживалась непременно) и начинали, как говорится, «жать масло» из командиров подразделений, и тогда на тех было жалко смотреть...

Начальство свято верило, что, насылая на нас разнообразные и многочисленные проверки, оно способствует укреплению воинской дисциплины. Особенно сильную панику вызывало появление в казарме проверяющих должностью от командира полка и выше. Тогда мне казалось, что в результате этих проверок только тратятся впустую огромные силы, которые могли бы найти лучшее приложение. Однако позднее я убедился в том, что определенный прок от этих строгостей все-таки был...

= Я пересматриваю свои взгляды на армию =

Для человека с нормальным здоровьем военная подготовка не была чем-то невыносимо тяжелым. Но офицеры всегда следили за тем, чтобы солдаты выполняли свои обязанности ревностно, делали по уставу все, вплоть до самых незначительных мелочей. А был ли в том резон?

Вот пример. Летом на марше некоторые солдаты получали солнечные удары (особенно были им подвержены те, у кого с самого начала с головой было что-то не в порядке). Командовавшие нами офицеры были страшно недовольны, когда в подразделении оказывалось много больных (по-видимому, это как-то сказывалось и на них самих), но все равно с еще большим усердием продолжали занятия. Все, что они позволяли солдатам после очередного обморока - это расстегнуть верхнюю пуговицу на гимнастерке.

Я уже писал о том, что в армии я похудел до 12 кан 45 кг). Но при всем при том к осенним маневрам я уже мог пробежать с полной боевой выкладкой от Адзабу до района Нараси и обратно, получил звание младшего унтер-офицера, исполнял обязанности командира отделения.

Реальная армейская жизнь за полгода заставила меня полностью пересмотреть мои взгляды на армию. Пересмотр этот начался с первых дней моего пребывания на службе - и вовсе не потому, что командир отделения меня вежливо приветствовал, а офицер, занимавшийся новобранцами, приглашал на чай. Просто я почувствовал интерес к армейской жизни и увидел в ней немало положительных моментов.

Примеры. Обычно в местах скопления людей бывает исключительно грязно, никогда нет порядка. Однако в армии - по крайней мере, в японской армии - мне даже в самых дальних закоулках гарнизонов никогда не доводилось видеть и следов беспорядка и грязи. Особенно восхищала меня чистота в отхожих местах. По правилам, зайдя в кабинку, нужно было повесить форменный ремень на вращающуюся на петлях дверь кабинки таким образом, чтобы бляха свешивалась наружу. Это на армейском языке означало «занято». Если же ремня на дверце не было, то в кабинку можно было совершенно спокойно входить и заниматься своими делами. Мне эта система сигнализации очень нравилась...

Помню случай, который произошел вскоре после начала моей службы. Комбат собрал нас, вольноопределяющихся, и попросил записать свои впечатления о первых днях службы. Не знаю, что написали мои товарищи, но я подготовил очень простой рапорт, который состоял буквально из нескольких строк: «Только что начал службу, что будет дальше - не знаю, но на сегодняшний день впечатления полностью отличаются от тех, что были на «гражданке». Оказывается, здесь всюду чистота и порядок. Словом, всем доволен».

Через несколько дней после того, как мы подали свои рапорты, нас снова собрали у командира батальона, который зачитал наши писания и, совершенно неожиданно для меня, сделал вывод, что я написал совсем не то, что думаю. «Нет, у тебя что-то другое на уме!» - прогремел он и вернул мне мою бумагу. На ней красовалась написанная красными чернилами резолюция, смысл которой сводился к тому, что этот вольноопределяющийся, скорее всего, что-то скрывает и недоговаривает. Позднее я понял, что произошло: зная, что я - «социалист», комбат просто не поверил, что я могу с похвалой отзываться об армейских порядках...

Комбата нашего звали Матида Кацугоро. Тогда он был в звании майора. Это был очень волевой и решительный человек. Рассказывали, что свое звание он получил внеочередным образом после окончания школы младшего офицерского состава - иными словами, в военном училище он не обучался. Матида постоянно на кого-то ворчал или кого-то распекал, поэтому многие

подчиненные его побаивались. Однако было немало и тех, кто считал, что к его указаниям стоит прислушаться.

Мне комбат сразу понравился. Впоследствии его отношение ко мне сильно изменилось, он тоже стал меня понимать, а через пару лет уже, как рассказывали, даже стал ставить меня в пример новым вольноопределяющимся, проходившим службу в полку.

Несмотря на отсутствие специального образования, майор Матида дослужился до полковника и действительно долгое время командовал полком, расквартированным в каком-то захолустье. Наверное, он уже хорошо разбирался во всех армейских вопросах - но мне судить об этом трудно: став в 1911 году младшим офицером запаса, я к тому времени уже перестал обременять полковника Матида своим присутствием на военной службе. Второго случая повстречаться с господином Матида мне в жизни не представилось, однако до самой кончины полковника мы с ним регулярно обменивались новогодними поздравительными открытками...

= Страх высоты =

Больше всего в армии меня удручала необходимость выполнять какие-то гимнастические упражнения на неких снарядах. Как я уже говорил, в детстве мои домашние запрещали мне купаться в реке и лазать по деревьям, так что я совсем не знал таких удовольствий. Поэтому я и сейчас плаваю как топор, а также навсегда остался полным нулем в гимнастике. К тому же очень боюсь высоты: стоит мне подняться на какое-то высокое место, и я буквально заболеваю, настолько все мое существо пронизывают беспокойство и страх. Помню, когда в средней школе я начал заниматься кэндо и дзюдо, то преподаватель кэндо сказал, что у меня хорошая гибкость. Однако ничто, даже самые глубокие раны, нанесенные моему самолюбию, так и не смогли заставить меня выполнить ни одного, даже самого простенького, гимнастического упражнения. Я не мог даже просто спрыгнуть с помоста, если он был выше человеческого роста.

К счастью, в армии нас редко заставляли выполнять гимнастические упражнения, однако иногда мне все же приходилось подходить к турнику... Помню, однажды на плацу специально собрали всю команду вольноопределяющихся и кандидатов в младшие офицеры: прибывший к нам командир бригады генерал-майор Сэндо Таро решил лично проконтролировать, как мы умеем выполнять упражнения на гимнастических снарядах. (Сэндо уже тогда был знаменитым

военачальником; впоследствии, после выхода в отставку, он стал депутатом палаты представителей японского парламента).

Специально к визиту Сэндо в части была построена лестница высотой в 12 больших ступеней, которая на высоте последней ступени переходила в небольшой помост. И мы должны были прыгивать с этого помоста на землю! Как выразился злодей Сибата, назавтра нам предстояло увидеть незабываемое зрелище: вольноопределяющихся, плавно парящих в воздухе, словно журавли в танце... Нечего и говорить, что никого из вольноопределяющихся не прельщала перспектива сигать вниз с заоблачной высоты в 12 крутых ступеней, а я так вообще заранее побелел от страха. Что делать? Сказать, что я боюсь и потому отказываюсь прыгать? Нельзя, скандал обеспечен. Заставить себя прыгнуть? Это было выше моих сил.

Наконец, этот страшный день настал. Все построились у вышки. Кандидатов в младшие офицеры действительно заставили прыгать с 12-й ступеньки. Однако когда дело дошло до вольноопределяющихся, то командир полка полковник Ваками Торадзи решил, что для вольноопределяющихся 12 ступеней - это слишком высоко. «Так точно, высоко! - радостно поддакнул проводивший упражнения офицер. - Разрешите выполнять прыжки с 10-й?» Однако, к счастью для вольноопределяющихся, было решено, что для них и 10-я ступенька - это недоступная высота, и прыгать нам надо с 6-й или 7-й ступени. Для меня и это было непросто, но облегчение задания сделало свое дело: безо всякого головокружения я спрыгнул с этих самых ступенек.

Боязнь высоты мне всегда очень мешала, и однажды я все-таки решил разобраться, нельзя ли найти способ ее излечить. В одно прекрасное воскресное утро я отправился с визитом к профессору филологии Фукураи Томокити, который преподавал на психологическом факультете Токийского Императорского университета и был широко известен как превосходный гипнотизер. Я спросил его, нельзя ли снять мой страх перед высотой с помощью гипноза. «Давайте попробуем провести один опыт», - ответил мне на это профессор. Он заставил меня встать прямо и дал в каждую руку по палке длиной в 4-5 сун. Потом он попросил смотреть прямо ему в глаза и при этом попытаться повернуть палки так, чтобы они приняли строго горизонтальное положение, а потом свести их вместе.

В тот раз я так и не понял, какой смысл имело проведение этого загадочного опыта. Но, как оказалось, профессор посчитал, что я успешно прошел тест, и меня можно направлять на

лечение к Игараси Корю. Мастер Игараси, который жил в одном из буддийских храмов в районе Асакуса, был известен как специалист по лечению гипнозом самых разнообразных недугов.

Мне было крайне интересно узнать, какую же болезнь обнаружил у меня доктор Фукураи, и в ближайший выходной я поспешил в храм к мастеру Игараси. Там царило оживление. В прихожей стояла целая вереница стульев, на которых ожидали своей очереди пациенты. Среди них мое внимание привлекла молодая мать с мальчиком, который, по-видимому, страдал энурезом.

Я тоже пристроился на один из стульев и стал ждать своей очереди. Наконец, меня допустили к Игараси, который заставил меня закрыть глаза и стал внушать, что я поднимаюсь на какое-то высокое место. Однако мое сознание оставалось совершенно ясным, я отчетливо слышал его голос и ни в какой гипнотический сон не впадал. Время от времени в голове проскакивали мысли, что я должен расслабиться и подчиниться воле мастера, раз уж я сам решил к нему прийти, однако ничего у меня не получалось. Несколько раз я честно попытался отдаться гипнозу, но сознание уходить не желало. В конце концов, посчитав, что обманывать доктора, по крайней мере, неприлично, я прекратил свои попытки. Вылечить боязнь высоты гипнозом не удалось.

Причина этого, по-видимому, крылась в моем воспитании. Как и многие люди с рациональным складом ума, я не смог даже с помощью внушения сконцентрировать свое внимание на чем-то одном, поэтому гипноз на меня и не подействовал.

Но вот что интересно. Однажды я в своем отделении задумал повторить тот опыт, который проделал со мной профессор Фукураи. Я выбрал в отделении самого большого разину и дал ему в каждую руку по учебной деревянной винтовке. К моему удивлению, результат эксперимента оказался совершенно иным, нежели у меня: когда боец стал поворачивать винтовки, глядя мне прямо в глаза, то деревяшки, в конце концов, с глухим звуком стукнулись друг о друга!

Потом я узнал, что эксперименты эти имели простое объяснение. Речь шла о взаимосвязи координации движений и концентрации внимания. Если глаз смотрит на кончик пальца вытянутой вперед руки, то человеку гораздо легче сконцентрировать свое внимание и направить руку в нужное место. Когда доктор Фукураи просил меня свести вместе два

деревянных шеста, он просто проверял координацию движений и мою способность к концентрации.

Знакомство с гипнозом однажды пригодилось мне и в армии. Когда год спустя я проходил трехмесячные сборы, мы с одним лейтенантом где-то прочитали о довольно сложной методике введения человека в гипнотическое состояние и тут же решили испытать ее на дежурном по нашему офицерскому общежитию. К нашей гордости, дежуривший тогда ефрейтор легко поддавался внушению, впал в гипнотическое состояние и по нашим приказам стал перемещаться по казарме, поворачиваться, брать разные вещи - одним словом, сеанс гипноза прошел с большим успехом.

Как-то много позже я все-таки догадался спросить у него, правда ли он тогда находился в состоянии гипноза. «Да как Вам сказать... - улыбнулся ефрейтор. - Вы знаете, младший лейтенант Н. так хорошо умеет человеку все внушать, что и во сне хочешь не хочешь - а выполняешь его команды...» Похоже, ефрейтор был недалек от истины. Голова ефрейтора, дежурившего по офицерской казарме, просто не могла не поддаться любому, даже самому слабому гипнозу начальника...

= Два замечания =

В своей статье, опубликованной в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 2 сентября 1950 года я писал, что «в то время редакция «Токио майнити» располагалась в районе Гиндза в здании, которое впоследствии занимало кафе «Lion». Наверное, и сейчас там мало что изменилось».

Я ошибся. Ошибся потому, что в последнее время нечасто бывал на Гиндза. Как сообщил мне один из читателей, здание, в котором располагалось кафе, было превращено в руины страшным землетрясением 1923 года, а сейчас на этом месте стоит уже совершенно другой дом. Название заведения тоже изменилось: теперь оно называется «Гиндза Lion» и представляет собой пивной зал, в котором подают пиво «Эбису». Для полной точности следует указать, что зал этот находится на углу четвертого квартала Гиндза - вот теперь все совершенно точно.

И второе. В номере от 9 сентября в том абзаце, где речь идет о волнениях в Высшей коммерческой школе, написано, что тогда дотла сгорело новое здание общежития. И здесь

память мне изменила: сгорело тогда старое здание, выстроенное из красного кирпича. Это со всей определенностью следует из письма, которое я получил от нашего читателя господина Такэи Дайсукэ, который в то время оканчивал университет Хитоцубаси, сам был в гуще событий и одним из первых оказался на месте пожара. Я, впрочем, тоже там был...

Вот какие два замечания я хотел бы сделать прежде, чем продолжить свой рассказ.

= Армейская философия =

До тех пор, пока существует на свете армия, организация эта не может не быть рационально устроенной - это понятно хотя бы из примера последовательности «офицеры, унтер-офицеры, лошади, солдаты», о которой шла речь выше. И что меня с этой точки зрения в армии восхищало - так это действовавший тогда Полевой Устав - фактически, свод основных правил, по которым должна вестись война. Вот что в нем было написано:

«Офицеры каждого подразделения должны прилагать все моральные и физические силы для исполнения для выполнения приказов, не надеясь на помощь извне. Выполнение приказов на любом уровне есть боеспособности всей армии...

Приказ начальника - закон для подчиненных. Однако при выполнении приказа может возникнуть необходимость принимать решения по собственному усмотрению. На первый взгляд кажется, что беспрекословное подчинение приказу противоречит установке на проявление инициативы. Но на самом деле это не так...»

Ни в каком другом документе, кроме этого Устава, я не видел таких слов, которые бы так кратко и так полно определяли взаимоотношения между целым и его частями, между организацией и частными лицами и подразделениями, составляющими данную организацию...

Несмотря на то, что в тексте постоянно повторяются слова «по собственному усмотрению», из самой сути документа следует, что отдельные люди и подразделения, составляющие армейскую систему, должны постоянно находиться в тесном взаимодействии. Ни одного иероглифа, который бы указывал на необходимость разобщенности, мне в тексте Устава найти не удалось.

Полностью неверно говорить, что армия как-то специально подавляет человеческую индивидуальность или пренебрегает ею. Нет, на самом деле армия просто не усматривает в некоторых личностных качествах отдельного человека никакой ценности и использует только те его свойства, которые могут представлять интерес для системы. Я написал об этом небольшую статью, которая долгое время валялась среди других моих бумаг, пока, в конце концов, я не включил ее в сборник «Человек и экономика» («Дзинсэй то кэйдзай»), который вышел в 1942 году.

А то, что армия интересуется отдельными особенностями человека с точки зрения его вовлечения в систему, можно видеть на примере постановки воспитания новобранцев. Вместе с новичками в часть поступают из их родных деревень, поселков и городов личные дела новобранцев, в которых приводятся детальные сведения об их биографиях, квалификации, склонностях и т.п. И офицеры от командира батальона и ниже, ответственные за ведение воспитательной работы, обязаны знакомиться с индивидуальными характеристиками каждого солдата - для того, чтобы в полной мере использовать их для боевой учебы и службы...

Об этом неоднократно говорили и высокопоставленные военные - например, в 1911 году, когда я уже был в звании подпоручика, в таком духе высказался прибывший в нашу часть генерал-лейтенант Кигоси Ясуцуна - тогда командир 1-й дивизии, а впоследствии - военный министр. А командир 2-й бригады (в нее входил и наш 3-й полк) генерал-майор Мацукава Тосикадзу, однажды на собрании офицеров полка, говоря о механизированных частях, прямо сказал, что сила армии, в конечном счете, не в технике, а в людях...

Генерал-майор Мацукава был одним из учеников знаменитого Меккеля, которого в начале периода Мэйдзи, когда создавалась современная японская армия, пригласили преподавать в Академии сухопутных войск. А Мацукава, наряду с генерал-майором Сэмба, о котором я упоминал выше, пользовался в то время большим авторитетом как один из самых влиятельных японских военных...

Во время Русско-японской войны весь мир сумел оценить тот факт, что японская армия не только храбро сражается, но и обладает отменной дисциплиной. А это, в свою очередь, говорило о том, что в ее высшем руководстве было немало талантливых военачальников.

Интересно, что много лет спустя я совершенно случайно познакомился с сыном генерала

Мацукава, Мацукава Ситиро: он пришел работать в «Тоё кэйдзай симпо»! Работал у нас и сын моего первого начальника Сибата. Мир только кажется обширным, а на самом деле он исключительно тесен; за свою жизнь я неоднократно встречался с сыновьями тех, кого я уважал еще в годы моей армейской юности, и такие встречи будили во мне глубокие ностальгические чувства...

Возвращаясь к армейской философии, следует сказать, что хотя в философском смысле армии должен быть присущ подлинный групповизм и, значит, полное использование определенных индивидуальных качеств в том смысле, как это было сформулировано выше, армейская реальность, естественно, может быть весьма далекой от этого идеала. Достаточно сказать, что именно в армии возникло такое явление, как издевательство над новобранцами...

Кстати говоря, в анкетах, которые заполняли недавние гражданские, нередко можно было прочесть много забавного. Так, один новобранец в графе «Ваши склонности», написал «Мурасаки». Не знаю, что он имел в виду, но мы потом долго смеялись над тем, что бедолага, наверное, невзначай проговорился и назвал имя своей близкой знакомой из «веселого квартала» [92]...

Мне кажется, нельзя механически считать, что внимание, которое в армии уделяют тому или иному человеку, вытекает из каких-то общегуманитарных принципов и изначально присущих человеку прав. Нет, как всякая организация, обладающая реальной силой, армия, прежде всего, проявляет себя в том, что ограничивает человека. А то, что при этом она, тем не менее, прагматически использует его определенные качества - есть прикладная необходимость, вытекающая из тех задач, которые армии нужно решать. Причем, естественно, это относится не только к японской армии - недаром процитированный выше Полевой Устав был, как говорят, переведен с немецкого...

= Страх на войне =

В подобных размышлениях об армии я провел трудный, но вопреки ожиданиям, не столь уж страшный год жизни, и в конце ноября 1910 года в звании унтер-офицера уволился в запас. В сентябре следующего года я снова был призван на трехмесячные сборы, успешно выдержал выпускные экзамены и получил звание подпоручика. В январе 1913 года вышел приказ о произведении меня в младшие лейтенанты.

Я продолжал серьезно интересоваться жизнью армии, рассматривая ее как слепок со всего общества и как своего рода общеобразовательное заведение. Что же касается основной цели деятельности всякой армии - войны, то я всегда испытывал к ней крайнее отвращение.

Прежде всего я просто боялся ужасов войны... Однажды мы в нашем полку повели учения у подножия горы Фудзи. В нескольких сот метрах от нас были установлены мишени - фигуры солдат в полный рост. Наша задача состояла в том, чтобы совершить бросок и поразить огнем «живую силу» условного противника.

Атака должна была пройти гладко - ведь такой «противник», естественно, не мог ответить на наш огонь. Да и командиры, стремясь к тому, чтобы солдаты успокоились и показали хорошие результаты, постоянно подавали нам команды «Целься!» - «Пли!». Однако когда после окончания стрельбы мы подошли к мишеням, то оказалось, что ни одной дырки от пули в мишенях нет. Ни одной! «Ну и стрелки!» - подумал было я.

Но потом мне привиделось, что это я сижу в окопе на месте одной из этих мишеней, что это по мне нападавшие сделали примерно тысячу выстрелов, что пули, со свистом пролетая над моей головой, с воем отскакивают от окружающих меня деревьев - и волосы у меня стали дыбом от ужаса. Если бы я оказался под таким градом пуль в реальном бою, то, наверное, даже от дна окопа не смог бы оторваться...

Так что сложившиеся у меня в дальнейшем пацифистские взгляды есть не результат каких-то рассуждений и умствований, а следствие пережитого во время военных учений...

Во время Первой мировой войны в нашей стране распространилась теория, согласно которой Япония должна была послать свои войска на Европейский фронт. Нашлись люди, которые развернули целое движение, выступавшее с подобными требованиями. Говорили, что это движение нашло поддержку в царской России.

В своей статье «Отправка войск в Европу: ну не безумие ли?», напечатанной в январском номере «Тоё кэйдзай симпо» за 1915 год, я резко выступил против таких взглядов. К счастью, движение потерпело почти полную неудачу: если не считать высадки в Циндао и отправки нескольких кораблей в центральную часть Тихого океана, крупномасштабных перебросок

японских войск за границу не было [93].

С этим движением за отправку войск у меня связано еще одно воспоминание. Как-то раз я участвовал в одном собрании, на котором человек 20-30 обсуждали вопрос об отправке войск за границу. Большинство выступало за такое решение. Тогда я задал собравшимся простой вопрос: «Скажите, вот Вы почти единогласно выступаете за то, чтобы направить наши войска в Европу. А кто из Вас готов пойти добровольцем в действующую армию?». И тут оказалось, что военнообязанным из всех собравшихся был только я! Иными словами, если бы в тот день началась новая война, то на защиту страны выступил бы только я один! Все эти деятели рьяно отстаивали свое право готовить поминальную трапезу - но, конечно, по другим! Это я им и высказал, не забыв подчеркнуть, что после всего услышанного мне почему-то очень не хочется в одиночку идти на войну и там жертвовать своей жизнью ради блага собравшихся в этом зале. Ответом мне было молчание...

Я также не хотел, чтобы на войне погибли мои дети, мои близкие. Именно поэтому я тогда и выступил против войны. Впрочем, конечно, далеко не только поэтому. Но уже тогда я очень остро чувствовал, что если бы все люди всерьез задумались о войне как о чем-то, что коснется лично каждого, то от необдуманных рассуждений о некоей пользе войны, наверное, уже бы и воспоминаний не осталось. Позднее я не раз поднимал эту тему в своих статьях, которые публиковались, в том числе, и в журнале «Тоё кэйдзай симпо».

И это убеждение я тоже вынес из уроков, преподанных мне в армии.

ГЛАВА 5. ВОЛНЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ВАСЭДА В 1917 ГОДУ

= Невеселые воспоминания =

Здесь я хочу забежать в своих воспоминаниях немного вперед и рассказать о далеко не самых радостных событиях - волнениях в университете Васэда, которые случились в 1917 году.

Конечно, наш мир беспорядками не удивишь. Но события в Васэда стали для японского общества того времени большой больной темой, о которой день за днем писали многие газеты. Однако, описывая детали этих событий, никто почему-то не упомянул о серьезных противоречиях, существовавших тогда в руководстве университета.

Многие из тех, кто был тогда связан с университетом, поначалу считали, что события эти представляли собой ни что иное, как борьбу студентов за справедливость (я тоже некоторое время с энтузиазмом защищал эту точку зрения).

Случилось так, что по ходу этих волнений мне пришлось стать в них одним из главных действующих лиц и взять на себя ответственность за все происходившее. Много раз я задумывался о том, что мой долг - рассказать правду о волнениях и тем самым развеять заблуждения, которые существовали и существуют на этот счет среди части моих тогдашних друзей. Именно поэтому я тщательно сохранял все связанные с этим делом документы, вплоть до гроссбухов. Однако все эти мои бумаги погибли во время бомбардировки 10 марта 1945 года. К счастью, недавно один мой старый друг прислал мне два очень важных документа. Один из них называется «Материалы по проблеме назначения ректора университета Васэда» - он в то время имел самое широкое хождение среди наших сторонников. Второй документ - опубликованное нашими противниками письмо в поддержку руководства университета, которое озаглавлено «Проблема назначения ректора: суть дела». На основе этих документов и собственных воспоминаний я и собираюсь теперь осуществить свой давнишний замысел и рассказать об этих не самых веселых событиях.

= Начало событий =

Было это, насколько я помню, 19 или 20 июня 1917 года. В редакцию журнала «Тоё кэйдзай симпо», которая располагалась тогда в квартале Тэндзинтё района Усигомэ, пришел Сато Тадаси, секретарь ректора университета Васэда. Из разговоров с ним выяснилось, что в августе месяце истекают полномочия нынешнего ректора доктора Аmano Тамэюки, и на его место втайне готовятся назначить бывшего ректора Таката Санаэ. С этой целью трое университетских патриархов - Итисима Кэнкити, Цубоути Юдзо и Укида Кадзутами - собирались 21 июня провести совещание с ведущими преподавателями Васэда, а во второй половине того же дня встретиться с находившимися тогда в Токио членами попечительского совета университета и убедить их согласиться с таким решением. Сато с нашей помощью хотел расстроить этот тайный план.

Наш коллега Сато Тадаси закончил философское отделение университета Васэда в 1909 году. В будущем ему предстояло стать депутатом парламента, но в то время, а именно с августа

1915 года, когда Аmano занял пост ректора, Сато работал его секретарем. Позднее я узнал, что рекомендовал его на эту должность Асакава Эйдзиро, зять доктора Аmano, который тогда тоже преподавал в Васэда.

Итисима Кэнкити, о котором я только что упомянул, был очень талантливым человеком. Под псевдонимом Итисима Сюдзё он опубликовал несколько книг эссе и других художественных произведений, принесших ему широкую известность в литературных кругах. Вместе с Цубоути Сёё Итисима входил в плеяду старейших деятелей университета, которые работали в Васэда еще в те годы, когда он назывался Токийским техническим училищем (Токё сэммон гакко).

Я в свои студенческие годы никаких контактов с доктором Аmano Тамэюки не поддерживал, да и после того, как начал работать в «Тоё кэйдзай симпо», не был с ним очень близок, ибо никакого отношения к выпуску журнала доктор Аmano не имел. Наше знакомство ограничивалось лишь тем, что я регулярно посылал ему новогодние открытки. Поэтому меня лично совершенно не интересовало, справляется ли доктор Аmano со своими обязанностями ректора университета или нет. Вот если бы он хотя бы оказывал какую-то помощь журналу «Тоё кэйдзай симпо»... Тогда конечно, тогда бы я на каждом углу твердил о том, что доктор Аmano непременно должен остаться на посту ректора Васэда...

Но все же в том, что рассказал нам Сато, было нечто возмущившее меня до глубины души. Я имею в виду намерение Таката вернуться на пост ректора и его желание непременно добиться всеобщего одобрения такого решения.

Дело было вот в чем. В августе 1915 года в результате затеянной премьером Окума реорганизации кабинета министров доктор Таката стал министром просвещения. Тогда-то он и оставил пост ректора Васэда, передав его своему давнему и верному соратнику доктору Аmano. А теперь, когда кабинет Окума ушел в отставку, а Таката предстояло расстаться с креслом министра, он хочет сбросить Аmano и снова занять пост ректора! Ну и эгоист!

Вообще я считал, что в Васэда давно назрели реформы. По моему мнению, таким старейшинам, как Таката, Аmano и Цубоути давно пора было отойти от дел. К тому же они, хотя и стояли у истоков Васэда, сами были выходцами из других учебных заведений. А сейчас их вполне могли заменить молодые выпускники нашего университета - те же Канэко Умадзи, Сиодзава Масасада, Танака Ходзуми, готовые послужить своей alma mater. Поэтому меня и возмутило

все, что рассказал Сато.

Обсудив положение со своим коллегой Миура, я решил вообще оставить в стороне вопрос о том, должен ли Аmano оставаться ректором или нет, а в целом обсудить ситуацию в Васэда с возможно большим числом преподавателей и членов попечительского совета университета.

Главная проблема была в полном отсутствии времени: на все про все у нас оставалось не более пары суток. А на переговоры с большим числом людей времени не было вовсе. Поэтому я быстро передал сообщение Сато преподавателям Нагаи Рютаро и Хатано Сэйити, а также члену попечительского совета университета Мацуяма Тюдзиро, который был тогда главным редактором газеты «Асахи». Одновременно мы связались с другими членами университетского совета, в частности, с влиятельным токийским адвокатом Вакабаяси Нариаки и депутатом парламента Сайто Такао (с ними разговаривал Миура Тэцутаро). Сато, по-видимому, так никогда и не узнал, какое движение он начал. Впрочем, нельзя сказать, что я прилагал какие-то совсем уж фантастические усилия. Более того, по вполне понятным причинам мы никак не могли повлиять на решения Нагаи, Хатано и Мацуяма. Все, о чем мы их просили - обязательно присутствовать на предстоящем собрании. Естественно, тогда мне и в кошмарном сне не могло привидеться, что следствием этого совещания станут большие студенческие волнения. А между тем именно это и произошло.

= Полный бойкот Аmano =

В результате совещания 21-го числа разразилась самая настоящая буря. Началось все с того, что пришедшие на собрание Итисима Кэнкити и доктор Цубоути вдруг просто обрушились на доктора Аmano и в ярости стали на него кричать. Наверное, без этого они просто были не в силах разъяснить Аmano, почему это он вдруг должен уйти в отставку и уступить пост ректора Таката.

Однако совершенно неожиданно в ответ на брань Итисима и Цубоути большое число преподавателей и членов попечительского совета стало на сторону Аmano и высказалось в его поддержку. Кстати сказать, многие из них ничего не знали о планах смены ректора. Высказались в поддержку Аmano и те люди, с которыми успели переговорить мы. Словом, вопреки планам организаторов собрания оно выступило на стороне Аmano.

К тому же, как оказалось, еще до начала собрания группа депутатов парламента от партии Кэнсэйкай, которые в свое время закончили Васэда, выступила с резким протестом, заявив, что возвращение доктора Таката в Васэда не только неприемлемо для самого университета, но и является актом самой настоящей политической измены. Депутаты донесли это свое мнение как до самого доктора Таката, так и до маркиза Окума.

Если бы сам доктор Таката и люди из его окружения тогда в полной мере прочувствовали ту атмосферу, которая сложилась вокруг этих событий, то они могли бы легко справиться с ситуацией и разрешить возникшие проблемы. Тем более что, насколько можно судить, первоначально именно такое желание у них и возникло: так, под влиянием протестов представителей политических кругов доктор Таката сообщил Аmano, что лично у него нет намерения возвращаться на пост ректора Васэда. Однако в первой декаде июля при посредничестве маркиза Окума состоялись переговоры между Таката, Аmano и Цубоути, на которых был выработан новый метод решения этой проблемы. Состоял он в следующем: внести в Устав университета такие поправки, которые позволяли бы учитывать выдвигаемые в университете требования. После внесения в Устав этих изменений создать комиссию из числа преподавателей и попечителей университета, которой и поручить избрание ректора. До вступления в силу нового Устава обязанности ректора будет исполнять доктор Аmano. Новый план был поставлен на обсуждение на заседании попечительского совета университета и получил там полное одобрение.

Если бы все вопросы и далее решались таким образом, то, наверное, никаких волнений в Васэда не было бы вовсе. Однако таким подходом оказалась недовольна небольшая группа сторонников Таката, а, лучше сказать, противников Аmano. В группу входило несколько молодых преподавателей, а также некоторые члены попечительского совета (впрочем, если судить по публикациям университетских органов, то не некоторые, а чуть ли не все члены этого совета). Эта группа не хотела дожидаться принятия поправок к Уставу, заявляла, что при Аmano нельзя выжить и дня, а вдобавок потребовала немедленного ухода в отставку Президента университета Окума.

Вскоре после этих заявлений член попечительского совета университета доктор Цубоути и почетный ректор университета Таката в попытке найти выход из окончательно запутавшегося положения подали прошения об отставке, мотивируя свой шаг тем, что в таких условиях они не могут доверять Президенту университета. Но и это не помогло: в университете было

принято решение о начале всеобщей стачки в знак протеста против того, что Аmano остается на своем посту.

По мнению противников Аmano, существовало несколько причин, приведших к волнениям. Впрочем, причины они называли самые вздорные нелепые. То ректор Аmano якобы излишне резко высказался в Обществе друзей университета. То он в выступлении на собрании попечительского совета «проповедовал идеи «заботы о благе народа» [94], имеющие совершенно недвусмысленный политический оттенок». То он «стремился полностью замолчать тот вклад, который внес в становление университета его Президент господин Окума... и даже настаивал на том, что необходимо отменить пожизненное членство в попечительском совете». То «он окружил себя ненадежными людьми, которые под благовидными предложениями реформирования Устава, прикрываясь лозунгами борьбы с несправедливостью, усердно вынашивают самые злостные замыслы...» (Цитирую по брошюре «Проблема назначения ректора: суть дела», выпущенной в университете Васэда в сентябре 1917 года).

Такие проблемы (если бы только они действительно существовали) вполне можно было решить путем переговоров с самим Аmano. В конце концов, никогда не поздно было принять и меры административного характера, которые заставили бы Аmano обдумать свое поведение. Но вместо этого его противники стали пугать всех возможной отставкой Окума. По-видимому, они решили не останавливаться ни перед чем, чтобы сместить доктора Аmano и поставить на его место Таката. По-моему, это была совершенно негибкая политика.

Впрочем, определенную ответственность за происшедшее должен нести и доктор Аmano, который, похоже, действительно решил воспользоваться случаем и избавиться от влияния Таката и маркиза Окума на дела университета. Ведь именно эти цели, в числе прочих, преследовали демократизация и реформа Устава, на которых он так настаивал. И как раз в деле демократизации и реформ он нашел поддержку тех, кто, в конце концов, и образовал движение в защиту Аmano. Однако Таката и его сторонники, естественно, находили такое поведение Аmano просто возмутительным. К тому же они уже полностью определились в своей позиции: выступаем против Аmano, чего бы нам это не стоило! Опять-таки и маркиз Окума вряд ли испытал прилив благодарности к Аmano, когда узнал, что тот намерен отменить пожизненное членство в опекунском совете, которое гарантировало маркизу и его потомкам особую степень влияния на университетские дела...

Получив заявления от Таката и Цубоути прошения об отставке, маркиз Окума вызвал к себе Аmano и посоветовал ему в целях восстановления мира в университете подать аналогичное заявление об уходе в отставку с поста ректора. Это было вежливое приглашение совершить харакири. Но Аmano не дал себя провести. Он ответил, что, к сожалению, не сможет последовать совету уважаемого господина Окума и уйти в отставку только потому, что это запланировано профессором Таката и некоторыми другими лицами.

Вот такие события происходили в Васэда в конце июля 1917 года.

= С точки зрения «Тоё кэйдзай симпо» =

Скоро об этом запутанном деле заговорили газеты, оно стало известно широкой публике. Среди студентов Васэда и друзей университета, не входивших в попечительский совет, стали возникать различные группы и движения в поддержку Аmano. Газеты в большинстве своем писали об Аmano в сочувственном тоне, и те, кто следил за ситуацией с самого начала, не видели особых перспектив у позиции Таката и его окружения. В результате вокруг Сато Тадаси и меня сплотилось большое число студентов и так называемых «друзей университета».

Среди этих друзей было немало людей с бойцовским характером - будущий депутат парламента Нисиока Такэдзиро, знаменитый бейсболист-«пинчер» Каваясу Митиси, Накано Сэйго и другие.

Там и сям вспыхивали разнообразные дискуссии и диспуты. Обычно они велись в клубе «Ярай», находившемся неподалеку от университета, либо в клубе «Васэда», который располагался в то время в квартале Утисайвайтё района Кодзимати.

И в этой неясной обстановке меня избрали кем-то вроде председателя так называемой «партии сторонников Аmano» - избрали потому, что я работал в журнале «Тоё кэйдзай симпо», который всегда демонстрировал заинтересованность в этом деле. А, может быть, выбор на меня пал просто из-за того, что не нашлось другой, более подходящей кандидатуры...

Вскоре я получил прозвище «Керенский» - по-видимому, потому, что участники движения надеялись осуществить в Васэда революцию наподобие той, что Керенский совершил в России...

А началось, напомним, все с того, что я решил переговорить с несколькими преподавателями и членами попечительского совета о том, как решить «проблему ректора»...

Я не лукавлю. Мне действительно очень жаль, что наше противостояние вылилось в какие-то невообразимые беспорядки. И, честно говоря, после того, как волнения все же начались, я временами чувствовал себя по отношению к доверившимся мне людям так, как никогда уже больше не чувствовал: временами я напоминал себе чуть ли не Сайго Такамори во время восстания 1877 года [95]...

Во всех случаях, всегда и всюду я подчеркивал, что наша цель - не борьба за конкретного доктора Аmano, в реформирование и демократизация нашей alma mater. Впрочем, окружавшие меня тогда люди, а в особенности наши оппоненты из лагеря сторонников доктора Таката, вряд ли принимали всерьез эти мои разъяснения. Наверняка они полагали, что Аmano просто использует подкармливаемый им журнал «Тоё кэйдзай симпо» в своих корыстных целях, а я в журнале из чувства личной преданности доктору Аmano неустанно хлопочу о том, чтобы поддержать движение в защиту профессора. Во всяком случае, многие действительно так и думали.

Однако в журнале «Тоё кэйдзай симпо» - и не только в это время - работали чуть более рассудительные и добросовестные люди. Кто-кто, а уж они заведомо знали, что стоит сотрудникам какого-то журнала в своих статьях начать следовать за чьим-то личным мнением, как журнал этот тотчас же перестает быть выразителем общественного мнения и становится публике неинтересен.

Да, конечно, Миура в свое время учился у доктора Аmano в университете Васэда (в то время еще в Токийском училище) и был связан с ним по работе в «Тоё кэйдзай симпо». Но кроме Миура, никто из нашей компании у Аmano не учился - и я в том числе. И, кстати сказать, Миура в этой ситуации держал себя гораздо более сдержанно и хладнокровно, нежели я.

Вообще если бы мы тогда исходили из каких-то особых связей и обязательств перед доктором Аmano, то нам следовало бы с самого начала пойти наперекор всеобщему мнению и грудью встать на его защиту, бросившись в самое пекло событий. А мы, напротив, поначалу заняли взвешенную позицию сторонних наблюдателей, поскольку полагали, что учет различных

мнений будет способствовать стабилизации положения.

Да и позднее, создавая наше движение, мы были уверены, что участие в нем не скажется на нашей журналистской объективности. Само собой разумеется, что ничего мы у доктора Аmano не просили и никаких указаний от него не ждали и не получали. И впоследствии, когда вокруг движения стали возникать разнообразные посредники и доброжелатели, убеждавшие нас в том, что нам непременно необходимо встретиться с доктором Аmano, мы к мнению этих доброхотов никогда не прислушивались. Надо сказать, что доктор Аmano вообще во время этих событий занял позицию, которая и в своих внешних проявлениях, и по существу была исключительно отстраненной. На это были свои причины, о которых я собираюсь рассказать ниже. Пока замечу только, что из-за такой отстраненности множество людей, искренне поддерживавших Аmano, нередко впадали в отчаяние. Сколько они не выражали свое беспокойство бездействием Аmano, сколько ни говорили, что нужно что-то предпринимать, профессор оставался совершенно безучастным.

= Крах усилий посредников =

После того, как в конце июля доктор Аmano отклонил предложение маркиза Окума, перспективы дальнейшего развития событий покрылись полным мраком. Одно было понятно - раз делами университета занялся лично маркиз Окума - значит, в игру вступили последние козыри. Вероятно, доктор Таката и его сторонники, вводя в действие такую тяжелую артиллерию, рассчитывали на то, что Аmano спасует и выполнит условия, поставленные маркизом. Однако Окума не удалось убедить Аmano уйти в отставку - не помог и последний козырь. Этого ни партия Таката, ни сам Окума, похоже, никак не ожидали. По-видимому, в этих кругах обсуждалась также и возможность прямого увольнения Аmano, но и это оказалось не так-то просто сделать...

В первых числах августа в Токио собралась давно заявленная сессия общепонского попечительского совета университета Васэда. Она избрала комиссию из нескольких человек, которые должны были стать посредниками в улаживании этого конфликта. Однако и вновь назначенные посредники не смогли уменьшить расхождение между позициями Таката и Аmano и вскоре оставили свои усилия. Затем к проблеме попыталась подступиться группа бывших выпускников Васэда во главе с Абэ Исоо, но и эта попытка закончилась неудачей. Словом, эта проблема взволновала множество людей, но все их усилия не дали никаких результатов...

Этот вопрос пытались решить самые разные люди. Был, например, у меня товарищ по имени Хаякава Токудзиро. Мы с ним дружили еще со средней школы (впоследствии он стал крупным инженером и участвовал в строительстве в Токио первой линии метро). Так вот, Хаякава тоже решил помочь в решении проблемы ректора и чуть ли не собственной кровью поклялся, что обязательно найдет это решение. В конце концов, собравшись с духом, он обратился к доктору Таката со своими предложениями, но даже ответа на них не получил, и в полном недоумении оставил свою посредническую миссию. Приходили ко мне с разнообразными идеями и другие люди, например, преподаватели университета Нисида Тэнко и Накагири Какутаро, но результат их усилий был таким же...

Сам я тоже постоянно испытывал большое беспокойство и желание как можно быстрее выбраться из этой ситуации, и потому хватался за любую возможность и помощь самых разных людей. Среди тех, на помощь кого я рассчитывал, можно назвать имена Ямада Эйтаро, Конда Бундзиро, Нома Годзо, Сайто Такао, Вакабаяси Нариаки, Миякава Тэцудзиро. Все они были выпускниками Васэда и входили в ассоциацию друзей университета.

Когда я сегодня размышляю над истоками нашего движения и неудачными попытками решить тогдашние проблемы с помощью друзей университета, то прихожу к выводу, что изначально эти проблемы и не могли быть решены, кто бы ни выступал в качестве посредников. Как мне представляется, появление нашего движения явилось следствием всего хода истории университета Васэда и было в этом смысле заранее предопределено.

В то время, впрочем, я этого не осознавал. Но уже тогда, размышляя о судьбах университета, я понимал, что Васэда - это некий изначально общеяпонский общественный институт, и ни мне лично, ни кому-нибудь еще он принадлежать не может. Именно поэтому такое возмущение вызвала та бесцеремонность, с которой пытались наводить там свои порядки люди вроде Таката или Окума - пусть даже они были основателями и попечителями университета. И мы считали, что доктор Аmano или доктор Цубоути не в меньшей мере, чем Таката, достойны доверия хотя бы как люди, также стоявшие у самых истоков Васэда. А наши оппоненты не доверяли не только им лично, но и, похоже, всему свету. И в этом была их ошибка. Но сам Таката считал свою позицию безупречной - и в этом ход его мыслей радикально отличался от нашего. Именно в сильнейшем различии походов к решению университетских проблем и крылись неудачи посредников, пытавшихся урегулировать наши разногласия.

= Взаимоотношения доктора Таката и доктора Аmano =

Я не особенно хорошо знаю историю создания университета Васэда. Но вот как излагал ее в беседе с одним моим знакомым доктор Цубоути: «Сама идея создания университета Васэда принадлежала Таката, который ее долго вынашивал и, наконец, осуществил. И в этом смысле Васэда является его детищем. А потом приходит этот Керенский со товарищи, - именно так, как говорят, высказался Цубоути, - и, не подозревая о той роли, которую сыграл Таката, развертывают какое-то непонятное движение и объявляют университет общественным достоянием...»

Когда мне передали это высказывание доктора Цубоути, я сразу засомневался, что история создания Васэда была именно такова, какой представляется уважаемому профессору. Совершенно достоверно известно, что идею создания университета Васэда (до 1902 года - Токийского технического училища, Токё сэммон гакко) высказал не кто иной, как маркиз Окума Сигэнобу, и именно он финансировал создание этого училища. А главным советником Окума в то время был господин Оно Адзуса. Оно всегда был активной фигурой в лагере сторонников демократизации Японии, но еще в молодости, в 1826 году, тяжело заболел и потому больше занимался теоретическими исследованиями. Однако именно при посредничестве Оно маркиз Окума привлек к работе по созданию училища Таката и Аmano, которые, однако, пришли туда не одни, а вместе с Ямада Итиро, Итидзима Кэнкити, Окаяма Кэнкити, Сунакава Кацутоси, Ямада Киносукэ и другими их товарищами по Токийскому университету. Так что именно Окума должны быть благодарны за благодеяние эти тогдашние студенты и преподаватели Токийского университета, именно Окума посчитал их многообещающими молодыми людьми.

Следует заметить, что Таката, Аmano, Итисима и другие молодые тогда люди участвовали не только в создании Токийского училища, но и в основании задуманной тогда же Окума Прогрессивной партии (Кайсинто) [96]. И училище, и партия были созданы в 1882 году.

Короче говоря, в том, что касается создания университета Васэда, роли Таката и Аmano были в точности, тождественно идентичны. И когда же - если следовать словам Цубоути - все переменилось и университет стал детищем исключительно доктора Таката? Свои предположения о подлинных причинах таких «перемен» и о том, происходили ли они на самом деле, я изложил в статье «Биография Аmano Тамэюки», напечатанной в предыдущих номерах

этого журнала («Тоё кэйдзай симпо», выпуски от 1, 8, 15, 22 июля 1950 года).

Сейчас многие полагают, что отношения между Таката, Аmano и Цубоути - их еще называют «тремя докторами из Васэда» или «Васэдской троицей» - всегда были отношениями сотрудников и равных партнеров. В действительности, как видно из изложенного, они таковыми никогда не были. Таката пользовался особой властью, тогда как Аmano и Цубоути (а они были ровесниками) оказались фактически оторванными от руководства университетом.

Такие отношения, естественно, приводили к некоему эмоциональному отчуждению. Думается, именно в этом крылись глубинные корни тех их действий, которые в те годы казались обществу особенно странными и непонятными: Аmano полностью ушел в руководство созданного им училища Васэда, которое фактически стояло вне структуры университета, а Цубоути тоже отошел от университетских дел и создал у себя дома театральную студию под названием «Литературно-художественное общество», которую намеревался превратить в профессиональную театральную труппу.

Да, в 1915 году, когда Таката уходил на пост министра просвещения, он поддержал назначение Аmano ректором. Однако собирался ли он поддерживать его всегда и во всем - это еще большой вопрос.

Сейчас на основе высказываний Аmano в начале событий строятся самые разные предположения относительно того, что послужило причиной волнений (именно так и поступает Итисима), но мне кажется, все дело было в том недоверии, которое с самого начала питали к доктору Аmano господин Таката и его сторонники.

= Позиция доктора Аmano =

Я уже говорил о том, как сторонники Таката относились к Аmano. Надо сказать, что и отношение Аmano к Таката тоже не всегда было равным. Для иллюстрации сказанного можно процитировать небольшой отрывок из статьи, помещенной в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 25 сентября 1913 года. В тот год Симамура Хогэцу расстался с доктором Цубоути и основал собственную театральную труппу «Гэйдзюцудза». После первого спектакля новой труппы в журнале появилась заметка под названием «Открылся театр «Гэйдзюцудза», подписанная псевдонимом Усианака Ямабито («Отшельник из хлева»). Этот псевдоним принадлежал

Цубоути. Именно под этим именем он писал в «Тоё кэйдзай симпо» короткие заметки, которые мы помещали под рубрикой «О том, о сем» (содзорогото). Рецензия и была одной из таких заметок.

«Я, горный отшельник, по самой природе своей человек чрезвычайно неотесанный и грубый, - писал Цубоути, - знамо дело, совершенно ничего не смыслю в театре. Не мне судить и о мастерстве «Гэйдзюцудза». Но позвольте на этот раз и старику сказать приветственное слово по случаю открытия нового театра... Как известно, у нас в Японии всей властью обладают злобные старикашки, которые постоянно оттесняют и затирают молодежь. И если между молодежью и стариками вспыхивает ссора, то обычно обыватели берут сторону молодежи и поносят стариков... То же случилось и во время склоки, которую Хогэцу недавно затеял в «Литературно-художественном обществе». Однако если взглянуть на вещи непредвзято, то выяснится, что в данном случае дело обстоит наоборот: Если кто и помог Хогэцу основать «Гэйдзюцудза», если кто и смотрел с неподдельной радостью первые спектакли нового театра, то был это Ваш покорный слуга - горный отшельник и вредный старикашка».

В конце заметки Цубоути объявлял о разрыве с Хогэцу и с глубоким сожалением сообщал, что «Литературно-художественное общество» прекращает свое существование. Симамура, объявленный Цубоути отступником, ушел не только из основанного им «Литературно-художественного общества», но и из Васэда вообще (вернее сказать - был вынужден уйти).

Когда эта заметка появилась в журнале, я ничего не знал об истинном положении дел в университете. Но сегодня, когда я перечитываю эту статью, меня не покидает чувство, что скрывшийся за псевдонимом автор обращается не только к Хогэцу, но и к доктору Аmano. Ведь кто-кто, а Аmano хорошо знал, что в университете всей властью обладали тогда именно «злобные старикашки»...

Впрочем, сам доктор Аmano, несмотря на глубоко критические оценки положения в университете, которые он иногда высказывал, никогда не был страстным борцом с засильем стариков в Васэда. Напротив, он всегда занимал в этом вопросе исключительно пассивную и, можно сказать, эгоистическую позицию: он руководил училищем, созданным им при университете Васэда, а до остального ему и дела не было. Такова же была позиция доктора и в 1917 году: мне кажется, что от начала и до конца вопрос о том, кто займет пост ректора, его совершенно не волновал. Ведь если бы этот интерес был, то, думаю, он бы улучил момент и

нашел способ поладить с Таката.

Похоже, что за те два года, которые Аmano руководил университетом, он так и не осознал, что университет теперь может перестать быть вотчиной Таката. Вероятно, Аmano долгое время продолжал считать, что до тех пор, пока не сменится нынешний состав попечительского совета вместе с его главой, реальная власть в университете будет по-прежнему принадлежать Таката независимо от того, кто формально занимает пост ректора Васэда.

Впрочем, еще до середины июня 1917 года, то есть до того, как противоречия в Васэда выплеснулись наружу, доктор Аmano порвал с этой позицией. Именно тогда он ясно дал понять Таката, что покидает свой пост. И в этом случае Аmano поступил исключительно честно и порядочно. Он проявил себя как человек, который не держится за свое место и всегда готов от него отказаться. Позднее, когда он собрался уходить из «Тоё кэйдзай симпо» с тем, чтобы уделить все свое внимание училищу Васэда, он также заранее объявил о своем уходе, так что никто не мог обвинить его в малодушии или трусости. То же было и в истории с университетом Васэда. Уже став ректором, он неоднократно говорил: «Если бы ректором оставался Таката, я бы никогда не стал рваться на это место. Не люблю склок». Вот такие умонастроения были у доктора Аmano.

Однако при всем при том нужно сказать, что пропагандистские утверждения сторонников Таката о некомпетентности Аmano и советы уйти в отставку, исходившие от некоторых членов Попечительского совета, только поддерживали уверенность Аmano в собственной правоте. Сторонники Таката обвиняли Аmano в том, что он, мол, сначала заявил о своем намерении уйти в отставку, а потом взял свои слова обратно. Но я лично так и не знаю определенно, менял ли он свое мнение или нет - может быть, именно под влиянием такого рода нападок это и происходило... Если менял, то это, конечно, его не красит...

Как я уже говорил, в начале событий все внимание публики было сосредоточено на докторе Аmano, но он молчал. После того, как члены Попечительского совета, а вслед за ними и преподаватели - выпускники Васэда потерпели неудачу в своих посреднических усилиях, сторонники Аmano также начали публиковать всякие (по большей части бесполезные) заметки в газетах. С одной стороны, это можно было считать результатом пропагандистской кампании, развязанной сторонниками Таката; с другой - дело объяснялось тем, что и сам Аmano, и мы, входившие в его окружение, уже не имели сил сдерживаться. Легко понять, что и сам Аmano

окончательно вышел из себя и перестал допускать даже самую возможность какого-то компромисса с Таката, не говоря уже о том, что на дух не переносил его самого. Опять-таки, если бы профессор в душе страстно желал сохранить за собой пост ректора, то он не стал бы так решительно отмахиваться все предложения и не принимал бы близко к сердцу все те обвинения, которые на него сыпались...

= Студенты занимают университет =

В такой неразберихе прошел весь август. Разъехавшиеся на каникулы студенты стали возвращаться в университет. Наступал новый учебный год - хотя руководству университета, наверное, очень хотелось, чтобы он не наступал как можно дольше...

Собрался Попечительский совет, который выбрал новое Правление в составе шести человек во главе с господином Канэко Умадзи. Доктор Аmano в его заседаниях не участвовал. Было решено на некоторое время оставить в стороне вопрос о ректоре и поручить непосредственное управление университетом этому самому вновь избранному Правлению. До этого момента все шло более-менее гладко, но тут вдруг неожиданно Правление выпустило приказ об исключении из университета шестерых студентов - сторонников Аmano: Ито Дзюдзиро, Иноуэ Киндзи, Нагаи Янагитаро, Харагути Такэдзиро и других. Мы были в недоумении, и не только потому, что Нагаи и его товарищи были нашими друзьями. В чем причина столь явного нарушения всех и всяческих правил и приличий? Что это? Особый знак признательности со стороны престарелого маркиза Окума? Почему именно сейчас, в состоянии хрупкого перемирия, дело дошло до исключения студентов?

Таким образом, фракция сторонников Таката в руководстве университета пошла на жесткие меры, не останавливаясь даже перед тем, чтобы наказать отдельных студентов. В сложившемся положении сторонники Аmano также отмахиваться не стали: с самого утра к нам потянулись студенты и недавние выпускники университета, состоявшие в «партии Аmano». Они кипели от возмущения. Пламя борьбы со сторонниками Таката вспыхнуло с новой силой.

Вечером 11 сентября мы собрали в театре Васэда митинг протеста против действий сторонников Таката. В зале негде было яблоку упасть. Митинг открылся пением гимна университета. По ходу собрания обстановка в зале стала накаляться, и тут произошло событие, которого не мог предвидеть никто.

После окончания митинга один из возбужденных молодых людей - «друзей университета» стал призывать всех перейти в Большой аудиторный корпус и продолжить митинг там. В ответ на этот призыв студенты действительно повскакали со своих мест, с пением университетского гимна двинулись к аудиторному корпусу, ворвались в зал и начали новый, уже несанкционированный митинг. Как не пытались мы остановить этот внезапный порыв, нам это не удалось. Впрочем, даже в такой ситуации среди студентов по-прежнему царил полный порядок. Взрыва ничто не предвещало.

Однако вечером того же дня произошли события, которые сильно испугали дежуривших в ректорате сотрудников университета и оставшихся вместе с ними членов Правления. Как они потом утверждали, в здании Большого аудиторного корпуса начались беспорядки, в результате которых собравшиеся внутри него люди начали бить окна, и осколки разбитых стекол посыпались наружу. Такие детальные сообщения меня очень удивили, потому что с самого начала в Большом аудиторном корпусе не было не только никого из членов Правления (что естественно), но и ни одного сотрудника университета. Студентам потому и удалось быстро и беспрепятственно занять здание, что никого из ответственных лиц мы по дороге не встретили. Более того, мы расставили в здании собственных дежурных, которые следили за порядком в корпусе. Потом сторонники Таката ставили нам в вину, что «мятежники захватили университетское здание». Как видно из изложенного, правильнее будет сказать, что не мы захватили здание, а нам позволили его беспрепятственно занять.

Как я уже говорил, собираясь вечером 11 сентября на митинг, мы никак не ожидали, что он выльется в такие волнения, и уж тем более не стремились эти волнения организовать. Но стихия - страшная сила... Потом один из преподавателей естественного факультета рассказывал мне, что когда он увидел, какое возбуждение царит в Большом аудиторном, то подумал, что скоро в противную сторону полетят камни. Так оно и оказалось... Справедливости ради нужно сказать, что несколько человек пытались призвать студентов к порядку, но против их энергии и напора ничего сделать не смогли...

Так прошло несколько дней. В течение этого времени, сами того не желая, мы заняли почти всю территорию университета, но центром событий по-прежнему оставался Большой аудиторный корпус. Замечу, что за все эти дни университетские власти ни разу не отдали распоряжения покинуть занятые нами помещения.

Вместо этого поползли слухи о том, что полицейское управление приняло решение арестовать нас как зачинщиков беспорядков. С очевидностью, эти слухи распространяло руководство университета, хотя кто знает - может, нас действительно собирались арестовать? Нельзя сказать, что мы уходили от встреч с руководителями университета и вообще их в упор не видели. Напротив, именно с нашей стороны было предпринято несколько попыток установить контакты с университетскими властями. Пару раз мы даже начинали переговоры, но руководство университета продолжало упорно стоять на позициях господина Окума, и потому переговоры быстро заходили в тупик. Вскоре оно окончательно навесило на нас ярлык смутьянов и заявило, что впредь с бунтовщиками никаких переговоров вести не намерено.

Что же касается позиции Полицейского управления, то она всегда была очень взвешенной. Еще в самом начале событий полиция заявила, что происходящее - внутреннее дело самого университета и Полицейское управление в эти события вмешиваться не будет. И этот курс полиция выдержала до конца. Во время событий мне довелось несколько раз встречаться с господином Сёрики Мацутаро, который тогда служил на должности инспектора в Полицейском управлении (а впоследствии стал Президентом газетной компании «Иомиури»), и, должен сказать, эти встречи проходили всегда в исключительно спокойной обстановке. Да и в манере поведения господина инспектора не было видно и следа от желания запугать нас или нам угрожать. Именно в ходе одной из встреч с господином Сёрики я узнал, что для подавления волнений в распоряжение господина Окума были тайным образом предоставлены триста полицейских, которых он, однако, так и не задействовал. (Так вот кому студенты Васэда должны спасибо сказать!) Что же касается властей университета, то с их точки зрения такая позиция Полицейского управления выглядела, по меньшей мере, двусмысленной.

В то время у власти в Японии находился кабинет Тэраути Масатакэ, а министром внутренних дел был Гото Симпэй. Немудрено, что в связи с этим вокруг беспорядков в Васэда возникло множество слухов, которые нам бы никогда и в голову не пришли. Говорили, что Гото собирается использовать волнения в своих целях. Что эти события вызваны дьявольскими кознями Ямагата Аритомо [97], Ито Миёдзи [98] и других деятелей [99]. Множество таких слухов о Гото принес Мики Такэёси, который неожиданно нагрязнул ко мне в тот самый момент, когда студенты заняли университет, и стал говорить, что хочет помочь нам уладить дело.

Мы и сами хотели уладить дело, только путей для этого у нас не было. Как я уже говорил,

университетские власти не желали вступать с нами в контакт и не выдвигали никаких требований, в результате чего, на мой взгляд, потеряли всякую возможность повлиять на позицию противной стороны и заставить ее покинуть занятые здания. А мы продолжали рассылать повсюду письма, в которых требовали демократизации университета, сохранения за Аmano поста ректора, восстановления на работе уволенных преподавателей и отчисленных студентов и т.п. В конце концов мы заявили (и это была наша ошибка), что до получения хоть какого-то ответа на наши предложения мы не видим смысла уходить из здания Большого аудиторного корпуса.

Надо сказать, что арестовать такую молодежную компанию, какая сложилась у нас, да и вообще применить к нам какие-то другие силовые меры было делом весьма и весьма непростым. Тем более непростым оказалось оно для представителей университетских властей, которые каждый день проводили у Окума какие-то совещания, но никто из них за это время и пальцем не пошевелил. С очевидностью, противная сторона находилась в замешательстве. Впрочем, и в наших рядах радости не было. Дни шли за днями, у людей накапливалась усталость, все сложнее становилось поддерживать порядок. Расходы наши росли, и скоро мы оказались в действительно затруднительном положении.

= Полное поражение сторонников Аmano =

Через несколько дней к нам все же стали поступать хоть какие-то новости. И сводились эти новости к предложению, якобы высказанному маркизом Окума: для того, чтобы избежать дальнейшего ухудшения положения, следовало просто полностью расформировать университет! Не знаю, сколько правды было в этом сообщении, но если предположить, что они действительно решили закрыть университет, то такое решение полностью выбивало почву у нас из-под ног. Получалось так, что мы выступали за обновление университета, а в результате попросту его угробили. И кто бы из нас ни был прав - студенты ли, попечители, все японское общество - именно нам, студентам, этого никто и никогда не простит...

Вот тогда-то мне - причем с совершенно неожиданной стороны - и открылась разница между университетом государственным и университетом частным...

В 1909 году я, молодой газетный репортер, стал свидетелем волнений в Высшей коммерческой школе Хитоцубаси. Не припомню, чтобы тогда студенты или преподаватели приводили хоть

какие-то доводы в пользу разумности своих позиций. Тем не менее, можно сказать, что Министерство просвещения в первом же столкновении с бастующими потерпело серьезное поражение. Почему? По трезвому размышлению я прихожу к выводу, что только потому, что Министерство не могло по своему усмотрению закрыть государственное учебное заведение. Если бы в Хитоцубаси студенты и преподаватели продолжали бы настаивать на своих требованиях, а Министерство в ответ заявило, что закрывает мятежный университет, то вполне возможно, что судьба волнений в Хитоцубаси сложилась бы точно так же, как и в Васэда... Однако если речь идет о частном университете, то никто не может помешать его руководству просто взять и распустить учебное заведение.

Под угрозой таких действий властей мы были просто вынуждены пойти на полную и безоговорочную капитуляцию. Впрочем, если говорить о действительном положении вещей, то нельзя не отметить, что капитуляция произошла еще и потому, что силы наши к тому времени были уже практически полностью истощены. Нам было даже нечем заплатить за нигиримэси - колочки из вареного риса, которые мы раздавали студентам, охранявшим занятую территорию...

Были и другие проблемы. Пока нам худо-бедно удавалось управлять студентами, но сколько долго мы могли это делать? Этого, конечно, никто не знал. Всегда существовала и опасность раскола в наших собственных рядах. В глубине души я очень опасался, что нас ждет именно такой конец, и потому стал убеждать своих сторонников заранее принять превентивные меры против такого развития событий. Многие из них, особенно Нисиока Такэтаро, резко выступили против моих предложений, поскольку, по их мнению, такими разговорами мы заранее обрекали себя на поражение в противостоянии с университетскими властями...

Мы знали, что Нома Годзо, Конда Бундзиро и другие выпускники Васэда неоднократно выступали с призывами освободить территорию университета. По договоренности с нами Нома даже приехал в университет и выступил с речью перед студентами. Впрочем, университетские власти игнорировали усилия Нома и Конда. Они также отказались восстановить в университете уволенных преподавателей и отчисленных студентов и по существу вычеркнули имя доктора Амано из университетской истории (кстати сказать, и сейчас в университете Васэда вы не увидите ни одной его фотографии).

Более всего меня беспокоила дальнейшая судьба шестерых отчисленных из Васэда студентов.

К счастью, все они (в основном благодаря усилиям господина Конда Бундзиро) были переведены в другие частные университеты и получили по их окончании хорошую работу. Один из этих студентов, Одзаки Сиро, стал известным писателем, и я его впоследствии привлек к работе в «Тоё кэйдзай симпо».

Я и поныне благодарен господину Конда за большую помощь, которую он тогда нам оказал... Между прочим, этот добрый и честный человек был и преуспевающим предпринимателем (он тогда служил начальником общего отдела в корпорации «Фурукава»).

Итак, как я уже говорил, волнения в университете Васэда в 1917 году закончились полнейшим поражением сторонников нововведений. И, как мне представляется, главная причина этого поражения состояла все-таки в том, что профессор Аmano не имел ни малейшего желания оставаться на посту ректора. Если бы у него были хоть малейшие притязания на это пост, то мы бы обязательно победили. Да и сами беспорядки закончились бы гораздо быстрее...

= Финансовые источники студенческих волнений =

Наше геройское восстание, в котором участвовало множество студентов, продолжалось три месяца - с конца июня по конец сентября. Столь длительное противостояние наводило на мысль, что на его организацию были потрачены очень большие средства. Ходили слухи, что за студентами скрывались некие политические заговорщики, оппоненты маркиза Окума, и что именно они и финансировали восстание.

На самом деле никаких денег у нас не было. В начале событий мы все работали бесплатно. Финансовые проблемы начались потом, когда пришлось создать свой штаб, печатать листовки, организовывать митинги и выступления. Все это, безусловно, сопровождалось некими организационными расходами. Но денег у нас почти не было, и очень скоро мы зашли в финансовый тупик.

В поисках выхода из создавшегося положения мы по совету Миура Тэцутаро встретились с Асакава Эйдзиро (сейчас он директор училища Васэда). Тогда Асакава преподавал на факультете коммерции университета Васэда и в событиях не принимал никакого участия. Но зато он приходился зятем доктору Аmano, а среди его ближайших родственников были состоятельные люди. Кто-то из этих родственников и согласился нам помочь. Наверное, у

Асакава состоялся с ними непростой разговор, но, так или иначе, человек пошел на этот шаг, и через несколько дней все наши просьбы были выполнены... Как я уже говорил, все мои дневники того времени сгорели во время бомбежки, так что точную сумму пожертвований я назвать не смогу.

Недавно я имел на эту тему разговор с одним моим давним товарищем, и он сказал, что речь тогда шла о сумме порядка тысячи иен. Он также вспомнил, что потом нам была выделена еще одна тысяча иен. Уже на завершающей стадии событий доктор Аmano выделил еще пятьсот иен (хотя я его об этом не просил). Таким образом, за неполных три месяца, которые продолжалось восстание, мы получили со стороны 2500 иен.

Я хорошо запомнил, что денег не хватало даже на рассылку писем и листовок всем нашим друзьям, не то, что на что-то иное... И когда кое-кто утверждает, что нас в изобилии снабжал деньгами Гото Симпэй, то, поверьте, это лишь беспочвенные слухи, у которых, как говорится, «нет ни корней, ни листьев»...

Из всех нас самые тесные отношения с Гото имел Сато, который, как и Гото, был выходцем из префектуры Мияги. Наверное, эти отношения и породили постоянно циркулировавшие в обществе слухи о связях нашего движения с господином Гото. Но говорить о том, что Сато работает на Гото? Нет, об этом, конечно, и речи быть не могло...

Целью нашего наивного и бескомпромиссного выступления было обновить университета Васэда - и не более того. А когда (в который раз повторяюсь) оказалось, что доктор Аmano не выказывает никакого желания оставаться на посту ректора университета Васэда, то среди наших единомышленников не нашлось никого, кто захотел бы воспользоваться нашими усилиями и въехать в ректорский кабинет.

Сторонники Таката, как это следует из сохранившихся документов, не уставали повторять, что доктор Аmano окружил себя честолюбцами, которые спят и видят себя во главе Васэда (другое дело - все ли так думали, как об этом писали в документах). Однако на самом деле все «окружение» доктора Аmano состояло из Ито Сигэзиро, Харагути Такэзиро, Нисиока Такэзиро да меня, а среди нас четверых я, как ни старался, все равно не смог обнаружить ни одного «честолюбца», о которых так любили говорить сторонники Таката. Если трезво поразмыслить, то приходишь к выводу, что никаких амбиций не было не только у него самого

доктора Аmano, но и в его окружении. И в этом, как я сейчас понимаю, тоже крылась одна из причин того, что наше движение осталось просто-напросто порывом наивных студентов, который только понапрасну взбудоражил общественное мнение. Такое движение не могло не потерпеть поражение.

Впрочем, эти студенческие волнения привели к тому, что в устав университета все-таки были внесены некоторые демократические по своей сути поправки, и в результате Васэда принял его нынешний вид. И в этом смысле наше поражение не было полным.

ГЛАВА 6. ПРОБА ПЕРА

= Я начинаю работу в компании «Тоё кэйдзай симпо» =

В конце ноября 1910 года я демобилизовался из армии, а в январе следующего года по приглашению господина Танака Ходзуми пришел на работу в журнал «Тоё кэйдзай симпо» («Восточное экономическое обозрение»). Редакция журнала в то время находилась на шестом участке квартала Тэндзинтё в токийском районе Усигомэ. Наискосок, через дорогу от здания редакции, виднелся забор очень почему-то тогда известного полицейского участка. Если же пройти от Усигомэ через квартал Кагураита, то можно было попасть на дорогу, которая вела прямо к университету Васэда. Здание компании представляло собой выкрашенное масляной краской деревянный двухэтажный дом в европейском стиле. К дому прилегал двор с большими воротами, которые выходили прямо на улицу. Перед входом в здание росли два огромных старых дерева, сакура и слива, которые по весне буквально скрывались за распустившимися цветами. Насколько я помню, и сам дом, и прилегавший к нему участок принадлежали компании «Тоё кэйдзай симпо». Участок, впрочем, был совсем небольшим, его площадь не превышала и сотни цубо [100].

Сразу за порогом дома начиналась большая комната, в которой сидели сотрудники компании. В глубине дома находились японская гостиная площадью 6 татами [101], а также кухня, комната курьеров и т.п. Во время обеда все сотрудники собирались в гостиной, поглощали принесенные с собой бэнто [102] и вели разговоры о всякой всячине.

Второй этаж дома был поделен на две комнаты. Окна первой, большей по размерам, выходили на улицу; в этой комнате работали сотрудники редакции. Окна второй, меньшей комнаты

выходили на район Коисикава; здесь принимали гостей и проводили совещания. В этой же, меньшей комнате каждую неделю проходили заседания редакционной коллегии журнала «Тоё кэйдзай симпо», который тогда выходил три раза в месяц: 5-го, 15-го и 25-го числа.

Позднее, в 1921 году, это здание было перестроено, так что все пространство двора заняла новая трехэтажная пристройка. Потом, уже в 1931 году, в районе Нихомбаси было построено новое здание, и редакция переехала туда. (Это здание сейчас находится по адресу Нихомбаси Хонсэкигэ, 3-2; оно расположено на участке, примыкающем к новому зданию Банка Японии, Ниппон гинко). Старое здание купил наш сосед, владелец магазина по торговле спиртным «Камэя». Он приспособил его под ресторанчик, но в 1945 году этот дом сгорел во время бомбежки...

Компанию «Тоё кэйдзай симпо» основал в 1895 году господин Матида Тюдзи (впоследствии он работал в Банке Японии, дослужился до заместителя управляющего и закончил свою карьеру в Осака). А в 1897 году на смену Матида пришел господин Аmano Тамэюки, тогда преподаватель Токийского технического училища (Токио сэммон гакко), будущего университета Васэда. В 1911 году, когда я поступил на работу в эту компанию, доктор Аmano в ней уже не работал; журнал возглавлял тогда третий по счету главный редактор, господин Уэмацу Хироаки. В те времена компания представляла собой так называемое общество с солидарной ответственностью, в которое входили всего три человека: Уэмацу Хироаки, Миура Тэцитаро, Мацусита Тиё. При этом Миура занимал, говоря современным языком, пост заместителя главного редактора (хотя должность его называлась по-иному), а господину Мацусита была поручена должность главного управляющего. Миура и Уэмацу были прямыми учениками доктора Аmano: в свое время они слушали лекции профессора в Васэда, а потом пришли работать под его началом в «Тоё кэйдзай симпо». Господин Мацусита работал в компании еще со времен Матида. В 1907 году доктор Аmano передал компанию своим молодым коллегам, а сам с головой ушел в работу в Высшей школе при университете Васэда.

Я и сейчас могу набросать расположение всех столов в нашей рабочей комнате, потому что компания наша была небольшая. Кроме трех владельцев, в ней работало 7 редакторов, трое управляющих, одна супружеская пара, выполнявшая обязанности прислуги, а также двое посыльных - всего, вместе с членами руководства, 14 человек.

Тем не менее, именно эта небольшая группа три раза в месяц выпускали полноценный журнал

«Тоё кэйдзай симпо», а потом организовали еще и ежемесячное издание «Тоё дзирон» - «Восточное обозрение» (об этом я подробнее расскажу ниже). Но и это еще не все. Примерно в то время, когда я пришел в компанию, она приступила к выпуску специализированных изданий, таких как «История финансовой системы в период Мэйдзи» или «Введение в историю финансов периода Мэйдзи». Они представляли собой объемистые тома, полностью подготовленные сотрудниками нашей компании. Особенно хорошо расходилась первая из упомянутых книг, выход которой, как тогда говорили, «привел к тому, что в Лояне поднялись цены на бумагу» [103]. После окончания первой Мировой войны господин Миура несколько обновил содержание данной книги и переиздал ее под названием «60 лет истории финансовой системы Японии».

= Господин Катаяма Сэн =

Наверное, разглядывая приведенный план комнаты редакции, наибольшее число читателей обратит внимание на фамилию господина Катаяма Сэн [104]. Господин Катаяма впоследствии уехал в Советский Союз, а после кончины был даже удостоен там государственных похорон по высшему разряду. Однако, честно говоря, во время нашей совместной работы в «Тоё кэйдзай симпо» я не заметил в нем ничего величественного. Он долго жил в Америке, бедствовал, в буквальном смысле зарабатывал себе на учебу мойкой посуды, почти как родной язык знал английский, но на удивление плохо писал по-японски. Иногда мне даже приходилось править написанные им статьи. Обладая обширными знаниями, господин Катаяма часто писал для «Тоё кэйдзай симпо» или «Тоё дзирон» критические статьи о театре, музыке, искусстве, архитектуре и т.п. Такие статьи он подписывал своим подлинным именем. Основные же его работы, посвященные общественно-политическим проблемам, выходили под псевдонимами, или, если речь шла о редакционных статьях, совсем без подписи. Следует сказать, что сам он никаких дискуссий о социализме с нами никогда не затевал. Словом, у меня в памяти он остался как добрый и любезный человек с чрезвычайно здравыми и умеренными идеями, в которых невозможно было увидеть никакого криминала. Жил он в квартале Мисакитё района Канда, в доме под названием «Кингли», жена его заведовала детским садом. Мне кажется, что тогда по своим взглядам он был ближе к христианским социалистам...

Вместе с тем он находился под сильнейшим давлением со стороны властей. Поговаривали, что сам приход его в «Тоё кэйдзай симпо» был связан с тем, что на другую работу его попросту не брали, а здесь он оказался только благодаря дружескому расположению, которое оказали ему

Уэмацу и Миура. В январе 1912 года Катаяма был брошен в тюрьму по обвинению в подстрекательстве рабочих токийского трамвайного депо к стачке. Осенью того же года он вышел из тюрьмы и снова пришел на работу в «Тоё кэйдзай симпо».

+++++ ВСТАВИТЬ РИСУНОК +++++

В сентябре 1914 года он перебрался в США, там установил контакт с российскими большевиками, по их заданию объехал всю Южную Америку, и, наконец, оказался в Советском Союзе. Мы часто обсуждали с господином Миура судьбу Катаяма и всякий раз приходили к выводу, что в коммунистическое движение его привел ни кто иной, как сами японские власти.

Катаяма часто присылал господину Миура и мне открытки из США и СССР, мы также не порывали с ним связь. Обмен письмами с СССР шел через проживавшего в Лондоне главу Лондонского отделения Иокогамского валютного банка господина Кано Хисао.

В своих письмах Катаяма постоянно уговаривал нас приехать в СССР, чтобы своими глазами увидеть жизнь людей в этой стране. Мне почему-то казалось, что если убрать с писем Катаяма его подпись и показать их любому постороннему человеку, то тот решил бы, что письма написаны каким-то ярим патриотом, если не ура-патриотом и джингоистом [105]...

Я слышал, что у нас находятся люди, которые утверждают, что именно благодаря Катаяма «Тоё кэйдзай симпо» приобрел социалистическую направленность. Должен сказать, что такие оценки полностью не соответствуют действительности. Достаточно сказать, что в то время некоторые сотрудники компании (и я - в их числе) демонстрировали гораздо более радикальные взгляды, чем те, которыми обладал господин Катаяма...

Давление на господина Катаяма со стороны японского правительства продолжалось и после того, как он переехал в СССР. Конечно, до самого Катаяма власти дотянуться не могли, но они начали притеснять его жену, которая осталась в Японии. Супруга господина Катаяма окончила Высшее женское педагогическое училище. У нее была сестра (по-моему, старшая) по имени Хара Нобуко, певица [106]. Не знаю, какие надежды Катаяма возлагал на будущность тогда еще очень молодой исполнительницы, но известно, что он проявлял о ней большую заботу и вообще всячески ей покровительствовал.

После отъезда из Японии господина Катаяма его супруга продолжала работать преподавателем в какой-то провинциальной школе; в какой именно и где - я тогда, честно говоря, совершенно не представлял. Но однажды она совершенно неожиданно появилась у меня в «Тоё кэйдзай симпо» и стала просить о помощи: когда в школе узнали, что она - жена Катаяма Сэн, ее уволили с работы, и госпожа Катаяма оказалась без средств к существованию. Сам Катаяма никакой переписки с ней не поддерживал, поэтому женщина решила, что лучшим выходом будет формально с ним развестись. Я сказал, что попытаюсь ей помочь, тем более что эта история меня действительно сильно огорчила...

К счастью, господин Катаяма был приписан к токийскому району Канда. Районную управу этого района возглавлял тогда господин Ямагата Тэцудзо, который хорошо знал Катаяма и потому сразу принял его супругу и рассмотрел это дело. Как оказалось, от господина Катаяма необходимо было получить письмо или другую подобную бумагу о том, что он не возражает против развода. Я сообщил об этом через нашего лондонского друга самому господину Катаяма. Не помню, сколько времени у нас ушло на такого рода переписку, но, в конце концов, я получил от Катаяма ответное письмо. К письму прилагалась записка, написанная перьевой ручкой: «На развод согласен. Катаяма Сэн». Я показал эту записку начальнику районной управы господину Ямагата, который и выполнил все необходимые формальности. Так по желанию госпожи Катаяма брак был расторгнут. Случилось это в апреле 1923 года.

Таким образом, я вел с господином Катаяма достаточно оживленную переписку, однако большая часть этих писем не сохранилась. Когда «Тоё кэйдзай симпо» за свои резкие статьи попал под наблюдение властей, и мы со дня на день ожидали обыска, я решил, что с письмами Катаяма хлопот не оберешься, и однажды все их сжег. Впрочем, недавно, разбирая старые бумаги, я обнаружил, что у меня сохранилась пара открыток, присланных Катаяма, а также та самая записка с согласием на развод...

И в период Мэйдзи, и в период Тайсё, и в период Сёва японское правительство оказывало сильнейшее давление на коммунистов, либералов и социалистов. Судя по действиям специальных судебных органов, эта практика сохраняется и ныне. И это очень прискорбно.

= Журнал «Тоё дзирон» =

Итак, я пришел в компанию «Тоё кэйдзай симпо», но работу я получил не в этом, а в другом

издании, ежемесячнике «Тоё дзирон» («Восточное обозрение»).

Начало 1900-х годов было для Японии периодом бурной борьбы идей. В литературных кругах распространился и набрал исключительную силу натурализм, политические круги и интеллигенцию захлестнули такие течения, как индивидуализм и либерализм. Уэмацу и Миура, которые всегда внимательно следили за настроениями в обществе, быстро сделали свой выбор в пользу индивидуализма и либерализма. Они не могли удовлетвориться выпуском лишь специального экономического журнала, и потому с мая 1910 года они стали печатать небольшой журнал «Тоё дзирон», освещавший общественные проблемы. Главным редактором этого издания стал Миура. Я, как известно, в университете Васэда изучал философию, в экономике в то время не знал даже азов, поэтому, конечно же, никогда бы не попал на работу в компанию «Тоё кэйдзай симпо», если бы она не начала издавать новый журнал. Если бы не этот поворот судьбы, то мне, может быть, за всю свою оставшуюся жизнь так и не представилось бы случая изучить экономическую науку и, значит, я был бы совершенно непохож на того человека, каким стал к сегодняшнему дню. Впрочем, и компания «Тоё кэйдзай симпо» имела бы совершенно иной облик... В моей жизни было множество таких крутых поворотов. Не знаю только, хорошо это или плохо...

Как я уже говорил, меня в компанию «Тоё кэйдзай симпо» привел господин Танака Ходзуми. Танака, Уэмацу и Миура в свое время вместе учились в Токийском училище и вообще были близкими друзьями. А я познакомился с Уэмацу и Танака в конце 1908 - середине 1909 годов, когда работал в газете «Токио майнити», которую возглавлял тогда господин Танака. Именно благодаря этому знакомству осенью 1910 года, после годичной военной службы в качестве вольноопределяющегося, я вернулся в гостиницу Васэда и к господину Танака. Танака и рекомендовал меня в компанию «Тоё кэйдзай симпо». «Один мой друг недавно начал выпускать общественно-политический журнал, - помню, сказал мне Танака. - Может, попросить за тебя господина редактора?» И он мне дал то ли письмо к Миура, то ли просто свою визитную карточку. Было это, как мне помнится, в декабре 1910 года. Миура в то время жил по соседству со зданием «Тоё кэйдзай симпо», так что найти его удалось быстро. Он сказал, что согласен, что жалованье мне положат 20 иен в месяц, но заметил, что ему обязательно нужно обсудить этот вопрос с господином Уэмацу.

Не помню, как там обстояло дело в деталях, но, как я уже говорил, в январе следующего года было, наконец, принято решение принять меня на службу в компанию, однако жалованье мне

снизили до 18 иен. Рассказывали, что это было сделано по решению господина Уэмацу для того, чтобы не выделять меня среди других служащих компании. «Пусть немного потерпит», - якобы сказал Уэмацу.

Конечно, тогда все было намного дешевле, чем сейчас, но все же одному человеку, снимая комнату, прожить на 18 иен в месяц было сложно. Надо сказать, что зарплата в нашей компании действительно была одной из самых низких в тогдашнем Токио. Правда, в «Токио майнити» тоже получали по 12 иен в месяц, но зато им доплачивали по 10 иен «на рикшу», то есть на транспортные расходы, что, конечно, составляло предмет нашей зависти...

Журнал «Тоё дзирон», как я уже говорил, ставил своей целью обсуждение общественных и идеологических проблем. Редакционные статьи для него писали, главным образом, Миура и Уэмацу, позднее к ним присоединился и я. Журнал твердо стоял на позициях индивидуализма и либерализма, что не могло не вызвать раздражения правительства; еще до моего прихода в журнал его выпуск дважды приостанавливался. Впрочем, расходился журнал плохо, и его содержание тяжелым бременем ложилось на головную компанию. Тогда выпуск ежемесячного журнала окупался при тираже в три тысячи экземпляров, но «Тоё дзирон» никак не мог преодолеть эту планку.

Я продолжал делать свою редакторскую работу, отдавая ей все силы, однако меня не покидало ощущение, что и по содержанию, и по форме журнал не очень соответствовал современным требованиям. Впрочем, полностью отдался решению этих проблем я смог только после очередного перерыва в работе: сразу после прихода на работу я снова был призван на военную службу и вернулся в журнал лишь в ноябре 1911 года.

Вскоре после этого произошли печальные события: тяжело заболел и умер Уэмацу, а в сентябре 1912 года почил в бозе император Мэйдзи...

Итак, компания «Тоё кэйдзай симпо» выпускала тогда два журнала: один, выходивший раз в десять дней, целиком и полностью состоял из материалов, написанных сотрудниками компании. Как я уже писал, в редакции этого журнала работало всего несколько человек в главе с Миура и Уэмацу. Главной движущей силой издания был, безусловно, Уэмацу. Однако у него была застарелая чахотка, и к моменту моего прихода в редакцию он уже имел изможденный, крайне болезненный вид. Миура, в свою очередь, страдал болезнью

кишечника... Миура был на два года старше Уэмацу, которому в год его кончины едва исполнилось 37 лет, но пришел на работу в «Тоё кэйдзай симпо» на год раньше Уэмацу. Тексты, написанные рукой Уэмацу, выглядели так, как будто их написал рабочий, только что оторванный от станка - иными словами, были совершенно неудобочитаемыми. Поэтому статьи свои он наговаривал, и их приходилось записывать с голоса. Эту работу обычно делал господин Мацуда, стол которого в комнате редакции, как это видно из приведенной схемы, стоял вплотную к столу Уэмацу.

Таким образом, несмотря на свою молодость, Уэмацу был главной движущей силой издания, и неудивительно, что после безвременной кончины Уэмацу его товарищ Миура стал видеть будущее журнала в самом мрачном свете.

Именно после этих трагических событий Миура решил, что настала пора снова привлечь к работе в журнале «Тоё кэйдзай симпо» доктора Аmano. Кроме того, Миура посчитал, что будет правильным бросить все пишущие силы на «Тоё кэйдзай симпо», и потому решил закрыть «Тоё дзирон». Я поддержал это его решение, поскольку также считал, что обсуждение общественных проблем, которое намечалось вести в «Тоё дзирон», вполне можно было при необходимости проводить и в «Тоё кэйдзай симпо», а издавать для этого два журнала не было никакой необходимости. Так после выхода своего октябрьского номера за 1912 год «Тоё дзирон» слился с журналом «Тоё кэйдзай симпо», а я оказался работником редакции этого последнего. Было мне тогда 29 лет.

= Впервые читаю учебник по экономике =

В детстве я мечтал стать буддийским священником или учителем в школе, и ради этого поступил на философский факультет университета. Придя на работу в компанию «Тоё кэйдзай симпо», я собирался редактировать общественно-политический журнал «Тоё дзирон» и не думал, что мне придется освещать в своей журналистской работе экономические вопросы. Впрочем, я и тогда не отказывался от мысли посвятить себя буддийскому учению, и если бы мне пришлось снова искать работу, то я вполне мог бы стать, как говорится, «монахом с небритой головой».

Однако жизнь сложилась так, что я пришел на работу в компанию «Тоё кэйдзай симпо», которая издавна и профессионально занималась публикациями по экономике. Правда, мне

обещали, что я буду работать в другом журнале, «Тоё дзирон», но все равно вокруг меня постоянно велись разговоры на экономические темы, которые были для меня непонятны и потому неинтересны. И я, в конце концов, решил, что мне самому нужно составить хотя бы элементарные представления об экономике, а для этого нужно было начать ее изучать по каким-то учебникам. Поначалу я остановился на книге доктора Аmano «Основы экономики», которую в свое время с увлечением читал и перечитывал наш главный редактор господин Уэмацу. Но... Наверное, Аmano-сэнсэй, замечательный преподаватель, написал эту книгу как развернутый конспект собственных лекций, однако мне, выпускнику философского факультета, она показалась слишком простой и слишком детальной, и потому непонятной и неинтересной. И потом в сентябре 1911 года, вскоре после того, как я поступил на работу в «Тоё кэйдзай симпо», мне предстояло идти в армию, и потому за всеми этими делами я к идее изучения основ экономики некоторое время не возвращался.

Следующий труд по экономике, который я прочитал, была книга Селигмана «Основы экономики». Книга эта в то время использовалась в Васэда и других университетов в качестве базового учебника по экономике, и потому размышляя о том, какую бы еще книгу по экономике почитать, я вспомнил это название и нашел книгу у букинистов. У них было много экземпляров и другой книги под таким же названием, написанной Маршаллом [107]. По книге Маршалла тоже учились экономике во множестве учебных заведений, но я искал в учебнике, прежде всего определения и толкования экономических терминов, и мне показалось, что в этом смысле Селигман предпочтительнее Маршалла. Впрочем, Маршалла я потом тоже прочитал, но начал именно с Селигмана и, несмотря на то, что книга была весьма толстой, легко ее проглотил. Более того, эта книга буквально построчно запечатлелась в моей голове.

Не помню, когда в точности я приступил к изучению этой книги, но могу в точности сказать, когда это штудирование закончилось: закончил я ее читать в трамвае уже после своей свадьбы, которая состоялась в 1912 году.

Дело в том, что тогда мы снимали второй этаж дома в квартале Кинситё района Хондзё, и оттуда до Тэндзинтё в Усигомэ мне приходилось добираться на трамвае. А поскольку в то время конечными остановками трамвайной линии были Кинсибори и Эдогава, то мне часто приходилось ездить без пересадки от одной конечной станции до другой. К тому же в трамвае не было такой давки, как сегодня, и потому в нем было так удобно читать...

После Селигмана я взялся за следующую книгу - это была «Промышленная революция XVIII века» Тойнби. Эту книгу мне посоветовал прочитать господин Танака Одо. Особенно полезным для меня как для человека, только начавшего изучать экономику, оказались начальные главы книги, в которых с необходимой полнотой была изложена история экономических учений Нового времени. Впоследствии я прочитал множество самых разных книг по экономике, но именно эти три книги остались в моей памяти как первые шаги в изучении экономических учений.

Покойный господин Фукаи Эйго, блестящий экономист, глава Банка Японии и член тайного совета, также начал изучать экономику в уже весьма зрелом возрасте. И одним из первых источников для его самообразования был, как он сам признавался, журнал «Тоё кэйдзай симпо». Господин Фукаи всегда говорил, что он прочитывал каждый номер от корки до корки, не пропуская ни единого иероглифа. Иными словами, он подходил к делу самым серьезным образом... Должен сказать, что я, по природной лени своей, никогда не смог бы учиться столь регулярным манером. Впрочем, как и господин Фукаи, я тоже был вынужден самым тщательным образом прочитывать от корки до корки «Тоё кэйдзай симпо» и «Тоё дзирон» (пока тот выходил). Просто потому, я редактировал эти журналы...

Помню, господин Фукаи рассказывал мне также, что для него толчком к началу самостоятельного изучения экономической науки послужила рекомендация на пост помощника Мацуката Масаёси [108]. Знание основ экономики было необходимым условием для того, чтобы стать его подчиненным.

Говоря иными словами, господин Фукаи также пришел к изучению экономики совершенно случайно. Я точно так же, случайно, оказался связанным с журналом «Тоё дзирон» и компанией «Тоё кэйдзай симпо», что закончилось чтением Селигмана. Мог ли я, изучая в университете философию, предположить, что жизнь моя пойдет совершенно непредсказуемым путем, что я буду специализироваться в той области, о которой раньше и слыхом не слыхивал?

= Проблема всеобщих выборов 1911 года =

В университете я изучал философию, после его окончания писал статьи на общественно-политические темы для разных газет и журналов, поэтому неудивительно, что в общеполитических проблемах я в целом разбирался лучше, чем в экономических. Однако с

конкретными политическими проблемами я столкнулся уже после того, как поступил на работу в «Тоё кэйдзай симпо». Мне хорошо запомнилась первая из таких проблем - это была проблема всеобщих выборов.

Началось все с того, что 11 марта 1911 года через палату представителей прошел законопроект о всеобщих выборах депутатов парламента, однако верхняя палата 15 марта этот законопроект отвергла.

Когда вообще в Японии возникло движение за всеобщие выборы? Точного ответа на этот вопрос я не знаю. В Указателе к «Большому политико-экономическому ежегоднику» утверждается, что движение за всеобщие выборы возникло в мае 1897 года, а в 1901 году Тагава Дайкитиро и Яно Фумио основали «Союз за всеобщие выборы». В передовой статье майского номера «Тоё дзирон» за 1911 год упоминается о том, что упомянутый законопроект впервые был внесен в Палату представителей еще в 1904 году и восемь раз ставился в повестку дня, прежде чем, наконец, был принят к обсуждению.

В то же время следует отметить, что движение первое время развертывалось усилиями крайне немногочисленных демократов и, по существу, не затрагивало ни общество в целом, ни даже отдельные политические круги. Власти же рассматривали его, прежде всего, как опасную идейную концепцию. По крайней мере, именно так освещалось положение дел в передовой статье номера «Тоё кэйдзай симпо» от 15 февраля 1911 года, опубликованной под заголовком «Закон о всеобщем избирательном праве - что нового?» (думаю, что эту статью написал господин Уэмацу Хироаки). В передовице говорилось следующее:

«Прогрессивна или нет ныне действующая Конституция? Каким образом бюрократия осуществляет свое политическое господство? В результате чего сохраняется политическое и партийное status quo? Отвечая на эти и другие вопросы, следует иметь в виду, что, согласно действующему уже много лет Закону о выборах, сегодня избирательным правом в Японии пользуются только мужчины зрелого возраста, причем общая численность людей, которые могут воспользоваться этим правом, едва ли превышает один миллион шестьсот тысяч человек. Поэтому те, кто задумывается о реформе Конституции, должны, оставив в стороне все другие дела, прежде всего, сосредоточиться на обновлении Закона о выборах и добиться того, чтобы охват населения избирательным правом существенно расширился и достиг бы минимум 6-7 миллионов человек.

Мы хотим еще раз обратить внимание на эту проблему и подчеркнуть, что давным-давно назрела необходимость расширить круг лиц, обладающих правом участвовать в выборах. Неизвестно, сколько раз еще нам придется обращаться к этой теме в наших передовых статьях. Пока же создается такое впечатление, что или люди, делающие политику, равнодушны к этой проблеме, или они решили навсегда сохранить действующую Конституцию. И за исключением наших передовиц ни в одном издании не делается попыток донести эту проблему до широкой общественности...

Впрочем, есть в обществе небольшая группа людей, мнение которых на этот счет совпадает с нашим собственным. Именно эти люди год за годом пытаются внести свой законопроект в повестку дня сессии парламента и поставить его на обсуждение. Это отвечает и нашим чаяниям. Много лет подряд уже на первом заседании парламента, едва только депутаты рассаживались по своим местам, им предлагают обсудить проект нового Закона о всеобщих выборах. Но... Мы с нетерпением и беспокойством ждем, что произойдет с законопроектом на этот раз: будет ли он, как это много раз случалось прежде, сразу же отвергнут безо всякого обсуждения, или, наконец, парламента примет его к рассмотрению?

В Великобритании, стране, которая является нашим союзником, уже пришли к выводу о необходимости предоставить избирательное право женщинам. Там нашлись смелые люди, готовые ради защиты этого права даже сесть в тюрьму. Но у нас в Японии даже самые величественные и бородатые мужи пользуются этим правом сами, но не хотят предоставлять его другим! Да найдется ли в Японии хоть один мужчина, который готов пойти на такой шаг? До каких пор даже самые трусливые и бесхарактерные особи мужского пола будут пользоваться плодами Конституции, отказывая в этой возможности другим?..

Говоря о конституционном порядке в Империи, мы не можем не привлечь ваше внимание к той редкостной апатии, которую наше общество демонстрирует в этом вопросе...»

Помню, что эта передовица «Тоё кэйдзай симпо» вызвала тогда большой резонанс во властных структурах, а проект Закона о всеобщих выборах [109] благодаря поддержке заинтересовавшихся им депутатов был сразу внесен в повестку дня весенней парламентской сессии 1911 года. Более того, как я уже говорил, он прошел через Палату представителей, чему немало удивлялись не только в правительстве, но и в самой этой палате. В

действительности дело обстояло так, что все партии были в плену ежегодной парламентской рутины и попросту проморгали внесение этого законопроекта. Но через верхнюю палату такой законопроект тогда не мог пройти в принципе.

Вот тому иллюстрация. Член правительства Ясутакаси Ханъитиро, отвечая на вопрос члена верхней палаты парламента, отметил: «Правительство выступает категорически против данного законопроекта, ибо сама идея всеобщих выборов основана на распространившейся в последнее время в западных странах теории о неких изначально присущих человеку правах. Между тем эта последняя концепция не только ничем не подкреплена, но и опасна, ибо несовместима с традиционным взглядом на государственное устройство Японии».

Между прочим, господин Ясутакаси занимал тогда пост начальника юридического департамента во втором кабинете Кацура. А знаменитый юрист, член верхней палаты парламента господин Ходзуми Яцука при обсуждении этого законопроекта произнес фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Такому законопроекту, - сказал Ходзуми, - заказан путь в верхнюю палату не только сейчас, и когда-либо в будущем...»

И действительно, верхняя палата резко отвергла проект Закона о всеобщих выборах. Но и палата представителей, как я уже говорил, долгое время этот законопроект не пропускала и утвердила его только случайно. Иными словами, по этому вопросу обе палаты придерживались, можно сказать, единой точки зрения.

= Полемика с господином Одзаки Юкио =

Примерно в это же время я в качестве журналиста «Тоё дзирон» пришел на встречу с мэром Токио господином Одзаки Юкио для того, чтобы выяснить его точку зрения на проект Закона о всеобщих выборах. Собственно говоря, цель моего визита состояла в том, чтобы, не вступая в дискуссию, выслушать мнение мэра по вопросу о том, как можно ускорить продвижение к всеобщему избирательному праву, и сделать из всего этого материал для нашего журнала.

Однако совершенно неожиданно для себя я услышал от мэра отповедь тем, кто вообще осмелился выступить с идеей всеобщих выборов. А я-то гордился, что наш журнал находится в авангарде борьбы за всеобщие выборы, думал, что нам удастся заполучить в этой борьбе влиятельного сторонника... В результате в разговоре с Одзаки я буквально не мог связать двух

слов... Впрочем, когда я сегодня анализирую этот разговор, то вижу, что позиция господина Одзаки имела свои основания, и к ней ни в коем случае нельзя относиться с пренебрежением. Напротив, его аргументация заслуживает того, чтобы ее знать. А говорил он примерно следующее:

«Возьмем, к примеру, Англию. Народ здесь имеет традиции, все давным-давно упорядочено. В таких условиях и от всеобщих выборов большого вреда не будет... Представим себе, что в той же Англии под одной крышей находятся два рестораника, причем в один из них ходят исключительно джентльмены, а другой - излюбленное место встречи рабочего люда. Но ведь рабочие не будут советовать владельцу соседнего ресторана, какие блюда ему готовить для джентльменов! А в Японии простой народ пока не знает никаких приличий, и если ему бездумно предоставить избирательное право, то это создаст угрозу самим основам общественного порядка...»

Конечно, в действительности мэр, наверное, говорил несколько иными словами, но смысл его высказывания, насколько я помню, сводился именно к этому.

К моменту нашего разговора с господином Одзаки я уже успел прочитать книги Милля [110], Хаксли [111] и других подобных авторов и воспринял многие их мысли как руководство к действию. Поэтому я не мог согласиться с господином Одзаки. Я считал, что предоставление народу избирательных прав, как и прав вообще - это средство его воспитания и обучения. И при всех издержках такого подхода никогда не нужно бояться его практического осуществления: напротив, если все время чего-то ждать и годить, то всякий общественный прогресс просто остановится... Именно из этих соображений я позднее высказывался за придание легального статуса профессиональным союзам рабочих. Однако сегодня, возвращаясь мысленно к тому времени, я должен признать, что и точку зрения господина Одзаки нельзя считать полностью ошибочной. Не думаю, впрочем, что введение всеобщих выборов несло с собой все те беды, которых так опасался господин Одзаки (всеобщие выборы проходят в Японии с 1928 года). Но верно и то, что введение всеобщего избирательного права, которое, по идее, должно способствовать просвещению народа, подчас просто расширяет его права - и только. И это обстоятельство требует самого серьезного анализа.

Через несколько лет после описываемых событий господин Одзаки в своей «Автобиографии Гакудо» (Гакудо - это его литературный псевдоним) писал по этому вопросу следующее:

«Насколько мне известно, первыми идею всеобщих выборов начали пропагандировать Мацумото Кумпэй, Окадзаки Кунисукэ и Хината Сукэтакэ. Я тоже сразу поддержал эту идею, но никогда не призывал немедленно оформить ее в законодательном порядке. Я считал, что нужно вначале воспитать народ, то есть сформировать таких людей, которые имели бы право участвовать во всеобщих выборах, а уже затем вводить эту систему. Иными словами, я всячески подчеркивал необходимость политического просвещения масс. Этот путь мне казался наиболее безопасным. Я выбрал его с учетом своего многолетнего опыта участия в выборах. А этот опыт убедил меня в том, что и с точки зрения работы избранного таким образом парламента, и с точки зрения самого проведения всеобщих выборов введению таких мер должна предшествовать очень тщательная подготовка».

Я думаю, господин Окадзаки говорил это вполне искренне...

= Шествия и демонстрации в поддержку идеи всеобщих выборов в 1919 году =

После 1911 года движение за всеобщие выборы ушло в тень. Причина этого состояла в том, что в стране одно за другим стали происходить бурные события, которые казались для общества гораздо более важными, чем абстрактная проблема всеобщих выборов.

В 1912 году скончался император Мэйдзи. На трон взошел император Тайсё. Тогда же на пост министра князю Кацура Таро было поручено сформировать кабинет министров [112]. В декабре того же года возникла так называемая проблема доукомплектования двух дивизий, которая привела к бойкоту со стороны армии и падению кабинета Кацура [113]. Был сформирован кабинет Сайондзи, однако вскоре Кацура Таро, который был вхож во дворец, снова оказался на поверхности; был сформирован третий кабинет Кацура. В обществе, возмущенном постоянными перетрясками, началась борьба против антиконституционной политики военщины и бюрократии, развернулось движение в защиту конституции.

В ответ Кацура основал и возглавил собственную политическую партию, которая называлась Синсэйто риккэн досикай - Партия новой политики - Общество друзей конституции. Позднее она действовала под названием Кэнсэйкай (Общество конституционной политики), а потом стала называться просто Минсэйто - Демократическая партия. Кацура всеми силами старался сделать так, чтобы его партия стала правящей [114]. Однако это не остановило протесты в

обществе. В результате в феврале 1913 года в Токио вспыхнули волнения, и Кацура ушел в отставку [115].

Вслед за этим правительство попытался сформировать военно-морской министр Ямамото [116]. Стремясь погасить критические настроения в обществе, он пошел на компромисс с партией Сэйюкай и с большим трудом сформировал кабинет министров. Однако в марте того же года было предано огласке так называемое «Дело Сименса» (случаи взяточничества среди офицеров военно-морского флота) [117], Ямамото подвергся атакам Симада Сабуро, Одзаки Юкио и других парламентских ветеранов и в результате также ушел в отставку.

На смену правительству Ямамото пришел кабинет Окума. Граф Окума имел большой политический опыт, кабинет его был по-настоящему многопартийный, что несколько успокоило общественное мнение. Но в 1914 году снова произошел, если можно так сказать, «инцидент», и «инцидент» весьма крупный - началась Первая мировая война...

Вот в таких условиях действовало в Японии после 1911 года демократическое движение. Оно не выдвигало требований введения всеобщего избирательного права, а, скорее, выступало под лозунгами защиты конституционного строя и против засилья военщины и бюрократии. Мы в «Тоё кэйдзай симпо» тоже, естественно, поднимали свой голос в поддержку этого движения. Как частное лицо я также помогал молодым людям, участвовавшим в работе Общества содействия конституционному правлению (Кэнсэй сакусинкай). Это Общество представляло собой молодежную организацию и выступало своего рода спутником движения за сохранение конституционного строя. Сразу после окончания университета к нему, в частности, примкнул Накано Сэйго.

Движение за всеобщее избирательное право снова выдвинулось на политическую арену во время весенней сессии парламента 1919 года. Детали я сейчас не припомню, но суть событий состояла в том, что среди депутатов партии Кокуминто [118], которую тогда возглавлял Инукаи Цуёси, было много сторонников всеобщих выборов. Они-то вместе со своими сторонниками вне стен парламента и вдохнули новую жизнь в это движение. Я, по правде говоря, был тогда очень занят работой в «Тоё кэйдзай симпо» и вообще не имел намерения участвовать в широком «уличном» движении, но поскольку оказался связан со многими людьми, в нем участвовавшими, то меня все равно туда втянуло. Помню, что основная организация, возглавившая это движение, так называемое Общество содействия организации всеобщих

выборов, была основана в ходе заседания, которое состоялось на втором этаже крохотного ресторанчика в районе Сукиябаси. 1 марта на площади перед залом Хибия открылся всеяпонский митинг членов этого Общества, после которого состоялось шествие его участников. Они проследовали через районы Гиндза и Нихомбаси к мосту Нидзюбаси [119], где после троекратного «бандзай!» и разошлись. Это было очень крупное мероприятие, в котором участвовало несколько десятков тысяч человек. Мне запомнился один из организаторов этого события, замечательный человек из префектуры Нагано по имени Накамура Тахатио. Именно он более других ратовал за создание более широкого внепарламентского движения. Надо сказать, что полицейское управление Токио поначалу решительно возражало против планов проведения массового мероприятия, но Накамура занял еще более решительную и жесткую позицию, и оно, в конце концов, состоялось. Считается, что это было первое в истории Японии массовое шествие, или, как стали потом говорить, «демонстрация».

На том же митинге в Хибия была зачитана и принята резолюция, состоявшая из пяти пунктов - тоже, наверное, впервые в истории Японии. В результате образовалась своеобразная коалиция из тех депутатов парламента от партии Кокуминто, которые внесли в парламент проект Закона о всеобщих выборах, и внепарламентского общественного движения. Эти две силы совместно выступили против депутатов парламента, находившихся в оппозиции к этому закону. В конце концов дело дошло до того, что несколько депутатов от Кокуминто были исключены из партии за то, что не подчинились партийным решениям. Даже газеты, которые в целом были настроены против всеобщих выборов, высмеивали это решение...

Сейчас мало кто помнит, что Одзаки и Инукаи, которых считают едва ли не главными радетелями конституционности, выступали тогда против введения всеобщего избирательного права (даже для мужчин). Но я уже в то время считал, что именно предоставление всеобщего избирательного права служит наилучшим способом политического просвещения масс, и, более того, без предоставления такого права никакое политическое просвещение вообще невозможно. Поэтому я открыто выступал за введение всеобщего избирательного права и полагал, что необходимо всячески поддерживать защитников конституционности. В частности, в передовой статье номера «Тоё кэйдзай симпо» от 5 марта 1913 года, озаглавленной «О господах Инукаи и Одзаки», ясно говорилось о том, что эти видные деятели движения в защиту Конституции выступают против всеобщего избирательного права. Такая ситуация была названа смешной. Это был открытый и хлесткий удар по их позиции.

= Запоздалое введение всеобщего избирательного права =

К 1919 году движение за всеобщее избирательное право стало уже довольно бурным. Оно пока не дало никаких конкретных результатов, но как механизм, привлекавший внимание общественности к этой проблеме, работало достаточно эффективно. Судя по «Автобиографии» Одзаки, и он именно в это время стал рьяным сторонником всеобщих выборов...

Под влиянием общественных сдвигов, происшедших в европейских странах после Первой мировой войны, позиция японского парламента также стала претерпевать некоторые изменения. Число открытых сторонников введения всеобщего избирательного права постепенно росло. «Исходя из этого, - пишет Одзаки в своей «Автобиографии», - а также в результате собственных размышлений я пришел к выводу, что необходимо немедленно реализовать идею всеобщих выборов, и стал на защиту этой точки зрения...»

Честно говоря, я сейчас не помню, много ли было тогда в парламенте и в политических кругах людей, которые подобным же образом поменяли свою точку зрения. Хочу только напомнить, что это было время сильных общественных потрясений. Может быть, именно поэтому господин Одзаки быстро и решительно встал в ряды сторонников незамедлительного проведения всеобщих выборов?..

Итак, в начале 1920-х годов движение за всеобщие выборы, обретя в лице господина Одзаки и иже с ним крупных руководителей, быстро стало сильным и массовым. В парламенте представители Кэнсэйто, Кокуминто и других партий также стали наперебой вносить проекты законов, направленных на расширение круга лиц, которым должно быть предоставлено право участия в выборах.

В 1923 году произошла очередная смена правительства, кабинет министров вновь возглавил адмирал Ямамото. Однако партия Сэйюкай по-прежнему оставалась правящей. Она имела большинство в Палате представителей, и потому никакие законопроекты о предоставлении избирательных прав более широким кругам населения через парламент пройти не могли. Японские правящие партии (в том числе Сэйюкай) пошли на расширение избирательных прав только в январе 1925 года, когда поднялась вторая волна движения за сохранение Конституции, направленная против сменившего Ямамото на посту премьер-министра господина Киёура,

который сформировал чисто бюрократический кабинет министров [120]. Требование всеобщего избирательного права стало одним из главных лозунгов этого движения. Затем движению пришлось преодолеть ряд внутренних проблем и, наконец, в марте 1925 года усилиями так называемого трехпартийного комитета защитников конституции предложенный правительством законопроект о внесении поправок в закон о выборах депутатов палаты представителей был проведен через обе палаты парламента. Впрочем, еще два года прошли без всеобщих выборов: первые выборы палаты представителей по новому закону состоялись только в феврале 1928 года.

Такова вкратце история введения в Японии всеобщего избирательного права для мужчин - точнее говоря, для всех мужчин старше определенного возраста независимо от того, какие суммы они выплачивают в качестве налогов. С 1911 года, когда я в «Тоё кэйдзай симпо» впервые затронул эту проблему, и до ее законодательного решения прошло целых 14 лет! А ведь вся проблема состояла только в том, чтобы отказаться от системы, при которой в выборах мог участвовать лишь человек, уплативший в казну минимум сколько-то там иен прямых налогов. Поневоле приходишь к выводу, что нелегко, ой как нелегко изменить общественное мнение и заставить кого-то отказаться от своих исключительных прав (а ведь именно для этого и проводятся реформы). Причем, естественно, это относится не только к Японии; примеров подобного развития событий и внутри страны, и за ее пределами можно привести великое множество. Более того, сама медлительность в осуществлении перемен в обществе также, наверное, имеет для людей какой-то смысл. Кто знает, может быть, желание перемен и одновременное стремление сохранить существующий порядок вещей лежат в самом фундаменте человеческой природы?

Впрочем, при всем при том надо сказать, что всеобщее избирательное право пришло в Японию с большим опозданием. К сожалению, после того, как в 1925 году соответствующий закон прошел через парламент, мы потеряли к нему всякий интерес, разве что иногда горделиво подчеркивали, что вот, мол, как же, теперь и у нас есть всеобщее избирательное право для мужчин! А ведь что было бы, если правящие круги и вместе с ними господин Одзаки решили следовать духу времени чуть раньше и приняли решение ввести всеобщее избирательное право в 1919-1920 годах? Кто знает, может быть, в Японии и смогла бы сохраниться демократия, а у нас достало бы сил, чтобы отвести от страны все напасти, вызванные тем реваншем, который военно-бюрократический режим взял в 1931 году?

Мне представляется, что на самом деле представители правящих кругов, постоянно рассуждая о необходимости дальнейшей демократизации и введения всеобщего избирательного права, в действительности и не собирались тогда его вводить. Наоборот, ослепленные жаждой власти и занятые борьбой друг с другом, они всячески препятствовали введению такого права, что, в конце концов, и позволило прийти к власти антидемократическим силам.

= Преграды на пути демократизации =

Впервые демократические принципы государственной политики были сформулированы в Японии в императорском указе из пяти статей, вышедшем в третьем месяце 1868 года [121]. С очевидностью, это не было простой декларацией: без реализации этих принципов Япония просто не смогла бы двигаться тем путем, который был выбран после Реставрации Мэйдзи в 1868 году.

За прошедшие с тех пор 80 лет дело демократического правления в Японии не достигло заметных успехов и все еще находится в начале своего пути. Почему? Тому есть свои всемирно-исторические причины. С самого начала Реставрации, т.е. с 1868 года Япония находилась в такой международной обстановке, которая не благоприятствовала развитию демократии. Внутренне положение тоже складывалось таким образом, что в течение долгого времени главной задачей политических партий и вообще японских политиков оставалась борьба за политическое влияние. Для достижения своих целей в этой борьбе они не стеснялись в средствах, и эти возобновлявшиеся снова и снова политические схватки стали главным тормозом на пути демократии. Да и могло ли быть иначе? В конце концов, ведь и сам образ мыслей японских политиков того времени оставался насквозь недемократическим.

Другим источником, питавшим антидемократические настроения японских политиков, служили политические учения Древнего Китая. Китайским политическим идеалом всегда был Государь, идеальный самодержец, но никак не демократ. Основным же методом правления считался так называемый Путь Государя, то есть справедливое правление, которое, по китайским воззрениям, было присуще монархам в глубокой древности. Основой Пути Государя служил принцип «человеколюбия» жэнь, но никак не демократия. Мне представляется, что следовать сейчас этой доктрине - это все равно, что, обучая кого-то уходу за скотиной, непрестанно подчеркивать, что объект ухода был и останется скотиной... На деле подобная доктрина была просто средством сохранить и защитить интересы правителя. Ведь получается так, что для

того, чтобы идти путем человеколюбия и справедливости, монарх должен прежде всего сохранять свое положение абсолютного властителя. А для этого просто необходимо было применять силу! Кстати говоря, именно в этой доктрине крылась главная причина того, что именно в Китае появилось на свет понятие «завоеванной власти», когда законным правителем можно было стать в результате вооруженного переворота...

После Реставрации Мэйдзи система правления в Японии по форме становилась все более демократической, однако в действительности в условиях ожесточенной борьбы за власть она все более приближалась к гегемонистской.

Реставрация Мэйдзи была осуществлена усилиями молодых самураев из Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн и других кланов и княжеств. Все они были воспитаны на традиционных китайских учениях. Насколько можно судить, задумывая Реставрацию, они меньше всего хотели осуществить демократическую революцию. Их главная задача была в другом: любыми способами сбросить сёгунат Токугава и под сенью реставрированного императорского правления прибрать реальную власть к своим рукам. Многие из них тогда хвастались, что могли бы заполучить эту власть полностью, если бы только захотели - она почти в буквальном смысле слова висела на острие меча...

Реставрация Мэйдзи не была революцией, свершившейся в интересах простого народа. В своем реальном виде она есть результат раскола правящего класса и непримиримой борьбы за власть между различными группировками. Не удивительно, что победители в этой борьбе (и их преемники) продолжали осмысливать положение в тех же терминах - и, надо сказать, были по-своему правы: ведь наиболее влиятельные политики периодов Мэйдзи и Тайсё по-прежнему принадлежали к той или иной клановой группировке. Иными словами, эти люди стремились с мудром правлению, как они его представляли, костями ложились в борьбе за счастье родины, как они его понимали, но при всем при том они самым яростным образом выступали против демократии. Так уж они были устроены - и ничего тут не поделаешь.

= Происхождение японских политических партий =

Подобно японским политическим деятелям, политические партии в Японии также имели классовую основу. Надо сказать, что основатели японских политических партий по своим первоначальным заслугам перед Реставрацией по существу не отличались от остальных ее

участников. Примерами могут служить Итагаки Тайсукэ и Окума Сигэнобу. Однако и Итагаки, и Окума оказались вытесненными с влиятельных постов в правительстве Мэйдзи по той простой причине, что они не были связаны с двумя крупнейшими группировками, сложившимися в этом правительстве (я имею в виду выходцев из княжеств Сацума и Тёсю). Стремясь противодействовать такому давлению, Итагаки и Окума с помощью своих сторонников сформировали собственные политические партии, опираясь на которые, они смог собрать силы для борьбы с группировками Сацума и Тёсю. Обычно политические партии существуют и развиваются вместе с теми или иными демократическими движениями. В Японии партии тоже оказались связаны с такими движениями, но связанными вынужденно, поскольку главная их цель состояла в ином - в борьбе за власть с группировками Сацума и Тёсю. Иными словами, японские политические партии не были созданы народом и для народа; скорее их можно назвать инструментами, с помощью которых политические деятели пытались использовать народ в своих целях.

Есть такое японское присловье: «Правда, рожденная ложью» (Усо кара дэта макото). Мне кажется, именно этот случай имел место в истории политических партий в Японии. Независимо от причин, которые побуждали их к таким действиям, японские политики и политические партии в борьбе с группировками Сацума и Тёсю немало сделали и для того, чтобы в Японии получило развитие демократическое движение.

Но главной целью этих партий оставалась, повторяю, борьба с Сацума и Тёсю. И скоро их лидерам стало ясно, что есть и другие способы приблизиться к вершинам власти - например, сговоры и компромиссы с клановыми группировками...

Примеры. В 1910 году Ито Хиробуми основал свою политическую партию - Сэйюкай. Потом на политической арене возникло множество других партий, но и Сэйюкай, и Либеральная партия Дзюто (тогда она называлась Кэнсэйто) всегда вращались вокруг Ито. В 1913 году Кацура Таро основал свою партию Риккэн досикай. Позднее, в 1925 году, Танака Гиити объединил эти группы в новую партию Сэйюкай, и она начала обслуживать Танака...

Да, если бы кто-нибудь написал историю подбострастия и компромиссов между кланами и политическими группировками в Японии, то она бы составила целый толстенный том... Не побоюсь сказать, что японская политическая история с самого своего начала, с 1897 года, есть история угодничества и сговоров между различными партиями и кланами. Правда, иногда они

становились и непримиримыми противниками...

На первый взгляд, по мере того, как укреплялись политические партии и парламент, клановые группировки должны были терять свое влияние. Однако в действительности эти процессы были гораздо более сложными. Мы постоянно обсуждали их на страницах журналов «Тоё кэйдзай симпо» и «Тоё дзирон» и пришли к выводу, что главной их особенностью было то, что они в итоге все-таки вели к демократизации общества...

Однажды мне довелось обсуждать эти вопросы даже в таком месте, как кабинет начальника медицинского управления Военного министерства Японии, причем с начальником этого управления - им был тогда доктор Мори Огай [122]. Помнится, мы достигли полного взаимопонимания...

Впрочем, тогда в Японии превалировала другая точка зрения: считалось, что в период Мэйдзи в стране развивалась не демократия, а империалистические тенденции...

= Мое особое мнение об эпохе Мэйдзи =

Вот что я писал по этому вопросу в статье под заголовком «Значение эпохи Мэйдзи», опубликованной в журнале «Тоё дзирон» сразу после кончины императора Мэйдзи, в сентябре 1912 года:

«Судя по всему, многие люди у нас полагают, что главнейшая черта эпохи Мэйдзи состоит в том, что она принесла Японии империализм... Мне годы Мэйдзи видятся по-иному. Хочется думать, что главные достижения этого периода состоят, прежде всего, в создании самых разнообразных политических, юридических и общественных структур, а если говорить об области идеологии - то в осуществлении демократических преобразований. Рост в последние 50 лет числа военных кораблей, увеличение числа дивизий, наконец, несколько крупных войн и расширение территории - все это случайные эпизоды в развитии страны, все это преходящие политические мероприятия.

Мероприятия эти преходящи, а эпизоды случайны потому, что с течением времени они будут терять свое значение. А вот принципы, которые заведомо не потеряют своей значимости, принципы, чья сфера применения будет со временем только расширяться, чей блеск будет

продолжать сиять - это принципы общественного управления, народовластия и демократии. Они были заложены в обнародованной в 1868 году императорской клятве из пяти статей, развиты в императорском указе 1875 года об учреждении палаты старейшин и верховной судебной палаты и, наконец, дополнены указом императора 1881 года об образовании парламента.

Именно в этом должна видеться суть эпохи Мэйдзи с точки зрения истории человечества. Осознают ли верхи и низы нашего общества, сколь большое значение имеет эпоха Мэйдзи, есть ли в нашем обществе решимость завершить начатое этими преобразованиями?..»

Вслед за этими сентенциями в статье, озаглавленной «Проект создания бесполезного святилища», я высказывал возражения против создания синтоистского святилища Мэйдзи дзингу:

«Господин Сакатани Ёсио, занимающий кресло мэра Токио, отбросил все неотложные дела и выполнил самое главное деяние за все время своего пребывания на этой должности: он посетил синтоистский храм Хиэ дзиндзя. Вторым по важности делом мэра стало решение незамедлительно начать строительство синтоистского святилища Мэйдзи дзингу. Уже первое из этих деяний стяжало мэру немеркнущую славу. Нет сомнения в том, что и второе задуманное им дело получит полную поддержку и одобрение всего сонмища токийских политиков, предпринимателей, профессоров, историков, и т.д., и т.п.

Но почему Сакатани и его подчиненные мыслят столь мелкотравчато? Почему они полагают, что если на каком-то участке земли в городе Токио поставить синтоистский храм, то этого будет достаточно для того, чтобы увековечить память покойного императора Мэйдзи и эпохи, которая носит его имя? Они что, полагают, что именно сооружение Мэйдзи дзингу сможет символизировать собой подъем всей страны? Почему они считают, что самое сокровенное желание всего народа - это именно строительство синтоистского святилища? Если мы действительно хотим увековечить память императора Мэйдзи и его эпохи, то нам нужно в первую очередь подумать о том, как завершить начатые покойным императором великие дела. Что будет с конституционным правлением? С благосостоянием народа? Разве решать эти проблемы - это не значит следовать воле покойного императора? Или мы оставим все эти вопросы без ответа и погрузимся в размышления о том, каким должен быть новый храм - деревянным или каменным? Поступать так - значит уподобляться неразумным детям, которые

после кончины родного отца перестали заниматься делами дома и только и делают, что спорят, какой памятник поставить на его могиле. А между тем хозяйство, которое любовно пестовал покойный отец, приходит в упадок. Разве не такого рода суета началась среди придворных и правительственных чиновников, стремящихся воспользоваться нынешней неразберихой, чтобы половить рыбку в мутной воде?»

Под «суетой дворцовых и правительственных чиновников» в этой статье имелось в виду, кроме всего прочего, назначение князя Кацура на пост главы кабинета министров.

Эта же тема развивалась и в другой статье, озаглавленной «Учреждение премии Мэйдзи». В ней я, в частности, писал:

«Каким же образом можно было бы увековечить память о покойном императоре? Я предлагаю не строить на отведенном участке никаких храмов - ни деревянных, ни каменных, вообще не делать никаких подобных нелепостей, а учредить Премию Мэйдзи. Ведь стала же подобная премия лучшим памятником Альфреду Нобелю, изобретателю динамита. Если бы Нобель не догадался таким образом использовать свой капитал на благо мировой цивилизации, то человечество бы его давным-давно забыло. А так этот человек, который и был-то, честно говоря, всего лишь мелким изобретателем, сумел на долгие годы остаться в памяти людей всего мира...

Покойный император находился во главе нашей страны в то время, когда она невиданными темпами приобщалась к достижениям мировой цивилизации. Именно он руководил этим процессом. Поэтому если в память об императоре Мэйдзи будет учреждена премия его имени, то это, несомненно, придаст новый импульс активности народа, делу мира и цивилизации в целом. Значение такой премии в буквальном смысле слова трудно переоценить. И нам представляется, что учреждение подобной премии отвечало бы заветам покойного монарха гораздо больше, чем строительство любых мемориальных сооружений».

Цитаты получились достаточно длинными, но я привожу их потому, что уверен: если бы 37 лет назад, в начале периода Тайсё, наш народ решил бы вместо строительства синтоистского святилища Мэйдзи дзингу учредить премию Мэйдзи, то не было бы в нашей истории войны на Тихом океане, а, значит, и Япония не оказалась бы в том положении, в котором она находится сейчас...

= Межпартийные схватки =

Эпоху Мэйдзи считают главным периодом в развитии японской демократии, и такой подход ни в коей мере нельзя признать ошибочным. Более того, можно сказать, что обратное утверждение было бы, скорее всего, неверно. Как уже говорилось, именно в конце периода Мэйдзи и в начале периода Тайсё поднялись бурные волны движения в защиту Конституции, в схватках вокруг которого участвовали самые разные военные и клановые группировки. Мне представляется, что если бы в то время японские парламентарии и политические партии были последовательны в стремлении к демократии и стремились бы следовать в русле движения в защиту Конституции, то в Японии действительно бы установился подлинно демократический строй.

Однако, к сожалению, подлинные помыслы японских парламентариев и политиков были, как я уже говорил, совершенно иными. И широкие массы, которые участвовали в движении в защиту Конституции, были возмущены антиконституционной политикой кабинета Кацура и потому продолжили борьбу за установление конституционного порядка. Оказавшиеся во главе этого движения парламентарии и политики по-прежнему считали его не более чем средством в борьбе за власть. Поэтому часть этих деятелей (например, из партии Кэнсэйкай), привлеченная посулами князя Кацура, пошла за ним и образовала новую партию Риккэн досикай.

После падения кабинета Кацура был сформирован новый кабинет, в основе которого по-прежнему лежали клановые интересы - точнее говоря, был найден компромисс между партией Сэйюкай и адмиралом Ямамото Гоннохэё. В кабинет Ямамото вошли Хара Такаси и другие деятели Сэйюкай, а тем людям, кто принимал участие в движении в защиту Конституции, осталось лишь, как говорится, скрежетать зубами да сжимать кулаки в бессильной ярости - они остались ни с чем. Таким образом, у возникшего в начале эпохи Тайсё демократического движения было многообещающее начало, но бесславный конец - как говорит пословица, «голова дракона, а хвост змеи».

Однако нашим парламентариям и политикам нужно поставить в вину не только подобострастное угодничество перед кланами. Еще хуже то, что в постоянной фракционной грызне они потеряли остатки своего бывшего влияния и политического авторитета. По мере того, как политические партии обретали силу, возрастало и их желание стать ближе к рулю

власти, а схватки между представителями различных партий становились все более ожесточенными. Стремясь сохранить хоть какое-то политическое влияние, они попросту игнорировали интересы друг друга. Их соперничество никогда не представляло собой борьбу между политическими партиями за выработку политического курса в чистом виде. Дело в том, что, с одной стороны, в это соперничество оказались вовлечены клановые и военные группировки, а, с другой стороны, у партий уходило много сил на то, чтобы постоянно разоблачать прегрешения своих оппонентов из других партий и ловить друг друга на ошибках. В результате парламент из места принятия политических решений постепенно превратился в место беспорядочных схваток и потасовок...

Номер «Тоё кэйдзай симпо» от 25 июля 1917 года открывался редакционной статьей под заголовком «Подавление свободы слова: преступление и наказание». Речь в ней шла о том, что лидер парламентской фракции партии Кэнсэйкай господин Сайто Такао во время выступления в палате представителей допустил оскорбление членов правящей партии Сэйюкай, что вызвало в зале заседаний большой переполох. На самом деле Сайто обвинили в неуважении к депутатам потому, что он, обращаясь к членам парламента, которые пытались помешать его выступлению, назвал их «ничтожными людишками». В этом, собственно говоря, и усмотрели криминал, и Сайто прямо посреди его выступления согнали с трибуны. В редакционной статье высказывалось возмущение этим инцидентом: «Скоро, наверное, совесть у депутатов совсем уж парализует. Видимо, плевать на заседаниях парламента для нас уже мало», - говорилось в заметке. Впрочем, таких инцидентов с участием самых разных депутатов и до того, и после того случая было великое множество...

= Кризис 1927 года =

Подобные дурацкие стычки в зале заседаний палаты представителей не только вызвали отвращение к парламентской деятельности со стороны простых людей, но и служили хорошим поводом для антидемократических выступлений. Но более того: такого рода «баталии» между представителями различных политических партий приводили, в конечном счете, к серьезным ошибкам в государственной политике.

Так, в частности, произошло и во время большого финансового кризиса 1927 года. Кстати говоря, задолго до того, как он разразился, я в разговорах и статьях предупреждал о возможности такого развития событий. Да, собственно говоря, то, что кризис рано или поздно

должен был произойти, вытекало и из самых фундаментальных причин.

Кризис этот выразился в том, что население начало в массовом порядке изымать деньги из банков. Оппозиционные партии незамедлительно попытались использовать эти события для того, чтобы попытаться сбросить правительство. Но сам кризис это только усугубляло; и в стенах парламента, и за его стенами принималось множество полезных и бесполезных решений и резолюций, которые, впрочем, только подрывали доверие к банкам.

Сейчас, трезво анализируя тогдашнее положение дел, можно прийти к выводу, что, скажем, решение о закрытии Банка Формозы (Тайваньского банка) было целиком ошибочным [123]. Однако тогда именно оппозиционные партии, развив среди членов тайного совета бурную деятельность, добились реализации этого решения. Иными словами, для того, чтобы сбросить кабинет Вакацуки, была принесена в жертву вся экономика страны! Цель была достигнута, правительство Вакацуки пало, но наскоро сформированный кабинет Танака, возглавившего партию Сэйюкай, был вынужден вообще объявить мораторий на финансовые операции по всей стране, что в результате привело к большим волнениям. В выпуске «Тоё кэйдзай симпо» от 23 апреля 1927 года была вкладка - приложение, допечатанное уже после начала этих волнений (15 банков прекратили операции 21 апреля, мораторий был введен 22 апреля). В заметке под названием «Грядет крупный кризис», помещенной на второй странице этой вкладки, говорилось: «Еще в марте месяце в палате представителей начались ожесточенные нападки представителей партий Дзицуё Досикай и Сэйюкай на проект закона о проведении восстановительных работ после землетрясения. Ваш корреспондент уже предупреждал о том, что если этот законопроект, в котором речь идет о материальной помощи отдельным предпринимателям, будет отклонен, то это самым отрицательным образом скажется на экономике. Продолжавшиеся нападки на законопроект укрепили самые мрачные предчувствия даже у неосведомленной во всех деталях широкой публики. В результате оказался фактически развалена компания «Судзуки», нанесен непоправимый ущерб Банку Формозы, и теперь уже даже прохождение законопроекта через парламент ничего не изменит... Даже если бы Дзицуё Досикай и Сэйюкай остановили свои интриги у этой черты, то все равно ущерб от их действий был бы немалым. Однако они пошли дальше, выступив против проекта императорского указа, в котором кабинет Вакацуки предлагал выпустить заем на сумму 200 миллионов иен для поддержки Банка Формозы. Тайный совет, находясь под давлением этого решения, также выступил против выпуска займа, что и вызвало в стране большую панику.

Можно представить себе две причины, повлекшие за собой столь неблагоприятные последствия. Первая - отсутствие глубоких экономических знаний. Вторая - жажда власти. Прежде, выступая против кабинета Вакацуки под абсурдными предложениями вроде «дела Бокурэцу», эти люди всегда терпели поражение. Поэтому на сей раз для своих атак они выбрали новые, более реальные цели - восстановительные работы после землетрясения и деятельность Банка Формозы» (Партия Дзицуё Досикай, о которой идет речь в цитируемом отрывке, была основана Муто Сандзи [124]).

= Использование императорской фамилии в политической борьбе =

Что это за «дело Бокурэцу»? Бокурэцу - это псевдоним [125]. Человек, который носил этот псевдоним - кореец, его настоящее имя - Пак Чжон Сик. Кроме Пака, в «дело Бокурэцу» была вовлечена его гражданская жена Канэко Фумико. Это «дело» действительно использовалось партией Сэйюкай в ее попытках сбросить кабинет Вакацуки.

А состояло «дело» в том, что задолго до описываемых событий, в 1923 году, мужу и жене Бокурэцу было предъявлено обвинение в том, что они намеревались совершить во время свадьбы наследного принца (ныне императора Японии) покушение на его жизнь, бросив бомбу в свадебную процессию. Суд вынес смертный приговор, который затем специальным императорским указом был заменен пожизненным тюремным заключением. (Кстати сказать, после войны Пак был освобожден из тюрьмы и стал едва ли не символом борьбы для проживающих в Японии корейцев).

Было это в апреле 1926 года. Неизвестно, вынашивали ли муж и жена Бокурэцу подобные планы или нет (это уже тогда ставилось под сомнение), но, как бы то ни было, казалось, что инцидент был на этом исчерпан.

Однако в июле 1926 года самым разным лицам были по почте разосланы скандальные фотографии мужа и жены Бокурэцу, сделанные в тюремной камере. На них парочка была изображена в обнимку, причем в самом непотребном виде. Далее, в сентябре того же года два надзирателя тюрьмы Итигатани, в которой происходили эти события, распространили письма, раскрывавшее истинное положение дел в этом заведении. В письмах утверждалось, что фотографии Бокурэцу сделал в камере предварительного заключения тюрьмы не кто иной, как сам следователь, проводивший предварительное следствие. Он же передал фотографии

самому Бокурэцу, который с помощью каких-то посредников и передал их за пределы тюрьмы. Судя по данным, опубликованным в биографии политического деятеля Мори Каку, эти снимки сначала попали в руки человека по фамилии Кита, который и передал их Мори, занимавшему в то время пост главы секретариата партии Сэйюкай. Таким образом, эта история приобрела политический оттенок. Согласно этому же источнику, действия надзирателей также были инспирированы Мори; он же опубликовал и первые разоблачительные статьи.

Кому было выгодно появление этих скандальных фотографий? Тогда я над этим особенно не задумывался. Следует заметить, что эти возмутительные снимки были сделаны в тот период, когда у власти находилось коалиционное правительство, состоявшее из представителей трех партий - «защитниц конституции» [126]. Пост министра юстиции в этом правительстве занимал Огава Хэйкити из партии Сэйюкай. Так что, вне всякого сомнения, вся эта история была направлена против кабинета Вакацуки.

Кончено, формально это был всего лишь проступок человека, проводившего предварительное следствие. Даже при наихудшем варианте развития событий нельзя было и речи вести о том, что за проступок рядового следователя нужно отправлять в отставку правительство. Однако люди, которые в борьбе за политическую власть не брезговали никакими средствами, надеялись с помощью обсуждения именно этого вопроса поставить кабинет в безвыходное положение. Для этого использовалось то обстоятельство, что речь шла не о простом уголовном деле, а о деле «государственных преступников», преступлении против члена императорской фамилии.

О существовании планов придать этому делу именно такой поворот свидетельствует текст специальной резолюции об укреплении дисциплины, которая была принята в ходе служебного расследования внутри самой партии Сэйюкай. В этой резолюции «дело Бокурэцу» прямо сравнивалось с «делом Котоку», которое имело место в период Мэйдзи [127].

«Меры, предпринятые правительством во исполнение императорского указа о смягчении наказания государственным преступникам, никак нельзя назвать правильными, - утверждалось в документе. - И с точки зрения поддержания государственного порядка в нашей стране, и с точки зрения должного управления Кореей необходимо повысить ответственность должностных лиц при решении подобных вопросов». Далее в резолюции говорилось:

«Конечно, следует обращаться с заключенными ровно и не допускать в отношении них никаких эксцессов. Однако столь теплое отношение властей к особо опасным преступникам, покушавшимся на императорскую фамилию, не поддается никакому объяснению... Ставя во главу угла то влияние, которое это дело может оказать на состояние национального духа в нашей стране, нам следует вместе со всем народом самым тщательным образом следить за действиями правительства с тем, чтобы оно работало наилучшим образом».

Из приведенных фактов видно, что если в период Мэйдзи политические группировки еще нередко, как говорится, «скрывались за рукавом монаршего платья», то позднее они сами стали использовать императорскую фамилию для достижения своих неблагоприятных целей в политической борьбе.

= Политическая борьба наносит вред Японии =

Следует, наверное, напомнить и о том, что «дело Бокурэцу» создало большие проблемы в отношениях между Танака Гиити, тогдашним главой партии Сэйюкай, и Токонами Такэдзиро, лидером партии Сэйюхонто [128]. Началось все с того, что в партиях нашлись ловкачи, которые предложили объединить усилия и на весенней сессии парламента 1927 года внести проект резолюции о недоверии кабинету министров. Однако, как оказалось, и Танака, и Токонами в это время по отдельности вели закулисные переговоры с премьером, и потому реализация плана совместных действий двух партий была приостановлена. Словом, в то время в партийных отношениях сложилась крайне запутанная ситуация, заставившая многих политиков изрядно поволноваться.

В небольшой заметке, опубликованной в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 4 сентября 1926 года под заголовком «Как одна фотография большую смуту в политические круги внесла» я писал об этой ситуации следующее:

«Все эти события так или иначе затрагивают императорскую фамилию. Если бы их участники хотя бы на минуту вспомнили об императорской семье... Но нет, совершенно очевидно, что они используют ее всего лишь как средство, с помощью которого надеются получить в свои руки политическую власть. О каком уважении к императорскому дому можно вести здесь речь? Увы, эти действия лишь наносят ему урон. В интересах императорской фамилии и в целях улучшения государственного управления в целом следовало бы мышину возню подобных

группок законодательно запретить. Да, запретить! А что? Кто мешает внести изменения в «Закон о надзоре за радикальными мыслями» и дополнить его следующей статьей: «Лица, задумавшие нападки на императорскую фамилию, государственный строй, а также других частных лиц приговариваются к трем годам каторжных работ независимо от того, имели ли место конкретные действия, в которых реализовались бы такие нападки. Те же, кто такие мысли сопровождает конкретными действиями, приговариваются к десяти годам каторги». Ну разве не интересно было бы рассмотреть закон в такой редакции? А что, если правительству действительно попытаться внести подобный законопроект на следующей сессии парламента?» («Дело Бокурэцу» было возбуждено на основании «Закона о надзоре за радикальными мыслями»).

Здесь я ограничусь только этим случаем, хотя помню еще по меньшей мере пару примеров того, как в конце периода Тайсё и начале периода Сёва с ростом влияния политических партий государственные деятели начали использовать в политической борьбе подобные низкопробные приемы.

Использование в качестве инструментов политической борьбы таких проблем, как сокращение вооружений или маньчжурский вопрос в конце концов привело к тому, что политики стали пытаться привлечь на свою сторону те или иные военные круги. А эти игры закончились не только гибелью самих политических партий, но и общенациональной катастрофой.

Таким образом, с 1924 года, когда вторая волна движения в защиту конституции смыла кабинет Киёура, и вплоть до 1932 года (кабинет Инукаи) у власти в Японии находились партийные правительства, сформированные членами трех партий - «защитниц конституции», и правление оставалось (по крайней мере по форме) демократическим. Но события 15 мая быстро заставили демократию обратиться в свою противоположность.

= События 15 мая =

Сейчас представляется очевидным, что процесс, который раздавил ростки демократии, возникшие в Японии в период Мэйдзи, а затем привел страну к общенациональной катастрофе, начался с Маньчжурского инцидента 1931 года [129] и продолжился событиями 15 мая 1932 года [130].

Выпуск «Тоё кэйдзай симпо» от 21 мая 1932 года был 1500-м в истории журнала, и его планировалось посвятить юбилею, но, поскольку номер вышел сразу после «инцидента 15 мая», то в нем, естественно, нашли отражение и эти события. В передовой статье под заголовком «К выходу в свет 1500-го номера журнала» я писал:

«Оглядываясь назад, можно сказать, что за 38 лет, прошедших с момента появления нашего журнала, Япония сталкивалась с разного рода трудностями, но никогда она не была в такой опасности, как сейчас... Наверное, по-настоящему грозный час для нее наступил именно сегодня».

В том же номере под заголовком «Преодолеем трудности, стоящие перед страной. Содействовать подъему деловой активности» была помещена и другая написанная мной редакционная статья. В статье говорилось:

«Япония столкнулась сейчас с очень значительными трудностями. Впрочем, как нам представляется, если опираться на вышеизложенную программу из трех пунктов, то справиться с ними будет не так уж и сложно». Первым пунктом в изложенной мной программе стояла свобода слова, вторым - отстранение от власти лидеров всех политических структур (поскольку именно они своим бездействием довели страну до того, что она оказалась у опасной черты), третьим пунктом - повышение деловой активности. Разъяснению последнего предложения и была посвящена данная редакционная статья. «Если бы нам удалось уничтожить неуверенность в завтрашнем дне или хотя бы немного пригасить беспокойство, охватившее широкие слои населения, то это привело бы к росту стабильности и спокойствия в обществе», - писал я.

Конечно, сейчас такую точку зрения легко критиковать (и трудно находить слова в ее защиту). Но должен подчеркнуть, что уже тогда я самым серьезным образом был обеспокоен создавшимся положением. После «Маньчжурского инцидента» мне приходилось беседовать с самыми разными людьми. Все они были обеспокоены кризисом, размышляли о том, что можно сделать, но при всем при том и пальцем не шевельнули для того, чтобы действительно что-то предпринять. Такие люди встречались в деловом мире, и в правительственных кругах. Как и я они, повторяю, были очень обеспокоены создавшимся положением, но при этом ни один из них так и не нашел в себе мужества для того, чтобы сделать хотя бы шаг навстречу опасности. Поезд уже шел под откос, а его пассажиры все продолжали кричать «Стой!» да «Берегись!»...

В процитированной выше редакционной статье одной из причин этого было названо бессилие руководителей всех мастей, которые оказались не в состоянии вывести страну из кризиса. В то время я продолжал надеяться, что эти лидеры просто ждут, пока наступит благоприятный момент для того, чтобы вступить в борьбу...

= Разгул фашизма =

Сам инцидент 15 мая был организован небольшой группой молодых офицеров, а также правыми идеологами, такими, как Окава Сюмэй [131] или Татибана Кодзабуро. Однако еще задолго до этих событий в Японии начала действовать группа Иноуэ Ниссё, который со своими приспешниками осуществил убийства бывшего министра финансов Иноуэ Дзюнносукэ и Дан Такума из концерна «Мицуи» [132].

Судя по информации, опубликованной военным и военно-морским министерствами, а также министерством юстиции на следующий год после суда над участниками событий, свои цели и методы действий главари преступников описывали следующим образом:

«Что касается нынешней ситуации в Японии, то она является тупиковой и с политической, и с дипломатической, и с экономической, и с образовательной, и с идеологической, и с военной, и со всех других точек зрения. Дух японского народа пришел в упадок. Необходимо решительно покончить с нынешним положением вещей, иначе мы столкнемся с реальной угрозой самому существованию Империи. Почему страна оказалась в тупике? Причины этого - в сговоре окончательно прогнивших и разложившихся политических партий и монополий-дзайбацу, которые преследуют исключительно свои корыстные интересы, недооценивают проблемы обороны и даже не задумываются об интересах государства и благе народа. Мы должны ликвидировать эти причины, преобразовать наше государство и построить новую, истинную Японию. Ту Японию, которую не в силах создать эти господа, тщащиеся решить гигантские задачи, исходя из своих скудных способностей».

Приведенный отрывок - яркое свидетельство того, каким образом в стране осуществлялся переход к фашистской идеологии, которая после «Маньчжурского инцидента» набрала силу и стала подчинять себе всю страну.

Ровно за два месяца до событий 15 мая, 15 марта 1932 года, мы организовали в редакции «Тоё кэйдзай симпо» круглый стол по проблемам фашизма и пригласили на встречу таких известных тогда деятелей, как Муробусэ Кодзин, Мацуока Комакити, Накатанигава Нёдзэкан, Накадзима Кумакиити, Симонака Ясабуру, Акамацу Кацумаро, Сугимори Кодзиро и других. Стенографический отчет об этой встрече появился в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 26 марта. Но еще в номере от 20 февраля была опубликована редакционная статья «Роль фашизма в Японии». Из этих материалов ясно видно, что думали современники о становлении фашизма в Японии. Так, в статье писателя Наоки Сандзюро «Беседы с милитаристами», процитированной в упомянутой редакционной статье, были кратко и точно перечислены главные требования, с которыми выступала тогдашняя военщина. Они были таковы:

1. Аннулировать Вашингтонский договор [133].
2. Проучить дипломатов, занимающих ошибочные, пацифистские позиции.
3. Рассматривать Китай как особую страну и допускать в политике по отношению к ней возможность военных действий.
4. Продвижение в Китай с его обширными неиспользуемыми территориями такого замечательного народа, как японцы, принесет благо и японцам, и китайцам.
5. Сформулированные выше принципы являются естественной основой Японской Империи, своего рода восточной доктриной Монро [134], и потому представляют собой основу существования Японии. Безусловно, эти идеологические принципы весьма стары, но, тем не менее, они продолжают действовать и поныне.
6. Необходимо покончить с капитализмом.
7. Необходимо противостоять существующим политическим партиям и организациям.
8. Необходимо противодействовать идеологии интернационализма.

Безусловно, все мы были обеспокоены тем, что в нашей стране есть носители такого образа мыслей. Однако вместе с тем мы полагали, что подобные воззрения присущи лишь незначительному меньшинству, что Япония не пойдет по этому пути. Мы бездумно недооценивали нависшую над страной опасность...

Как идеологическое течение японский фашизм сложился и набрал силу после маньчжурских событий под влиянием итальянского и немецкого фашизма. Однако по сути своей он не был чистым заимствованием; никакая идеология не смогла бы закрепиться в Японии, если бы у нее не было японских корней.

Что же послужило основой для возникновения фашизма в Японии? Во-первых (так же, как в Италии и Германии) - серьезный экономический кризис и трудности, которые испытывал простой народ. Во-вторых, это были протесты народных масс против политики правящего класса (который в Японии, в конечном счете, отождествлялся с советниками-гэнро и ведущими министрами), а также против политики монополий-дзайбацу и всех политических партий в целом. Народ не верил в действенность существовавшей тогда системы государственного управления. Иными словами, люди считали, что власть в стране узурпирована политическими партиями. Оказало влияние на народ и то обстоятельство, что, как уже говорилось, партии были вовлечены в грязные политические игры и, не выбирая средств, бились друг с другом в борьбе за власть.

Некоторые партии, ухватившись за результаты Лондонской конференции по ограничению вооружений [135] и политические маневры вокруг Китая, предприняли попытку заучиться поддержкой армии. Так, военные и «государственники» были недовольны результатами конференции, поскольку считали, что разоружение приведет к нарушению баланса сил и ослаблению позиций Японии на мировой арене. В этих условиях ожесточенная борьба, которую партия Сэйюкай вела в 1931-1932 годах против Лондонского соглашения о сокращении вооружений (оно было подписано в апреле 1930 года) на деле превратилась в борьбу против кабинета Хамагути [136].

В защиту такой позиции Сэйюкай обычно приводят тот аргумент, что политика этой партии была направлена не на свержение существовавшего правительства, а на укрепление обороноспособности страны. Возможно, так оно и было, но ведь именно в результате такой политики произошло ослабление как демократов, так и «государственников». И те самые военные, которые прежде использовались партиями в междоусобной политической борьбе, теперь стали попросту игнорировать существовавшие политические партии. Они сами стали политической силой.

= Противодействие военным приготовлениям =

Хочу напомнить историю сокращения вооружений. Экономические аспекты этих проблем неоднократно обсуждались на страницах «Тоё кэйдзай симпо». В частности, еще перед Русско-японской войной состоялась дискуссия по вопросу о двухгодичной службе (было предложение

сократить срок обязательной военной службы с трех лет до двух).

Интересно, что в ходе этого обсуждения было высказано предположение, что с переходом на двухгодичную службу фактические расходы на содержание армии возрастут. Именно так и произошло в 1907 году, когда армия стала формироваться по новым законам. Никто из участников дискуссии о двухгодичной службе на страницах «Тоё кэйдзай симпо» тогда еще в открытую не призывал к уменьшению численности армии, но предложения сократить вооружения в статьях выдвигались. Так, в редакционной статье под заголовком «Почему не вводят обязательную двухгодичную военную службу», помещенной в номере от 15 августа 1903 года, говорилось следующее:

«Главная причина разбухания административного аппарата, как и основная причина финансовых трудностей армии, лежит в действиях армейских и флотских мужей. До сих пор эти действия имели форму самовластия, свободного от всяких административных ограничений, а также полного запрета всякого вмешательства в дела военных - короче говоря, в армии действовал принцип «что хочу, то и ворочу». Если мы хотим, чтобы развертываемая ныне реформа государственного аппарата была действительно направлена на борьбу с финансовыми трудностями, то нужно принять тот простой факт, что причины этих трудностей коренятся в самих армии и флоте».

Если учесть, что эти слова были сказаны в августе 1903 года, когда шел быстрый рост напряженности в российско-японских отношениях, то надо признать, что для того времени статья написана в достаточно смелом и решительном тоне...

Напомню, что я еще тогда в «Тоё кэйдзай симпо» не работал; скорее всего, этот материал был подготовлен господином Уэмацу Хироаки, который высказал в нем свою личную точку зрения. Впоследствии он, пройдя годичную подготовку, получил звание лейтенанта артиллерии и участвовал в составе действующей армии в сражениях Русско-японской войны...

Я начал писать для «Тоё кэйдзай симпо» статьи на военные темы позднее, после Первой мировой войны. В них я, опираясь на собственный армейский опыт, предлагал сократить срок обязательной военной службы до одного года (в большинстве зарубежных государств он был в то время равен двум годам)...

Вскоре после окончания Первой мировой войны, в июле 1921 года, американское правительство предложило внести обсуждение вопросов разоружения в повестку дня готовившейся Вашингтонской конференции. Таким образом, вопросы разоружения формально обрели международный статус. Однако обсуждение этой проблемы велось и раньше. Так, в редакционной статье под заголовком «Опасность столкновения между Японией и США», помещенной в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 24 января 1920 года, указывалось на возможность столкновения между японскими империалистами и молодой китайской демократией. Приведу один пассаж из этой статьи, которая может служить не только примером нашей тогдашней смелости, но и нечаянным пророчеством тех событий, которые произошли двадцать лет спустя. Сейчас я с огромным волнением перечитываю эти слова:

«... Если в треугольнике Корея - Япония - Китай вспыхнут военные действия, то США, для которых Япония является второй Германией, обязательно нанесут удар по дальневосточному милитаризму, нарушившему мирную жизнь людей. Неужели даже публичные предупреждения не остановят отправки японских карательных отрядов за границу? Понимает ли всю глубину проблемы наша военщина? Сегодня голоса людей, выступающих за сохранение мира и сокращение вооружений, звучат все тише и тише. Но я все равно выскажу свои опасения. Да, я боюсь, что предлагаемое правительством в новом финансовом году резкое увеличение военных расходов лишь ухудшит создавшееся положение!..»

Мы в «Тоё кэйдзай симпо» нередко жаловались на ограничение свободы слова, но, замечу, в то время еще можно было называть армию «военщиной» - и не подвергаться за это преследованиям...

Расширение военных приготовлений, а также требования незамедлительного вывода войск из Сибири стали также темой другой редакционной статьи, опубликованной в номере «Тоё кэйдзай симпо» 26 июня того же года под заголовком «Остановить рост военных расходов».

= Проект резолюции о сокращении вооружений, внесенный господином Одзаки =

Единственным японским политиком, который сразу после окончания Первой мировой войны выступил за скорейшее сокращение вооружений, был господин Одзаки Юкио. Еще весной 1921 года он внес в палату представителей проект резолюции об ограничении вооружений. Господин Инукаи, стоявший во главе партии Кокуминто, давно уже предлагал сделать курс на

сокращение военных расходов одним из основных принципов политики этой партии, поэтому проект Одзаки получил поддержку Кокуминто, однако при голосовании 10 февраля все равно был забаллотирован: «за» проголосовало 38 человек, «против» - 285.

Реальные же военные расходы после Первой мировой войны росли как на дрожжах. Конечно, росли они и в других странах. Но в Японии в 1921 году дело дошло до того, что в общей сумме бюджетных ассигнований 1 миллиард 560 миллионов иен на долю армии приходилось 260 миллионов иен, а военно-морского флота - примерно 500 миллионов, что в сумме составляло около 760 миллионов иен, или 49% бюджета! Именно тогда Одзаки и внес свой проект резолюции о сокращении вооружений.

Подход Одзаки состоял в следующем. Предлагалось на несколько следующих лет на обоюдной основе приостановить рост военных расходов в целом или в каких-то долях, причем договоренности, касающиеся сухопутных войск, должны были достигаться в рамках Лиги Наций, а по военно-морским вооружениям - в рамках договоров с Великобританией и США. Такой подход полностью совпал с принципами ограничения вооружений, предложенными вскоре после этого правительством США. Думаю, есть смысл поразмыслить о том, что было бы, если бы проект резолюции, предложенный Одзаки, получил бы тогда одобрение в парламенте. Как развивались бы события, если бы Япония следовала этой резолюции? Какой отклик это получило бы в мире?

Впрочем, как уже было сказано, резолюция Одзаки была отвергнута безо всякого обсуждения. В редакционной статье «Ответ военщины на проект закона об ограничении вооружений» («Тоё кэйдзай симпо» от 19 февраля 1921 года) я писал по этому поводу следующее:

«На заседании 10 числа он (премьер-министр Хара) отмолчался. Но что, если сейчас, в самом начале парламентской сессии, от США и Великобритании поступят предложения по ограничению вооружений? Придется делать заявление о том, что парламент, проявляя добрую волю, вернется к рассмотрению этого законопроекта? Печально сознавать, что премьер-министр Хара и его партия выступают против законопроекта Одзаки. Но дело здесь не только в позиции премьера. При внимательном рассмотрении выясняется, что у нас в стране немало политиков, ученых, журналистов и предпринимателей, которые выступают за сокращение вооружений или даже за полное их уничтожение. А между тем 285 депутатов парламента голосуют против предложения Одзаки. Лично я сомневаюсь, что все они всем сердцем были

против этих предложений. Наверное, немалое число депутатов проголосовало так в силу совершенно иных причин...»

= Страх перед военщиной =

Какие это могли быть причины? О них я писал в той же статье следующее:

«Говорят, что во всем мире увеличивается влияние военных, а их недовольство обычно не сулит ничего хорошего ни политикам, ни целым политическим партиям. Вчера одна токийская газета подробно и с самых разных сторон проанализировала отношение разных влиятельных персон к проблеме сокращения вооружений. И что же оказалось? Судя по результатам анализа, опубликованным в газете, многие из них выступают против ограничения вооружений. Но стоит ли делать на основе этой публикации скоропалительные выводы? В действительности противники вооружений есть. Во-первых, они могут находиться вне круга лиц, опрошенных газетой, а, во-вторых, могли просто отказаться открыто высказать свое мнение. Но почему они отказываются это делать? А потому, что боятся военных... То же верно и в отношении политических партий. Вчера в верхней палате парламента господин Като, председатель партии Кэнсэйкай, сделал запрос относительно перспектив вывода войск из Сибири. И что же? Насколько можно судить, уже сам факт постановки такого вопроса не сулит партии Кэнсэйкай ничего хорошего. В нынешних политических кругах считают, что кабинет министров, находящийся во враждебных отношениях с военными, будет попросту обречен. Мне представляется, что именно в этом - и не в чем другом - кроется одно из самых больших препятствий на пути развития нашей страны. Проблема именно в том, что внутри общества есть совершенно определенные силы, которые препятствуют свободному выражению мнений и не позволяют депутатам голосовать по совести. Если и это не представляет угрозы для будущности страны, то, смею утверждать, что такому обществу вообще уже ничего не угрожает! Вопрос этот выходит далеко за рамки итогов голосования по проекту резолюции об ограничении вооружений...»

В заключение этой статьи я утверждал, что только объединение простых людей с антимилитаристски настроенными политиками может подорвать влияние военщины. События, произошедшие три года спустя, подтвердили правильность сделанного мной вывода. Именно тогда в результате подъема второй волны движения в защиту конституции партии Кэнсэйкай, Сэйюкай и Какусин курабу образовали кабинет так называемых «трех партий - защитниц

конституции». Впрочем, позднее руководители этих партий и прочие государственные деятели опять потеряли бдительность и снова попытались использовать военных в своих политических целях. Результат известен: военные просто уничтожили эти политические партии.

= Заявление военно-морского министра Като =

Между тем в первой декаде апреля, то есть через два месяца после того дня, как парламент отклонил проект резолюции, внесенный Одзаки, морской министр Като Томосабуро публично заявил корреспонденту американского телеграфного агентства ЮПИ, что Япония берет курс на ограничение вооружений. Точнее говоря, Като сказал следующее:

«Правительство Японской Империи как страны - члена Лиги Наций поддерживает принципы ограничения вооружений. Поэтому в случае проведения конференции, имеющей целью реализацию этих принципов на практике, мы с удовольствием будем сотрудничать с правительствами других держав... Если же между державами будет заключено заслуживающее доверия соглашение и дело дойдет до конкретного ограничения вооружений этих стран, то Япония также будет готова в некоторой степени ограничить свои вооружения. Следовательно, в определенных случаях мы не будем продолжать настаивать на реализации плана «8-8»...»

Под планом «8-8» министр имел в виду проект строительства новых 16 боевых кораблей - 8 линкоров и 8 крейсеров. Именно в противовес этому плану в США был принят собственный план расширения военно-морского флота, так называемый «план Дэниелса». Новая программа строительства военных кораблей был задумана и в Великобритании...

Как уже говорилось, военные расходы в то время разбухли до чрезвычайности и составляли половину бюджета. И произошло это тоже не в последнюю очередь из-за строительства новой эскадры. Вот о том, что строительство этой эскадры в определенных условиях может быть приостановлено, и сообщил в своем интервью военно-морской министр. Это заявление на самом деле было исключительно важным. Вряд ли министр Като решил вдруг изложить свою личную точку зрения на эту проблему. По-видимому, его выступление стало отголоском постановления японского правительства, которое все же решило принять участие в работе международной конференции по сокращению вооружений...

= В ожидании бесплодных переговоров =

Неофициально правительство США выступило с предложением провести Вашингтонскую конференцию 11 июля 1921 года. Приглашения принять участие в этой конференции были разосланы 13 июля, а сама конференция открылась 12 ноября. Уже в самом начале ее работы Государственный секретарь США Хьюз внес революционное предложение, которое буквально потрясло мир и сразу сделало его знаменитым: он предложил ограничить флоты трех ведущих морских держав в пропорции 5:5:3. Я не собираюсь здесь во всех подробностях описывать ход конференции. Хочу только сказать вот о чем. Я хорошо помню, что множество людей в Японии были буквально поражены революционным предложением Хьюза. Но самое удивительное - эти люди сразу же заявляли, что оно неосуществимо! Даже сторонники ограничения вооружений были уверены в том, что предложения американцев лишь по виду привлекательны, а на самом деле эта конференция превратится, по примеру прежних, в «переговоры у Одавара» [137].

Вот один из примеров, иллюстрирующих тогдашнее положение дел. Узнав в июле 1921 года о том, что США предложили провести Вашингтонскую конференцию, мы в «Тоё кэйдзай симпо» решили, со своей стороны, быть последовательными в отстаивании идеи ограничения вооружений и тогда же основали так называемое «Общество по изучению тихоокеанских проблем (Тайхэйё мондай кэнкюкай)». Это общество объединяло несколько наших друзей и единомышленников. Общество выпустило на японском и английском языках небольшую брошюру под названием «Предложения к конференции по ограничению вооружений и проблемам Тихого океана и Дальнего Востока». В сентябре мы распространили эту брошюру не только в Японии, но также в США и других странах (японская версия была опубликована в «Тоё кэйдзай симпо» 24 сентября 1921 года). Черновик этих «Предложений» написал я. Обсуждение окончательного текста заняло несколько заседаний Общества. Дискуссии продолжались бы и дальше, но тут на одном из заседаний председательствовавший Судзуки Умэсиро с улыбкой сказал: «Да, тема, конечно, интересная... Но, может быть, пора заканчивать диспут?» Эту ремарку надо было понимать в том смысле, что в нашей брошюре вопросы ограничения вооружений могут быть проработаны сколь угодно глубоко, но «Предложения» все равно никогда не будут осуществлены на практике. Иными словами, Судзуки своим замечанием как бы призывал не воспринимать Вашингтонскую конференцию серьезно. А ведь ныне покойный господин Судзуки пользовался тогда большим влиянием и как предприниматель, и как политический деятель. В частности, он был известен как ярый сторонник развития системы государственных медицинских учреждений, а как руководитель «Союза сторонников государственной медицины» многое сделал для улучшения медицинского

обслуживания населения - словом, это был очень умный человек с передовыми взглядами. Не удивительно, что, услышав от него такую оценку наших трудов, я был весьма неприятно поражен.

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что такую позицию по отношению к проблемам разоружения занимали тогда многие политики и предприниматели.

= Решимость пойти на все =

Что мне еще тогда не нравилось в общем настрое Японии по отношению к Вашингтонской конференции - так это то, что и в правительстве, и среди населения было мало таких людей, которых я условно назвал «готовыми пожертвовать всем». Одну из своих статей, опубликованную в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 23 июля 1921 года, я так и назвал: «Готовность пожертвовать всем. Как в Японии относятся к Вашингтонской конференции?»

«Япония должна оставить Корею, Тайвань, Маньчжурию, уйти из Китая, Сахалина и из Сибири, - писал я. - Если, идя на конференцию, Япония не осознает этого факта, то ее ждет там полное поражение».

Иными словами, я позволил себе высказать радикальную точку зрения, согласно которой Японии будет трудно сохранить за собой свои интересы на материке (Под «Сибирью» понималось имевшее тогда место размещение японских войск в этом регионе). А что касается моего заявления о Корее, Тайване, Маньчжурии, Сахалине - то я и сегодня не считаю его ошибочным...

Конечно, тогда подобные высказывания было принято считать не более, чем пацифистской болтовней, и обычно они всерьез не воспринимались. Вот что говорил председатель партии Сэйюкай господин Като Такааки, выступая в сентябре 1921 года на съезде этой партии, проходившем в районе Хокурику:

«Есть у нас и такие субъекты, которые прямо заявляют, что нужно полностью отказаться от своих предпочтений в Китае, да и в остальном мире. Но если так, то зачем Япония воевала с Китаем, зачем сражалась с Россией? И опять-таки: почему отказываться от своих прав должна только Япония? А что же другие страны?» (Цитируется по статье «Хара и Като высказывают в

парламенте точку зрения правительства на отношения с Китаем. Критический анализ», опубликованной в «Тоё кэйдзай симпо» от 1 октября 1921 года). Интересно, кого это он имел в виду под «такими субъектами»? Не исключаю, что это намек на «Тоё кэйдзай симпо».

К слову сказать, мнение Като в этом вопросе полностью совпадало с позицией премьер-министра Хара. И даже самый пылкий сторонник сокращения вооружений господин Одзаки высказывался в том смысле, что мы не вправе потерять сейчас Маньчжурию, где пролили кровь миллионы наших парней и куда вложено два миллиарда государственных средств. По крайней мере, именно такой ответ я получил от Одзаки, когда при встрече прямо спросил его, что он думает по этому поводу.

Я отстаивал свою непопулярную точку зрения и в ряде других редакционных статей: «Грезы о Великой Японии», «Снова о значении сокращения вооружений и об американо-японских отношениях», а также в тех самых «Предложениях», которые опубликовало «Общество по изучению тихоокеанских проблем».

Более того, я считал, что если не ставить перед собой задачи полностью покончить с вооружениями, то попытка просто их ограничить неизбежно окончится провалом (хотя, безусловно, при решении этой задачи необходимо будет преодолеть огромные технические трудности). А непременным условием полного разоружения является ликвидация империализма. Поэтому Япония должна подать в этом деле пример, заявив о том, что она отказывается от Маньчжурии и других подобных территорий. Не знаю, может быть, это предложение было действительно полностью оторвано от жизни, но если бы такой образ мыслей тогда в Японии возобладали, то кто знает, может быть, для нашей страны это было бы не так уж и плохо?..

В наших «Предложениях» был и такой пассаж:

«Возможно, сформулированные выше предложения могут кому-то показаться схоластическими и невыполнимыми. Однако в действительности это далеко не так... Просто ограничивать вооружения, не устранив сам источник возникновения войн - это все равно, что лечить болезнь, не трогая порождающие ее бактерии. Вот этот подход как раз и является схоластическим! Следуя подобным путем, мы никогда не достигнем поставленной цели. Только устранив причины, порождающие гонку вооружений, мы сможем не только сократить

вооружения, но и полностью их ликвидировать. Вот на этой простой и осуществимой идее мы и строим свои предложения».

= Вашингтонская конференция как ангел-хранитель =

На Вашингтонской конференции 1921 года западные державы предложили ограничить суммарное водоизмещение английских, американских и японских военных кораблей (а тогда это был основной показатель силы флота) в соотношении 5:5:3. Япония настаивала на пропорции 10:10:7. В итоге при обсуждении вопроса об ограничении вооружений, предназначенных для обороны островных владений США, Великобритании и Японии, был найден компромисс: в той части, которая касалась ограничений, относящихся к кораблям главных сил, были приняты американские предложения. Однако в том, что касалось кораблей вспомогательного состава, предложения США встретили сильнейшее противодействие Франции. В конце концов, решение этого вопроса было перенесено на следующие конференции (ограничения, накладываемые на вспомогательные суда, стали темой Лондонской конференции 1930 года). Что же касается ограничения вооружений, предназначенных к использованию на суше, то эти вопросы еще длительное время обсуждались как на Вашингтонской, так и на других конференциях.

Как конференция по ограничению вооружений Вашингтонская конференция не достигла больших успехов. Но ее большое значение состояло в том, что она все же смогла установить ограничения на корабли главных сил - основу флотов стран-участниц этой встречи и тем самым на следующие 15 лет приостановила кораблестроительную гонку, которая в противном случае приобрела бы совсем уж немыслимые формы и вообще неизвестно чем бы закончилась. Вдобавок ко всему, в Японии вскоре случилось совершенно непредвиденное событие - в 1923 году в районе Токио-Иокогама произошло катастрофическое землетрясение. И если бы тогда, в 1921 году, стороны не пришли бы к соглашению, а гонка по строительству военных кораблей продолжалась, то Япония, несомненно, попала бы в тяжелейшее положение. При мысли о таком варианте развития событий меня в буквальном смысле слова начинает бить дрожь... В этом смысле во время Вашингтонской конференции боги действительно хранили Японию.

Что могло бы произойти в противном случае? Это понятно каждому, кто хотя бы поверхностно знаком с тогдашним состоянием японской экономики.

Во время Первой мировой войны финансовые поступления в нашу страну значительно превышали ее расходы. Благодаря этому японскому правительству удалось резко увеличить свои валютные запасы (с учетом облигаций выигранных займов). Если на конец 1914 года эти запасы составляли 340 миллионов иен, то на конец 1919 года - уже 2 миллиарда иен.

Однако после окончания войны финансовые потоки сменили свое направление на противоположное и пошли прочь из страны. Ежегодные расходы стали превалировать над доходами, так что к концу 1922 года объем валютных резервов сократился до 1 миллиарда 830 миллионов иен (при этом, насколько можно судить, в распоряжении населения находилась лишь незначительная часть этих запасов).

После землетрясения 1923 года этот баланс еще более ухудшился. Внешняя торговля товарами в 1923-1924 годах дала 1 миллиард 350 миллионов иен, поступления от других видов внешней торговли принесли 400 миллионов иен, разница между этими двумя показателями составила 950 миллионов иен. Если сравнить эти показатели с валютными резервами правительства и Банка Японии, которые на конец 1922 года составляли вышеупомянутый 1 миллиард 830 миллионов иен, то окажется, что падение составило примерно половину этой суммы. И это не могло не сказаться на экономике. Отражая этот процесс, обменный курс иены к доллару упал от значения 49 долларов за 100 иен в 1923 году до 38 долларов за 100 иен в октябре 1924 года.

Как же Японии удалось не допустить дальнейшего ухудшения экономической ситуации, достаточно быстро преодолеть последствия землетрясения и быстро провести восстановительные работы? Причины этого лежат в том, что в страну был привлечен иностранный капитал. Иностранные капиталы, попавшие в Японию в течение 1924-1925 годов, складывались из государственных займов, полученных у правительств Великобритании (25 миллионов фунтов) и США (150 миллионов долларов). Кроме того, сюда нужно добавить разнообразные займы на электрификацию, муниципальные займы и т.п., которые в общей сложности дали 663 миллиона иен. Начался процесс ввоза капитала еще до землетрясения; в 1923 году в страну поступило примерно 110 миллионов иен, за 1926-1927 годы - еще 140 миллионов. Условия предоставления Японии вышеупомянутых английского и американского займов вызвали в стране резкую критику: стали раздаваться голоса, что это не заем, а международный грабеж, позор и т.п. Однако следует сказать, что независимо от того, на каких условиях были предоставлены эти средства, они все равно представляли собой реальную

помощь, которая позволила справиться с обрушившимися на страну бедствиями и провести масштабные восстановительные работы. Поэтому говорить о том, что они были совершенно не нужны - это, по меньшей мере, лицемерие.

Посудите сами: а что было бы, если бы Япония ввязалась в гонку морских вооружений со США? Прежде всего, несомненно, ухудшились бы отношения между народом Японии и народами США и Великобритании, что было чревато ухудшением всей международной обстановки в целом. А тогда у американских, английских и прочих капиталистов пропало бы всякое желание вкладывать деньги в Японию: небезопасно ведь... Поэтому можно почти с уверенностью утверждать, что все средства, которые Япония получила из-за рубежа после землетрясения 1923 года, есть ни что иное, как подарок Вашингтонской конференции. Если бы на ней тогда не были достигнуты соглашения по кораблям главных сил, то Японии вряд ли бы удалось получить иностранные кредиты. Как следствие, после землетрясения она столкнулась бы с колоссальными экономическими трудностями. Вместе с тем, очевидно, что Японии в этом случае пришлось бы в одностороннем порядке прекратить строительство военных кораблей, что не позволило бы сохранить по отношению к кораблям США и Великобритании пропорцию 5:5:3. Думаю, что отсюда достаточно ясно видно, именно решения Вашингтонской конференции спасли Японию.

Обратимся теперь к примеру Германии. Как известно, после окончания Первой мировой войны, а именно в 1923 году, страну охватила астрономическая инфляция. Вскоре после этого в страну мощным потоком хлынул иностранный капитал, прежде всего, американский. Это не только помогло восстановить в стране финансовую систему, но и способствовало восстановлению немецкой экономики в целом. Как и в случае Японии, этот приток иностранного капитала пришелся исключительно кстати. Вливание иностранного капитала в Германию также стало возможным только потому, что в мире царил мир, а международный рынок капиталов находился в спокойном состоянии. А поскольку мир и спокойствие тоже в значительной степени были результатом работы Вашингтонской конференции, то можно сказать, что эта встреча принесла благоденствие и Германии. Правда, Германия потом столкнулась с огромными трудностями, которые были вызваны безответственным расходованием этих кредитов, но это, с очевидностью, уже другая, частная проблема. История ясно дает понять одно: именно мир и спокойствие оказывают чрезвычайно благотворное влияние на экономику, а, значит, и на жизнь общества в целом.

= Основные причины гонки вооружений =

Как только что говорилось, Вашингтонская конференция выступила и для Японии, и для всего остального мира в роли ангела-хранителя. Однако, к сожалению, ее положительные результаты сказывались лишь очень непродолжительное время, а отрицательные весьма скоро привели к большим неприятностям. Дело в том, что эта конференция на некоторое время остановила гонку вооружений, но не ликвидировала основные причины, ее порождающие.

Позднее, уже во времена работы Лондонской конференции, в Японии получил широкое распространение лозунг «Нет угрозы - нет агрессии». Смысл его состоял в том, что в стране должны быть такие вооруженные силы, которые не могут угрожать другим государствам, но могут защитить свое. Этот же принцип неоднократно провозглашался и на Вашингтонской конференции (хотя в ее документах своего отражения не нашел).

Мне представляется, что такой подход к ограничению гонки вооружений в принципе порочен. Представьте себе, что некий воин вдруг ни с того ни с сего предлагает укоротить свой меч настолько, чтобы им нельзя было дотянуться до противника... Это же абсурд!

Более продуктивным представляется другой подход: если процесс разоружения начался, то его нужно доводить до логического конца. Почему? Рассмотрим для примера японо-американские отношения того времени. Они порождали множество проблем именно на Дальнем Востоке. Для США, которые находятся далеко от этого региона, имело смысл держать там только значительные силы. В противоположность этому для Японии, которая сама находится на Дальнем Востоке, наращивание флота даже на один корабль, а армии - на одну дивизию, позволяло существенно укрепить свое влияние в этом регионе. Однако в определенный момент Япония может отказаться от строительства одного обычного корабля и решить, что ей нужно построить один авианосец. Согласится ли с таким подходом США? Вряд ли...

Так можно ли осуществить ограничение вооружений и их полную ликвидацию? Можно, но для этого должны быть пересмотрены сами основы японской дальневосточной политики. В уже цитировавшейся статье «Снова о значении сокращения вооружений и об американо-японских отношениях» я писал:

«С нашей точки зрения, меры (направленные на предотвращение столкновения США и Японии) должны быть следующими. Прежде всего, они должны быть направлены на то, чтобы решить дальневосточные проблемы и в интересах США, и в интересах Японии. Что можно было бы сделать? Если Япония начнет вывод войск из своих дальневосточных владений, то у США отпадет необходимость наращивать свое военное присутствие на Дальнем Востоке. А если у США не будет необходимости вести крупные военные приготовления на Тихом океане, то и у Японии пропадет необходимость готовиться к противодействию этим мерам. Таким образом, в дальневосточном регионе не только удастся избежать американо-японского столкновения, но и осуществить полное разоружение».

Снова и снова я пропагандировал свою точку зрения, которая заключалась в том, что Япония для своего же блага должна прекратить попытки контролировать дальневосточные территории и вернуться в собственно Японию. Так, в номере «Тоё кэйдай симпо» от 3 декабря 1921 года, оценивая позицию Японии, которая тогда требовала, чтобы ее военно-морской флот составлял 70% от американского, я писал:

«Хочу подчеркнуть, что даже если военно-морской флот Японии будет составлять 70% от американского, то все равно мы с США воевать не сможем. И даже если наш ВМФ будет равен американскому - тоже не сможем. Почему наши бедные граждане думают, что если у нас будут в изобилии корабли и солдаты, то мы сможем победить Америку? Они, наверное, не подозревают о том, что для боевых кораблей надо откуда-то подвозить топливо, а если же война, не дай бог, затянется, то нужно будет их и переукомплектовывать. А для этого, между прочим, нужен определенный уровень индустрии. А достигнут ли он у нас? Даже если сейчас мы все как один будем охвачены желанием пойти в последний бой, сможем ли мы его начать? Нам понадобится время - хотя бы для того, чтобы подготовить индустриальную базу и найти горючее. А если поразмыслить о том, что война не должна быть самоцелью, что она должна служить средством защиты нашего благосостояния, то... Есть ли в ней необходимость, стоит ли нам постоянно готовиться к войне (или даже просто вести себя так, как будто мы к ней готовимся)?»

= Недовольные: военно-морской флот и партия Сэйюкай =

В начале 1920-х годов идеи ограничения вооружений во всем мире, да и в Японии, встречались с большим энтузиазмом. Но находились и люди, недовольные результатами Вашингтонской

конференции. И не было такой щели, куда они не стремились бы это недовольство излить...

В феврале 1922 года правящая партия Сэйюкай поставила на голосование в нижней палате парламента проект закона о сокращении вооруженных сил. Собственно говоря, вчитавшись в текст законопроекта, каждый мог с легкостью понять, что никаких сокращений армии он как раз и не предусматривал. Однако именно под таким названием он прошел через палату представителей и стал известен широкой публике. Наверное, завидев закон под таким названием, все противники сокращения вооружений должны были сразу прикусить языки. Это же не что-нибудь - это закон, да еще и о сокращении! Нечего и говорить, что и этот закон не устранял основную причину гонки вооружений. Иными словами, он тоже не затрагивал источник войн и был составлен так, что противники разоружения еще долгие годы могли себя ни в чем не ограничивать...

Японские военные эксперты все как один выступали за то, чтобы Япония имела флот тоннажем не менее 70% от американского или английского. И новый закон продолжал этим принципам следовать. Таким образом, если говорить о причинах возникновения войн, то новый закон позволял их обсуждать, но не давал возможности бороться с этими предпосылками.

Как уже говорилось, законы часто использовались в политической борьбе. Не стал исключением и этот. Как известно, японская делегация на Лондонской конференции 1930 года была сформирована кабинетом Минсэйто, а все полномочия принадлежали главному советнику этой партии Вакацуки Рэйдзиро. В результате работы Лондонской конференции произошла некоторая корректировка пропорций, утвержденных Вашингтонской конференцией. В ходе проведения этой корректировки позиция японской делегации была, в основном, учтена. Однако военно-морской флот Японии выразил резкое недовольство достигнутым соглашением. Солидарно с ним выступила партия Сэйюкай и, в конце концов, такая атака привела к падению правительства.

Между прочим, о том, что решения Вашингтонской конференции (5:5:3) были приняты в то время, когда партия Сэйюкай находилась у власти, теперь уже никто не вспоминал. А ведь если бы Сэйюкай тогда действовала более самостоятельно, то, может быть, не было бы ни недовольства флотских офицеров, ни событий 15 мая, ни паники на рынках. И, вполне вероятно, что и власти в целом принимали бы другие, более самостоятельные решения. К большому сожалению, ничего этого не произошло...

Завершая эту главу своего рассказа, хочу сказать, что она - далеко не только воспоминание о давно минувшем. В нашей истории немало уроков и для настоящего, и для будущего...

ГЛАВА 7. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

= «Токийский экономический журнал» господина Тагути Укити =

Старейшими экономическими журналами мира, вероятнее всего, являются английские «Экономист» и «Статистик». «Экономист» появился на свет в 1843 году, и, таким образом, существует уже более 110 лет. «Статистик» - более новый журнал, он издается с 1878 года. Иными словами, в Англии влиятельные экономические журналы возникли после бурной промышленной революции. Вообще, наверное, можно сказать, что непременным условием появления таких журналов является достижение определенного уровня развития капиталистической экономики. Или еще более общо: появление экономических журналов в той или иной стране неразрывно связано с развитием в этой стране капиталистической экономики. И если бы в какой-то стране изначально развивалась не капиталистическая, а социалистическая экономика, то и экономические журналы в ней либо не появились бы вовсе, либо приняли какие-то иные формы.

В Японии первый экономический журнал, похожий на «Экономист» или «Статистик», родился в январе 1879 года. Это был «Токийский экономический журнал» (Токио кэйдзай дзасси), издававшийся Тагути Укити, позднее - доктором юридических наук. Таким образом, первый японский экономический журнал лишь на год младше английского «Статистика».

Заметим, что промышленная революция в Англии началась в конце XVIII века, а первый английский экономический журнал появился только в середине XIX века. В Японии интервал между этими двумя событиями оказался гораздо меньше. Господин Тагути так рассказывал в номере своего журнала от 29 января 1879 года об истории его появления:

«Я находился в дружеских отношениях с господином Шандом, специалистом Английского банка. В один прекрасный день я увидел у него на столе газету под названием «Экономист». «Нам в Японии тоже обязательно надо иметь такую газету», - заметил я. Шанд в ответ только улыбнулся. «Для того, чтобы издавать такие газеты, Япония пока недостаточно богата», -

заметил он. Слова господина Шанда вызвали смех всех присутствующих. Меня же словно кто кольнул стальной иглой в грудь. И я решил доказать господину Шанду, что в Японии можно издавать такой журнал. ...

В декабре прошлого года я сумел убедить управляющего Первым банком господина Сибусава Эйити, начальника одного из отделов банка господина Ивасаки Сёдзиро и других ответственных лиц объединить в один большой журнал выходившие по отдельности издания «Гинко дзасси» («Банковский журнал») и «Ридзай симпо» («Финансовый вестник»). После ряда закрытых консультаций они приняли решение приступить к выпуску объединенного издания. Так возник первый японский экономический журнал. Наступает момент, когда я могу с удовольствием продемонстрировать его господину Шанду».

Англичанин Шанд, имя которого упоминается в приведенном отрывке, прибыл в Японию в 1868 году. Сначала он работал в Восточном банке (Тоё гинко), а потом правительство предложило ему работу на монетном дворе и в управлении банков. Скорее всего, издание, которое Тагути увидел у него на столе, представляло собой журнал «Экономист» на английском языке.

Упомянутые выше «Банковский журнал» и «Финансовый вестник» также имели весьма интересную историю. «Банковский журнал» выпускался с декабря 1877 года управлением банков министерства финансов, а «Финансовый вестник» выходил с мая 1878 года в Токийском банке под эгидой так называемого попечительского совета - предшественника совета директоров банка.

Таким образом, «Токийский экономический журнал» является совместным детищем начальника отдела Ивасаки и главы попечительского совета Сибусава. Нельзя сказать, что до него в Японии не выходили журналы, посвященные экономическим проблемам. В качестве примеров можно привести те же «Банковский журнал» и «Финансовый вестник». Конечно, в них тоже затрагивались экономические проблемы, но все же это не были полноценные экономические журналы. Первым в полном смысле слова экономическим журналом в Японии был все-таки «Токийский экономический журнал» (Он же стал и первым в Японии еженедельным изданием, ибо создавался по образцу английского «Экономиста», а тот выходил еженедельно).

= Экономические журналы до 1895 года =

Мне совершенно неизвестна история японских экономических журналов в интервале между 1879 годом, когда появился «Токийский экономический журнал», и 1895 годом, когда вышел в свет первый номер «Восточного экономического вестника», «Тоё кэйдзай симпо». Более того, и в обществе этим вопросом долгое время никто не интересовался. Лишь недавно стало известно, что еще в августе 1880 года господин Инукаи Цуёси и его коллеги начали издавать «Экономический вестник Востока» («Токай кэйдзай симпо»), а в феврале 1880 года начал выходить «Японский финансовый журнал» («Ниппон ридзай дзасси») - его выпускал господин Аmano Тамэюки (позднее - доктор юридических наук).

Кроме того, выпускались и не чисто экономические журналы. К ним можно отнести, например, «Статистический сборник» («Токэй сюсси»), который в ноябре 1880 года начала издавать Токийская статистическая ассоциация, или «Банковские записки» («Гинко цусинроку»), орган Токийской ассоциации банков, первый номер которого вышел в декабре 1885 года. Были, наверное, и другие подобные издания...

Впрочем, первые два экономических журнала прожили крайне недолго: «Экономический вестник Востока» - до ноября 1882 года [138], а «Японский финансовый журнал» - до конца 1889 или до марта 1890 года [139].

В отличие от этих изданий, «Статистический сборник» и «Банковские записки» просуществовали достаточно длительное время и дожили до периода Сёва и войны на Тихом океане.

Словом, когда в 1895 году начал выходить «Тоё кэйдзай симпо», в Японии существовал единственный журнал экономического направления - это был «Токийский экономический журнал». Комментируя в своем номере от 28 ноября того же года (№801) появление нового журнала, «Токийский экономический журнал» писал:

«Мы от начала и до конца прочли первый номер «Тоё кэйдзай симпо». Журнал прекрасно оформлен, статьи написаны добросовестно. Появление нового журнала - это радостное событие и в крупных масштабах (для всей страны), и в масштабах более мелких (для нашей редакции). Мы хотели бы самым искренним образом пожелать новому журналу процветания. И это вовсе не комплименты в адрес наших коллег, а глубокое убеждение в необходимости их

деятельности. Часто можно слышать, что конкуренция является губительной для деятельности компаний. Однако мы убеждены, что это далеко не так - по крайней мере, это не так для нашего экономического журнала. Мы уже десять с лишним лет соревнуемся с нашими коллегами из других изданий, и за это время не только увеличили тираж, но и научились лучше работать, уделять больше внимания нашим читателям и сообщать им самые свежие и полезные факты. Наши коллеги из других журналов нередко терпели поражение в этой конкурентной борьбе, и тогда окрестности оглашались криками о помощи. Однако помощь не приходила, поэтому издатели впадали в уныние и прекращали выпуск своих журналов. Случилось так, что под возгласы о вреде монополий сегодня в этой области сложилась именно монополия. Нас не может не беспокоить такое положение вещей. Вот почему мы приветствуем появление нового журнала «Тоё кэйдзай симпо». Думается, что его рождение - это радостное событие и для всей нашей страны, которой появление нового издания также принесет большую пользу. Желаем сотрудникам «Тоё кэйдзай симпо» всего самого доброго».

= Матида Тюдзи - основатель «Тоё кэйдзай симпо» =

Журнал «Тоё кэйдзай симпо» основал господин Матида Тюдзи, впоследствии - председатель партии Минсэйто. В статье «Воспоминания о выходе первого номера», опубликованной в выпуске «Тоё кэйдзай симпо» от 14 ноября 1925 года, посвященном 30-летию журнала, он так вспоминал об этом событии:

«Русско-японская война 1904-1905 годов и мировая война 1914 года оказали большое влияние на все стороны жизни Японии и стали поворотными моментами в развитии ее экономики и финансов. Однако еще более серьезное влияние на эти сферы оказала Японо-китайская война 1894-1895 годов... Каким должно быть управление страной в послевоенный период? Как эффективно использовать победу в войне? На эти вопросы тогда пытались ответить многие мыслящие люди. В стране развернулись широкие дискуссии, и главное место в этих дискуссиях заняли экономические и финансовые проблемы...

Итак, главные вопросы послевоенного устройства сконцентрировались в области экономики и финансов. К тому времени в стране уже был опыт выпуска журналов, освещавших финансово-экономические вопросы, но обычно они существовали крайне непродолжительное время. Скоро из всех таких изданий остался лишь «Токийский экономический журнал», который в 1879 году основал на волне либеральных тенденций господин Тагути. Правда, развитие

протекционизма во внешней торговле привело к появлению другого журнала, «Экономического вестника Востока» («Токай кэйдзай симпо»). Его основала в 1880 году группа единомышленников, во главе которой стояли Тоёкава Ёсихира и Сиба Сиро; возглавил журнал Инукаи Кидо. Но и этот журнал очень скоро прекратил свое существование.

«Токийский экономический журнал», безусловно, внес значительный вклад в дело развития наших экономики и финансов. Однако читателям он был малоинтересен, потому что примерно половину его объема занимали исторические изыскания самого господина Тагути и многочисленные стихотворные произведения, а сами экономические материалы подавались сухо и неинтересно - так, как это делалось и в газетах того времени.

После Японо-китайской войны общество очень заинтересовалось финансово-экономическими вопросами, и мне показалось, что настало время для создания нового журнала, посвященного экономике и финансам. Он представлялся мне как некий симбиоз лондонских «Экономиста» и «Статистика». Оттолкнувшись от этой идеи, я в начале 1895 года набросал проект издания. А реализовать этот план мне удалось 15 ноября 1895 года, когда и раздался первый крик нашего новорожденного - в свет вышел первый номер журнала».

Мне кажется, что эти воспоминания господина Матида, опубликованные, напомним, в «Токийском экономическом журнале», очень хорошо передают ту атмосферу, которая сложилась в стране к 1895 году. Господин Шанд когда-то очень верно сказал господину Тагути, что Япония еще не настолько богата, чтобы выпускать экономический журнал. Шанд был абсолютно прав; экономическая ситуация до Японо-китайской войны была такова, что в Японии мог выходить только один-единственный экономический журнал, да и тот, по свидетельству Матида, был наполовину заполнен историческими изысканиями и стихотворениями, интересными лишь господину Тагути [140].

= Япония после Японо-китайской войны =

Господин Матида был совершенно прав, когда в своих воспоминаниях писал, что появление журнала «Тоё кэйдзай симпо» было связано с окончанием Японо-китайской войны.

Безусловно, после Реставрации Мэйдзи Япония благодаря заимствованиям западных технических достижений стала быстро продвигаться по пути модернизации, однако в сознании

простого народа все еще царил полный хаос. Положение изменилось только после победы в Японо-китайской войне. Для иллюстрации сказанного мне хочется процитировать здесь один отрывок из письма Фукудзава Юкити [141]:

«Мы одержали подлинно великую победу. Всей жизни не хватит, чтобы успеть оценить величие подобного деяния! Еще в юности я начал изучать западную науку, но долгое время испытывал на этом пути одни унижения и горести. Но, несмотря на порицания, которыми меня осыпали, я продолжал разъяснять людям, что старая китайская наука себя изжила, что новую Японию можно построить только на принципах западной цивилизации. Долгое время я повторял эти слова, не предполагая, что еще при жизни своей дождусь доказательств собственной правоты. А теперь я вижу, что достижения новой цивилизации объемлют также Китай и Корею, и искренне желаю им счастья».

Это письмо Фукудзава написал 17 января 1895 года, когда ему было 62 года. В нем не только выражается радость по поводу победы в Японо-китайской войне. Суть письма в другом: до победы в этой войне Фукудзава, как и другие просветители, не имел полной уверенности в том, что европейская цивилизация окажется действенной в условиях Японии; теперь же это стало для него очевидным.

Победа в этой войне не просто внушила японцам уверенность в собственных силах. Сразу после войны Япония сумела получить долгожданный крупный золотой заем на сумму более 38 миллионов фунтов стерлингов и другие поступления. С помощью этих средств в стране удалось ввести систему золотого стандарта, что стало огромным стимулом для развития японской экономики.

С другой стороны, Япония не смогла полностью насладиться результатами своей победы, поскольку сразу же после окончания войны в события вмешались Россия, Германия и Франция. Японскому народу пришлось противостоять этому вмешательству, почему и был выдвинут лозунг «Богатая страна - сильная армия» [142].

Таким образом, журнал «Тоё кэйдзай симпо» появился на свет в то время, когда сложились и материальные, и духовные предпосылки для нового подъема японской экономики. Шанд говорил о «богатстве Японии» как необходимом условии появления экономического журнала. Перефразируя его слова, можно сказать, что наш журнал был вызван к жизни требованиями

времени.

= Его читали, как учебник =

Была ли в Японии того времени нужда в таком издании, как «Тоё кэйдзай симпо»? Вот что об этом писал доктор Аmano Тамэюки в статье под заголовком «Когда я руководил журналом», опубликованной в том же юбилейном номере журнала, что и цитировавшаяся выше статья Матида Тюдзи «Воспоминания о выходе первого номера»:

«Впервые я оказался причастен к работе журнала после окончания Японо-китайской войны, когда три державы вы выступили с требованием возвращения Ляодунского полуострова. В то время весь японский народ пылал патриотическим негодованием и, терпя трудности и лишения, стремился обеспечить родине достойную судьбу. Трудясь от зари до зари не покладая рук, люди стремились к тому, чтобы «обогатить государство и усилить армию» и тем самым дать достойный ответ трем иностранным державам. Все - и политики, и предприниматели вели скромный образ жизни, забывая о своих нуждах ради достижения общей цели. Однако на фоне этого оказалась как-то подзабытой интеллигенция, которая не имела возможности выразить свое отношение к чаяниям народа. Особенно печально было то, что крайне малое число ученых занималось решением конкретных экономических вопросов. Наш экономический вестник и задумывался как мост, который свяжет науку с практикой и позволит на научной основе обсуждать важные экономические проблемы. Журнал должен был стать трибуной, где каждый мог бы высказать свое мнение и получить ответы на поставленные вопросы. Мы не собирались, как говорится, «льстить богатым и унижаться перед знатными». Напротив, нам хотелось, чтобы новый журнал всегда стоял на позициях справедливости и бескорыстия, чтобы в нем публиковались критические и проблемные статьи. А еще хотелось, чтобы его статьи всегда находили в обществе живой и большой отклик».

Так и произошло. Многие представители интеллигенции начали читать «Тоё кэйдзай симпо» так, как студенты читают учебник, то есть не пропуская ни одного иероглифа. Об этом впоследствии рассказывали самые разные люди. Среди тех, от кого я сам слышал такие рассказы, был, в частности, известный предприниматель из Иокогама господин Мототоми Таро, который впоследствии стал президентом Банка Японии, а также будущий член тайного совета господин Фукаи Эйго. Матида Тюдзи пишет в своих воспоминаниях, что с самого первого номера, вышедшего в 1895 году, в маленькой Японии насчитывалось более трех тысяч

постоянных читателей журнала. Иными словами, читателями журнала была вся интеллигенция Японии того времени...

Помню, в 1925 году, готовясь к 30-летию со дня выхода первого номера журнала, мы пришли к выводу, что хорошо бы сделать какие-то подарки тем, кто выписывает журнал с его первого номера, и попытались составить полный список таких подписчиков. Оказалось, однако, что число таких читателей много больше ожидаемого. Поэтому мы пришли к выводу, что в силу скромных финансовых возможностей редакции «Тоё кэйдзай симпо» всех их отметить не удастся, и с большим сожалением отказались от этой идеи. Более того, можно сказать, что тогда, в 1925 году, почти не нашлось читателей, которые бы не были подписчиками нашего журнала с самого первого его номера...

= Как же появился на свет «Тоё кэйдзай симпо»? =

Как уже говорилось, первый номер журнала «Тоё кэйдзай симпо» вышел 15 ноября 1895 года. Господин Матида Тюдзи начал выпускать журнал совсем молодым человеком - ему был тогда всего лишь 31 год. В своих мемуарах [143] Матида вспоминал, что в 1893-1894 годах он благодаря протекции господина Асабуки Эйдзи находился в качестве корреспондента газеты «Хоти симбун» в Европе, главным образом, в Лондоне. Когда началась Японо-китайская война, Матида спешно вернулся на родину. Именно здесь в начале 1895 года ему и пришла в голову идея издавать такой журнал, и уже к ноябрю того же года идея эта воплотилась в жизнь, несмотря на то, что издание такого журнала в то время было связано с большим риском. Матида так вспоминал об этом [144]:

«Я, бедный студент, действительно столкнулся при издании журнала с колоссальными трудностями. Да и многие мои друзья говорили мне, что издание специализированного экономического журнала - дело совершенно бесперспективное и искренне уговаривали меня отказаться от этой затеи. Тем не менее, по возвращению в Японию я прежде всего занялся именно журналом. Занялся, несмотря на уговоры друзей, которые все время пели мне нечто вроде того, что «Ну и какой будет толк от того, что ты потерпишь фиаско с этим журналом?» Однако я пропускал их слова мимо ушей. Трудностей действительно было немало. Несколько месяцев ушло только на то, чтобы заручиться согласием на участие в журнале моих старших товарищей. Наконец, мне удалось найти таких людей, которые не только одобряли мои действия, но и были готовы оказать мне конкретную помощь. Это были барон Сибусава,

покойный виконт Кондо, господа Тоёкава Рёхэй, Асабуки Эйдзи, Ямамото Тацуо и другие. Все они занимали видное положение в основанном в 1885 году Японском экономическом обществе...»

А началось все с того, что некий господин оказал Матида поединное благодеяние, выделив ему на издание журнала 5000 иен. Как потом писал сам Матида в «Рассказах о нашем журнале», «... я никогда не нарушу данное обещание и не назову имени этого человека... Просто он пожалел бедного студента... Это был настоящий рыцарский поступок. Он просто дал мне эти деньги и сказал: «Поступай с ними, как хочешь». Этот человек здравствует и поныне, и потому я не вправе называть его имени...»

Кто был этот человек - неизвестно и сейчас. Судя по тому, что Матида находился в дружеских отношениях с Асабуки Эйдзи, это вполне мог быть он, но подлинное имя благодетеля Матида так публично и не назвал...

= Кто этот благодетель? =

Повторяю, публично господин Матида до конца своей жизни так и не назвал имя своего благодетеля. Однако мне он его сказал. Помню, однажды на заседании редколлегии «Тоё кэйдзай симпо» наши места оказались рядом, и я его тихонько спросил:

- А все-таки, кто же это был?

- Ямамото Тацуо, - , тихо, но отчетливо сказал Матида.

Таким образом, мои сомнения на это счет были рассеяны, и после кончины господина Ямамото Тацуо я даже счел возможным сообщить этот факт в «Тоё кэйдзай симпо» (номер от 10 января 1948 года).

Но потом сомнения охватили меня снова. Почему? Если учесть, что в 1895 году в Токио 1 сё [145] риса стоил в Токио примерно 12 сэн, то 5000 иен в то время были чем-то вроде 5 миллионов в наши дни - это была колоссальная сумма! Господин Ямамото занимал тогда пост начальника операционного управления Банка Японии, а по совместительству был председателем совета директоров Иокогамского валютного банка. Безусловно, он находился

на пике своей карьеры, однако при всем при том я с трудом могу допустить, чтобы даже такой высокооплачиваемый человек мог молча выложить столь крупную сумму. Ходили, правда, слухи, что Ямамото мог получить такие деньги в результате ошибки или неправомерных действий тогдашнего президента Банка Японии господина Кавада Коитиро. Во всяком случае, из цитировавшейся выше «Биографии» Матида ясно следует, что Матида до конца своей жизни высоко ценил господина Кавада и часто приходил на его могилу. С другой стороны, известно, что Кавада скончался в 1896 году, поэтому Матида вряд ли в своей статье 1926 года в «Тоё кэйдзай симпо» стал бы говорить, что «этот человек здравствует и поныне...». Еще более запутывает ситуацию то обстоятельство, что в своей статье Матида назвал пятерых деятелей, оказавших прямую или косвенную поддержку журналу: Сибусава Эйити, Кондо Рэмпэй, Тоёкава Рёхэй, Асабуки Эйдзи и Ямамото Тацуо. Но ни словом не упомянул Кавада Коитиро....

С учетом этих обстоятельств я, в конце концов, пришел к выводу, что благодетелем этим, как мне и признался Матида, был не кто иной, как Ямамото Тацуо, тем более, что Ямамото, как рассказывали знавшие его люди, и сам этого не отрицал. Другое дело, что Матида, наверное, позабыл, какую именно сумму тот пожертвовал; скорее всего, это былине 5000, а 500 иен...

В самом деле, первые номера «Тоё кэйдзай симпо» продавались по цене 7 сэн за номер; для того, чтобы получить 10 экземпляров, нужно было внести предоплату в размере 65 иен. Выходил журнал три раза в месяц, 5-го, 10-го и 25-го числа. Если, допустим, продать все 3000 экземпляров по цене 7 сэн за номер, то с одного выпуска можно было получить 210 иен, что составляет 630 иен в месяц. Однако, по свидетельству господина Матида, сделанному во время все той же беседы в «Тоё кэйдзай симпо», из 5000 иен, полученных им на выпуск журнала, в действительности ушло на подготовку к выпуску не более 4000 иен, а остальные деньги он потратил на свои нужды. Если это так, то тогда получается, что на подготовку первого выпуска журнала было потрачено столько средств, сколько можно было выручить за полугодовой его тираж. При этом надо учитывать, что собственной типографии у Матида не было, а контора редакции поначалу находилась в его комнате, которую он снимал за 7 сэн в месяц. Нет, никакой необходимости в столь крупных средствах у Матида тогда не было...

Для примера скажу, что когда в 1889 году доктор Аmano Тамэюки, издававший уже упоминавшийся «Японский финансовый журнал», решил напечатать в издательстве «Томияма» собственную книгу «Основы экономики», то она обошлась ему в 200 иен [146]. Эти цифры больше похожи на правду...

= От господина Матида - к доктору Аmano =

Первые выпуски «Тоё кэйдзай симпо» даже по нынешним меркам смотрятся прекрасно. Кстати сказать, журнал до сих пор выходит в выбранном для него тогда же 46-м формате (или формате B5). Правда, поначалу в нем было только 40 страниц... Раз в месяц журнал выходил с 10-страничным приложением, посвященном проблемам внешней торговли. Приложение это набиралось арабскими цифрами, что было по тем временам большой редкостью, и являлось предметом законной гордости господина Матида...

Что касается содержания основного журнала, то обычно каждый выпуск состоял из передовицы, комментариев, реплик, так называемого «дневника визитов», заметок о состоянии торговли на Дальнем Востоке, обзора состояния экономики в США и странах Европы, статей, посвященных деятельности банков и внутренней торговле и т.п. В конце номера приводились таблицы котировок различных товаров на Токийской бирже, а также курсы иностранных валют - и все это умещалось на одной странице!..

«Дневник визитов» в действительности представлял собой записи бесед журналистов с различными деятелями, в которых освещались их мнения по тому или иному вопросу. Эта колонка также была предметом гордости господина Матида. Благодаря тому, что в журнале с первых номеров была такая колонка, Матида впоследствии получил возможность утверждать, что именно в «Тоё кэйдзай симпо» впервые возник жанр, который впоследствии в японских газетах и журналах стали называть словом «интервью». Первый такой «дневник» был посвящен беседе на экономические темы с графом Мацуката, во втором номере под этой рубрикой излагалась точка зрения виконта Иноуэ на строительство железных дорог, а в третьем номере освещались взгляды господина Сибусава на внутреннюю и внешнюю экономическую политику Японии. Естественно, беседы с такими крупными деятелями вызывали большой интерес у читателей, принадлежавших к предпринимательским кругам.

Кроме всего прочего, первые номера «Тоё кэйдзай симпо» привлекали читателей и тем, что в них печаталось большое количество рекламы - так, в первом номере ей было отведено 28 страниц, в последующих номерах это число колебалось от 8 до 16 страниц. В частности, «Японская почтово-пароходная компания» (Ниппон юсэн кайся) печатала в каждом номере журнала до семи страниц рекламных материалов. Естественно, поступления от рекламы стали

для журнала важным подспорьем.

Господин Матида руководил журналом «Тоё кэйдзай симпо» крайне непродолжительное время. Как отмечалось в уже упоминавшихся «Рассказах о «Тоё кэйдзай симпо», Матида с самого начала не собирался долго задерживаться в редакции журнала. В конце 1896 года он перешел на работу в Банк Японии, а весной 1897 года был направлен в отделение этого банка в Осака. В результате пришлось в срочном порядке искать для «Тоё кэйдзай симпо» нового руководителя. Обращались к маркизу Окума Сигэнобу (тогда он был графом), президенту Банка Японии Ивасаки Яносукэ и, наконец, предложили занять этот пост профессору Аmano Тамэюки (тогда он, правда, не был профессором). Аmano это предложение принял. Произошло это, по-моему, в марте 1897 года.

В течение 10 лет, до 1907 года, доктор Аmano совмещал труднейшие обязанности профессора университета Васэда, директора училища при университете и руководителя журнала «Тоё кэйдзай симпо». Несмотря на то, что следующее десятилетие стало для японской экономики периодом трудностей а для компаний - временем спада конъюнктуры, доктор Аmano сумел за это время заложить прочную базу для дальнейшего процветания журнала, а сам благодаря блестящим статьям и критическим оценкам быстро выдвинулся в число ведущих экономистов. Скоро читатели забыли, что основателем журнала является господин Матида и стали называть «Тоё кэйдзай симпо» просто «журналом Аmano» (о том, в какой обстановке происходила передача журнала от Матида к Аmano, подробно написано в статье «Рассказы о «Тоё кэйдзай симпо»).

= «Тоё кэйдзай симпо» во времена Аmano =

За то десятилетие, в течение которого Аmano возглавлял журнал, Япония вышла на мировую арену и присоединилась к числу великих держав. Иными словами, для нее это было время бурного развития по империалистическому пути - и уже только поэтому во внутренней и внешней политике стране пришлось столкнуться с многочисленными трудностями и проблемами. В качестве примеров можно назвать введение в 1897 году золотого стандарта, открытие в 1897 году Японского ипотечного банка и пересмотр в 1899 году договоров, которые Япония заключила с иностранными государствами еще в начале периода Мэйдзи (и которые все это время лежали на ней тяжелым бременем). В 1900 году произошел инцидент в Северном Китае. В 1901 году дал первую японскую сталь завод Явата. В 1902 году был заключен японо-

английский договор. В том же году открылся Японский промышленный банк. В 1903 году обострились японо-российские отношения, что привело в феврале 1904 года к началу Русско-японской войны. В 1905 году на волне недовольства японо-российским мирным договором в Токио начались беспорядки и поджоги. В 1906 году открылась Южно-Маньчжурская железная дорога (Мантэцу). В 1907 году состоялось подписание договора между Японией и Кореей.

И все эти многочисленные события нашли свое отражение в журнале, которым руководил Аmano. Он вел нелюбимые дискуссии по самым разным вопросам. Здесь невозможно рассказать об этой колоссальной работе во всех деталях. Отмечу только, что Аmano много сделал для расширения сферы действия японо-английского союза и обеспечения мира к востоку от Суэца, постоянно отстаивая принципы политики открытых дверей в то время, как в Японии были влиятельные силы, которые в ответ на политику протекционизма, проводимую Англией, стремились эти «двери» закрыть. Аmano же, напротив, всегда подчеркивал, что политика «закрытых дверей» является для страны губительной.

Еще одной постоянной темой журнала была в то время борьба с ширившимся влиянием армии и требования чистки ее рядов. Так, в передовой статье номера от 25 августа 1903 года говорилось, что «прежде всего, нужно держать под постоянным контролем армию и флот» - для того времени это было очень острое и критическое суждение. Для меня очевидно, что если бы тогда в Японии подобные суждения получили более широкое распространение, то сегодня мы жили бы в другой, процветающей стране. К несчастью, к словам этим так никто тогда не прислушался, и события пошли по иному пути. Сложилось так, что позднее, в периоды Тайсё и Сёва, и нам пришлось неоднократно повторять подобные суждения, однако они также не были услышаны, и в результате мы имеем то, что имеем - нынешнее поражение Японии в войне...

В январе 1899 года, также при Аmano, редакция журнала переехала в квартал Хигаси Гокэнтё района Усигомэ. До этого журнал занимал дом, который арендовал для него еще господин Матида. Новая контора в Хигаси Гокэнтё также располагалась в арендованном здании, особняке известного богача Какуда Синхэй. Я этого здания не видел, но думаю, что там было достаточно просторно. В марте 1907 года редакция «Тоё кэйдзай симпо» впервые переехала в собственное здание - деревянный двухэтажный дом, расположенный на шестом участке квартала Тэндзинтё в районе Усигомэ. Одновременно компания «Тоё кэйдзай симпо» была преобразована в общество с солидарной ответственностью,

Еще до этого момента, с ранней весны 1900 года, Аmano отошел от практического руководства журналом, передав дела своим ученикам и последователям, однако продолжал писать передовые статьи, как, например, для 425-го номера «Тоё кэйдзай симпо», вышедшего 5 сентября 1907 года. Он также продолжал публиковать короткие замечания и реплики, подписывая их псевдонимом «Отшельник из хлева». Последняя такая заметка появилась в номере от 5 ноября того же года. А в январе 1907 года журналу «Тоё кэйдзай симпо» исполнилось 7 лет...

Почему доктор Аmano прекратил писать? Видимо, потому, что у него начались нелады со здоровьем и он по настоянию врачей переехал в местечко Дзуси близ Камакура.

Деятельность Аmano в «Тоё кэйдзай симпо» детально освещена в его биографии, написанной Асакава и Нисида. Я тоже внес свой скромный вклад в описание работы Аmano в журнале, познакомив его читателей с этой книгой (мои статьи были опубликованы в номерах «Тоё кэйдзай симпо», вышедших с 1 по 22 июля 1950 года).

= Господин Уэмацу и господин Миура =

После отставки доктора Аmano руководство журналом перешло к Уэмацу Хироаки, Миура Тэцутаро, Мацуока Тадаёси и Мацусита Тиё. Главным редактором стал Уэмацу. К сожалению, вскоре после этого скончался господин Мацуока, поэтому когда я пришел в компанию в 1911 году, ее возглавляли Уэмацу, Миура и Мацусита, причем Мацусита работал в журнале еще со времен Матида. Реально руководство журналом и редакционная работа были в руках двух человек - Уэмацу и Миура.

Затем, в 1912 году, к сожалению, заболел и умер господин Уэмацу. Он ушел из жизни совсем молодым - было ему тогда неполных 37 лет, а, может быть, даже 36 или 35. Уэмацу, как и я, прослужил один год в армии в качестве вольноопределяющегося, но, в отличие от меня, в звании лейтенанта артиллерии участвовал в Русско-японской войне. Еще до войны он заболел туберкулезом, который, в конце концов, и свел его в могилу...

Уэмацу был блестящим публицистом. Он глубоко интересовался историей периода Мэйдзи, написал несколько очерков о Сайондзи Киммоти, Кацура Таро, Иноуэ Каору, Ито Хиробуми,

Ямагата Аритомо, а также о кабинетах министров эпохи Мэйдзи и о Реставрации Мэйдзи вообще. Начиная со второй половины 1907 года эти очерки публиковались в «Тоё кэйдзай симпо» (а позднее также в «Тоё дзирон»); часть из них затем была собрана воедино и составила объемистую книгу.

В тот год, когда я пришел в компанию, серьезная болезнь кишечника привела на больничную койку и господина Миура. Врачи временами прямо говорили, что жить ему осталось недолго, да и сам Миура был настроен пессимистически.

К счастью, произошло обратное: с возрастом самочувствие господина Миура постоянно улучшалось, и в прошлом году он как никогда бодрым и здоровым встретил свое 77-летие [147]. Впрочем, как говорил еще тогда один из лечивших его докторов, врач никогда не может предсказать, сколько времени отпущено его пациенту. Звали этого доктора Кобаяси Кютаро, он окончил медицинское училище в Тиба и считался весьма опытным врачом. Между прочим, когда я учился в средней школе Кофу, господин Кобаяси возглавлял терапевтическое отделение местной больницы Такахаси. Я тогда часто болел и нередко обращался в эту клинику, и господин Кобаяси всегда мне помогал, поэтому позднее я и попросил Кобаяси осмотреть Миура. (Потом еще доктор Кобаяси открыл свою собственную клинику в токийском районе Ёцуя. Сейчас он, к сожалению, уже ушел из жизни).

Вообще-то я не люблю, когда люди начинают хвалить или хулить своих учителей, но в данном случае могу с полной ответственностью сказать, что господин Миура является выдающимся публицистом. И это далеко не только мое мнение. Так считают все, кто его знает... Рассказывали, что во время Русско-японской войны его хотели пригласить в Осака для работы в компании «Сумитомо», и что это дело якобы уже считалось решенным, но потом туда случайно пригласили Уэмацу, и потому Миура остался в Токио. А что было бы, если бы Миура пошел в «Сумитомо»? Наверное, он тогда бы разбогател (хотя кто его знает, дело же происходило во время войны...), а Япония потеряла бы выдающегося публициста. А интересно, что стало бы с «Тоё кэйдзай симпо»?.. По крайней мере, Миура не стал бы там работать, не стал бы издавать «Тоё дзирон», а, значит, я не пришел бы на работу в этот журнал. Так что если бы Миура тогда ушел в «Сумитомо», то судьба моя сложилась бы совершенно иначе... Иными словами, это решение сказалось бы в большей или меньшей степени не только на «Тоё кэйдзай симпо», но и на обществе в целом. Да, все в этом мире взаимосвязано, и особенно тесно - людские судьбы...

Когда в марте 1938 года не стало профессора Амано, я написал в «Тоё кэйдзай симпо» некролог под названием «Светлой памяти профессора Амано, отца нашего журнала» (номер от 2 апреля 1938 года). Профессор Амано действительно был для нас отцом, который любовно пестовал и растил «Тоё кэйдзай симпо», и если бы не он, то основанный Матида журнал давным-давно прекратил бы свое существование. Мне действительно кажется, что кроме профессора Амано это дело не потянул бы никто - по крайней мере, другого экономиста и публициста такого масштаба в Японии в период между Японо-китайской и Русско-японской войнами не было... И чем больше я размышляю на этот счет, тем больше склоняюсь к мысли, что кроме профессора Амано журнал «Тоё кэйдзай симпо» возглавить было некому. Господин Матида отыскал уникального человека!

Но заслуги профессора Амано перед журналом состоят не только в том, что он в течение десяти лет упрочивал основы «Тоё кэйдзай симпо» и укреплял его авторитет. Амано еще и воспитал Уэмацу и Миура - блестящих продолжателей своего дела, без усилий которых журнал бы также не дожил до сегодняшнего дня...

= Японская экономика конца периода Мэйдзи =

Оглядываясь назад, не могу не поразиться тому, как мала была тогда редакция нашего журнала. Как уже говорилось, когда я поступил на работу в компанию «Тоё кэйдзай симпо», в ее штате было всего 17 человек, включая посыльных и швейцаров, а руководство компании насчитывало всего 7 человек. И эти люди 5-го, 15-го и 25-го числа каждого месяца выпускали журнал «Тоё кэйдзай симпо», а раз в месяц - еще и журнал «Тоё дзирон» (этот общественно-политический журнал, как уже отмечалось, начал выходить с 1910 года). В то время каждый выпуск журнала выходил в виде двух тетрадей формата В5 общим объемом 52 страницы. Материалы делились на колонки по рубрикам «Финансовый рынок», «От редакции», «Наш комментарий», «Визиты (интервью)», «Статистические данные», «Рецензии», «Доклады», «Общество», «Инвестиции», «Деловые круги», «Разное», «За рубежом», «Рынок акций», «Курсы ценных бумаг», «Дивиденды акционерных компаний», «Банковское дело», «Внутренняя и внешняя торговля - статистические данные» и т.п.

Тираж журнала с самого начала был внушительным - так, на 280-й странице биографии Амано, написанной Асакава и Нисида, можно прочитать, что по состоянию на 31 марта 1907 года

«тираж издания составляет 5000 экземпляров» - эти слова, по-видимому, взяты из какой то дневниковой записи Аmano. Если сюда не вкралось никакой ошибки, то можно сделать вывод, что с тех пор и на протяжении очень длительного времени тираж журнала практически не менялся.

Я называю подобный тираж внушительным не только потому, что речь идет о «Тоё кэйдзай симпо». Насколько можно судить, если тираж ежемесячного издания составляет, скажем, 3000 экземпляров, то таково же примерно и число его читателей. В Японии же того времени круг читателей был еще исключительно узок, так что успех специализированного экономического журнала, выходившего три раза в месяц тиражом 5000 экземпляров, можно считать просто ошеломляющим.

Принято считать, что после Русско-японской войны масштабы японской экономики резко возросли, однако с позиции сегодняшнего дня соответствующие цифры не кажутся очень уж впечатляющими. Так, судя по сводной таблице котировок акций, опубликованной в одном из номеров «Тоё кэйдзай симпо» за 1911 год, тогда на токийской бирже котировались акции 30, а на осакской бирже - 26 компаний - иными словами, под котировку попадали только акции крупных фирм...

= Экономические журналы конца периода Мэйдзи =

Еще по инициативе господина Матида в «Тоё кэйдзай симпо» стали публиковаться статьи и критические заметки об акционерных компаниях, а с номера от 25 октября 1903 года начала выходить колонка «Капиталовложения», позднее переименованная в «Инвестиции». Насколько мне известно, в английских журналах «Экономист» и «Статистик», которые служили образцом для «Тоё кэйдзай симпо», поначалу вообще не делалось попыток оценивать те или иные компании, и такого рода материалы появились в них много позже. Так что такого рода публикации в «Тоё кэйдзай симпо» можно назвать японским достижением, явившимся примером для других журналов.

Какие именно японские компании удостоивались критических оценок «Тоё кэйдзай симпо»? Если обратиться к подшивке журнала за 1911 год, то окажется, что большинство этих компаний были текстильными: «Фудзибо», «Канэбо», «Миэбо», «Сэццубо», «Амагасакибо», «Тэйма», Токийская прядильная компания «Токио сэйдзю». На втором месте шли транспортные

компания: «Ниппон юсэн» (Японская почтово-пароходная компания), «Осака сёсэн» (Осацкие торговые суда), «Тоё кисэн» (Восточное пароходство), «Кэйхин дэнтэцу» (Электрическая железная дорога «Токио-Иокогама»), «Тобу тэцудо» (Железная дорога «Токио-Мусасино»). Третье место занимали компании по производству пищевых продуктов и, прежде всего, сахара: «Дай Ниппон сэйто», «Мэйдзи сэйто», «Иокогама сэйто», «Хориса сэйто», Японская мукомольная компания «Нихон сэйфун». За ними шли финансовые организации и компании, работавшие с ценными бумагами: Банк Японии, Первая страховая компания «Дайити сэймэй», Имперская страховая компания «Тэйкоку сэймэй», компания «Токио кабусики». На пятом месте находились электрические и газовые компании, такие, как Восточная электрическая компания «Тодэн», гидроэлектростанция «Кинугава суйрёку», «Токио газ». Шестую позицию занимали различные промышленные компании: бумагоделательная «Одзи сэйси», деревообрабатывающая «Отару мокудзай», компания «Хоккайдо цемент». Всего в критических публикациях журнала освещалась деятельность 28 компаний. Конечно, в действительности число фирм в Японии было намного больше, но по-настоящему акционерных компаний было немного, и их акциями владел достаточно узкий круг людей. Наверное, в силу узости этого круга в Японии того времени не было необходимости и в большом числе экономических журналов и большом числе журналистов, пишущих на экономические темы. Тем более не было нужды в прикреплении к каждой компании своего журналиста, который постоянно собирал бы материалы и освещал ее деятельность.

Я уже говорил, что после Японо-китайской войны предприниматели с жаром набросились на экономические журналы и читали их как учебники. Однако затем положение изменилось. Попытка вмешательства трех держав в итоги войны показала, кроме всего прочего, что японский народ набрал силу, что Япония стала одной из мировых держав - и это не могло не стать предметом гордости японцев. Но верно и то, что предприниматели на волне таких настроений возгордились, сначала перестали считать экономические журналы учебниками, а потом и вовсе прекратили их читать. Может быть, они решили, что на фоне всеобщего прогресса общества экономические журналы являются не более, чем какими-то пережитками старины? Не знаю. Как бы то ни было, последние годы периода Мэйдзи оказались не самым лучшим временем в истории экономических журналов...

При всем при том экономических журналов было тогда в Японии немало. Продолжался выпуск «Токийского экономического журнала» (Токио кэйдзай дзасси), который выходил даже после кончины в 1905 году его главного редактора Тагучи Укити, но не перенес землетрясения 1923

года, когда сгорела контора журнала в Сукиябаси. Известный журнал «Даямондо» («Алмаз»), издаваемый Исияма Кэнкити, начал выходить только в 1913 году, в 1900-х годах его еще не было. Масуда Гиити издавал журнал «Промышленная Япония» (Дзицугё-но Ниппон), а Ноёри Хидэити - «Промышленный мир» (Дзицугё-но сэкай), причем оба эти издания по содержанию были достаточно далеки от специализированных экономических журналов. С 1906 года выходил «Народный экономический журнал» (Кокумин кэйдзай дзасси). Продолжали выходить уже упоминавшиеся «Статистический сборник» (Токэй сюсси) и «Банковские записки» (Гинко цусинроку), но они представляли собой скорее органы отдельных финансовых организаций, чем обычные экономические журналы. Были, наверное, и какие-то другие экономические журналы, которых я сейчас не помню, но, во всяком случае, могу с уверенностью сказать, что в последние годы Мэйдзи ни один из журналов экономического направления не мог соперничать по популярности с «Тоё кэйдзай симпо». Такие журналы появились только в период Тайсё, уже после Первой мировой войны.

= Первая мировая война =

Первая мировая война началась и шла в Европе, поэтому о том, какое влияние она окажет на экономику Японии, поначалу в стране никто судить не брался. В частности, невозможно было себе представить, что она окажется столь крупномасштабной и длительной. Поэтому когда британский фельдмаршал Китченер [148] заявил, что война продлится три года, то этому заявлению удивились, но не восприняли его всерьез.

Первые полгода война оказывала на японскую экономику негативное воздействие. Прекратил функционировать мировой валютный рынок, остановилась торговля акциями. Как следствие, японская экономика оказалась в кризисе. Чтобы предотвратить резкое падение цен на шелк-сырец, в марте 1915 года в Японии была создана акционерная компания «Тэйкоку санси». Кроме того, в январе 1915 года был опубликован указ о регулировании цен на рис; чтобы поднять цену на рис, правительство начало его крупномасштабные закупки.

Но на фоне этих трудностей наметились и позитивные перемены в самих основах японской экономики. С весны 1915 года начался рост экспорта из Японии, который продолжался вплоть до 1919 года. В результате только от торговли товарами в Японию поступило 1 миллиард 460 миллионов иен; еще 1 миллиард 400 миллионов принесли неторговые операции, так что суммарные поступления достигли почти 2 миллиардов 900 миллионов иен. Это были очень

крупные суммы, эквивалентные примерно 600 триллионам иен в ценах 1950 года.

Если не принимать во внимание период с 1882 по 1893 годы, то можно сказать, что на протяжении всей эпохи Мэйдзи в Японии поступало больше средств, чем тратилось на внешних рынках. Это превышение было необходимо для развития экономики Японии, но, в конце концов, стало сказываться на ней негативно. Особенно тяжелое положение сложилось в 1913 году, когда валютные резервы страны были по существу исчерпаны, а в иностранных займах Японии отказывали. Поэтому когда выяснилось, что в 1915 году экспорт превышает импорт, а денежные поступления в страну превышают расходы, то это известие было встречено с большим воодушевлением. Поступления быстро нарастали: в 1914 году превышение доходов над расходами составило около 600 миллионов иен, в 1916 - более 1 миллиарда 100 миллионов иен, в 1917 году - свыше 1 миллиарда 600 миллионов иен, в 1918 году - около 2 миллиардов иен. Кроме того, рост выразился также и в том, что увеличились валютные поступления от таких видов внешнеэкономической деятельности, как морские перевозки. Словом, на японских предпринимателей почти в буквальном смысле слова пролился золотой дождь, и их радости по поводу роста конъюнктуры не было предела. Правда, после войны состояние экономики на некоторое время ухудшилось, но зато потом снова в течение года шел быстрый рост конъюнктуры подобный тому, который имел место в военное время.

У высокой конъюнктуры военного и послевоенного времени были, конечно, и свои отрицательные стороны, однако в целом японские предпринимательские круги блестяще использовали представившийся шанс и совершили большой скачок вперед. Расширилось ткацкое производство, возникли и получили развитие также новые, доселе не существовавшие в Японии отрасли, такие, как металлургия, судостроение, разнообразные химические производства. Впрочем, когда весной 1920 года начался новый виток депрессии, многие из подобных предприятия столкнулись с очень серьезными трудностями и, в конце концов, были вынуждены закрыться.

= Развитие экономической публицистики =

Первая мировая война оказала влияние и на японские экономические журналы. Выше я писал о том, что журнал «Даямондо» был основан в 1913 году, однако, судя вышедшему в этой компании по юбилейному изданию «25 лет истории нашего журнала», реальное развитие «Даямондо» началось только в 1914-1915 годах. А все предыдущее десятилетие состояние дел

с экономическими журналами было в точности таким, как я говорил. Конечно, успех «Даямондо» объясняется, прежде всего, результатами работы президента этой компании господина Исияма, который зарекомендовал себя как блестящий журналист и предприниматель, но нельзя не заметить, что и эпоха ему в этих начинаниях всячески благоприятствовала. То же самое, наверное, можно сказать и о журнале «Тоё кэйдзай симпо»...

В годы войны и в послевоенное время появилось также множество новых экономических журналов, но ни одного названия у меня в голове не осталось - скорее всего, ни один из них не дожил до сегодняшнего дня... Однако мне запомнилась главная черта всех экономических журналов того времени - основное внимание в них уделялось деятельности акционерных компаний и ценным бумагам. Иными словами, они интересовались частным, а не государственным сектором экономики. Кстати говоря, таким же был тогда и журнал «Даямондо». Именно в то время возникла традиция печатать такие материалы, как курсы акций или беседы о том, куда лучше вложить средства...

Рассматривая историю экономических журналов Японии, нужно отметить и еще одну их особенность. Выше мы уже кратко затрагивали вопрос о том, что японские экономические журналы поначалу строились по образцу английских. Но были у них и отличия. В любой стране экономические журналы уделяют достаточно много внимания рассказам о компаниях и акционерных обществах, однако обычно редко эти компании критикуют. Нельзя, конечно, сказать, что в иностранных журналах полностью обходят вниманием острые вопросы, но все же обычно такие публикации представляют собой не более, чем доклады о деятельности компаний, подготовленными ими самими. Не думаю, чтобы в каком-то иностранном журнале в прошлом, да и теперь можно было бы встретить подряд 10-20 критических статей о тех или иных компаниях. В этом смысле мировое лидерство принадлежит, вероятнее всего, все же японским экономическим журналам, в которых экономическая публицистика занимает особенно большое место.

Почему экономическая публицистика за рубежом не развита, а в Японии процветает? Однозначно ответить на этот вопрос я не могу, но исходя из того, что численность любых товаров определяется их спросом и предложением, можно предположить, что в зарубежных странах подобные проблемы интересуют лишь небольшое число читателей, а в Японии - гораздо более широкие их слои. А отсюда, в свою очередь, следует, что в Японии просто нет

других надежных источников информации, которые бы позволили инвесторам и держателям акций составить свое мнение по этим вопросам.

Особенно ужасающе в этом смысле выглядят самоотчеты о деятельности японских компаний в той их форме, которая стала общепринятой после Второй мировой войны. Впрочем, и до того в них многие данные замалчивались и искажались, а иные, напротив, излагались с таким количеством ненужных подробностей, что даже специалисты по управлению компаниями, разглядывая эти отчеты, затруднялись сказать, что же именно хотели сказать их составители...

Еще одна причина - в том, что в то время в Японии не были налажены бухгалтерская и аудиторская системы, не работали агентства, собирающие экономическую информацию и им подобные структуры. В результате их роль взяли на себя экономические журналы. Если бы не они, то рядовому вкладчику было бы исключительно трудно понять, какие акции покупать и в какие компании вкладывать средства.

Как известно, в результате оживления экономики во время и сразу после окончания Первой мировой войны в Японии началась инвестиционная лихорадка, охватившая всю страну. Это также внесло свой вклад в развитие экономической публицистики. Но затем спекуляции акциями пошли на убыль, конъюнктура также покатила под гору, и после 1920 года экономические журналы, кормившиеся от частного сектора экономики, стали один за другим закрываться. Сохранились лишь самые сильные - как, например, тот же «Даямондо», который, напротив, лишь укрепил за время кризиса свою базу.

= Причины популярности приложения «Мир акций за 10 лет» =

Сам журнал «Тоё кэйдзай симпо» не получил больших дивидендов от «акционерной лихорадки», охватившей всех во время Первой мировой войны и после ее окончания. Причина была в том, что журнал не уделял особого внимания статьям о конкретных компаниях, а затем и вообще по существу перестал печатать подобные материалы.

Строго говоря, в журнале, конечно, существовала специальная рубрика для такого рода статей. Более того, думаю, что «Тоё кэйдзай симпо» вообще был первым экономическим журналом, который привлек внимание читателей к этой теме, ибо колонка эта появилась еще в 1903 году. Однако у нас в журнале никогда не было сотрудников, которым было бы интересно

давать оценки деятельности компаний и которые хотели бы стать специалистами в этой области. Безусловно, многие молодые журналисты интересовались политическими и социальными вопросами, но постоянно обходить компании с вопросами типа «Ну как у Вас там?» почему-то никому не хотелось. Да и у руководителей журнала особого интереса к этой теме не было - ни Уэмацу, ни Миура, ни пришедший им на смену Ваш покорный слуга никогда склонности к такого рода деятельности не питали - возможно, потому, что у нас просто не было нюха на такого рода материал. Так или иначе, журнал выходил почти без критических статей о деятельности конкретных компаний.

Однако когда мы в качестве приложения к номеру от 5 января 1916 выпустили брошюру под названием «Мир акций за 10 лет», то она была распродана в мгновение ока. Номер этот печатался в конце года, а в продажу поступил в дни новогодних праздников, но, несмотря на это, был буквально сметен с прилавков. Книжные магазины обрушили на нас поток новых заказов, и все мы с нетерпением ожидали окончания новогодних каникул в типографии, ибо хотели как можно быстрее напечатать новый тираж. Печатанием журнала в то время занималась типография «Ниссин», расположенная в токийском районе Усигомэ (позднее она объединилась с типографией «Сюэйся» и сейчас называется «Дай Ниппон»).

Мы никак не ожидали, что сборник «Мир акций за 10 лет» будет пользоваться такой популярностью - он ведь не содержал ничего, кроме статистических данных о ежемесячных рыночных котировках самых популярных акций за последние 10 лет (для каждого параметра приводились максимальная, минимальная и средняя величины). А между тем, к нашему удивлению, произошло именно так: спрос на брошюру был просто фантастический. В сообщении редакции от 15 января говорилось, что «за десять дней, прошедших с выпуска сборника, вышло уже четыре его издания, а сейчас печатается пятое». В этом же сообщении редакция извинялась за то, что из-за большого количества заказов брошюра не всегда вовремя поступает в книжные магазины, а заказанные по почте экземпляры приходят с опозданием. Такой спрос на скромный статистический справочник говорил о том, что в стране начался «акционерный бум». Кстати говоря, к марту мы выпустили уже 8-ое издание сборника, причем в каждой допечатке было примерно по тысяче экземпляров (хотя сегодня, конечно, такие тиражи удивительными не кажутся).

Такая популярность брошюры «Мир акций за 10 лет» имела и еще одно следствие: к нам зачастили представители книжных магазинов с просьбами передать им права на торговлю этим

изданием. На волне такой популярности в 1917 году мы в «Тоё кэйдзай симпо» собрали новые статистические данные и издали сборник «Мир акций за 13 лет». Потом брошюра переиздавалась еще несколько раз: был выпуск «Мир акций за 20 лет» и т.п.

= Не лежит душа к критическим заметкам о компаниях =

Позднее на публикациях материалов об акциях стали специализироваться такие авторы, как директор компании «Осака сёдзи» Сугияма Гио или Ясуда Ёдзиро, работавший в журнале «Даямондо» - и они много достигли на этой ниве. Кстати, я не знал, что Ясуда, который был много старше меня, некоторое время работал в «Тоё кэйдзай симпо» (еще до того, как я пришел в журнал). Мне он запомнился как пожилой журналист, обладавший незаурядным умом и обширными познаниями. Он прекрасно разбирался в самых разных вопросах: и в политике, и в экономике, и в торговле акциями, и в управлении компаниями. Ныне, к сожалению, покойный, Ясуда оставил о себе память как о настоящем джентльмене и искреннем, доброжелательном человеке...

Но в «Тоё кэйдзай симпо», несмотря на спрос на такого рода информацию, критические материалы о деятельности компаний никогда не были популярными - так, одна-две публикации в номере, не более. В том же «Даямондо» такого рода заметок было намного больше - и потому распродавался он гораздо лучше. Наверное, с точки зрения издательской политики это было не совсем правильно, ибо мы теряли прибыли, но нас в тот период эти проблемы совершенно не волновали. Более того, в июне 1917 года мы в журнале отказались даже от существовавшей долгие годы рубрики «Инвестиции», полагая, что ее место - в журналах, специализирующихся на освещении действий отдельных компаний и вообще на частном секторе экономики. Мы же хотели сконцентрироваться на общеэкономических вопросах.

Была и еще одна причина того, что мы пренебрегали публикациями об отдельных компаниях. Состояла она в том, что ни у меня, ни у Такахаси Камэкичи, ведущего тогда журналиста «Тоё кэйдзай симпо», просто душа не лежала к такого рода трудной работе. (Такахаси прежде работал в горнорудной компании «Хисабара», но всегда мечтал быть журналистом и писать на экономические темы; в наш журнал он пришел в 1918 году по рекомендации господина Ито Дзюдзиро).

Надо сказать, что и среди читателей «Тоё кэйдзай симпо» интерес к такого рода публицистике

всегда был невелик. В качестве примера можно привести точку зрения господина Фукуи Эйго, который тогда занимал должность вице-президента Банка Японии (Цитируется по «Рассказам о «Тоё кэйдзай симпо» - отчете о заседании «круглого стола», проходившем в журнале в 1932 году). «Недавно в журнале «Тоё кэйдзай симпо» появились такие важные рубрики, как «Путеводитель по инвестициям». Однако я должен сказать, что статьи об экономике вообще и статьи о деятельности отдельных компаний - это две совершенно разные вещи», - говорил господин Фукуи, намекая на то, что своими публикациями журнал может плохо повлиять на настроения частных предпринимателей. (Надо сказать, что в то время «Тоё кэйдзай симпо» действительно весьма часто публиковал критические статьи о тех или иных компаниях).

Тогдашний редактор журнала Матида Тюдзи согласился с господином Фукуи и добавил: «Вначале, когда журнал только создавался, у нас была идея печатать в нем критические заметки о деятельности отдельных компаний, но мы сомневались, начинать ли такое дело: ведь, как Вам известно, в английском журнале «Экономист» такой рубрики не было. Подобные материалы, правда, печатались в журнале «Статистик», но там они выглядели, если можно так сказать, несколько вульгарно... Да и людей, которые могли бы писать на эти темы, у нас тогда не было, так что мы от этой идеи отказались... А вот теперь получилось в точности по пословице - «Раз споткнулся - а сколько неприятностей!» - заключил Матида.

Я, впрочем, не думаю, что Фукуи был полностью прав, когда говорил, что экономика вообще и экономика частного сектора - это две совершенно разные вещи. Однако среди старых друзей и читателей «Тоё кэйдзай симпо» было немало людей, разделявших такую точку зрения, и с этим нужно было считаться...

= Возрождение заметок о компаниях и выпуск ежегодника «Акционерные общества» =

Конечно, нельзя сказать, что с июня 1921 года журнал «Тоё кэйдзай симпо» полностью устранился от публикации критических материалов о деятельности конкретных компаний. Такие оценки были, но они помещались либо в редакционных статьях, либо в обзорах. После землетрясения 1923 года (то есть с номера от 13 октября) мы попытались ввести рубрику «Предприятия и компании», где собирались давать оценку деятельности отдельных фирм, но рубрика эта дожила только до 22 марта следующего года, когда и прекратила свое существование.

Возродилась она только в номере от 30 мая 1925 года, причем под новым названием - «Представитель делового мира». Возрождение это было сопряжено с множеством трудностей, ибо никто не хотел брать на себя ответственность за рубрику, и я был вынужден некоторое время вести ее своими силами. Стремясь внести в это дело хоть какую-то свежую струю, я попытался рассчитать коэффициент полезного действия тех, кто управлял той или иной компанией. В результате в приложении к номеру от 1 января 1926 года были опубликованы данные «о стоимости акций и реальном положении 116 компаний», рассчитанные на основе предложенной мной методики. Такой подход был встречен с энтузиазмом, материалы о деятельности конкретных компаний стали с 1925 года печататься в «Тоё кэйдзай симпо» с завидной регулярностью, и я смог постепенно переложить эту работу на других сотрудников журнала...

Теперь, думаю, самое время рассказать еще об одном приложении к журналу. С 1922 года мы начали выпускать справочник под названием «Акционерные компании. Ежегодник». Первый такой ежегодник вышел в январе 1922 года и содержал исключительно таблицы с данными о доходах и расходах, а также о кредитах, полученных компаниями за последние 18 отчетных периодов. Данные публиковались в точности в том виде, как были представлены компаниями, без сокращений и купюр, поэтому составили в совокупности объемистый 650-страничный том. Подобные справочники после этого выходили ежегодно вплоть до 1942 года.

Иными словами, поскольку мы в «Тоё кэйдзай симпо» оказались не сильны в аналитических заметках о конкретных фирмах, то нам пришлось сосредоточиться на знакомстве читателей с обычными статистическими данными о деятельности компаний и с их собственными отчетами, которые мы в журнале в течение длительного времени собирали и систематизировали. В результате этого «собираательства» возникли также сборник «Мир акций за 10 лет» и ежегодник «Акционерные компании». Этот же подход позволил весьма легко восстановить рубрику «Представитель делового мира» - все необходимые для этого данные уже были у нас под рукой.

Некоторые старинные компании, созданные еще в период Мэйдзи, присутствовали в этих справочниках, начиная с самых первых выпусков. А особенно большой спрос на эти справочники возник после землетрясения 1923 года, когда во время вспыхнувших пожаров погибло множество архивов, а здание нашей редакции в районе Усигомэ, к счастью, уцелело. По просьбе Банка Японии и других обратившихся к нам организаций мы предоставили им те

материалы, которые у нас были в нескольких экземплярах. Особенно мне запомнилась одна компания, у которой во время землетрясения вообще сгорели все отчеты, начиная с самого первого. Руководство компании - а была это железнодорожная компания «Тобу тэцудо» - находилось в полном смятении и всеми правдами и неправдами стремилось раздобыть собственные документы, поскольку они были жизненно необходимы для дальнейшей работы. К счастью, все нужные «Тобу тэцудо» данные были опубликованы в наших ежегодниках «Акционерные компании», которые мы ей и передали. Нечего и говорить, что компания и впредь с радостью предоставляла нам самые подробные данные о своей деятельности...

Президентом «Тобу тэцудо» был в то время господин Нэцу, предшественник нынешнего главы компании. Думаю, что где-то в архивах редакции «Тоё кэйдзай симпо» до сих пор хранится его письмо с благодарностью за предоставленные материалы. Так что и публикация ежегодника «Акционерные компании», которая началась в 1922 году как дело случайное, уже в 1923 году позволила хоть в какой то мере сократить ущерб, причиненный разрушительным землетрясением...

= Спрос на экономические журналы в начале 1930-х годов =

Как уже говорилось, в Японии было два периода бурного роста журналов экономической тематики: первый пришелся на время Японо-китайской войны, второй начался сразу после окончания Первой мировой войны. Третьим таким периодом можно назвать время между 1929 и 1938 годами.

Почти все это время японская экономика испытывала на себе последствия второго запрета на вывоз из страны золота, введенного в декабре 1931 года [149]. В результате этого акта начался рост объемов внешней торговли, сопровождавшийся инфляцией. Это породило так называемую рефляцию: цены на товары продолжали расти, но одновременно увеличивалось производство и улучшилась рыночная конъюнктура. Еще во время Первой мировой войны в стране стали возникать новые отрасли промышленности, однако последующая депрессия надолго приостановила их развитие. Теперь они снова стали оживать. Воспользовавшись Маньчжурским инцидентом, власти развернули гонку вооружений, которая также привела к возникновению многих новых отраслей военной промышленности. Это тоже оказало сильное положительное воздействие на экономику и во многом способствовало ее процветанию...

Иными словами, как и во всех других странах, рост числа экономических журналов в Японии объяснялся, прежде всего, ростом экономической конъюнктуры в стране.

Однако высокая конъюнктура была не единственной причиной роста числа экономических журналов. Были и другие. Скажем, еще в июле 1929 года, то есть до того, как был введен в действие запрет на вывоз золота из страны, отделивший период застоя от периода роста экономики, кабинет Хамагути развернул широкую дискуссию по вопросу о вывозе золота из страны, и дискуссия эта продолжалась почти два с половиной года. Это тоже способствовало росту числа экономических изданий.

К тому же запрет вывоза золота, введенный в декабре 1931 года, не только оживил экономику, но и вызвал к жизни целый ряд проблем. Прежде всего, произошел резкий обвал обменного курса иены, и перспективы курса национальной валюты оказались под большим вопросом. А потом, 15 мая 1932 года, произошел известный инцидент...

В марте 1933 года в охваченной кризисом Америке президент Рузвельт провозгласил свой новый курс, в январе 1934 года была проведена девальвация американской валюты. В этот же период (в марте 1933 года) Япония вышла из Лиги Наций. Международная обстановка начала стремительно ухудшаться.

Одно время существовало опасение, что Лига Наций применит против Японии экономические санкции. Этого, к счастью, не произошло, однако в апреле 1933 года свой торговый договор с Японией разорвала Индия, а затем внешняя торговля Японии стала подвергаться давлению со стороны многих стран. В декабре 1934 года Япония заявила, что выходит из Вашингтонского договора. В декабре 1935 года открылась Лондонская конференция по ограничению морских вооружений. В условиях ухудшения международной обстановки произошел инцидент 26 февраля 1936 года [150], а в ноябре того же года был заключен Японо-германский оборонительный договор [151]. В такой обстановке положение во внешней торговле Японии начало быстро ухудшаться. Обеспокоенное этим японское правительство в январе 1937 года неожиданно ввело регулирование ввоза иностранной валюты. Вскоре после этого, в июле того же года, произошел инцидент у моста Люкоуцзяо [152].

Несмотря на предпринимаемые меры, такого рода крупные инциденты продолжали случаться и в дальнейшем, что не могло не сказаться на перспективах развития экономики

Японии (сейчас, конечно, ясно, что эти события служили своего рода прелюдией к началу Второй мировой войны). Стремясь преодолеть возникшие трудности, представители японских экономических кругов стали все чаще обращаться за советом к экономическим журналам.

= Безответственное заявление министра финансов Иноуэ =

Таким образом, в силу изложенных выше обстоятельств в начале 1930-х годов чтение экономических журналов превратилось для представителей деловых кругов в настоятельную необходимость. При этом следует заметить, что центральными темами журналов стали общеэкономические вопросы, хотя, конечно, там продолжали публиковать и материалы о деятельности отдельных компаний. Мало того, как уже отмечалось, новый запрет на вывоз из страны золота привел к общему оживлению экономики, так что дела многих предприятий пошли в гору и, как следствие, сильно возросла потребность в публицистических материалах, рассказывающих об их деятельности. Постоянные читатели журнала «Тоё кэйдзай симпо» - например, господин Фукаи - добились даже того, что в журнале таким материалам была предоставлена отдельная полоса. Однако при всем при том краеугольным камнем нашего журнала оставались статьи на общеэкономические темы. Теперь же ситуация в экономике была такова, что даже те читатели, которые интересовались инвестициями или игрой на бирже с акциями отдельных компаний, были не в состоянии эффективно вести свое дело, не имея информации о состоянии экономики в целом...

Иными словами, если до этого число читателей экономических журналов ограничивалось весьма узкими рамками, то сейчас оно резко возросло. В частности, оказалось, что господин Огути Кироку, который слыл тогда большим знатоком финансовых вопросов, вообще не подозревал о существовании журнала «Тоё кэйдзай симпо», и начал читать его только после отмены в 1929 году эмбарго на вывоз золота (см. «Рассказы о «Тоё кэйдзай симпо»)..

Кроме того, после снятия запрета на вывоз золота широко распространилось мнение, согласно которому тот, кто не знал основ экономики, вообще не мог понять, что творится на белом свете. В результате экономические журналы перестали быть изданиями для специалистов и стали, если можно так выразиться, журналами для широких народных масс. Шел, конечно, и другой процесс - общие журналы давали больше статей на экономические темы, - но все-таки главной особенностью того времени стало расширение круга читателей экономических журналов и рост их числа. Кроме «Тоё кэйдзай симпо», в стране выходили такие журналы, как

«Даямондо», «Экономист» и другие (Журнал «Экономист» был основан газетой «Осака майнити» в конце периода Тайсё [153]).

Эпидемия той или иной болезни волей-неволей приводит к распространению знаний в области санитарии и гигиены. Подобным же образом новый запрет на вывоз золота и последовавшие за ним разнообразные инциденты не послужили благу Японии в целом, но способствовали распространению среди ее населения экономических знаний...

В июне 1930 года министр финансов Иноуэ выступил с безответственным заявлением, суть которого сводилась к тому, что запрет на вывоз золота можно было бы ввести прямо сейчас, тем более, что в результате таких мер потеряла бы хлеб та группа людей, которая кормится от протестов против этого запрета. Заявление это тотчас же просочилось в газеты... С очевидностью, министр намекал на меня, Такахаси Камэкичи и Обама Тосиэ. Вот до чего договорился человек по фамилии Иноуэ!.. Впрочем, нужно помнить, что для нас последствия действий Иноуэ не всегда были отрицательными. В конце концов, именно из-за его запрета на вывоз золота появилось огромное число экономических журналов и журналистов, пишущих на экономические темы. Хотя, наверное, для общества в целом в его решении было больше минусов, чем плюсов....

= «Общество по чтению публичных лекций о либеральных идеях» =

Я уже вспоминал о том, что с отменой эмбарго на вывоз золота в 1929 году внимание простых людей оказалось прикованным к экономическим вопросам. Еще мне хотелось бы напомнить о том, что в те годы существовала огромная потребность в публичных лекциях на экономические темы.

На самом деле публичные лекции и выступления с речами в Японии известны давно - первый всплеск их популярности пришелся, наверное, еще на времена принятия Конституции Мэйдзи. Впрочем, потом они перестали быть столь популярными; большое число лекций и выступлений можно было услышать разве что накануне проведения выборов в нижнюю палату парламента - тогда собрания и встречи проводили многочисленные кандидаты в депутаты. Мне также не раз доводилось выступать с речами в поддержку друзей и коллег, и я должен сказать, что обычно предвыборные собрания проходили у нас крайне вяло и с низкой явкой слушателей...

В 1914 году, я возглавил так называемое «Общество по чтению публичных лекций о либеральных идеях» (Дзию сисо коэнкай). В Общество, кроме меня, входили Миура Тэцутаро, Танака Одо, Тагава Дайкитиро, Уэхара Эцудзиро, Сэки Ёсабуро, Хирано Эйитиро, Исидзава Кюгоро, Нодзаки Камэсити и другие, причем только Миура, Нодзаки и я работали в «Тоё кэйдзай симпо», а остальные были друзьями журнала. Одо, как я уже писал, в прошлом был моим преподавателем, а Сэки я знал еще как студента университета. На самом деле эта группа сформировалась еще в 1909 году, и с тех пор мы ежемесячно собирались на втором этаже здания редакции «Тоё кэйдзай симпо», которое находилось тогда в районе Усигомэ, и вели беседы на разные темы.

Заседания Общества начались еще в те времена, когда журналом руководил господин Уэмацу - тогда в них участвовал и господин Катаяма Сэн. Подобные встречи, хотя и с меньшей регулярностью, проводились и после землетрясения 1923 года. Постепенно тематика лекций и бесед ширилась, и мы решили изменить название нашего кружка: теперь он стал называться «Общество разных бесед» (Дзацувакай). Первоначально перед Обществом ставилась цель использовать тот высокий интеллектуальный потенциал, который имели собравшиеся вокруг журнала люди, и применить его для решения самых разных проблем. Однако очень скоро выяснилось, что все участники являются, как тогда говорили, радикальными либералами, и потому все наши дискуссии, в конце концов, рано или поздно сводились в поискам ответов на два вопроса: «Как спасти Японию от произвола милитаристских клик?» и «Возможна ли демократизация Японии?». А заканчивались все наши дискуссии простым выводом: единственный путь решения этих проблем - это просвещение народа. Но для его просвещения необходимо изменить государственную политику в этой области, а власти на это, с очевидностью, никогда не пойдут! Поэтому нам не остается ничего иного, как самим прилагать все усилия, чтобы пером и словом проповедовать идеи либерализма и свободомыслия. Так мы пришли к идее организовать открытые лекционные собрания. А само название нашего кружка - «Общество по чтению публичных лекций о либеральных идеях» - предложил господин Одо, памятуя об английском «Free Thinking» [154].

Состоялось несколько собраний Общества. На них, конечно, велись протоколы, но все они сгорели во время войны. Перелистывая свои разрозненные дневниковые записи и выпуски «Тоё кэйдзай симпо», я обнаружил, что первое такое лекционное собрание началось в час дня в воскресенье 17 мая 1914 года в Имперском обществе просвещения. На собрании выступили Уэхара Эцудзиро, Танака Одо, Тагава Дайкитиро и я. Шестое заседание состоялось в 6 часов

вечера в субботу 5 июня 1915 года в обществе просвещения района Канда. На нем выступили Танака Одо, Миура Тэцутаро, Исидзава Кюгоро и я. Потом лекционные собрания проводились в клубе искусств в Усигомэ, в доме культуры в Хонго и в других местах; последнее состоялось в час дня 15 октября 1916 года в клубе Нюдокан, расположенном в квартале Мидоё района Канда.

Как раз в день проведения последнего собрания пал кабинет Окума, и к власти пришло правительство Тэраути, поэтому согласно повестке дня, опубликованной в «Тоё кэйдзай симпо», речь на собрании шла, в основном, о современной политической обстановке. Так, господин Тагава выступил с лекцией на тему «Правительство привилегий или правительство парламента?», а я - с сообщением «Политика мудрецов или политика большинства?». Лекция Миура называлась «Короткая жизнь кабинета Кацура и кабинет Тэраути», сообщение Уэхара - «Конституционный статус советников-гэнро». Кстати, кабинет Тэраути был «клановым» и потому сразу установил жесткий контроль над общественным мнением, а Тагава за свои нелюбезные высказывания о кабинете Тэраути был в апреле 1917 года брошен в тюрьму. В этой обстановке «Общество по чтению публичных лекций о либеральных идеях» прекратило свое существование.

Из всего вышеизложенного может сложиться впечатление, что лекции, организованные нашим Обществом, пользовались большим успехом. Однако это далеко не так, и слушателей на них можно было пересчитать по пальцам. Так, судя по моим дневниковым записям, на встрече в женской музыкальной школе в районе Канда, которая прошла 22 февраля 1915 года, присутствовало 20 человек. Правда, этот случай специально отмечен как пример очень низкой посещаемости, но и в других случаях число слушателей ненамного превышало эту цифру. Видимо, мы недостаточно рекламировали свои акции, да и вообще посещение лекций не было тогда слишком популярным...

Интересно, что в 1918 году, когда у власти был кабинет Хара, известный в то время ученый-экономист Фукуда Токудзо организовал просветительское Общество «Рассвет» (Рэммэйкай), которое тоже занималось чтением публичных лекций. Однако и это Общество также вскоре приказало долго жить.

= Лекции по экономике становятся популярными =

С началом в 1929 году дискуссий об эмбарго на вывоз золота из страны, о которых я уже говорил, внимание общества к лекциям по экономическим вопросам резко возросло. Даже люди, которые до этого совершенно не интересовались экономикой, теперь испытывали сильную потребность в экономических знаниях. В моем дневнике есть запись о том, что в 8 часов утра 24 августа 1929 года лекция на тему «Отмена эмбарго на вывоз золота» состоялась даже в полицейском управлении района Синракудза. Помню, когда меня пригласили прочитать лекцию полицейским, то мои товарищи с беспокойством говорили, что лекция - это только предлог и что в действительности полиция просто хочет меня арестовать. Однако все обошлось. Более того, вскоре у нас появилась и экономическая полиция, и потому интерес полицейских к экономическим вопросам стал гораздо более глубоким, а меня стали приглашать для чтения лекций в самые разные полицейские и жандармские управления... Так что полицейские Синракудза просто выступили в этом деле пионерами - хотя, конечно, сделали это несколько неожиданно для окружающих. С просьбами о проведении лекций по экономике к нам обращались также местные женские и молодежные организации, потом нас стали приглашать даже на радио. Такие лекторы, как Такахаси Камэкичи, Обама Тосиэ, Ямадзаки Сэйдзюн, Кацуда Масадзи и другие приобрели в то время большую популярность у слушателей и еще долгое время после этого выступали с лекциями по экономическим вопросам...

Начав с освещения вопросов эмбарго, «Тоё кэйдзай симпо» скоро выдвинулся на лидирующее место среди тогдашних журналов и по публикациям, и по лекциям на экономические темы. Первая публичная лекция по экономике, организованная нашим журналом, состоялась вечером 28 сентября 1929 года в арендованном нами лекционном зале «Осака биру» в городе Осака. Потом по просьбе господина Муто Сандзи состоялась открытая лекция в принадлежавшем ему Доме предпринимательства (Дзицугё кайкан). Эти две лекции прочитал я, но затем к чтению лекций подключились и другие специалисты: кроме уже упоминавшейся четверки моих товарищей, лекции читали также Морита Хисаси из журнала «Дзидзи симпо», Такасима Саитиро из Высшего коммерческого училища города Нагоя, Киёдзава Киёси и многие другие. Выступали они не только в шести крупнейших городах Японии (Токио, Осака, Киото, Кобэ, Нагоя, Иокогама), но и во множестве других мест от Хоккайдо на севере до Кюсю на юге, а также в столице Кореи Сеуле. Пик нашей лекционной активности пришелся на период с 1932 по 1935 годы.

Одна из особенностей лекций по экономике, проводимых «Тоё кэйдзай симпо», состояла в том, что они в большинстве своем были платными. Такая практика была заведена еще во времена

господина Одзаки Юкио, который брал плату за посещение своих лекций, и я тоже считал такой подход правильным. Мизерная входная плата - по-моему, в размере 5 или 10 сэн - взималась и с посетителями собраний «Общества по чтению публичных лекций о либеральных идеях», поэтому не удивительно, что и после 1929 года мы тоже по мере возможности старались следовать такой практике. Впрочем, бывало и так, что некоторые слушатели отказывались платить за вход на лекцию и в негодовании возвращались домой...

Однажды мы проводили лекцию в Киото и хотели снять для этой цели помещение в одной из местных газет. Газета же со своей стороны решила бесплатно предоставить нам это помещение и, таким образом, выступить попечителем лекции. Почему они пошли на этот шаг? С одной стороны, в газете опасались, что на платную лекцию по экономике просто никто не придет. С другой стороны, оплата газетой лекции по экономике создавала изданию большую рекламу. Мы быстро пришли к согласию, а лекция прошла с большим успехом - в зале буквально яблоку было негде упасть. Кстати говоря, вместе со мной на том собрании с лекцией выступил нынешний губернатор префектуры Киото господин Нинагава Торадзо (тогда он был профессором Киотосского университета).

Тем не менее, я по-прежнему считаю, что за посещение лекций по экономике нужно брать небольшую плату. Конечно, эти мизерные суммы не покрывают никаких расходов, да и число слушателей несколько уменьшается. Но мой опыт говорит, что бесплатные политические и экономические лекции всегда проходят как-то холодно и неинтересно - может быть, потому, что на них приходит много случайных людей, которые только докучают лектору. А те, кто заплатил даже небольшую сумму - допустим, 10 или 20 сэн - почти всегда являются благодарными слушателями. Так что, повторяю, я продолжаю считать, что плату за вход - пусть небольшую - брать нужно, ибо это повышает эффективность лекции...

Итак, наши лекции по экономическим вопросам стали очень популярными. Правительство не осталось в стороне и тоже стало организовывать различные лекционные собрания. Так, вскоре после назначения господина Икэда Сигэаки министром промышленности и торговли (в первом кабинете Коноэ) его министерство разработало целый план проведения лекций в разных районах Японии (план этот продолжал некоторое время действовать и после ухода Икэда с поста министра). А поскольку правительственным чиновникам выступать с лекциями запрещалось, то Икэда привлек к чтению лекций нашу группу. Впрочем, у нас было немалое число конкурентов: кроме журналистов, с лекциями по стране ездили представители

Ассоциации содействия трону, работники некоего Бюро поощрения сбережений при министерстве финансов, какие-то люди, связанные с министерством просвещения и т.п.

Таким образом, 1929 год ознаменовал собой начало эпохи расцвета публичных лекций. Я лично только за тот год выступил с ними более 100 раз (считая и лекции, прочитанные в Экономическом клубе).

= Помещение редакции журнала «Тоё кэйдзай симпо» =

В конце 1920-х - начале 1930-х годов редакция «Тоё кэйдзай симпо» добилась неожиданных успехов и еще в одном начинании, которое лежало в русле уже упоминавшейся моды на лекции по экономике. Речь идет о создании так называемого Экономического клуба. Честно говоря, когда начиналась деятельность этой организации, то у нас не было какого-то глубоко продуманного плана; все, что мы хотели - это максимально эффективно использовать доставшиеся редакции помещения. Это желание и послужило главной движущей силой при создании клуба.

Как я уже говорил, поначалу редакция журнала «Тоё кэйдзай симпо» располагалась в помещении, которое господин Матида Тюдзи арендовал для нее в квартале Синкогаватё района Усигомэ. Затем в 1899 году журнал переехал в новое, но также арендованное здание в квартале Хигаси Гокэнтё района Усигомэ. И только в марте 1907 года редакция приобрела собственный земельный участок в квартале Тэндзинтё того же района Усигомэ. Дом в Тэндзинтё представлял собой двухэтажное деревянное здание в европейском стиле. Точных цифр я сейчас не помню, но, по-моему, площадь всего участка не превышала 100 цубо (поначалу площадь была больше, но ее урезали при перепланировке города), а площадь, занимаемая собственно зданием, составляла 50-60 цубо. Скоро и этой площади стало мало, и в 1921 году здание начали расширять на весь остававшийся незастроенный участок, причем новая пристройка тоже была деревянной, но имела три этажа. Строительство было завершено в июле того же года. 27 июля журнал «Тоё кэйдзай симпо» поместил «Информацию о выходе специального номера, посвященного сооружению нового здания редакции». Текст гласил:

«С конца прошлого года продолжались работы по строительству нового здания редакции. Недавно строительство наконец-то было завершено. Конечно, здание не столь велико, как возводимые сейчас каменные постройки, но все же это новый, покрашенный в белый цвет

деревянный дом в три этажа площадью более 100 цубо, что вполне достаточно для выпуска журнала. Оглядываясь назад, мы видим, что наш журнал родился в маленьком арендованном помещении в 1895 году, и только в 1907 году для него было построено новое отдельное здание. В этот период была заложена основа будущего развития издания. К счастью, усилия журналистов нашли отклик у широкой публики, так что здание, построенное в 1907 году, также постепенно стало казаться маленьким, поэтому было принято решение о его расширении, с радостью встреченное всеми сотрудниками. Журнал вступает в следующую, вторую большую стадию своего развития, и в ознаменование этого шага мы приняли решение выпустить нынешней осенью, в октябре, большой специальный номер журнала, посвященный европейским и мировым финансовым тенденциям в военный и послевоенный периоды. Есть у редакции и другие планы. Рассчитываем на поддержку и понимание наших уважаемых читателей».

Упомянутый юбилейный выпуск появился в виде приложения к номеру журнала от 26 ноября 1921 года. Назывался он «История экономики и финансов европейских держав в военный и послевоенный периоды». Как ясно из изложенного, выпуск этого приложения задержался. Дело в том, что мне не понравилась рукопись журнала, и я, забившись в комнату на третьем этаже здания журнала, несколько дней подряд правил тексты, но зато в результате остался очень доволен этим выпуском, о чем и сейчас вспоминаю с радостью. В журнале действительно был собран уникальный материал о финансовом и экономическом положении европейских держав во время и после Первой мировой войны, так что его даже рекомендовали к изучению в высшем интендантском училище сухопутных войск...

В «Информации» была фраза о том, что площадь нового здания такова, что ее «вполне достаточно для выпуска журнала». С этой фразой связана вот такая история. 16 июля 1921 года, сразу после завершения строительства, в новом, с иголки, здании редакции состоялся торжественный вечер. Среди приглашенных были доктор Аmano Тамэюки, господин Тагава Дайкитиро, а также господин Такагути Такэносукэ, который в то время публиковал в «Тоё кэйдзай симпо» «Подробный индекс товаров, импортируемых в Японию и экспортируемых из Японии». В своей приветственной речи профессор Аmano выразил радость по поводу того, что деятельность редакции успешно развивается, сказал, что счастлив встретиться с нами в новом, отделанном мрамором здании и т.п. Но затем слово взял господин Тагава, который, в частности, сказал примерно следующее:

«Недавно я был в Англии и, конечно, посетил в Лондоне редакцию журнала «Экономист». Так вот, должен вам сказать, здание у них какое-то маленькое и невзрачное. Увидев его, я несказанно удивился: «Как, неужели именно здесь издается тот самый всемирно известный «Экономист»? Да и людей в нем работает немного... Так что по сравнению с «Экономистом» новое здание «Тоё кэйдзай симпо» выглядит просто роскошно. Думаю, что и в мире очень немногие журналы могут похвастаться такими редакционными помещениями. Поэтому очень вас прошу: постарайтесь приложить все силы к тому, чтобы и по содержанию журнал «Тоё кэйдзай симпо» превосходил своего английского собрата...»

Замечательно сказал господин Тагава! Эти его слова, конечно же, были потом приведены в отчете о торжественном вечере в редакции журнала.

= Каябатё и Хонсэкиё =

Так или иначе, поначалу большое помещение редакции всех удовлетворяло: даже после того, как в 1925 году мы купили оборудование для типографского цеха и установили его на первом этаже здания редакции, в ней все еще оставалось достаточно места. Вообще «Тоё кэйдзай симпо», начиная с первого выпуска и вплоть до номера от 15 июня 1909 года, печатался в Первой типографии издательства «Сюэйся», которая располагалась в районе Итигадани. Потом журнал выходил в типографии «Ниссин», находившейся в квартале Эноки района Усигомэ и, наконец, с ноября 1924 года набор делался силами редакции, а печать осуществлялась в типографии «Ниссин». Как известно, кроме основного журнала, в издательстве выходил «Экономический ежегодник», а также Ежегодник «Акционерные компании». В последних постоянно нарастало число статистических данных, которые приходилось набирать мельчайшим кеглем. Пытаясь сократить время между окончанием редактирования и выходом изданий в свет, мы несколько раз обращались и в другие типографии, но результаты подобных опытов оказались отрицательными: мы только больше платили за типографский набор - и не более того.

Однако постепенно и новое здание редакции стало у многих вызывать нарекания. Дело в том, что с 1925 года журнал «Тоё кэйдзай симпо» стал уделять много внимания материалам об отдельных компаниях, в связи с чем журналистам приходилось посещать конторы самых разных фирм. Однако из отдаленного района Усигомэ ходить в центр города было крайне обременительно, что, естественно, не могло не сказаться на качестве собранных материалов.

Начались нарекания и жалобы со стороны сотрудников редакции. Знаменосцем группы жалобщиков выступил уже тогда сильный журналист Оно Фумихидэ, который и поныне работает в нашем журнале. Закончилось дело тем, что редакция «Тоё кэйдзай симпо» переехала в свое нынешнее здание в районе Нихомбаси. Так что если посмотреть с этой точки зрения, то именно коллега Оно явился, если можно так выразиться, главным инициатором выдвигения журнала на «центральные позиции»...

Однако удовлетворить требованиям «выдвиженцев» оказалось не так-то просто. Безусловно, переселяться в центральную часть города никому было не заказано, сделать это оказалось очень и очень нелегко. А началось все с того, что один мой друг еще со средней школы, знаменитый в то время окулист доктор Кусама Канамаэ решил построить свою новую клинику в квартале Кабаятё района Нихомбаси, неподалеку от автобусной остановки. (Господин Кусама, к сожалению, скончался вскоре после завершения строительства, поэтому здание сейчас принадлежит другому владельцу и называется «Тайхэй биру».) По соседству со зданием был свободный участок. Зная о том, что «Тоё кэйдзай симпо» намерен перебираться в центр города, Кусама и предложил мне его занять.

Место это находилось достаточно далеко от Маруноути [155], но зато близко от фондовой биржи. Участок был маленький, но, в общем, еще терпимый. Миура также сказал, что, по его мнению, нам представился хороший случай и нужно попытаться его использовать. Вскоре мы начали переговоры о приобретении этого участка.

Думаю, если бы тогда владелец участка согласился его продать, то «Тоё кэйдзай симпо» сразу бы переехал на новое место (Кстати говоря, сейчас там все совершенно переменялось, а на месте пустыря находится автомобильная стоянка). Но - не знаю, к счастью или к несчастью - у владельца участка были собственные планы его использования, которыми он не собирался ни с кем делиться. Сейчас я уже не помню, как звали этого владельца, помню только, что переговоры с ним по моей просьбе согласились вести достаточно тогда известные в Кабутотё [156] люди - господин Сугино Ёсикиё и господин Катаока Синдзиро, которые, как мне казалось, были заинтересованы в успехе этого начинания. В конце концов усилиями этих господ переговоры начались, но очень затянулись - насколько я помню, шли они чуть ли не до 1930 года.

Но тут, совершенно неожиданно, зашел разговор еще об одном земельном участке - именно

на нем и стоит сейчас главное здание компании «Тоё кэйдзай симпо». Правда, нынешнее деревянное строение несколько расширено в стороны и вглубь по сравнению с первоначальным, сначала оно было намного уже.

Тогда многие участки земли в квартале Хонсэкигэ (он еще назывался Мотомати) принадлежали крупному землевладельцу по фамилии Касима, однако правами на данный конкретный участок владел господин Окамото Иситаро, родственник работающего сейчас в «Тоё кэйдзай симпо» Кисимото Хидэёси. В силу каких-то причин господин Окамото решил продать свои права на этот участок и через Кисимото осведомился у меня, не подойдет ли он для «Тоё кэйдзай симпо». Я хорошо знал Кисимото по производственному кооперативу в городке Камакура. Кооператив этот носил название «Клуб «Сонан». Он возник вскоре после землетрясения 1923 года и ставил своей целью восстановление Камакура. А я в то время жил в Камакура, пользовался поддержкой кооператива с самого начала его деятельности и фактически помог вступить в него Кисимото, который тогда только что окончил Высшее коммерческое училище в городе Кобэ.

Короче говоря, хотя идея с покупкой этого участка возникла совершенно случайно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что он нам подходит и по расположению, и по площади - около 100 цубо. Одно внушало опасение: как раз в это время находившийся через дорогу от этого участка Банк Японии начал работы по расширению своего здания, и мы боялись, что новое здание может закрыть нам свет. Однако когда я переговорил с вице-президентом Банка Японии господином Фукаи, то все эти сомнения отпали, как отпала и необходимость в продолжении переговоров о судьбе многострадального участка в Каябатё. Мы принесли наши извинения господам Сугино и Катаока, к которым когда-то сами же обратились за помощью, и отказались от переезда в Каябатё. Было это, если я не ошибаюсь, в феврале или марте 1930 года.

= «Заимобетон» =

Итак, в наши руки попал хороший земельный участок. Но какое на нем ставить здание? Если исходить только из потребностей редакции журнала, то мы могли бы вполне удовлетвориться невысоким строением общей площадью в 200-300 цубо, однако оно плохо бы смотрелось в окружении других зданий. С другой стороны, строительство высокого здания потребовало бы очень больших средств. (Как ни странно, публика всегда считала, что «Тоё кэйдзай симпо» -

это богатая и процветающая компания, тогда как в то время, например, все обстояло с точностью до наоборот, и на строительство у нас не было ни гроша!)

Однако, к счастью для нас, в то время существовала так называемая Компания по содействию восстановительному строительству, созданная под гарантии правительства после землетрясения 1923 года для строительства домов из негорючих материалов. Эта организация предоставляла долгосрочные ссуды под низкий процент с ежегодными выплатами, причем объем этих ссуд мог достигать до 70 процентов от сметной стоимости здания. Кроме того, если здание строилось из негорючих материалов, то правительство выдавало еще и некую субсидию на каждый кубометр его общей площади. Пользуясь этими двумя источниками финансирования, сам Кусамэ выстроил себе новый дом, о котором говорил, что он построен не из железобетона, а из «заимобетона», то есть бетона, полученного взаймы. Из такого же «заимобетона» было сооружено и новое здание «Тоё кэйдзай симпо».

Общая площадь нового здания составила около 500 кубометров, оно имело пять надземных и один подземный этаж, причем задняя половина пятого этажа отводилась под открытую веранду (позднее мы сделали из этой веранды крытый холл для Экономического клуба). Общая высота здания, считая до потолка пятого этажа, составляла всего 45 сяку [157], так что потолки в редакции оказались очень низкими. Причина была проста: правительственные субсидии выплачивались только в том случае, если высота здания от уровня земли не превышала 45 сяку, поэтому проект был составлен в соответствии с этими требованиями. Интересно, что на строительство подземных помещений субсидий не полагалось - правительство, по-видимому, не подумало о будущих воздушных налетах и потому исключило подвалы из сферы действия субсидий. Позднее мы еще не раз об этом пожалеем...

Сейчас я не помню, во сколько обошлось строительство нового здания. Помню только, что кредит на восстановление здания составил 90 тысяч иен, а сумма правительственных субсидий была 14-15 тысяч иен. Если к этому добавить стоимость отделочных работ и прочие расходы, то общая сумма составит, наверное, 220-230 тысяч иен - цифра, конечно, не точная, да по нынешним ценам и просто смехотворная. Но именно такой она и была.

Вот таким способом было отстроено здание «Тоё кэйдзай симпо». Но речь не только о нем. В Японии по-прежнему невелик объем частного капитала, и поэтому и сегодня, как мне кажется, для восстановления городов и строительства зданий из негорючих материалов нужно по-

прежнему привлекать правительственные субсидии и помощь соответствующих акционерных обществ.

= Как использовалось новое здание редакции =

Торжественная закладка нового здания редакции состоялась 15 сентября 1930 года, а завершилось его строительство в июне 1931 года. В течение четырех дней, с 10 по 13 июня, в новом здании была открыта выставка «Экономическая литература начала периода Мэйдзи», которая, таким образом, и возвестила о переезде редакции на новое место. Кроме того, 14 июня мы пригласили в новое здание членов семей всех сотрудников редакции.

Между тем сразу после переезда перед редакцией встала одна проблема, над решением которой нам пришлось немало поломать голову. Дело в том, что полезная площадь здания была для редакции слишком велика, и нам хотелось как-то по-умному использовать оставшуюся незаселенной часть здания. Почти сразу же возникло предложение открыть там что-то наподобие Экономического клуба. Действительно, такое соседство было бы идеально для экономического журнала, однако нам все как-то не верилось в осуществимость этой идеи. Мы долго колебались и сомневались, и, в конце концов, приняли решение, которое казалось нам самым простым и незамысловатым: сдать третий и четвертый этажи здания в аренду (кроме всего прочего, это решение было связано с тем, что, по нашему мнению, имевшиеся там помещения мало подходили для деятельности Экономического клуба).

Впрочем, в действительности сдать два этажа в аренду оказалось не так-то просто. Дело в том, что мы не хотели сдавать эти помещения каким-то случайным, не заслуживающим доверия компаниям, ибо они могли помешать работе редакции. А крупные и солидные компании сами не рвались занять эти комнаты, поскольку для них там было слишком мало места. Мы обращались к самым разным знакомым с просьбой найти нам арендатора, но все усилия оставались тщетными - тогда был самый разгар депрессии, связанной с очередным введением эмбарго на вывоз золота, и потому многие конторские помещения пустовали; стояло совершенно пустым даже известное офисное здание «Мару биру».

Короче говоря, арендатора мы так и не нашли, и нам волей-неволей пришлось вернуться к идее организовать в нашем здании Экономический клуб. Однако для того, чтобы это сделать, нужно было получить финансовую поддержку многих состоятельных людей. И здесь для нас

начались новые трудности. Дело в том, что как я, так и Миура долгое время «судили о делах в Поднебесной сидя в дальней, глухой деревне», то бишь в районе Усигомэ, и потому совершенно не имели знакомых среди влиятельных финансистов. Подобные тесные знакомства появились у нас только благодаря тому, что господин Сэносита Киёси из компании «Мицубиси» и господин Сугино Ёсикиё из компании «Ямайти сёкэн» выразили желание вступить в Общество по изучению финансовой системы (Кинью сэйдо кэнкюкай), небольшую организацию, основанную нами еще в 1922 году. Затем, уже после введения эмбарго на вывоз золота, у нас неожиданно установились хорошие отношения с господином Муто Сандзи из компании «Канэбо». Вот эти влиятельные финансисты и стояли у истока созданного в 1931 году Экономического клуба, а, точнее, сказать, согласились участвовать в беседах, проходивших в редакции нашего журнала.

Незадолго до открытия клуба к нам примкнул также президент Ипотечного банка господин Симура Гэнтаро (мы с ним сблизились как уроженцы одной префектуры - Яманаси), который вскоре подружился с Миура. Как уже говорилось, Симура не только был деятельным участником Общества по изучению финансовой системы с самого его основания, но и без лишней огласки отдавал много сил управлению компанией «Тоё кэйдзай симпо». К сожалению, безвременная кончина господина Симура в августе 1930 года помешала ему принять участие в создании Экономического клуба.

За границей иногда говорят, что журнал «Тоё кэйдзай симпо» является органом большого японского бизнеса. В действительности же, как явствует из изложенного, большой японский бизнес имеет к журналу лишь самое отдаленное отношение. Правда, после открытия Экономического клуба сфера взаимодействия журнала с японскими деловыми кругами несколько расширилась, но говорить о том, что у нас какие-то уж особенно тесные связи с так называемым большим бизнесом, по-прежнему нет никаких оснований. Как и во времена Усигомэ, мы по-прежнему никого не стесняемся и говорим, что хотим. Конечно, вполне возможно, что за время жизни журнала в нем появилось немало публикаций, в которых отразилась и точка зрения «большого бизнеса», но надо сказать, что и публикаций, противоречивших этой точке зрения, тоже было в журнале предостаточно. В качестве примера можно привести всю ту же историю с отменой эмбарго на вывоз золота. Финансовые олигархи тогда все как один поддержали действия министра финансов Иноуэ, а «Тоё кэйдзай симпо» резко выступил против, за что влиятельные финансисты очень его тогда невзлюбили...

= Успехи Экономического клуба =

Вопреки нашим опасениям, все те несколько представителей экономических кругов, о которых я упомянул выше, поддержали идею создания Экономического клуба. Муто сказал, что попытается переговорить с людьми из «Мицуи», и действительно вскоре встретился с постоянным членом совета директоров компании «Мицуи» господином Арига Нагафуми. А потом при посредничестве господина Арига мы с Миура встретились с главой совета директоров «Мицуи» господином Дан Такума (для меня эта встреча была первой; думаю, что таковой же она была и для Миура). Судя по записи в моем дневнике, встреча эта состоялась 23 февраля 1930 года. Я очень благодарен Арига за ту помощь, которую он нам оказал. Кстати сказать, Арига был постоянным автором «Тоё кэйдзай симпо» и потому поэтому хорошо знал его специфику.

Благодаря усилиям этих людей Экономический клуб с самого начала своей деятельности объединял достаточное число членов. Учредительное собрание клуба состоялось 10 июня 1931 года. Председателем клуба был избран господин Матида Тюдзи, который был тогда министром сельского хозяйства. Первое рабочее заседание клуба состоялось 8 июля и было посвящено важной для того времени проблеме мораториев. С основным докладом выступил широко известный тогда сотрудник министерства финансов господин Мори (в том же году он получил важную должность в компании «Токио дэнто»).

Продолжая эти воспоминания, должен еще раз сказать, что я искренне благодарен всем этим людям (ныне они, к сожалению, уже умерли) за ту помощь, которую они тогда нам оказали...

Итак, Экономический клуб начал свою работу, и начал ее неожиданно гладко. Однако мы на этом не успокоились. Да, деловые люди оказали доверие «Тоё кэйдзай симпо», Миура, в конце концов, мне, но именно поэтому нам было теперь важно оправдать это доверие. С формальной точки зрения Экономический клуб не имел ничего общего с журналом «Тоё кэйдзай симпо» и представлял собой полностью автономную организацию, но мы полагали, что в случае возникновения каких-либо проблем в его деятельности (например, финансовых), именно журнал должен взять на себя ответственность за их решение. Правда, Сэносита и другие влиятельные люди пообещали в случае необходимости еще до конца года оказать клубу финансовую помощь и даже заявили об этом открыто, но мы полагали, что конкретное решение таких проблем столкнется с рядом трудностей.

Однако действительность рассеяла все наши опасения. Еще в самом начале количество членов клуба было определено в 500 человек, и не прошло и полугода, как оно действительно достигло этой цифры. Мы опасались, что столь многочисленному сообществу станет тесно в отведенном для клуба месте, но и тут наши опасения оказались напрасны, и число членов клуба продолжало расти. В результате Экономический клуб не только перестал нуждаться в финансовой поддержке со стороны «Тоё кэйдзай симпо», но и сам стал достаточно аккуратно вносить плату за аренду помещения и накапливать собственные средства, чем сильно разнился от множества других подобных организаций.

Выше я писал, что создание такого рода клуба было случайностью, попыткой оседлать широко распространившуюся моду на чтение лекций по экономике. Вспоминая о клубе сейчас, я прихожу к выводу, что на самом деле было бы правильнее сказать, что, создавая Экономический клуб, мы невольно предвосхитили будущие тенденции, а не просто ими воспользовались.

В первой статье Устава Экономического клуба указывалось, что клуб должен «увязывать экономическую теорию с практикой, осуществлять исследования и распространять знания, необходимые для развития частного и государственного секторов экономики нашей страны». Иными словами, клуб с самого начала не ставил своей целью как-то развлекать своих членов или организовывать их светское общение. Делалось это, главным образом, потому, что у нас не было для этого соответствующего оборудования. Вместо этого мы сосредоточились на проведении еженедельных лекций и бесед. И такой подход, по-видимому, отвечал требованиям времени. Достаточно сказать, что другие клубы, по примеру нашего, также стали уделять большое внимание лекционному делу и вскоре были буквально захвачены бурным потоком лекционной моды.

= Название «Экономический клуб» =

Почему нашу организацию называли «Экономический клуб»? Такое название ей было присвоено после долгих колебаний.

История этого названия такова. В свое время (было это в апреле 1906 года) журнал «Тоё кэйдзай симпо» создал организацию под названием «Тоё кэйдзай кай» - «Восточное

экономическое общество». Это общество ежемесячно проводило лекционные собрания, отчеты о которых помещались в нашем журнале. Было еще и другое подобное общество, созданное при «Токийском экономическом журнале» (Токио кэйдзай дзасси). Заседания этого общества проходили, главным образом, в «Фудзими», известном ресторане европейской кухни, находившимся в районе Кудандзака.

Так вот, поскольку заседания «Восточного экономического общества» некоторое время не проводились, то мы поначалу решили присвоить это название новому клубу, и я в своем дневнике от 13 октября даже написал «Проект плана создания Восточного экономического общества».

Однако в итоге название «Восточное экономическое общество» стало казаться нам каким-то формальным и натянутым, да и по многим другим причинам не годилось для названия новой организации, и мы снова принялись рассматривать разные варианты. Как-то в одной из публикацией нам на глаза попало название «Economic Club». Конечно, мы тогда не представляли, что за организация стоит за этим названием, но из общих соображений решили, что это - с одной стороны, какой-то клуб, а с другой - нечто, имеющее дело с деньгами. При таком раскладе название идеально подходило для нашей организации, Мы перевели его как «Экономический клуб». В моем дневнике есть запись от 1 января 1931 года, в котором уже фигурирует «Черновик устава Экономического клуба». Таким образом, похоже на то, что окончательный выбор в пользу нового названия был сделан в ноябре-декабре 1930 года. Сейчас сочетание слов «экономический клуб» является в Японии очень распространенным, говорят уже и о таком-то экономическом клубе, и о сяком-то экономическом клубе, но никто не подозревает, в каких же муках рождалось это название...

Завершая рассказ о названии клуба, нельзя не сказать вот о чем. Еще до создания нашего клуба существовал некий Токийский экономический клуб. Его создал господин Ямада Ниндзо, владелец магазина по продаже изделий из дерева. Этот клуб, объединявший небольшое число членов, время от времени проводил свои заседания в том же магазине господина Ямада. Поэтому если вести речь о приоритетах, то пальму первенства в названии «Экономический клуб» следует, безусловно, уступить господину Ямада, который придумал это название первым. Однако сам господин Ямада, узнав о появлении нашего клуба, не высказал по этому поводу никакого недовольства и даже выразил готовность изменить название своего клуба (не знаю, правда, сделал ли он это или нет). Более того, впоследствии господин Ямада даже стал

членом нашего Экономического клуба...

= Экономические клубы возникают по всей стране =

Экономический клуб быстро стал популярным. Его члены могли принять участие в обсуждении самых разных экономических проблем, волнующих деловое сообщество, узнать самые последние новости и суждения. Словом, членство в клубе приносило прямую пользу. Более того, мы начали выпускать конспекты лекций в виде брошюр карманного формата, и они с большим успехом расходились по всей стране.

Видя, каким успехом пользуется деятельность Экономического клуба в Токио, мы начали обсуждать возможность создания подобных клубов и за пределами Токио. Однако от разговоров до практической реализации этой идеи прошло очень много времени: первый такой клуб - Экономический клуб района Кансай [158] - был создан в городе Осака только в 1936 году. Большие усилия к его созданию приложили глава Кансайского филиала журнала «Тоё кэйдзай симпо» господин Абэ Кадзо и сменивший его впоследствии на этом посту господин Миякава Сабуро. В 1938 году Экономические клубы были созданы в Кобэ, Киото и Нагоя. В Нагоя это произошло благодаря усилиям директора филиала журнала в этом городе господина Сато Ихэй, пришедшего к нам на работу из газеты «Нагоя симбун».

После этого Экономические клубы стали один за другим возникать по всей стране. К концу 1942 года, кроме пяти вышеназванных городов, они действовали также в Окаяма, Хиросима, Фукуока, Иокогама, Асикага, Отару, Саппоро, Хакодате, Нагасаки, Сасэбо, Кумамото, Хамамацу, Кэйдзё (Сеуле), Кокура, Оита, Химэдзи, Такамацу, Токусима, Коти, Сакаидэ, Мацуяма, Ниигата, Акита, Фукуяма, Фукусима, Ономити, Корияма, Ёкотэ - всего в 34 городах (они названы в той последовательности, в которой в них создавались клубы). Журнал «Тоё кэйдзай симпо» старался поддерживать эти клубы через свои филиалы, а в тех городах, где филиалы отсутствовали - непосредственно через центральную контору.

Во время войны в стране были введены ограничения на свободу слова, но в Экономических клубах они распространились только на некоторых их членов, так что в целом свобода высказываний сохранялась - и последнее, конечно, не могло нас не радовать. Впрочем, иногда содержание разговоров, которые там велись, доходило до ушей жандармов и полицейских, и тогда, конечно, возникали определенные проблемы.

Бурная деятельность клубов в различных районах страны была прервана только воздушными налетами американской авиации, которые начались в марте 1945 года. Эти налеты создали огромные транспортные трудности и, в конце концов, парализовали всякие перемещения по стране. В результате лекторы не могли выехать в провинцию, а в Токио стало опасно собирать большое число слушателей в одном месте. После войны клубы с трудом, но возобновляют свою деятельность, поэтому мы с радостью встречаем всякое сообщение о том, что где-то возник новый Экономический клуб...

ГЛАВА 8. ЖИЗНЬ В ВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

= Рассказ о переездах =

После того, как в 1912 году я обзавелся семьей, мне за время своей семейной жизни пришлось сменить множество квартир и домов. Сначала мы жили в квартале Кинситё района Хондзё. Мы снимали квартиру на втором этаже двухэтажного дома, а на первом находилась крохотная мастерская по изготовлению колясок для рикш, в которой работали два-три человека. Помню, выбрали мы эту квартиру потому, что жена моя тогда учительствовала в школе, и ей было удобно оттуда добираться на работу. А мне было удобно ездить в редакцию журнала «Тоё кэйдзай симпо», которая находилась тогда в квартале Тэндзинтё района Усигомэ. Удобство это состояло в том, что я проезжал от Кинсибори, одной конечной остановки муниципального (тогда городского) трамвая, до Эдогавабаси, другой его конечной остановки. Как я уже писал, именно в этом трамвае я начал постигать основы экономической науки - читал «Основы экономики» Селигмана.

Весной 1913 года жена ушла из школы, и мы переехали в квартал Харамати района Усигомэ. На этот раз нашим жилищем стала не арендованная квартирка, а настоящий новый дом, правда, очень маленький: он состоял из двух комнат площадью 8 и 4,5 татами и крохотной прихожей площадью 2 татами. Если смотреть из прихожей, то дом казался, идеально подходил для одной семьи, но в действительности мы едва ли не упирались спинами в стену соседнего дома... Именно в этом крохотном домишке у меня родился сын...

Затем мы переехали в квартала Камэбара, который примыкал к храму Гококудзи в районе Коисикава (он находился примерно там, где сейчас расположен квартал Дзосигая района

Тосима). И состоялся этот переезд, насколько я помню, то ли в ноябре, то ли в декабре 1913 года.

В 1914 году я начал вести дневник (правда, иногда пропуская в нем целые годы). 21 января 1914 года в дневнике была сделана запись о том, что в этот день в мебельном магазине Коикэ, который находился в районе Усигомэ, неподалеку от здания редакции «Тоё кэйдзай симпо», я в рассрочку с ежемесячной оплатой приобрел письменный стол и вращающееся кресло. Стали они мне в 19 иен - в дневнике и это отражено...

Там же записано, что 4 февраля мы снова переехали и теперь прописаны в доме 31 квартала Дзосигая (наверное, это был официальный адрес моей квартиры в Камэбара). Кстати сказать, стол этот до сих пор стоит в моем доме в Камакура; это очень большой и удобный стол с откидной доской и выдвижными ящиками. А вот кресло уже сломалось. Зачем я купил эти вещи? Честно говоря, в подробностях уже и не упомяну. Наверное, хотел поставить их в новом доме и усиленно заниматься... До нас квартиру в Камэбара снимал мой знакомый Уэхара Эцудзиро, который, выезжая, и предложил ее нам, напирая на то, что квартира уж очень хорошая. В конце концов мы согласились и действительно туда переехали. Уэхара оказался прав: хозяин строил жилье для себя, поэтому оно было новым, удобным, возле дома был широкий двор. Кроме того, в квартире имелось электрическое освещение, что по тем временам считалось большой редкостью. А в прежнем нашем доме электричества не было, он освещался газом...

Впрочем, и в Камэбара мы долго не задержались; в августе 1914 года мы переехали в дом № 103 по улице Суванака квартала Тоцукатё района Усигомэ. Квартал этот (он считался не городским, а уездным) располагался рядом с синтоистским храмом Сува. Жилье это нашла для нас супруга господина Миура, которая некоторое время жила в этом районе (мы с Миура дружили семьями). Теперь эти места выглядят совершенно по-иному, там построили огромное число домов и проложили совершенно другие улицы и дороги. А тогда это был тихий, почти нетронутый участок, в котором среди полей только-только начинали ставить отдельные домики...

Правду говорят: тесен мир. Как-то к нам по делам пришла госпожа Абэ, супруга доктора Абэ, вице-президента компании «Тойота». Мы разговорились, и выяснилось, что она - дочь тогдашнего хозяина того самого дома, который мы когда-то снимали в тихом уголке квартала

Тоцукатё... Глядя на мир, нельзя не удивляться...

Следующий раз мы переехали в августе 1915 года в дом, который занимал владение № 58 в квартале Такада Тоёкава района Коисикава. Насколько я помню, это был маленький, но аккуратный домик с прудом и красивыми камнями во дворе. Кроме того, во дворе был еще крохотный флигель в 4,5 татами. Здесь у меня родилась дочь.

Интересно, что по соседству с нашим домом находилось еще два или три таких домика, которые принадлежали одному владельцу. Так вот в одном из этих домиков жил Аидзу Яити, тогда профессор университета Васэда.

А напротив нас, через дорогу, находился особняк генерал-лейтенанта сухопутных войск барона Исимото Синроку, который во втором кабинете Сайондзи занимал должность военного министра. Позднее мне довелось подружиться с его старшим сыном Исимото Кэйкити, но тогда я об этом, естественно, не подозревал. Сейчас особняк барона поделен на отдельные квартиры...

= Из Васэда в Камакура =

Следующий раз мы переехали в ноябре 1916 года. Наш новый адрес звучал так: Ситатоцука, 352. Дом этот находился фактически на заднем дворе университета Васэда, прямо над стадионом. Рядом с ним располагались особняк Аима (теперь там парк Кандэннэн) и дом господина Нагаи Рютаро. Впоследствии и земельный участок, принадлежавший университету Васэда, и проходящая мимо стадиона дорога были расширены, так что мой дом исчез с лица земли - похоже, то место, на котором он стоял, сейчас находится прямо посередине этой самой дороги... Единственное, что осталось тогда от нашего дома - это большой тополь, который когда-то посадил у него мой товарищ Тобари Коган. Что стало потом с этим тополем - я, честно говоря, не знаю...

Тот наш дом наш представлял собой старинное здание, которое откуда-то перенесли в этот район. В целом это был не слишком хороший дом, но, тем не менее, дерево там было прочное, а планировка - неплохая; в частности, на втором этаже была просторная комната, очень похожая на кабинет. Я собственноручно сделал для этого дома стеклянную дверь и посадил в его маленьком дворике дерево... Вопреки ожиданиям, мы прожили здесь довольно долго; в

этом доме родился мой второй сын, который потом погиб во время войны на Тихом океане. Кроме того, дом видел волнения в университете Васэда в 1917 году - словом, с ним у нас было связано множество воспоминаний...

Между тем в январе или феврале 1919 года все мои трое детей заболели корью, которая потом перешла в воспаление легких. По совету врачей мы с женой и детьми решили переехать на полгода в курортный город Камакура, оставив токийский дом на попечение тещи. Однако по прошествии полугода состояние детей снова ухудшилось, и я пришел к выводу, что им лучше остаться в Камакура. В сентябре того же года я уступил токийский дом моему приятелю Исидзава Кюгоро, и мы всей семьей переехали в Камакура.

Как я уже говорил, до того все мои переезды ограничивались Токио. Впрочем, и они нередко вызывали улыбки моих старших товарищей. «Что-то слишком часто Исибаси переезжают», - подтрунивали они, не понимая причин, которые толкали нас на эти переезды. А главная причина была проста: это жизнь шла своим чередом... Хотя, конечно, бывало тогда и так, что человек, задолжав в рисовой или винной лавке, ночью внезапно снимался и переезжал в другое место. Но у меня, честное слово, такого не случалось, и причины переездов были совершенно иными...

Конечно, в постоянных переездах было мало радости. Но, что характерно, тогда не было такого дефицита жилья, как сейчас - и потому всегда можно было найти великое множество пустующих квартир. Однако подходящую квартиру отыскать было не просто. И не потому, что их не было. Нет, сами подходящие квартиры были, только вот цены на них не всегда подходили для семейного бюджета...

В то время в Журнале для женщин (Фудзин дзасси) нередко публиковались результаты исследований семейных бюджетов. Так вот, в одном из исследований утверждалось, что плата за жилье не должна превышать 10 процентов от дохода семьи. Действительно, такая оценка была тогда очень распространенной, но мне не раз доводилось платить за жилье эти самые 10 процентов - обычно это обходились дороже...

В своем дневнике за 1914 год на странице от 10 июня я нашел данные о моем жалованье; согласно записям, мой ежемесячный оклад составлял тогда 50 иен, а в качестве квартальной премии я получил 45 иен. А в августе того же года мы, напомним, переехали в Тоцукатэ... Не

помню, сколько мы там платили за жилье - цифры, к сожалению, не сохранились ни в дневнике, ни в памяти - но заведомо ясно, что плата была больше 5 иен, то есть 10 процентов от моего жалованья. Короче говоря, я никогда не жалел денег на жилье и потому, наверное, платил за него не соответствующую моему положению сумму, однако по-прежнему продолжал считать, что квартира может быть маленькой, но в ней у меня обязательно должен быть отдельный кабинет. А что касается постоянного роста платы за жилье, то его все равно не остановить...

= Мы строим новый дом в Камакура =

Поскольку поначалу в Камакура жила только жена с детьми, я арендовал для них крохотный домик на морском берегу у горного склона. Впрочем, хотя он и назывался домом, но на самом деле представлял собой ни что иное, как пристройку, которую каждое лето обычно сдавали отдыхающим. Поскольку о таких флигелях хозяева обычно договаривались с посетителями заранее, нам на лето пришлось съехать и снять другой домик, а, точнее, флигель, расположенный уже достаточно далеко от побережья, вблизи храма богини Каннон в местечке Хасэ.

Когда настало время запирать токийский дом и всем перебираться в Камакура, я подумал, что постоянно жить в таких флигелях будет очень тесно, и решил подыскать дом получше. В результате поисков в разных районах нам, к счастью, удалось найти подходящий дом на улице, проходившей перед гостиницей «Кайхин», и мы решили его снять. Сколько он стоил, я не запомнил, но помню, что в Камакура тогда снять дом на два летних месяца стоило примерно столько же, что и снять его на год. Иными словами, годовая аренда стоила исключительно дешево.

Зато в то время Камакура отличалась тем, что туда было исключительно неудобно добираться. По линии Ёкосука ходили еще не электрические поезда, а паровички, которые тянулись до Токио часа два, если не больше. К тому же ходили поезда редко, так что иногда приходилось добираться в Камакура паромом... Однако постепенно положение дел улучшалось, паровики заменили сначала пассажирские поезда на электрической тяге, а затем и электрички. Их число постоянно росло, время в пути сокращалось, так что сегодня сообщение с Камакура - простое и удобное.

При тогдашнем же транспортном сообщении мало кто из обитавших в Камакура в межсезонье часто ездил в Токио, а уж тех, кто жил в местечке Тоси и ездил в Токио, было еще меньше. Поэтому хотя поезда ходили редко, а тащились медленно, но в них всегда были свободные сидячие места, что было исключительно удобно для любителей чтения. Я, помнится, всегда читал в этих паровичках какие-нибудь тягучие труды наподобие произведений Рикардо.

В сентябре 1919 года мы переехали в тот самый дом у гостиницы «Кайхин». Как раз в это время в экономике начала складываться хорошая конъюнктура, обусловленная окончанием Первой мировой войны, поэтому число людей, которые не хотели жить в Токио, резко возросло. Они потянулись в Камакура, и число постоянных обитателей курорта также резко увеличилось. Как следствие, поползли вверх цены на аренду, причем независимо от того, арендовали ли вы жилье на лето или на весь год. Владелец нашего дома - а им был один токийский коммерсант - тоже переехал в Камакура и стал постоянно наведываться к нам, требуя все большую оплату за арендуемое у него жилье. Больше платить мы не могли (а, главное, были неприятно поражены развязностью хозяина). Поэтому, в конце концов, я решил построить в Камакура собственный дом.

Но легко сказать - построить! Таких денег у меня не было, да и взять их было неоткуда, кроме как занять. Деньги мне одолжили трое друзей: Осуги Дзюнаку, Исимото Кэйкити и Мацудзаки Исабуро. Выходец из префектуры Оита и наш с Миура приятель, господин Мацудзаки был давним поклонником и подписчиком «Тоё кэйдзай симпо» и владельцем большой мастерской по производству сумок, которая находилась в районе Асакуса. В прошлом году Мацудзаки, к сожалению, умер, однако магазин его в Асакуса процветает по-прежнему... Ушел из жизни и Исимото. А Осуги, к счастью, жив и здоров, но мы с ним сейчас встречаемся крайне редко: он наслаждается сельской жизнью в своей родной деревне Ицу в уезде Ивата префектуры Сидзуока. Кстати сказать, сын Осуги сейчас преподает в университете Васэда... Да, приятно вспомнить прежние времена и старых друзей!

Так вот, строительство нашего дома в Камакура закончилось в конце июня 1922 года, переехали мы в него 1 июля. А через год, 1 сентября 1923 года, в Японии произошло сильнейшее землетрясение, причинившее колоссальные разрушения. Наш дом был сильно поврежден, но, к счастью, устоял; его только перебросило на полметра в южном направлении, в сторону сада. Тем не менее, ущерб был очень значительным, и мне снова пришлось влезть в долги... А мы во время восстановительных работ на несколько недель обременили своим

присутствием господина Исимото, который любезно предложил мне с семьей пожить на его камакурской даче, неподалеку от статуи Большого Будды...

= Общество по изучению монополии на рис и Общество по изучению финансовой системы =

Упомянув имена Мацудзаки Исабуро и Исимото Кэйкити, я не могу не рассказать о деятельности двух организаций: Общества по изучению монополии на рис и Общества по изучению финансовой системы.

В августе 1918 года, когда у власти в Японии находился кабинет Тэраути Масатакэ, в стране резко подскочили цены на рис, в результате чего вспыхнули рисовые бунты. Они начались в местечке Намэрикава префектуры Тояма, но быстро распространились по всей стране, создав очень напряженную обстановку. Восставшие совершали налеты на рисовые магазины, грабили дома богачей. Волнения привели к отставке кабинета Тэраути, было сформировано новое правительство, которое возглавил Хара Кэй (Такаси), а министром сельского хозяйства вместо Накакодзи Рэн стал Ямамото Тацуо. Накакодзи в свое время успел издать указ о контроле над спекуляцией и начал оказывать давление на рисовые магазины, но выступал против принудительного снижения цен на рис. Что же касается действий нового министра, то именно тогда возникло знаменитое высказывание о том, что Ямамото обращается с указом своего предшественника, как с драгоценным фамильным мечом: бережно хранит, но никогда не применяет. Смена кабинета несколько успокоила общество, но цены на рис по-прежнему оставались высокими, и эта проблема стала предметом самого широкого обсуждения.

Я тоже много размышлял об этом и пришел к выводу, что у Японии нет иного пути, кроме как ввести государственную монополию на продажу важнейших пищевых продуктов - прежде всего риса и пшеницы. Другими способами вспышки цен, подобные той, что имела место в 1919 году, подавить не удастся. К тому же история Японии показывает, что главные проблемы страна испытывает не тогда, когда цены на рис высоки, а тогда, когда они падают. Для примера можно привести указ о регулировании цен на рис 1915 года и закон о регулировании потребления риса и зерновых и их специальном учете 1921 года, согласно которым правительство производило закупки риса для того, чтобы предотвратить падение цен. А их колебания часто бывали значительными: если в январе-феврале 1921 года твердая цена очищенного риса в районе Фурукава составляла 55 иен 20 сэн за коку [159], то к декабрю рис подешевел до 25 иен 30 сэн за коку, то есть фактически вполовину. Иными словами, даже

незначительные колебания урожайности вызывали резкие скачки цен на рис, поэтому правительство имело целью своими закупками противостоять резкому падению цен и тем самым поддержать крестьян и сельское хозяйство в целом.

Следует сказать, что подобные методы регулирования цен на рис - закупка части урожая в одно время и продажа его на рынке в другое - сложились еще в глубокой древности в рамках так называемой «системы амбарных запасов для выравнивания цен» (Дзэхэйсосики) [160]. Мне представлялось, что для того, чтобы действительно регулировать цены на рис в интересах и крестьян, и закупщиков зерна, этих мер было недостаточно. Свои идеи на этот счет я сформулировал в серии редакционных статей, которые публиковались в «Тоё кэйдзай симпо» с 25 августа по 25 сентября 1918 года. Я также опубликовал свой собственный проект закона о введении в стране государственной монополии на продажу риса. Этот проект, надо сказать, был заметно мягче закона о монополии на табак и не принуждал государство следить за каждым зернышком риса, собранным производителем [161].

У законопроекта оказалось неожиданно много сторонников, а одним из самых пылких его защитников стал уже упоминавшийся господин Мацудзаки Исабуро. В 1919 году Мацудзаки вместе с господином Судзуки Умэсино и другими сторонниками законопроекта создали так называемое Общество по изучению монополии на рис и от имени данного Общества официально внесли законопроект в созданную тогда правительством Ассоциацию финансово-экономических исследований.

Вопросами монополизации торговли рисом интересовались и многие другие лица, среди которых можно назвать депутата парламента Ёситанэ Сёитиро (отца господина Сёсукэ) - правда, его законопроект радикально отличался от моего. Проявлял интерес к этим вопросам также господин Накахаси Токугоро, а с господином Макино Рёдзо я, можно сказать, и познакомился-то только благодаря монополии на рис - в молодые годы Макино исполнял у Накахаси обязанности секретаря.

Что же касается Общества по изучению финансовой системы, позднее переименованного в Общество по изучению экономической системы, то оно было организовано в ноябре 1922 года журналом «Тоё кэйдзай симпо». Целью Общества ставился самый актуальный тогда вопрос: разработка планов реформирования финансовой системы Японии. Общество действовало до 1928 года и за это время успело на своих заседаниях рассмотреть такие темы, как

«Предложения по реформе системы Центрального банка» (февраль 1925 года), «Предложения по стратегии развития финансовой системы» (февраль 1927 года), «Проект реформы финансовой системы после кризиса» (июль 1927 года) и другие. Всего в Общество входили 35-36 человек, в том числе господин Исимото. Среди других видных членов Общества можно назвать Исидзава Кюгоро, Хасимото Дзёити, Оути Хэйэй, Нономура Кингоро, Кубота Кацуми, Ясаку Эйдзо, Ямадзаки Обоэдзиро, Миура Тэцутаро, Симура Гэнтаро, Ситати Тэцудзиро, Симидзу Бунносукэ, Сэносита Киёси...

Мой товарищ Исимото участвовал также в работе уже упоминавшегося «Общества по изучению тихоокеанских проблем (Тайхэйё мондай кэнкюкай)» и, в частности, перевел на английский язык итоговый документ этой организации - вышедшие в 1921 году «Предложения к конференции по ограничению вооружений и проблемам Тихого океана и Дальнего Востока».

Общество по изучению финансовой системы прекратило работу в 1929 году, но в 1932 году возобновило свою деятельность под названием Общество по изучению валютной системы. Необходимые для деятельности Общества финансовые средства изыскал господин Икэда Сигэаки, которому удалось получить их от Финансового общества при Банке Мицуи. В сентябре 1934 года эта организация выпустила сборник докладов о проведенных исследованиях. Общество по изучению валютной системы стало предшественником учрежденного позднее Научного общества по изучению финансов, которое объединило специалистов по изучению финансовой системы со всей страны.

= Подготовка к самороспуску журнала «Тоё кэйдзай симпо» =

После восстановления нашего дома в Камакура мы начали его перестраивать и расширять. Наши переезды, естественно, прекратились, так что те, кто надо мной потешался из-за страсти к переездам, могли успокоиться: почти 20 лет я не трогался с места.

Однако в 1942 году в силу определенных обстоятельств я решил купить небольшой дом в Токио. Он находился в районе Сиба, в квартале Ниси Кубохиромати, и стоял на возвышенности прямо перед средней школой района Сиба.

Несмотря на военное время, журнал «Тоё кэйдзай симпо» продолжал отстаивать идеи либерализма, и потому находился под постоянным давлением так называемой милитаристской

клики. Я совершенно не представлял, что это за люди, не знал их в лицо, но очень хорошо понимал, что давление, оказываемое ими на прессу через Информационное бюро, будет нарастать. У нас оставалось два выхода: либо изменить характер журнала и под давлением военных пойти у них на поводу, либо быть раздавленными военной машиной. Иных вариантов в борьбе с этой опасностью я не видел.

Между тем среди членов редакции стали нарастать настроения в пользу сотрудничества с военными. Однако я твердо выступил против такой точки зрения, причем был готов даже уйти с работы. Сейчас, вспоминая эти дни, я уже почти уверен, что даже сотрудничество с милитаристами не спасло бы тогда «Тоё кэйдзай симпо» от роспуска - слишком многочисленны примеры такого развития событий. Военные просто не могли не запрещать подобные журналы! С другой стороны, можно было бы, конечно, в угоду военным отбросить все принципы, все традиции журнала, но продолжать выходить под названием «Тоё кэйдзай симпо». Но идти на это только для того, чтобы сохранить лишь внешнюю форму и название? Для меня это было неприемлемо. Чем так позориться, лучше просто объявить о самороспуске журнала - по крайней мере, не стыдно будет смотреть в глаза публике и старшим товарищам! Подогревая себя подобными мыслями, я продолжал противостоять и давлению извне, и давлению изнутри редакции...

Вместе с тем я понимал, что вечно такое противостояние продолжаться не может. Рано или поздно должен был произойти самороспуск журнала. А к этому событию нужно было готовиться. И я сосредоточился на решении двух групп вопросов.

Во-первых, следовало подумать о будущем работников редакции. Здесь все складывалось благоприятно: можно было продать здание редакции и землю, на которой оно стояло. Полученная в результате внушительная сумма пошла бы на выходные пособия сотрудникам и хотя бы первое время их поддержала, тем более что такая поддержка в военное время была для них жизненно необходима. Найти покупателя тогда было нетрудно: многие и сами обращались в редакцию с такими заявками, а мы в редакции во время войны неоднократно обсуждали эти предложения...

Вторая проблема состояла в том, что мне очень не хотелось вот так, бездарно, завершить свою работу в «Тоё кэйдзай симпо». Поэтому я подумал, что с прекращением выпуска журнала можно было бы основать какую-то лабораторию, найти какое-то место сбора

единомышленники, словом, найти тот уголок, где мог бы снова разгореться в полную силу непотухший огонек идей «Тоё кэйдзай симпо». Вот на этот последний случай, для этой лаборатории и предназначался тот небольшой домик, который я купил в районе Сиба...

= Выход из кризиса =

Труднее всего нашему журналу пришлось в 1941-1943 годах - именно в это время в силу изложенных обстоятельств из него начали уходить самые сильные и знающие сотрудники. А я в номере от 13 ноября 1943 года опубликовал авторскую статью под заголовком «К 49-й годовщине со дня выхода первого номера журнала», в которой весьма откровенно рассказал о том, почему я не ушел из компании, несмотря на давление. К тому времени кризис в противостоянии с военными, по-видимому, уже миновал, ибо статья не имела никаких последствий. Я немного успокоился. А дом в районе Сиба для первоначальных целей так, к счастью, и не понадобился. Он использовался только по своему прямому назначению - я останавливался в нем, когда приезжал в Токио...

В мае 1948 года господин Матимура Кинго предоставил сведения, которые позволили снять с меня запрет на занятие официальных должностей. Кроме того, Матимура, который с апреля 1943 года по июль 1944 года занимал пост начальника управления безопасности министерства внутренних дел, свидетельствовал, что однажды бывший премьер Тодзё [162] в разговоре с ним упомянул «Тоё кэйдзай симпо» среди «особенно нежелательных» журналов. Мне довелось встретиться с Тодзё единственный раз еще в ту пору, когда он был военным министром - мы как-то оказались соседями по столу на каком-то званом обеде. Больше я его не разу не видел и ничего о нем не знал за исключением того, что как говорили, Тодзё имел обыкновение вникать в различные мелочи. Но можно ли отнести его высказывание о журнале к «мелочам»? На мой взгляд, оно было достаточно серьезным. И тем не менее, журнал «Тоё кэйдзай симпо» во время войны не закрыли. Почему? Я думаю, потому, что и во время войны были влиятельные люди, которые сочувствовали позиции нашего журнала и тайком оказывали нам помощь. И я не могу не высказать им самую сердечную и искреннюю благодарность. Среди таких людей следует, несомненно, назвать и господина Матимура, чье имя я знал давно, но впервые с ним случайно встретился только в прошлом году. Ведь господин Матимура не стал применять против «Тоё кэйдзай симпо» никаких санкций, несмотря на то, что премьер Тодзё был крайне им недоволен...

= Эвакуация в префектуру Акита =

Мой дом в токийском районе Сиба полностью сгорел во время авианалета 10 марта 1945 года. Все собранные там книги и документы, а также личные и прочие необходимые вещи были полностью и безвозвратно утеряны. А вот мой камакурский дом вышел из войны невредимым, так что никаких затруднений с жильем я не испытывал. Сохранились в целости и сохранности и все бумаги, которые я успел перевезти в Камакура...

Налеты на столицу становились все ожесточеннее, все труднее становилось выпускать в Токио журналы, в том числе и «Тоё кэйдзай симпо». Несмотря на все наши усилия, типографии постоянно задерживали выход новых номеров.

Но... не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда-то мы купили в городке Ёкотэ префектуры Акита крохотную типографию. Этот Ёкотэ представлял собой небольшой поселок, который только-только получил статус города, поэтому там была масса людей, которые интересовались вопросами землепользования. Для того чтобы обсуждать эти вопросы, они основали в городке Экономический клуб. И один из членов клуба как раз и купил эту самую маленькую типографию. Покупая типографию, он совершенно не думал о ее практическом применении и сделал эту покупку так, на всякий случай.

И вот теперь такой случай представился. Когда Токио стал подвергаться массированным авианалетам, а выпускать журнал стало совершенно невозможно, мы вспомнили об этой типографии и решили перенести выпуск журнала в Ёкотэ, подальше от бомбежек... Правда, печатные станки там были маленькие и даже не ротационные, но при существовавших лимитах на бумагу «Тоё кэйдзай симпо» уже давно выходил в виде тонких брошюр, так что препятствием это обстоятельство не стало.

Итак, я решил эвакуировать часть редакции и типографский цех в Ёкотэ и выехал в городок, чтобы руководить размещением на новом месте. Затем я перевез туда жену, дочь и детей. Так в конце апреля 1945 года все мы оказались в Ёкотэ.

Эвакуация в Ёкотэ оказалась совершенно правильным решением. Правда, там мы тоже не смогли укрыться от бедствий войны: так, 15 июля над городком появилось около десятка вражеских самолетов, которые сбросили бомбы на железнодорожную станцию. После этого

самолеты появлялись еще пару раз, но серьезных разрушений не принесли; лишь однажды, как я слышал, от их пулеметного огня пострадало несколько школьников, оказавшихся у станции Госаннэн...

Однако толком в Ёкотэ мы обосноваться не успели. После того, как были налажены станки, выяснилось, что в местечке Омори освободилось помещение бывшей мельницы. Мы хотели было переехать туда, но тут необходимость в установке оборудования отпала сама собой... Почему? Потому что наступил вечер 14 августа, когда было принято решение о капитуляции Японии. Этот вечер запомнился еще и тем, что авиация противника совершила крупномасштабный налет на окрестности города Акита - пролетавшие над Ёкотэ самолеты буквально застилали небо, нагоняя на нас панический страх. Особенно странным было то, что налет произошел уже сообщения о завтрашнем выступлении по радио императора.

Так или иначе, необходимость перевода типографии из Ёкотэ куда-то еще к тому времени уже отпала, я успокоился и начал налаживать работу на месте. Правда, до того мне никогда не доводилось руководить типографией, но с помощью приехавших из Токио коллег работа шла весьма споро.

Первые номера «Тоё кэйдзай симпо» новая типография отпечатала 5 мая и после этого работала без перерывов и выходных до начала июня: таким образом мы пытались наверстать отставание в выпуске журнала. Рассказывая об этом, я и сейчас испытываю чувство гордости...

Распространение журнала осуществлялось тогда следующим образом: та часть, которая предназначалась для магазинов, рассылалась с помощью акитского филиала компании «Ниппай» [163], а журналы, предназначенные для рассылки по почте, отправлялись с помощью членов семей сотрудников редакции, которые вкладывали каждый экземпляр журнала в конверт и относили на почту в Ёкотэ.

Главная контора редакции все это время оставалась в Токио. Миякава Сабуро, Сато Ихэй и другие сотрудники не только оберегали от разрушения здание редакции, но и готовили рукописи статей, а потом пересылали их почтой нам в Ёкотэ. К счастью, несмотря на войну, поезда продолжали ходить, так что имели возможность ежедневно обмениваться корреспонденцией между Токио и Ёкотэ. После того, как нам удалось наладить работу типографии, я выехал в Токио, где пробыл с 20 июня по 7 июля. За время моего пребывания

в Ёкотэ столица совершенно изменилась, там и сям виднелись огромные выгоревшие пустоши. Видя это, я преисполнился еще большей благодарности к тем нашим коллегам из главной конторы журнала, которые, несмотря ни на что, продолжали делать свое дело...

= Ёкотэ после войны =

Несмотря на то, что выпуски журнала, выходившие в Ёкотэ, были совсем тоненькие, работа по их редактированию требовала напряжения всех сил. Дело в том, что мы по-прежнему находились под давлением властей, которое постоянно усиливалось. 1 июня 1945 года я сделал в своем дневнике запись, которая очень точно передает мое тогдашнее настроение: «Вчера начали испытывать трудности в подборе заголовков для редакционных статей. Бог знает, какими словами можно описать нынешнюю обстановку. Да, впрочем, похоже, что и он этого не знает...»

29 июня, во время пребывания в Токио, я зашел в Экономический клуб послушать выступление начальника управления информации сухопутных войск генерал-майора Мацумура Хидэицу. После этого в моем дневнике появилась следующая запись: «Возложил вину за поражения в предыдущих военных операциях на стариков-генералов. Его личная точка зрения такова: нужно с самого начала честно сказать, что решающее сражение будет на нашей основной территории. Если этого не сделать, то военные полностью потеряют уверенность в своих силах».

Выступление генерала убедило меня в том, что военные собрались встречать врага на своей территории. И встречать, наверное, с бамбуковыми пиками, потому что на вопросы о производстве вооружений они отвечали уклончиво. Ну не глупость ли? А что, если такое решение действительно принято? В волнении я сел за стол и написал письмо, смысл которого сводился к тому, что следует немедленно прекратить войну. Письмо было отправлено с курьером господину Сакамидзу Хисацунэ, секретарю премьер-министра Судзуки [164].

К счастью, Япония вскоре все же прекратила войну. Я слушал выступление императора по радио, находясь в городе Ёкотэ. В моем дневнике 18 августа сделана следующая запись: «Получается так, что во имя прогресса Японии я вместе с ее «внутренними врагами» воевал против нее на стороне Америки, Англии и других стран. Наверное, именно поэтому я не испытываю сегодня горечи поражения».

Между тем люди, узнав о завтрашнем выступлении императора по радио с важным сообщением, меньше всего предполагали, что речь пойдет о капитуляции Японии. Поэтому когда в полдень 15 августа прозвучало именно это сообщение, то многие просто ничего не поняли и поэтому оказались в полной растерянности и панике. Хорошо это? Плохо? Что будет, если страну оккупирует вражеская армия? Люди были близки к полному отчаянию.

Сам я только радовался окончанию войны и никак не думал о том, что известие о ее прекращении так потрясет людей. Повсюду распространялись самые разные и дикие слухи. Так, крестьяне, работавшие на окрестных полях, после выступления императора по радио прекратили работу, поскольку решили, что все равно плоды их трудов достанутся врагам. В школе преподаватели, не зная, что говорить ученикам, буквально не находили себе места. Люди начали снимать деньги со счетов в банках, прятать их и т.п.

Поэтому я решил не терять времени даром и в 3 часа дня 15 августа собрал всех членов Экономического клуба Ёкотэ и выступил перед ними с сообщениями об Атлантической хартии и о политике Объединенных наций в отношении, выразившейся в Потсдамской декларации. Кроме того, я рассказал о перспективах японской экономики, отметил, что у нас нет причин для беспокойства, и призвал всех заниматься своей повседневной работой.

Однако растерянность в городе сохранялась, поэтому я решил поговорить об этих проблемах с большим числом людей. Связавшись с городской администрацией, местными властями, полицией и другими учреждениями, я попросил собраться руководителей всех звеньев в 2 часа дня 16 августа в здании мэрии. Здесь я более подробно рассказал о тех мерах, которые, по моему мнению, следовало бы предпринять в ближайшее время. Я также попросил рассказать о них как можно большему числу жителей. Мне показалось, что эти беседы дали людям некую уверенность в себе и послужили на благо спокойствия в обществе...

На примере этих событий я еще раз убедился, как важно, чтобы местные организации действовали, не дожидаясь указаний из центра. К тому же я понял, что созданные за время войны городские советы, разнообразные постоянные комитеты и товарищества соседей окажутся жизненно необходимыми и в демократическом обществе (а мы постепенно к нему идем).

Я также выступил 22 августа в редакции журнала «Акита сакигакэ симпо». Сообщение называлось «Курс на возрождение Японии» и было основано на изложении нескольких редакционных статей «Тоё кэйдзай симпо».

21 августа 1945 года редакция нашего журнала в Ёкотэ закрылась, и мы присоединились к токийским коллегам. Не переехала в Токио лишь типография, поскольку ее перемещение требовало определенной подготовки; переезд типографского цеха состоялся только в ноябре...

22 ноября я попрощался с жителями города, которые оказали мне огромную помощь за время пребывания в эвакуации, а также с работниками типографии, а 24 ноября вернулся в Токио. Впрочем, потом я еще пару раз наезжал в Ёкотэ...

= Землетрясение 1923 года =

Как я уже говорил, мне за свою жизнь много пришлось переезжать с места на место, однако самые лучшие и глубокие воспоминания связаны у меня с Камакура и Ёкотэ. О Ёкотэ я уже написал, а теперь хочу рассказать о жизни в Камакура.

Я построил в Камакура свой дом и прожил в нем почти 20 лет, так что, можно сказать, что именно здесь прошли мои зрелые годы. Конечно, работал я, в основном, в Токио, но именно с городом (тогда поселком) Камакура оказались связаны многие поворотные моменты моей жизни. Именно здесь я получил тот жизненный опыт, который не может дать ни одна система профессионального образования.... А особенно тесные связи с Камакура сложились у меня после землетрясения 1923 года.

Я уже говорил, что это землетрясение причинило огромный ущерб моему дому: его подбросило и отнесло на полметра к югу, в сторону моря. Собственно говоря, так случилось не только с моим домом, но и со многими другими строениями и даже со статуей Большого Будды [165] которая также сместилась на своем пьедестале на полметра к югу... Нам еще повезло: ведь стихия разрушила множество традиционных японских домов, которые были смяты, словно бумажные фонарики... Мало того, многие уцелевшие дома потом погибли во вспыхнувших пожарах или были сметены набежавшей на побережье гигантской волной цунами...

К счастью, мой дом оказался немного крепче прочих, ибо был построен в европейском стиле. Он отлетел в сторону, но остался цел, только покосился да потерял веранду со стеклянной крышей. А с основной крыши не упало не единой плитки черепицы!

Землетрясение случилось в субботу. Я тогда как раз не поехал в Токио и что-то писал у себя в кабинете. Дома была и вся наша семья, поэтому если бы здание рухнуло, то нам всем пришлось бы худо.... Но, как уже говорилось, дом выстоял, а потому и все мы остались живы и невредимы. Через дорогу от нашего дома, там, где сейчас расположена начальная школа, тогда находилась императорская вилла, окруженная целой рощей сосновых деревьев. У ее ограды мы с соседями и устроили себе убежище, в котором отсиживались, опасаясь новых толчков.

Сама императорская вилла была почти полностью разрушена, сохранились только покои принцессы. В самом городе, по-видимому, погибло множество людей, ибо часто были видны похоронные процессии, но нас эти печальные события, к счастью, не коснулись.

Между тем в окрестности императорскойвиллы собралось несколько сотен человек. Они построили здесь себе хибарки из обугленных листов жести и других подсобных материалов и жили в них примерно десять дней, пока не утихли страхи новой волны землетрясений. На некоторое время Камакура впала в хаос, что дало основание для распространившихся в Токио слухов о том, что вся Камакура представляет собой кровавое месиво, что у города нет связи с внешним миром, что туда не подвозят продукты, что там грабят магазины и т.п.

До землетрясения я, как и многие приезжие, безразлично относился к делам этого курортного городка. С другой стороны, коренные жители Камакура тоже нас недолюбливали, называя дачниками и вообще людьми пришлыми. Однако после землетрясения отношение этих групп людей друг к другу резко изменилось. Мы стали помогать городу быстрее избавиться от последствий землетрясения - тем более, что это было и в наших интересах, а местным жителям такая помощь была очень необходима. Короче говоря, оказалось, что люди в таких ситуациях быстрее преодолевают свой эгоизм и приходят на помощь друг другу.... Глядя сразу после землетрясения на городок из хибарок, выросший возле императорскойвиллы, я долго размышлял о том, не является ли он олицетворением того самого пресловутого коммунизма: люди живут вместе и безвозмездно поддерживают друг друга, делясь с соседями всем необходимым. Но позднее я с удивлением обнаружил, что человеческая природа взяла свое и

эта идиллия очень быстро прекратилась: по мере того, как сходили на нет подземные толчки, у людей проходила тревога, и вынесенные когда-то для всеобщего пользования вещи стали вновь занимать свои места в частных домах...

Уже на третий день после землетрясения мы предложили свою помощь местной администрации, которая тоже размещалась в какой-то хибарке. Наверное, большого толку от нашей помощи не было, но мы все же старались изо всех сил. Помню, среди добровольных помощников находился и господин Коидзуми из университета Кэйо, который, как и многие другие, из-за повреждения железнодорожных путей не смог уехать из Камакура 1 сентября и оставался в городе до 10-го числа, когда железнодорожное сообщение было восстановлено. А многие из тех, кого землетрясение 1 сентября застало в Токио, наоборот, пешком добирались до Камакура, чтобы узнать о судьбе своих близких. Они тоже помогали в восстановлении города и уехали оттуда только когда пошли поезда. Я впервые выехал в Токио 12 сентября, для чего мне пришлось забраться в товарный вагон без крыши и долго жариться на солнце, пока товарняк не добрался до станции Синагава. А уже оттуда я пешком дошел до здания редакции «Тоё кэйдзай симпо», которая тогда находилась в районе Усигомэ. Впрочем, я уже тогда знал, что в токийской конторе журнала все благополучно, а Миура и остальные сотрудники живы и здоровы. Эту радостную весть принес нам еще 3-го сентября молодой сотрудник по фамилии Исикава, который по поручению редакции добрался до Камакура на велосипеде...

В ноябре 1923 года в Камакура был создан так называемый Комитет по восстановлению города, заседания которого поначалу проходили в доме бывшего директора Банка «Мицубиси» господина Сё Сэйдзиро - других подходящих зданий в разрушенной до основания Камакура просто не нашлось. Кроме господина Сё, в комитет входили еще 2-3 представителя от так называемых «дачников», в том числе и я. Работая в этом комитете, я постепенно все глубже погружался в дела города Камакура.

= Клуб «Сёнан» =

Клуб «Сёнан», выросший из упомянутого Комитета по восстановлению города Камакура, доставил мне массу хлопот, но зато и наградил бесценным опытом работы в промышленном кооперативе. До того в Камакура не было никаких кооперативов, и комитет решил создать подобную организацию, полагая, что с ее помощью будет проще осваивать средства,

необходимые для восстановления в городе магазинов и жилых домов. И, несмотря на мои протесты, создание такого «Камакурского кредитно-закупочного кооператива» было поручено именно мне.

Потом случилось так, что в результате переговоров с представителями так называемой «дачной» стороны было принято решение создать еще один, отличный от предыдущего, кооператив. Дело в том, что если для города важнее было иметь именно финансовый (а, точнее, кредитный) кооператив, то «дачникам» больше был нужен закупочный кооператив. Интересы этих двух групп не совпадали, поэтому «дачники» ни за что не хотели сливаться с финансовым кооперативом. Я во всем этом, честно говоря, разбирался слабо. Между тем для создания кооператива нужно было получить разрешение в префектуре. Ответственные работники префектуры вначале выразили удивление и сказали, что не очень понимают, зачем в небольшом городке нужно иметь два кооператива, но потом согласились с тем, что Камакура - это место особое, и разрешение на создание двух кооперативов дали. «Дачная» организация получила название «Кредитно-закупочный кооператив «Клуб Сёнан». Я как один из организаторов кооператива стал постоянным членом правления этого клуба. Произошло это весной 1924 года. Слово «клуб» входило в название кооператива совершенно оправданно: организация действительно стала чем-то наподобие клуба камакурской интеллигенции, которая часто собиралась в одной из больших комнат его конторы.

Сначала деятельность клуба развивалась успешно. В качестве примера можно привести следующий. В Камакура издавна сложилась двух - или даже трехуровневая система цен: дачники покупали товары по более высоким ценам, чем местные жители, а летом цены становились еще выше. Однако с созданием кооператива закупленные им в большом количестве рис, бобовую пасту мисо, соевый соус и другие продукты первой необходимости, к удивлению местных торговцев, начали конкурировать с товарами, продававшимися здесь ранее. Последствия этой конкурентной борьбы испытали на себе и жители соседнего с Камакура местечка Тоси.

Среди других полезных дел, которые совершил наш кооператив, можно назвать получение кредитов на общую сумму 35 тысяч иен в Банке сельского хозяйства и промышленности префектуры Канагава и Ипотечном банке; полученные средства пошли на восстановление домов членов кооператива. При этом Ипотечный банк никак не хотел давать кредит новоявленному камакурскому кооперативу, но к счастью, я хорошо знал бывшего президента

этого банка господина Симура Гэнтаро, и по его рекомендации кредит нам все-таки выдали...

Однако успехи клуба очень скоро сменились неудачами. И одной из причин этого стала все та же конкуренция с местными торговцами, которая поначалу так радовала его членов. «Сёнан» был в торговых делах дилетантом, поэтому для того, чтобы выстоять в конкурентной борьбе, нужно было учиться у опытных продавцов, а этим-то никто и не занимался. А местные торговцы стали продавать товары по все более низким ценам. Чтобы выстоять, кооператив тоже был вынужден снижать цены на соответствующие товары, при этом его прибыль уменьшалась, да и эту постоянно снижавшуюся прибыль кооператив был вынужден делить среди своих членов.

Неизвестно, впрочем, чем бы закончилось это противостояние, если бы весной 1927 года в стране не разразился финансовый кризис. Начавшись с Банка Формозы и Пятнадцатого банка, он постепенно охватил 37 крупных и мелких финансовых учреждений по всей стране, которые были вынуждены прекратить свою деятельность. В результате большое число компаний и фирм столкнулось с серьезными финансовыми трудностями. На эти трудности наложилась общая депрессия, которая продолжалась уже несколько лет; индекс оптовых цен в Токио снизился с 216 пунктов в 1925 году до 122 пунктов в 1931 году. Маленький местный кооператив, каковым на самом деле являлся Клуб «Сёнан», тоже, естественно, не смог избежать влияния кризиса. Нам стало труднее не только закупать товары, но и возвращать полученные кредиты. Чтобы выйти из положения, приходилось брать новые ссуды, их опять надо было возвращать и т.п., и, в конце концов, Клуб оказался просто в ужасающем финансовом состоянии.

Как следствие, мы не смогли вовремя вернуть кредиты и проценты по ним ни в Ипотечный, ни в Сельскохозяйственный банк. В связи с этим Ипотечный банк арестовал наши счета и потребовал личных гарантий возвращения кредитов - иными словами, несмотря на то, что деньги тратил кооператив, возвращать кредит и проценты по нему обязали лично меня. Я решил переговорить на эту тему с тогдашним президентом Ипотечного банка господином Исии Мицуо, но это не принесло никакого результата: всю сумму до последнего гроша мне пришлось в банк внести. Несколько лет назад мне рассказали, что арест на наше имущество хотел наложить тогдашний заведующий отделом Ипотечного банка, а потом его президент господин Нисида Таро. Я, впрочем, этого тогда не знал, как и не был знаком с этим господином. Конечно, с точки зрения банкира он был абсолютно прав. Но мне, должнику, тогда казалось, что со мной поступают жестоко, и что банк в этом смысле ничем не отличается от обычного жадного

ростовщика, у которого на первом месте в жизни стоит высокая прибыль. Кстати сказать, это был не единственный случай моего общения с кредиторами: однажды я еще не сумел вовремя вернуть долг торговцу рисом (рис предназначался для кооператива). Этот опыт для меня тоже не прошел даром: я научился успокаивать своих домашних, напуганных визитами банковских чиновников...

Несмотря на все эти трудности, Клуб «Сёнан» продержался на плаву довольно долго и закрылся только в декабре 1939 года. И хотя его поражение было полным и окончательным, а я лично пережил не самые приятные минуты своей жизни и понес ощутимые финансовые потери, в деятельности клуба были для меня и положительные моменты. Например, я понял, как непросто работать в кооперативе. А это дорогого стоит...

= Депутат городского собрания =

А еще я в течение одного срока (4 лет) был депутатом городского собрания города Камакура. Выборы эти состоялись 13 сентября 1924 года. После землетрясения мы нередко работали вместе с городскими властями, и однажды мэр города сказал, что было бы хорошо, если бы в городском собрании был бы один представитель от так называемой «дачной» окраины города. Так была выдвинута моя кандидатура, а я получил первый опыт участия в выборах...

В то время для того, чтобы пройти в городское собрание Камакура, нужно было получить минимум 40 голосов выборщиков. Я понятия не имел, много это или мало, но с удивлением обнаружил, что борьба за пост депутата шла весьма и весьма ожесточенная. Для меня, представителя интеллигенции, это было непривычно. Кончилось дело тем, что я с 78 голосами занял третье место.

Четыре года, проведенные в городском собрании, стали для меня хорошей школой. Именно тогда я изнутри понял, что такое местное самоуправление, а непосредственное участие в депутатской работе сформировало мое собственное мнение об этой системе.

В числе прочих вопросов я занимался планами развития Камакура и, в частности, вопросами водоснабжения. Вопросы строительства водопровода не отпускали меня и в дальнейшем; уже после ухода из городского собрания я стал членом комитета по строительству водопровода и в этом своем качестве добивался сооружения муниципального водопровода, встречаясь для

этого с самыми разными чиновниками вплоть до тогдашнего министра внутренних дел Накахаси.

А еще за четыре года своей депутатской деятельности я понял, что дело местного самоуправления требует массы времени и сил и совсем не сводится к отсиживанию положенных часов на собраниях. Если только ходить на заседания да выступать - никакого толку не будет. Поэтому я отказался избираться на второй срок и предложил поискать более достойных кандидатов. И они были найдены: впоследствии депутатами городского собрания Камакура стали мои хорошие знакомые и друзья Сааки Сэйтара, Кумэ Масао и другие...

С 1928 по 1930 год я был вынужден жить не в Камакура, а в Фудзисава, где мне довелось работать в комиссии по подоходным налогам местного налогового управления. Сейчас подобной системы уже нет, а тогда на выборах в этот орган, который осуществлял контроль над уплатой частными лицами подоходных налогов, существовала очень жесткая конкуренция. Опыт работы в этой комиссии тоже не прошел для меня бесследно, ибо я, можно сказать, оказался на переднем крае практики взимания налогов с населения...

В январском номере выходящего на английском языке журнала «Ридерз Дайджест» за этот (1950) год помещена очень интересная статья некоего Льюиса Гэлантьере (Lewis Galantieri). По мнению автора, отличительной особенностью американцев является то, что они не оглядываются на правительство: столкнувшись с той или иной проблемой, американец решает ее самостоятельно или в сотрудничестве с другими частными лицами, проявляя дух коллективизма. Иными словами, американцы не являются индивидуалистами, они способны к коллективным действиям. В качестве примера он приводит один из городков в штате Огайо. Там сложилась ужасающая обстановка: старшекласники не ходили в школу и слонялись по улицам, вернувшиеся с войны молодые люди постоянно безобразничали, а число разводов превысило все мыслимые пределы. Жители этого городка не стали обращаться за помощью к правительству, а сами в течение трех дней провели то, что они назвали духовным очищением города. Кроме того, в городе было организовано Общество духовного очищения с ежегодным взносом в два доллара.

Автор приводит еще несколько примеров подобных действий и далее замечает, что «такие меры являются самой прочной преградой на пути диктатуры. Самоуправление, осуществляемое на местах, не дает возможности центральной власти в Вашингтоне (а также в

Париже, Москве и Нью-Дели) заполучить в свои руки всю страну. Центральная власть может подавить восстание в столице, но у нее никогда не хватит сил для того, чтобы закабалить всю страну. Во-вторых, сильная местная власть - это хорошая школа антибюрократических настроений граждан. Она воспитывает людей в духе самостоятельности и независимости, делает из них пожарных, которые за версту чуют дым политических злоупотреблений и вступают с ними в борьбу еще до того, как те разгорятся в полную силу».

= Местное самоуправление без реального содержания =

Из приведенного отрывка ясно, сколь существенную роль играет местное самоуправление в Соединенных Штатах. У японского же народа этот дух самоуправления, к сожалению, еще недостаточно силен. И причины этого кроются в длительной японской истории.

В самом деле, Соединенные Штаты - это страна, созданная пионерами - переселенцами, которые, пренебрегали опасностями и рисковали жизнью ради освоения новых территорий. В своих действиях они не опирались и не могли опереться на поддержку каких-либо правительств, их собственная безопасность и прогресс в развитии страны зависели исключительно от их собственных усилий и взаимопомощи. Кроме того, у американцев еще очень короткая история: с момента образования Соединенных Штатов не прошло и двух сотен лет. Наверное, в них еще не успела остыть горячая кровь первопроходцев, и именно поэтому американцев влечет дух самостоятельности и самоуправления.

Другое дело - Япония, страна с древней историей, в которой уже более тысячи лет существует сильная централизованная власть. Особенно сильной была центральная власть последние несколько сот лет, при феодализме, когда японцы жили в буквальном смысле слова по приказам военного правительства бакуфу или феодальных князей. Правда, в это время на местах были созданы так называемые соседские общины, римбо, но реальной власти они никогда не имели. После Реставрации Мэйдзи была создана система местного самоуправления, но она тоже пока является частью правительственной структуры. К тому же люди на местах никогда не стремились к тому, чтобы отстаивать на правительственном уровне интересы своих групп и организаций. Иными словами, местное самоуправление в Японии фактически так и не сложилось.

Однако рано или поздно такая система должна будет сложиться. И если следовать мысли

американского автора, то можно предположить, что если бы в Японии было сильное самоуправление, то милитаристы не смогли бы безнаказанно проводить свою политику - ту политику, которая, в конце концов, привела страну в ее нынешнее катастрофическое состояние. Сильное местное самоуправление - это сильная власть, которая дает гражданам чувство самостоятельности и независимости и, следовательно, противостоит абсолютизму...

Каким видится будущее местного самоуправления в Японии? Мне кажется, оно невозможно без воспитания духа самостоятельности и независимости. Если называть вещи своими именами, то пока деятельность любого органа местного самоуправления у нас сводилась к тому, чтобы получить у вышестоящего правительственного органа (для деревни, поселка, города - это префектура, для префектуры - центральное правительство) как можно больше финансовых средств. К примеру, если возникла необходимость построить автомобильную дорогу, то, скорее всего, поселок обратится за деньгами в префектуру, а префектура - в правительство, то есть каждый будет стремиться получить для этой работы как можно больше средств от вышестоящего начальства.

Из тех же соображений местные организации всеми силами стремятся снизить свои траты, переложив их на более высокий уровень. Так, в бытность депутатом городского собрания Камакура я выяснил, что поскольку налог на жилье является префектуральным, то все местные власти на уровне деревень, поселков и городов всеми силами стараются преуменьшить число подведомственных им зданий, чтобы снизить, таким образом, свои затраты. Таким примерам несть числа.

Происходит все это потому, что главы местных органов самоуправления отчитываются перед вышестоящими организациями. А не отчитаешься должным образом - в следующий раз кредита не получишь!

Иным словами, в Японии местное самоуправление пока остается таковым только по названию. Из него выхолощен сам дух самостоятельности и независимости граждан, а вместо него помещена психология нищего, да еще с постоянно растущими запросами. Вот такое оно, японское местное самоуправление!

После войны усилиями оккупационных войск генерала Макартура в Японии была проведена крупная реформа системы местного самоуправления по американскому образцу. Каковы же ее

результаты?

= Послевоенные реформы также оказались безрезультатными =

Бывший член правления Ипотечного банка господин Андо Томоя недавно выпустил книгу под названием «Дневник сельского старосты». Господин Андо действительно после ухода в 1943 году со службы в Ипотечном банке был избран старостой в своей родной деревне - деревне Тоёгуни уезда Кацуда префектуры Окаяма, так что он хорошо знаком с положением дел в системе местного самоуправления. Кстати сказать, на последних выборах он был единогласно переизбран на должность старосты. Так вот, согласно Андо, «местные организации и местные жители еще не избавились от старых привычек, старой зависимости от центральных властей, они и поныне ждут указаний и помощи из центра. Более того, у них нет и стремления к самостоятельности и независимости, и они не прилагают никаких усилий для того, чтобы их обрести». Если это так, то подобная ситуация не может не вызвать сожаления.

Почему система самоуправления в Японии находится в столь плачевном состоянии? Об исторических предпосылках этого я уже говорил. Но дело не только в истории. Система эта возникла еще в период Мэйдзи, ей более 60 лет, и если за это время, несмотря на реформы, она осталась неизменной, значит, внутри нее есть что-то, что препятствует развитию самостоятельности граждан. Что же это? Господин Андо об этом пишет в своей книге так:

«Столкнувшись на практике с работой администраций небольших городов и сел, я пришел к выводу, что дела управления у нас по-прежнему ведет государство, а префектура лишь является исполнителем воли государства, как города и поселки - исполнителями воли префектуры. Новая конституция возрожденной Японии ставит своей целью отбросить прежний централизм и тем самым радикальным образом реформировать систему местного самоуправления. Действительно, губернаторы, мэры городов, старосты сел теперь избираются на всеобщих выборах, большие права даны местным собраниям. Однако свободны ли главы местных администраций и местные органы самоуправления в выработке своей политики? Отнюдь. Для решения любых, даже самых незначительных вопросов им приходится обращаться за помощью к государству или в префектуру. Подобных случаев не перечесть - мы это знаем из собственного опыта...»

Иначе говоря, даже реформа системы местного самоуправления на основе новой Конституции

не смогла избавить ее от застарелого централизма. И причиной этого, как далее пишет господин Андо в своей книге, является то, что «центральные органы власти отгораживаются от требований местных властей и не желают сужать сферу своих политических прав». Что касается финансирования, то они не только не выделяют средств местным органам власти, но и сами не желают заниматься подобными финансовыми вопросами. Такова точка зрения господина Андо, с которой я могу только добавить, что именно такое положение дел я наблюдал и 20 лет назад, когда был депутатом городского собрания города Камакура. Недавняя реформа налоговой системы должна была обеспечить местные органы власти весьма крупными финансовыми ресурсами и повысить их финансовую самостоятельность. Предполагалась, что эта реформа позволит органам местного самоуправления несколько отойти от своего плачевного прежнего состояния. Однако на практике, вопреки ожиданиям, почти ничего не изменилось. Например, недавнее совещание губернаторов снова призвало правительство увеличить суммы правительственных дотаций префектурам. Как же наладить местное самоуправление? В Японии это по-прежнему больной вопрос...

= Провинция и политические партии =

Одна из проблем, доставлявших мне много беспокойства в бытность депутатом городского собрания - взаимодействие органов местного самоуправления и политических партий. В то время шла вторая волна так называемого движения в защиту Конституции (первая пришлась на 1912-1913 годы). В июне 1924 года к власти пришел кабинет «трех партий - защитниц конституции». Период с 1924 года и до событий 15 мая 1932 года был временем расцвета политических партий. Вместе с тем он стал периодом проявления самых отвратительных партийных пороков. Особенно отчетливо это проявлялось на местах. Мало того, что со сменой кабинета министров на местах меняли всех крупных чиновников, начиная с губернаторов. Однажды дело дошло до того, что сменили даже рядовых полицейских: после того, как к власти пришел новый кабинет, со службы были уволены полицейские, «причинившие ущерб» партийным деятелям, когда те были в оппозиции. А жизнь партийных кабинетов в Японии коротка, поэтому такие перетряски чиновников полностью останавливали работу на местах.

Кроме того, бывало и так, что когда в одном районе представители партии Сэйюкай выступали с предложением построить железную дорогу, представители партии Минсэйто тут же предлагали построить другую железную дорогу, два проекта вступали между собой в конкуренцию, и результат был равен нулю. А однажды борьба между партиями привела к тому,

что в одной из префектур разгромили местный банк: одна из партий потребовала открыть незадолго до этого закрытый банк... Словом, на местах партийные пороки принимали самые крайние формы.

Я всегда был сторонником демократии, но мне кажется, что если в современной Японии центральные политические партии будут продолжать вмешиваться в вопросы местного самоуправления, то ничего хорошего из этого не получится. Еще в Камакура я говорил своим коллегам по городскому собранию, что мы должны относиться к городу как к нашему общему дому и высказывать свои мнения безотносительно к тому, к какой фракции или партии принадлежишь. Для нас важнее мнение жителей города... к счастью, в то время в Камакура преваляровала партия Минсэйто; сторонники Сэйюкай были немногочисленны, так что политическая борьба не оказывала заметного влияния на повседневное управление городом. Однако, несмотря на это, Минсэйто стремилась всячески укрепить и расширить свое влияние и перед выборами направила к нам из Токио большую группу агитаторов. В ответ Сэйюкай решил направить из центра группу своих пропагандистов. Нам стоило большого труда остановить эту борьбу...

Конечно, неправильно считать, что политическая борьба в центре не должна оказывать никакого влияния на положение дел на местах. Безусловно, влияние это сказывается, и ничего плохого в этом нет. Проблема здесь в другом: насколько серьезной и здоровой является эта политическая борьба. Вот о чем следует хорошенько подумать. Я уже писал о том, что именно возня политических партий поставила Японию на край гибели. То же самое может произойти и на периферии. Политические партии должны быть особенно осторожны в этих вопросах и соответствующим образом ориентировать своих людей, ведущих работу на местах. Пока такого рода организационная работа в японских партиях не проводится. Поэтому смогут ли политические партии нести ответственность за слова и действия своих представителей на местах - это еще большой вопрос.

По новой системе вслед за выборами главы нового кабинета министров меняются губернаторы префектур. Значит ли это, что вслед за ними будут меняться все крупные чиновники, находящиеся в подчинении губернатора? В бытность мою членом городского собрания Камакура такая чехарда доставляла немало хлопот. Выше я уже упоминал о том, что в то время я занимался вопросом строительства водопровода, который находился в ведении префектуры. Едва план строительства начал осуществляться, а мы немного воспряли духом, как произошла

смена кабинета министров, а вслед за ней и смена губернатора, и нам все пришлось начинать с нуля, то есть с обследования участка. Таким образом, появления водопровода в Камакура можно было ожидать до бесконечности...

В декабре 1931 года был в очередной раз сформирован новый кабинет министров. Министром внутренних дел в нем стал господин Накахаси Токугоро, с которым я несколько раз до этого встречался. В день церемонии вступления его в должность я оказался в особняке министра в районе Кодзимати. В префектуре Канагава мне сказали, что вопрос о строительстве водопровода откладывается до назначения новым кабинетом нового губернатора. Поэтому я завел с господином Накахаси разговор о том, что если строительство водопровода и на этот раз будет отложено, то люди начнут относить это на счет правящей партии и авторитет ее, который в последнее время начал восстанавливаться, может снова оказаться под угрозой.

Господин Накахаси, который только что вернулся с торжественной церемонии и был еще в смокинге, наверное, меньше всего ожидал, что разговор пойдет о водопроводе и, вероятно, полагал, что я зашел к нему только для того, чтобы поздравить его с назначением на должность.... Не знаю, повлияла ли на это моя просьба или нет, но, так или иначе, губернатор в Канагава остался прежним, а жители Камакура получили, наконец, водопровод...

Конечно, все это - дела давно минувших дней, но я этот рассказ привожу для тех, кто считает, что губернаторы должны назначаться сверху. Конечно, во всеобщих выборах тоже есть свои пороки, но я хочу сказать, что и в системе назначений их немало. Вот почему я вспомнил эту давнюю историю...

= Летний лагерь в Камакура =

Я уже писал, что деятельность основанного нами в Камакура Клуба «Сёнан» закончилась полным крахом. Но за время его деятельности произошел еще и один страшный случай, при воспоминании о котором я и сейчас покрываюсь холодным потом. Может быть, рассказ об этой истории поможет мне искупить хотя бы часть своей вины...

Как я уже писал, мы переехали в Камакура для того, чтобы оздоровить детей. К счастью, там все они пошли на поправку, а после того, как мы в 1922 году переехали в новый дом, дети вообще болеть перестали.

Словом, мне жизнь в Камакура очень нравилась. Конечно, она имела и свои неудобства, прежде всего, то, что при тогдашнем состоянии транспорта до Токио было добираться столь трудно, что такого не пожелаешь никому. Однако многие люди, имеющие ослабленных детей, и этого не могли себе позволить, как не могли себе позволить вообще выехать с ними в горы или к морю. Так родительские заботы привели меня к мысли о том, что одной из главных общественных задач является создание детских садов и школ для больных и ослабленных детей, которые должны располагаться в горах или на морском побережье.

По соседству с моим новым домом в Камакура случайно оказалась императорская вилла. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что она весь год фактически пустует. Немалое число больших вилл и дворцов, принадлежащих императорской фамилии, пустовало в Никко, Хаконэ и других курортных местах, являя собой примеры расточительства. «Почему бы управлению императорского двора не передать неиспользуемые участки и здания местным организациям? - думал я . - Тогда в них можно было бы открыть школы и санатории для больных детей. А это не только бы принесло немалую пользу стране, но и позволило бы императорской фамилии установить более глубокую связь с народом во имя всеобщего процветания».

Перелистывая старые журналы, я обнаружил, что впервые такого рода вопросы я поднял еще в номере «Тоё кэйдзай симпо» от 9 июля 1921 года, в статье под заголовком «Места для летнего и зимнего отдыха детей». Потом в выпуске от 16 июня 1923 года я выдвинул план использования зданий и участков, принадлежавших императорской фамилии, в частности, предложил предоставить пустующие дворцы и виллы детям. Подобные вопросы затрагивались и в других моих статьях.

Сразу скажу, что это была моя личная точка зрения и что из этой затеи ничего не получилось. Но мне очень хотелось чем-то помочь родителям с детьми, и тогда я предложил нашему Клубу «Сёнан» создать на время купального сезона что-то вроде комнаты для детских игр, где можно было бы оставлять детей на то время, пока родители отдыхают у моря. Конечно, этот план весьма далеко отстоял от моих первоначальных задумок использования пустующих дворцов, но мне казалось, что и он может принести хоть какую-то пользу родителям, которые получают, таким образом, возможность спокойно искупаться в море. К счастью, Клуб «Сёнан» получил от префектуры в аренду участок пляжа, где мы надеялись построить небольшой павильон. В качестве нянечек и воспитателей планировалось привлечь учителей начальной школы при

Камакурском педагогическом училище, а также преподавателей городской начальной школы. Мы также рассчитывали на помощь местного общества врачей.... Наконец, в августе 1927 года наш «Камакурский летний прибрежный лагерь» открылся. Действовал он с 1 по 25 число, причем каждый день после обеда дети, разбитые на группы, также принимали морские ванны под наблюдением воспитателей.

Этот проект получил хорошие отзывы, не говоря уже о том, что и дети, и их родители были очень довольны. Сначала там отдыхали только дети из города Камакура, но позднее учителя стали привозить в лагерь детей и из других мест, в том числе из далекого поселка Тодзука (сейчас он слился с городом Иокогама). Лагерь без проблем работал в течение 6 лет, то есть до лета 1932 года, но затем 17 августа того же года по чьему-то недосмотру произошла трагедия: четверых детей унесло в море, двое из них утонули.

Место, где это случилось, в Камакура называют Юигахама. До того там ничего подобного никогда не происходило, и многие связывали это происшествие с тем, что в этот год поблизости проводились насыпные работы, которые могли изменить характер течения. Впрочем, естественно, никакие внешние обстоятельства не могут служить оправданием гибели детей.

В тот год редакция «Тоё кэйдзай симпо» переехала в свое новое здание на Нихомбаси, деловые круги находились под воздействием нового эмбарго на вывоз золота, только что случились «события 15 мая». По этим причинам я был исключительно занят на работе и непосредственно делами летнего детского лагеря не занимался, перепоручив их своим коллегам. Но ничто не может освободить меня, одного из основателей этого детского лагеря, от ответственности за происшедшее.... Когда в тот страшный день позвонили в редакцию и сообщили о трагическом случае, я буквально побелел, как стена...

К счастью, родители погибших детей оказались людьми великодушными и не стали строго взыскивать со всех причастных к этому происшествию, но это, безусловно, не снимает с меня ответственности. Я и поныне глубоко скорблю о случившемся.

Этот печальный случай положил конец существованию «Камакурского летнего прибрежного лагеря». Были планы продолжать начатое дело, но заинтересованные лица не нашли в себе мужества вести работу после той страшной трагедии...

= Союз сторонников государственной медицины =

После воспоминаний о детском лагере в Камакура я хочу рассказать о том, как я принимал участия в работе «Союза сторонников государственной медицины», который основал в 1928 году господин Судзуки Умэсиро. О господине Судзуки я уже упоминал в главе, посвященной проблемам сокращения вооружений. Судзуки окончил университет Кэйо, работал в компании «Мицуи». Потом он руководил бумагоделательной компанией «Одзи сэйси», построил крупную фабрику в Томакомаи на Хоккайдо, но дело оказалось убыточным и он разорился. Но затем Судзуки оказался связанным с компанией «Мицукоси», сотрудничество с которой, по-видимому, позволило ему скопить кое-какие средства. Он также вошел в политические круги, став депутатом от партии Сэйюкай.

С какого-то времени под его контроль попала лечебница в районе Симбаси, являвшаяся самостоятельным юридическим лицом. Причем поначалу ей руководил какой-то врач, чуть ли не приятель Катаяма Сэн, но потом она в силу каких-то обстоятельств перешла в руки господина Судзуки (Мне об этом рассказывал сам Катаяма еще в то время, как он жил в Японии).

Директором этой клиники формально был Сираянаги Сюко, но и Судзуки уделял ей очень много внимания, в частности, он поддерживал в ней очень низкую плату за лечение (я, кстати говоря, тоже лечил у них зубы). Нечего и говорить, что политика низких цен встречала противодействие конкурирующих клиник, которые всячески старались ставить ей палки в колеса. Судзуки боролся с ними как мог, собирался даже открыть филиалы клиники по всей стране, но из этого у него ничего не вышло.

Как-то у нас с Судзуки зашел разговор о медицине. Подробностей я сейчас, конечно, уже не помню, но говорили о действовавшем тогда законе о медицинском обслуживании, о его нарушениях, о том, как трудно найти врачей и т.п. Говорили и о том, что Общество врачей решило установить фиксированные цены на проведение медицинских осмотров и лекарства, а частные клиники этому решению не подчиняются.

Судзуки с гневом обрушился на врачей частных клиник, обвиняя их во всех смертных грехах и, в конце концов, пришел к выводу, что медицина должна быть государственной, что все

врачи должны работать в государственных клиниках, а частную практику следует запретить. Я, как мог, возражал против такой крайней точки зрения, утверждая, что если врач чувствует уверенность в своих силах, то никто не должен запрещать ему открывать свою клинику, так же как и пациенту - лечиться у того врача, который его устраивает.

Однако в целом государственная медицина также должна иметь право на существование. Она хороша хотя бы потому, что предоставляет людям дешевое или даже бесплатное лечение. Когда у меня в семье болели дети, я тоже нередко обращался в государственные медицинские учреждения, и убедился на собственном опыте, что для оказавшегося в стесненных обстоятельствах государственная медицина - это часто единственное спасение. Государственная медицина нужна - и в этом смысле я был согласен с господином Судзуки. Поэтому я примкнул к созданному им Союзу, пропагандировавшему идеи бесплатной медицины, и даже опубликовал в «Тоё кэйдзай симпо» несколько статей в поддержку Судзуки.

Кампания, развернутая господином Судзуки, тогда не увенчалась успехом. Его идеи нашли своих последователей позднее, с введением в Японии медицинского страхования, а овладели массами только после окончания Второй мировой войны. И это не может не радовать. Впрочем, всему есть пределы, и нам, наверное, не нужно копировать Англию, где, как говорят, государство платит даже за парики. В Японии, скорее всего, нет необходимости в таких крайностях. Но о чем нам действительно нужно хорошенько подумать - так это о том, как предоставить достойное медицинское обслуживание всем гражданам нашей страны...

Уже после того, как я подготовил эту статью, мне на глаза попался номер журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 11 августа 1928 года, в котором написано, что идею государственной медицины выдвинул еще в 1909 году врач Иноуэ Хисао. Так что, оказывается, это гораздо более старая идея...

ГЛАВА 9. В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

= «Oriental Economist» =

30 сентября 1945 года меня вызвали в отдел экономики и науки штаба оккупационных войск к полковнику Кремеру. В качестве переводчика выступал господин Аюдзава Ивао. Несмотря на свое звание полковника, Кремер был страстным поклонником и постоянным читателем

журнала «Oriental Economist» и считал этот экономический журнал если не первым в мире, то ненамного уступающим лондонскому «Экономисту».

А еще Кремер был известным предпринимателем. Рассказывали, что в декабре 1945 года он уволился из армии, вернулся на родину и снова посвятил себя бизнесу. Наверное, он и сейчас читает «Oriental Economist» - по крайней мере, перед возвращением на родину он оплатил подписку на этот журнала на два года вперед...

Добавлю, что «Oriental Economist», выходящий, естественно, на английском языке - это наш «Тоё кэйдзай симпо»...

О том, что неплохо было бы издавать в Японии экономический журнал на английском языке, я задумался довольно давно. Правда, в стране еще с 1922 года издавался журнал «Japan Financial Economic Monthly».

Журнал под этим длиннейшим английским названием выходил ежемесячно в информационном агентстве «Дзию цусин», которым с давних пор руководил господин Мотидзуки Котаро - известный дипломат и депутат парламента с 1894-1895 годов до начала периода Сёва (он скончался в 1927 году). Кстати, господин Мотидзуки родился в Минобу, в префектуре Яманаси, и вполне мог приходиться дальним родственником моему наставнику Мотидзуки Нитикэн, о котором я рассказывал раньше. Во всяком случае, он был в очень хороших отношениях с учителем, часто с ним встречался, и потому я тоже знал Мотидзуки Котаро с детства. Были среди моих знакомых и действительные родственники Котаро, - например, Хаякава Токудзи, мой приятель со времен средней школы...

О Хаякава я уже писал. Это он был, если можно так сказать, отцом токийского метро - первого метро в Японии. Хаякава достоин того, чтобы занять ведущее место в истории японского транспорта, поскольку приложил все силы и добился-таки начала строительства метро, несмотря на мнения специалистов, которые в один голос утверждали, что строительство метро в Токио невозможно из-за плохого грунта.

Так вот, однажды Хаякава пришел ко мне с предложением взять под крыло «Тоё кэйдзай» издание этого известного экономического журнала на английском языке. По его словам, Котаро был «уже не так молод, чтобы заниматься журналом так, как раньше». Я сразу

согласился, ибо давно понимал, что в условиях, сложившихся после первой мировой войны, издание такого журнала было настоятельно необходимым.

Однако когда переговоры с Мотидзуки дошли до завершающего этапа, выяснилось, что он не хочет полностью выпускать журнал из своих рук. Окончательная договоренность выглядела так: управление журналом осуществляется совместно, а редактирование берет на себя редакция «Тоё кэйдзай симпо». В июле 1922 года мы начали совместную работу, но, к сожалению, стороны не воспылали к ней энтузиазмом, и в марте следующего года наш союз распался...

После этого в течение долгого времени мне не представлялось случая основать журнал на английском языке. Далее произошло следующее. После того, как в декабре 1931 года правительство отменило эмбарго на вывоз золота за границу, произошло падение курса иены, но зато вырос экспорт. За рубежом началась критика политики Японии, которую обвиняли в валютном демпинге и даже в так называемом социальном демпинге. К зарубежной критике подключились и многие японские ученые. Наши же исследования показывали, что эти нападки не имеют под собой никакой почвы и являются по существу одним большим недоразумением, но недоразумением, очень невыгодным для Японии. Внутри страны мы могли противопоставить утверждениям наших оппонентов публикации в «Тоё кэйдзай симпо». Но для того, чтобы выразить нашу точку зрения за границей, нужно было англоязычное издание.

В этих условиях, не теряя времени, мы разместили в журнале «Тоё кэйдзай симпо» от 23 сентября 1933 года статью на английском языке о валютных проблемах, и одновременно объявили о планах выпуска издания по экономике на английском языке. В мае следующего, 1934 года, вышел в свет первый номер журнала «Oriental Economist». Сначала он выходил ежемесячно, а после войны (точнее, с января 1946 года) стал еженедельником. Тираж издания составлял 3 тысячи экземпляров. Журнал стал распространяться, в основном, среди иностранцев, интересовавшихся Японией (одним из них и был полковник Кремер). Причем мы принципиально стояли на той позиции, что журнал не должен быть бесплатным. Почему? В то время в Японии выходило несколько журналов на английском языке (правда, среди них не было экономических), и все они распространялись за границей бесплатно при финансовой поддержке японского правительства, что автоматически снижало авторитет изданий. Для нас такой путь был неприемлем. Кстати говоря, даже во время войны, когда почтовая связь со странами Европы и Америки была прервана, мы посылали журнал «Oriental Economist» в бюро

Международной организации труда в Швейцарии.

= Против расформирования финансово-промышленных групп (дзайбацу) =

Как ясно из изложенного, у нас с самого начала установились хорошие отношения с отделом по экономике и науке штаба оккупационных войск. Мы проводили для них различные исследования, выдвигали многочисленные предложения, а раз в неделю на постоянной основе делали доклад о положении дел в экономике Японии. Взамен штаб оказывал нам разнообразную помощь.

О время войны сгорело одно из деревянных зданий редакции, и мы оказались в страшной тесноте. Я рассказал об этом полковнику Кремеру, и он сразу же дал указания в управление восстановительных работ помочь со строительством нового здания. А, узнав о том, что собранные журналом материалы исследований эвакуированы в префектуры Акита и Яманаси, полковник Кремер и его коллеги выделили грузовик, чтобы перевезти их в Токио.

Хорошо помню, как полковнику Кремеру не понравилось одно наше предложение, касавшееся дальнейшей судьбы финансовых олигархий дзайбацу. Он до самого своего отъезда повторял, что не понимает, почему либеральный журнал «Тоё кэйдзай симпо» выступает за сохранение этих финансово-промышленных групп - именно такой ответ мы дали на вопрос отдела экономики и науки «Каково ваше мнение о дзайбацу?». Ответ представлял собой весьма объемный документ, поэтому полностью привести его здесь нет возможности. Прочитую только заключительные строки записки (оригинал был на английском языке):

«Так нужны ли в будущей Японии финансовые олигархии дзайбацу? Если говорить откровенно, то наша точка зрения состоит в том, что их было бы удобно использовать для восстановления экономики Японии. Если их уничтожить, то это только усугубит нынешний экономический хаос. Мы не видим иных сил, которые смогут стабилизировать положение и вывести экономику из этого хаоса. В последнее время в США сложилось недоброжелательное отношение к дзайбацу. Некоторые японские газеты также выступили с резкой критикой монополий. Среди бывших сотрудников дзайбацу, тоже появились люди, которые выступают против тех самых хозяев, которым они долгие годы служили. По нашему мнению, именно такие тенденции сейчас наиболее отвратительны и именно в них таится наибольшая опасность для Японии. Почему? Да потому что, такие люди славили коммунизм в годы популярности коммунистических идей и

призывали идти за милитаристами, если силу набирали милитаристы. Безусловно, за долгие годы и дзайбацу совершили множество ошибок и упущений. Однако если посмотреть непредвзято, то нельзя не признать, что они внесли свой вклад в развитие экономики Японии и успешное преодоление тех трудностей, с которыми она столкнулась. И сейчас наступил именно такой момент, когда они, исправив свои прошлые ошибки, снова могут взять на себя ответственность и стать ведущей силой в экономике. Итак, нам представляется, что дзайбацу еще можно использовать».

Помнится, тогда полковник Кремер в ответ на эту записку заметил, что, если бы дзайбацу не было, то экономика Японии все равно бы развивалась и, может быть, еще лучше, чем с ними. Но я все же продолжаю считать, что мнение, изложенное в нашей записке, не было ошибочным. Впрочем, как бы то ни было, 6 ноября 1945 года был опубликован указ о расформировании четырех дзайбацу - «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда»...

Позднее штаб попросил меня возглавить комитет по ликвидации «закрытых» организаций, но я решил, что не справлюсь с такой работой, и потому ответил отказом. Вместо меня председателем комитета избрали Судзуки Сакаэ, а я работал в комитете на временных началах...

= Почему я пошел в политику =

После возвращения из Ёкотэ я был очень занят работой в журнале, а также в штабе, в комитете по послевоенной валютной политике и других правительственных комиссиях. В это время, а, точнее, в декабре 1945 года, был распущен парламент и назначены всеобщие выборы. Я решил принять участие в этих выборах по 2-му избирательному участку города Токио. Однако такое решение было принято слишком поздно, 13 -14 марта следующего года. К тому же у меня совершенно не было опыта участия в выборах, и за тот месяц, который оставался до голосования 10 апреля, мне ничего добиться не удалось: на выборах я потерпел поражение, ибо никто тогда не знал, кто такой этот Исибаси Тандзан.

Я не могу сказать, что в прошлом мне никогда не представлялось случая стать политиком. Такие шансы были. После войны некоторые мои друзья предлагали мне принять участие в восстановлении политических партий, запрещенных в военное время; так, господин Мацуока Комакити предлагал мне войти в Социалистическую партию, господин Уэхара Эцудзиро - в

Либеральную и т.п. Однако я всегда отказывался от этих предложений, мотивируя это тем, что у меня нет желания стать политиком.

Тем не менее, я вдруг решил принять участие во всеобщих выборах 1946 года. Да притом уже после официального объявления о начале выборной кампании. Причина была проста.

Зашедший однажды к нам в Экономический клуб господин Токуда Кохэй рассказал, что у сейчас все партии оказались в трудном положении. Им некого выставлять на парламентских выборах, поскольку многие японские политики указом генштаба оккупационных войск отстранены от политической деятельности и потому не имеют права баллотироваться в парламент. И тогда я решил оставить свою журналистскую работу и попытать счастья на выборах. Почему бы и нет? О результате я не думал.

Было и еще одно соображение, которое подтолкнуло меня к этому решению. В то время японское общественное мнение оценивало перспективы развития экономики как крайне пессимистичные. Абсолютное большинство населения считало, что инфляция в стране неизбежно вспыхнет чудовищная инфляция. К тому же правительство по радио предупреждало население о том, что большое число людей может умереть от голода, поскольку в стране мало продовольствия (не удивительно, что после таких передач люди бросались скупать все и вся, а торговцы поднимали цены, что только увеличивало инфляцию). Словом, повсюду царил растерянность.

С момента окончания войны я решительно выступал против утверждений о неизбежности инфляции. Главной опасностью для послевоенной экономики Японии была как раз не инфляция, а дефляция, когда останавливается производство и возникает большая безработица. «Опасаться сейчас инфляции и проводить жесткую финансовую политику - это все равно, что неумелым лечением заразить тифом человека, у которого воспаление легких», - писал я. - Такое лечение только повышает риск смерти пациента». Свою точку зрения я пропагандировал не только в журнале «Тоё кэйдзай симпо», но и в других журналах, в выступлениях по радио и т.п. В частности, по просьбе редактора журнала «Финансы» («Дзайсэй»), издававшегося Министерством финансов, я написал статью под заголовком «антиинфляционные меры - опасны». Она была опубликована в декабрьском номере журнала за 1945 год. Однако справедливости ради следует сказать, что в то время в Минфине преобладали противоположные взгляды, и именно поэтому, наверное, рядом с моей статьей

в этом же номере журнала была помещена статья господина Кимура Кихатино, который возражал против моих взглядов. У меня сложилось впечатление, что редакция, не проконсультировавшись со мной, показала Кимура гранки моей статьи. Не думаю, что этот поступок можно назвать верхом этики, но такое уж тогда было время...

Прав я был или нет - рассудит общество. Однако хочу подчеркнуть, что вопрос о методах регулирования экономики представлялся мне тогда архиважным. Если правительство решит бороться с инфляцией, то это будет иметь самые серьезные последствия. Времени выступать со статьями и стараться переубедить власти у меня уже не оставалось. Все, что я мог - это сам вступить в политические схватки и добиться того, чтобы мои взгляды нашли отражение в программе одной из политических партий. В этом кроется еще одна причина моего участия в выборах, которые состоялись весной 1946 года.

Именно с этим обстоятельством был связан и выбор партии, к которой я решил примкнуть. Это была Либеральная партия. Я достаточно долгое время был знаком с господином Хатояма Итиро, однако отношения между нами никогда не были очень близкими. Во время тихоокеанской войны я достаточно тесно общался с нынешним премьер-министром Ёсида Сигэру, который несколько раз говорил, что мне необходимо встретиться и подробно переговорить с господином Хатояма. Сам Ёсида в это время достаточно тесно общался с господином Хатояма и обсуждал с ним сложившееся положение, но я этого так и не сделал по той простой причине, что мои неосторожные действия могли повредить всем сторонам, которые, напомню, тогда находились под пристальным вниманием военщины.

Как уже говорилось, у меня не было особых связей с деятелями Либеральной партии. Я сделал свой выбор из других соображений: просто сравнил три крупнейших партии - Либеральную, Прогрессивную и Социалистическую и пришел к выводу, что мне легче всего будет ввести свои тезисы в программу Либеральной партии. Что касается Социалистической партии, то, как мне показалось, она была целиком опутана социалистическими идеями: рассчитывать на свободу слова там не приходилось. Что же касается Прогрессивной (ныне Демократической) партии, то она в то время декларировала стремление к плановой, контролируемой экономике, и была слишком далека от желания со мной сотрудничать. Либеральная партия считалась наиболее консервативной. В некоторых кругах общества, например, среди коммунистов, отношение к ней было прямо враждебное. Но мне показалось, что либералы, по крайней мере, исповедуют идеологическую свободу, а это дорогого стоит. И уже по этой причине я не мог не выбрать

Либеральную партию.

= Как снимали эмбарго на вывоз золота =

Как уже говорилось, мои взгляды на послевоенное развитие Японии сильно отличались от тех, которые определяли общественное мнение. И больше всего я боялся, чтобы нынешнее общественное мнение не навредило бы будущему Японии. А такие примеры были. Так, в январе 1930 года «по требованию общественности» было снято эмбарго на вывоз из страны золота. Результат оказался печальным - я это помнил очень хорошо.

Япония ввела эмбарго на вывоз золота и приостановила действие золотого стандарта, в сентябре 1917 года, во время Первой мировой войны. Примером для нее послужили действия США. Но США после окончания войны, в июне 1919 года, отказались от эмбарго, в Японии запрет на вывоз золота продолжал действовать. За снятие эмбарго последовательно выступал лишь журнал «Тоё кэйдзай симпо».

После крупного землетрясения, которое произошло в Японии в 1923 году, рыночный курс японской валюты начал резко падать: если в марте 1924 года он составлял 44 доллара, то в конце того же года снизился до 38 лишним долларов США. Не оставалось ничего иного, как удивляться, ибо твердый курс в это время держался в Японии на уровне 49,846, то есть более, чем на 15% отличался от рыночного курса (44 доллара)!

Необходимо было снять запрет на вывоз золота и с помощью этих мер выровнять курс валюты. Я как-то переговорил на эту тему с господином Такахаси Камэкити, который тогда еще работал в «Тоё кэйдзай симпо» (его стол стоял рядом с моим). Он высказался в том смысле, что сейчас, в полном согласии с теорией профессора Касселя о паритете валют, нет иного решения, кроме как девальвировать иену (теория Кейнса еще не была известна). Я придерживался того же мнения. На основе нашей беседы были написаны такие статьи, как «Падение иены и как этому воспрепятствовать» (опубликована в «Тоё кэйдзай симпо» 15 марта 1924 года) «Отмена эмбарго на вывоз золота: актуальные проблемы» (19 апреля 1924 года).

По мере того, как ситуация с японской валютой продолжала ухудшаться, все большее число специалистов выступали за девальвацию. Продолжал отстаивать свою точку зрения и я. Однако общественное мнение никак не хотело согласиться с таким взглядами. Даже господин

Муто Сандзи, который позднее полностью согласился с нашими взглядами, тогда открыто нам противостоял. Аргументировал он свою позицию тем, что было бы неэтично нарушать принятое правительством обязательство, согласно которому 1 иена должна равняться определенной доле чистого золота. Эта теория была изложена в письме, полученном редакцией «Тоё кэйдзай симпо» и опубликованном в номере от 3 января 1925 года. Господин Муто проявил редкое для представителей деловых кругов качество: он откровенно высказал свою точку зрения...

Таким образом, и правительство, и деловые круги и думать не хотели о девальвации иены и стремились ухитриться сделать так, чтобы и эмбарго снять, и прежний паритет сохранить.

В июле 1929 года был сформирован кабинет Хамагути. Ему досталось тяжелое наследство. Еще в апреле 1927 года в стране разразился финансовый кризис, по всей стране начали вводить в действие моратории на финансовые сделки и т.п. Между прочим, этот кризис явился следствием финансовой политики, которую проводило прежнее правительство господина Вакацуки и его министр финансов господин Катаока Наохару), только общество об этом еще не догадывалось. А в июле все эти вопросы перешли к кабинету Хамагути, который решил снять эмбарго с сохранением прежнего золотого стандарта. Министром финансов в кабинете Хамагути был Иноуэ Дзюнносукэ.

Между тем в мае 1929 года, когда рынок ценных бумаг встревожили слухи, будто господин Мицути Тюдзо, министр финансов в правительстве Танака Гиити, собирается снять эмбарго на вывоз золота, именно Иноуэ Дзюнносукэ вместе с двумя другими старейшинами финансового мира - Го Сэйносукэ и Дан Такума - советовал министру финансов «не делать необдуманных ходов». А теперь тот же Иноуэ, но уже в качестве министра финансов правительства Хамагути, собирался отменить эмбарго!..

За две недели до формирования нового кабинета я слушал выступление Хамагути на узком собрании членов так называемого Общества Вторника (Каёкай). В тот момент назначение Хамагути премьером оставалось только вопросом времени.

- Ваша политика снятия эмбарго представляется мне очень рискованной, - сказал я Хамагути.
- Не смею надеяться, что Вы прислушаетесь к моим аргументам, но все же очень прошу Вас тщательно взвесить все за и против».

- Понимаю Ваше беспокойство, - отвечал Хамагути. - Сам я, к сожалению, мало что понимаю в этих вопросах. Но Вы не беспокойтесь. Мы постараемся избежать ошибок, будем советоваться со специалистами...

Значит, это Иноуэ Дзюнносукэ числился у него специалистом!

В прошлом году я очень удивился, когда в книге Икэда Сигэаки «Воспоминания финансиста» прочитал, что ее автор, оказывается, еще «в ноябре 1929 года я всеми силами старался стимулировать министра Иноуэ на решение о снятии эмбарго, подчеркивая, что мы, банки, окажем правительству помощь в этом деле». Таким образом, похоже на то, что финансовые круги единодушно выступали за снятие эмбарго на вывоз золота и восстановление прежней паритетной системы. Из этой же книги следует, что господин Оя, бывший управляющий Банка «Мицуи», также считал, что снятие эмбарго позволит модернизировать японскую промышленность, приведет к увеличению экспорта и восстановлению конъюнктуры. Надо сказать, что и сегодня, настаивая на проведении жесткой экономической политики, люди постоянно приводят именно эти аргументы.

В таком подходе финансовых кругов есть немало эгоистических моментов. Они подробно проанализированы в редакционной статье «Тоё кэйдзай симпо» от 18 февраля 1928 года, озаглавленной «Как распорядиться омертвевшим капиталом, или почему банкиры говорят о снятии эмбарго». В статье было показано, что на самом деле банки выступают за снятие эмбарго по той простой причине, что в условиях депрессии им трудно организовать оборот капитала внутри страны. А снятие эмбарго позволит им направить капиталы за границу - что, собственно говоря, они и сделали после реального снятия эмбарго в январе 1930 года. Закончилось все это тем, что в сентябре 1931 года Великобритания отказалась от золотого стандарта, и в мире возникла так называемая проблема скупки долларов США...

А господин Муто Сандзи, несмотря на все свои выдающиеся качества, только летом 1929 года осознал, что снятие эмбарго на вывоз золота - это далеко не самая рациональная экономическая мера. И, как признался мне он сам, понял это только после того, как резко ухудшилось финансовое состояние его собственной компании «Канэбо». Воистину, сколько не кричи предпринимателю «Пожар!», он не поверит, пока сам не загорится...

= Жесткая финансовая политика кабинета Хамагути =

Прежде чем снять эмбарго на вывоз золота, кабинет Хамагути ограничил зарплату государственным служащим, привлек ученых, которые развернули всеяпонскую кампанию за сокращение расходов и т. п. И только потом, осуществив ряд жестких финансовых мер и добившись снижения цен, снял в январе 1931 года эмбарго на вывоз золота.

Интересно, как вел себя при этом министр финансов Иноуэ? Ведь именно он вместе со своими коллегами отговаривал бывшего министра финансов Мицуги от снятия эмбарго! Стало быть, знал, что внезапная отмена эмбарго не приведет ни к чему хорошему! И, несмотря на это, после непродолжительной полугодовой подготовки эмбарго было снято...

Могу предположить, что господин Иноуэ упустил из виду еще одно важное обстоятельство. Если правительство объявляет о решении снять эмбарго и восстановить прежний паритет валют, то рыночная стоимость валюты, которая до того постоянно снижалась, обязательно подскочит до прежнего уровня. Понимал ли это господин Иноуэ? Может быть, он вообще боялся резкого и неожиданного восстановления прежнего курса валют? Во всяком случае, о решении отменить эмбарго с января 1930 года было объявлено заранее, еще в ноябре 1929 года... Впрочем, ответы на эти вопросы я, скорее всего, уже никогда не получу: после убийства господина Иноуэ в феврале 1932 года я навсегда потерял возможность переговорить с ним на эту тему...

Что касается результатов снятия эмбарго на вывоз золота, то они, к сожалению, оказались еще хуже, чем я предполагал. Жесткая финансовая политика, проводимая в течение более чем четырех лет, привела к углублению экономической депрессии. Ситуация еще более ухудшилась после того, как в сентябре 1931 года Великобритания отказалась от системы золотого стандарта. В том же месяце произошел так называемый Маньчжурский инцидент, а позднее от ран, полученных в результате покушения, скончался Хамагути. Правительство Вакацуки, наследовавшее кабинету Хамагути, не сумело овладеть ситуацией и в декабре 1931 года ушло в отставку. Был сформирован новый кабинет, который возглавил господин Инукаи из партии Сэйюкай, и тут же решением министра финансов нового кабинета господина Такахаси Корэкиё снова было введено эмбарго на вывоз золота...

Но было уже поздно. Тяготы жизни, которые испытывал народ в результате 4-летней

депрессии, дали питательную почву для возникновения и роста движения молодых офицеров, требовавших радикальных перемен в стране, и вообще правых сил. Конечно, нельзя говорить, что все последовавшие затем события - Маньчжурский инцидент, события 15 мая и 26 февраля - напрямую связаны с депрессией. Однако нет сомнения, что именно депрессия создала для этих событий прочную основу. Подобным же образом развивались события в Германии, где продолжавшаяся с 1929 года депрессия позволила Гитлеру в 1933 году взять власть в стране в свои руки. Гитлер погубил Германию. В Японии военщина также привела страну на грань краха. И определенном смысле можно утверждать, что именно снятие эмбарго на вывоз золота в 1930 году привело Японию к сегодняшнему трагическому положению.

Журнал «Тоё кэйдзай симпо» предупреждал о таком развитии событий еще в 1924 году, однако люди пропускали эти предупреждения мимо ушей. Так впустую прошло шесть лет; наши призывы были услышаны только в 1930 году, когда депрессия стала уже очень глубокой и возникла та ситуация, о которой я уже говорил...

Вот такой я накопил жизненный опыт. И больше всего опасаюсь, как бы послевоенная Япония не повторила бы те же самые ошибки...

= Первый кабинет Ёсида =

Итоги всеобщих выборов, состоявшихся в апреле 1946 года, были таковы: я в парламент не прошел, а первое место на выборах заняла Либеральная партия. По какой-то неизвестной мне причине процедура смены тогдашнего премьер=министра Сидэхара на нового премьера потребовала очень много времени и вызвала бурные дискуссии в политических кругах. Наконец, было решено, что император своим указом назначит премьером господина Хатояма из Либеральной партии, но генштаб оккупационных войск своим указом от 4 мая запретил Хатояма заниматься общественной деятельностью.

По поводу причин отстранения Хатояма ходили самые разные слухи. Я не берусь определить, которые из них ближе к истине. Сошлюсь только на свой разговор с господином Мацуока, который состоялся в редакции «Тоё кэйдзай симпо» 16 апреля. В ходе беседы, которая была посвящена разным вопросам, Мацуока рассказал о том, что за пару дней до этого он был приглашен на встречу глав политических партий с журналистам из стран-союзников. Мацуока полагал, что главное место за круглым столом займет господин Хатояма, но, к немалому

изумлению Мацуока, к этому месту провели его самого. Вообще на встрече вокруг Хатояма образовалась атмосфера некой отчужденности, и у Мацуока сложилось такое мнение, что Хатояма вряд ли скоро окажется у власти... Слушая тогда Мацуока, я, честно говоря, подумал, что напрасно мой давний приятель обращает внимание на такого рода ерунду. Более того, даже после изгнания Хатояма из политики я не вспоминал про рассказ Мацуока до тех пор, пока в прошлом году не прочитал в книге Макмагона Болла «Япония: свои или чужие» о том, иностранные корреспонденты ознакомили генштаб с какими-то фактами из биографии Хатояма, а генштаб, изучив эти факты, принял решение запретить ему занимать государственные и общественные посты. Если Болл не покривил душой, то шестому чувству Мацуока можно только позавидовать!

Макмагон Болл является профессором международного права Австралийского университета. Сразу после войны он представлял в Токио интересы Австралии и стран Британского Содружества. Дом Болла находился в районе Мита рядом с резиденцией министра финансов (бывший особняк Сибусава Кэйдзо), и в мою бытность министром финансов я поддерживал тесное знакомство с этим солидным джентльменом. И хотя в его книге немало мест, удивляющих полным незнанием Японии, я все же полагаю, что в том, что касается действий союзников в Токио, Болл был весьма осведомленным человеком - по крайней мере, это ему по должности было положено...

Я могу понять, что иностранные корреспонденты внимательно изучали биографию Хатояма, обсуждали ее и писали статьи и заметки. Но чего я не могу понять - это зачем они отчитывались перед генштабом? И что могло быть в таком отчете? Может быть, памятуя о том, что Хатояма всегда был антикоммунистом, они посчитали его опасным правым политиком?

Как бы то ни было, господин Хатояма был отстранен от политической деятельности, что, естественно, привело в состояние растерянности всю Либеральную партию. Тогда обратились к господину Ёсида. Ёсида, как опытный человек и осторожный политик, выдвинул два условия: во-первых, освободить его от решения финансовых проблем, во вторых - не вмешиваться в его кадровую политику.

Так был сформирован первый кабинет Ёсида, церемония вступления которого в должность премьера состоялась 22 мая. Надо сказать, что большинство постов в новом кабинете заняли те кандидаты, которых предложил еще Хатояма - Ёсида просто согласился с этими

назначениями. Трудности возникли только с назначением министра сельского хозяйства, но зато они были столь велики, что, где-то 19 мая многим показалось, что Ёсида вот-вот откажется от идеи сформировать правительство. Недавно в газете «Токио симбун» от 20 мая 1951 года была опубликована статья Ямаура Канъити «Неизвестный эпизод формирования кабинета Ёсиды», в которой автор пишет, что «против кандидатуры Оути Хёэ, предлагавшейся на пост министра сельского хозяйства, было еще больше возражений, чем против Исибаси Тандзан как министра финансов». Откуда дошли до автора такие слухи - честно говоря, не знаю. Я лично такого что-то не припоминаю...

В моей памяти хранится и еще один случай полной растерянности Либеральной партии. Было это в момент отстранения от политической деятельности господина Мики Букити, который баллотировался на пост председателя палаты представителей. Отстранение это было тем более неожиданным, что никто не чинил Мики никаких препятствий, когда он участвовал во всеобщих выборах. В результате председателем палаты стал господин Хигаи Сэндзо, кандидатура которого первоначально планировалась на пост начальника секретариата кабинета министров. А кандидатом на пост начальника секретариата был назван господин Хаяси Дзёдзи, который долго отказывался занять эту должность, ссылаясь на то, что он ее недостойн. Помню, как все - и я тоже - долго уговаривали Хаяси, подчеркивая, что его скромность - лишнее доказательство того, что он достоин занять пост начальника секретариата...

= К вопросу о прекращении компенсационных выплат по обязательствам военного времени =

Даже краткое изложение проблем, с которыми я столкнулся на посту министра финансов в первом кабинете Ёсиды, могло бы составить объемистый том. Здесь такому изложению не место, поэтому я могу лишь коротко охарактеризовать отдельные проблемы в том виде, в каком они сохранились в моей памяти.

Первые крупные проблемы, с которыми я столкнулся на посту министра финансов, были связаны с прекращением выплат по финансовым обязательствам военного времени и с необходимостью увеличить добычу угля.

Вскоре после окончания войны развернулась широкая дискуссия о том, что делать с теми выплатами, о которых во время войны правительство и армия договорились с военными

предприятиями. Собственно говоря, в той экономической ситуации, в которой оказалась Япония, было два выхода: либо прекратить эти выплаты, либо их отсрочить - выплатить эти суммы сразу было заведомо невозможно. Я надеялся отложить этот вопрос и принять по нему решение спустя некоторое время, однако 26 мая, то есть на пятый день после моего вступления в должность министра финансов, в утренней газете появилась статья, выражавшая мнение некоего господина Лео Чана относительно налога на имущество. Господин Чан был приглашен в Японию генштабом еще во времена кабинета Сидэхара в качестве эксперта по вопросам налогообложения для изучения японской налоговой системы. Говорили, что он является крупным фигурой в налоговых кругах США.

У меня сложилось такое впечатление, что к этому времени в генштабе уже был готов на этот счет какой-то проект. И действительно, 31 мая я был вызван к господину Маркетту, начальнику отдела экономики и науки генштаба. Маркетт вручил мне меморандум, содержащий предложения о налоге на имущество и о 100%-ном налогообложении компенсационных выплат военного времени, и предложил незамедлительно провести положения этого плана в жизнь. План был разработан с умом: согласно нему, правительство не прекращало выплаты по государственным займам военного времени (можно было бы поступить и так, но это было бы нарушением обязательств государства), а просто облагало их 100%-ным налогом. В результате и выплаты приостанавливались, и приличия были соблюдены... Словом, в целом я с планом согласился.

Но был в меморандуме один пункт, который я никак не мог принять. Дело в том, что, согласно этому документу, весь ущерб от прекращения компенсационных выплат несли исключительно банки, то есть, в конечном счете, вкладчики, которые доверили банкам свои сбережения. Таким образом, вкладчики, которые и так попали в трудное положение, будут вынуждены взвалить на себя еще одно бремя. Далее, мало того, что подобные меры ударят по вкладчикам, которые ни в чем не виноваты, но и ущерб, ими понесенный, будет зависеть от того, в каком банке они хранили свои сбережения - иными словами, будут нарушены принципы общественной справедливости. Я надеялся урегулировать эти вопросы путем введения соответствующих поправок в законодательстве о налоге на имущество.

Именно в этом ключе я вел переговоры с генштабом, которые продолжались с конца мая по 22 июля. В конце концов с помощью премьера Ёсида мы получили прямую директиву на этот счет от генерала Макарура, и вопрос был решен. Правда, мои пожелания так и не были

удовлетворены, но были немного увеличены суммы, не облагаемые налогами при выплате страхового возмещения при пожаре и в других подобных случаях...

А что произошло с проектом 100%-ного налогообложения компенсационных выплат по обязательствам военного времени? Вопреки моим опасениям, он был реализован в полном размере. Однако если штаб и реализовал свой проект в полной мере, то ущерб для представителей экономических кругов оказался не столь велик, как они ожидали. Произошло это не в последнюю очередь благодаря специальным мерам, разработанным министерством финансов с целью успокоить экономические круги. Но самая главная причина смягчения удара от этих мер состояла в том, что страну охватила инфляция, которая обесценила потерянные банками суммы. Нашлись, правда критики, которые утверждали, что японское правительство само организовало в стране инфляцию специально для того, чтобы расстроить планы генштаба оккупационных войск, но нелепость этих утверждений очевидна. Инфляция сработала в интересах японских предпринимателей совершенно случайно...

= Уголь: постоянная головная боль =

Проблемы добычи угля не входили непосредственно в сферу компетенции министерства финансов, мне постоянно приходилось ими заниматься, потому что отрасль была тесно связана с бюджетными проблемами.

В военное время войны добыча угля достигла уровня 57 миллионов тонн в год, однако после войны резко пошла на убыль. Причина была проста: во время войны высокие показатели были достигнуты трудом корейских рабочих, а после войны они вернулись на родину. В момент моего назначения министром финансов в стране ежемесячно добывалось только 1 миллион 600 тысяч тонн угля, что составляло менее 20 миллионов тонн в год. Причем уголь этот был низкокачественный и нередко горел так слабо, что даже паровозы отказывались на нем двигаться...

+++++

= Аграрная реформа =

Аграрная реформа была проведена в Японии штабом генерала Макадзума. Среди многих

реформ, проведенных в стерне, именно аграрная реформа получила наивысшую оценку за рубежом. Наблюдательный Джон Геншер писал об этой реформе так: «Если бы гоминдановское правительство провело в Китае земельную реформу, подобную той, что провел в Японии генерал Макартур, то оно по-прежнему находилось бы в Нанкине, а не бежало бы на захолустный остров Тайвань» (цитируется по книге «Загадка Макарура», японский перевод, стр. 226).

Это действительно была гигантская реформа, реформа таких масштабов, которых мир не видел нигде, разве только в Советском Союзе. Состояла она в том, что все сельскохозяйственные угодья, находившиеся в собственности помещиков по всей стране, были принудительно скуплены государством по номинальной стоимости и распределены среди бывших арендаторов. Более того, были отстранены от занимаемых должностей те крупные землевладельцы, кто вплоть до настоящего времени являлись в своих деревнях старостами или возглавляли дружины ополчения (сонэдан). Иными словами, в провинции произошла демократизация, благодаря которой крестьяне, в большинстве своем, избавились от помещиков и стали жить лучше. По крайней мере, такое впечатление сложилось у иностранных наблюдателей, интересовавшихся этими проблемами...

Во многих случаях это так и было. Действительно, крестьяне больше не должны были платить помещикам за землю, и даже та незначительная доля земли, которая осталась в руках помещиков, теперь сдается крестьянам за столь низкую ренту, что фактически предоставляется им бесплатно. Крестьяне после изгнания помещиков с занимаемых ими должностей стали осуществлять на селе местное самоуправление. И это правда, хотя находятся иностранцы, которые в этом сомневаются и считают, что бывшие помещики сохраняют свое влияние в некоторых земельных комитетах и используют его при распределении земель. Однако нам, японцам, такие случаи неизвестны. Иными словами, в том, что касается отстранения бывших помещиков от экономической и политической власти, аграрная реформа достигла замечательных успехов.

Однако при всем при том с самого начала проведения аграрной реформы в Японии был один вопрос, который доставлял очень большое беспокойство.

Дело в том, что в Японии сельское хозяйство всегда было парцеллярным, то есть исключительно малоземельным: так, с учетом земель Хоккайдо на один крестьянский двор

приходилось 1 тё и 1 тан обрабатываемой земли, а без учета Хоккайдо - только 9 тан 6 сэ [166]. На таких участках при всех усилиях нельзя было получить урожай, позволяющий вести достойную жизнь. А ведь крестьяне составляют половину населения Японии! Поэтому именно в безземельности крестьян кроется основная причина слабости японской экономики.

Именно поэтому я с самого начала рьяно выступал за сокращение числа крестьянских хозяйств в Японии вдвое или втрое с тем, чтобы соответственно вдвое или втрое увеличить площадь земли, обрабатываемой каждым крестьянским хозяйством, и предоставить каждой семье хотя бы 2-3 тё земли. Вот это была бы радикальная реформа! Безусловно, ее невозможно осуществить в одночасье. Но если поставить себе цель сделать из Японии страну с процветающей экономикой, то необходимо понимать, что это невозможно сделать без аграрной реформы. Число крестьянских семей можно сократить, направив избыток рабочей силы в промышленность. Таким образом, реформа сельского хозяйства в стране невозможна без развития промышленности.

Какой выглядит в свете этих аргументов послевоенная аграрная реформа? Она оказалась направленной как раз на то, чтобы превратить бывших арендаторов в собственников и, таким образом, закрепить малоземельный характер сельского хозяйства. К тому же новый гражданский кодекс аннулировал прежнюю систему наследования, при которой участок земли переходил к старшему сыну. А это приводит к дальнейшему дроблению крестьянских участков. Так что проведенная реформа находится в полном противоречии с моими взглядами о необходимости расширения площади, закрепленной за каждой крестьянской семьей.

Мне представляется, что после проведенной реформы сельское хозяйство Японии вряд ли сможет развиваться, даже если каким-то образом удастся реализовывать сельхозпродукцию по завышенным ценам. И смогут ли недавно созданные разрозненные крестьянские хозяйства противостоять кризису, если он наступит? Раньше помещики в таких случаях производили так называемое «объединение земель», чтобы смягчить удары кризиса. Сможем ли мы что-нибудь противопоставить ему сейчас?

Кроме всего прочего, следует отметить, что крестьяне не имеют полного права собственности на распределенные среди них земельные угодья. Они не могут ими распоряжаться, не могут, в частности, продать их и выручить за это деньги. Именно с ликвидацией такой возможности связано, как мне кажется, и почти полное прекращение деятельности на селе сначала

Ипотечного банка, который осуществлял финансовые операции еще со времени Мэйдзи, а потом и частных банков. Единственное, что сейчас могут сделать крестьяне с доставшимися им земельными участками - это отдать их в залог.

Данная аграрная реформа подавалась как самая важная с точки зрения демократизации Японии. Необходимый для ее реализации закон был принят на 90-й сессии парламента в январе 1946 года. К моему удивлению, я не услышал тогда в стране сколько-нибудь мощных голосов противников этой реформы - наверное, все посчитали, что ничего с этим поделаться нельзя. Правда, я написал тогда министру сельского хозяйства господину Вада Хироо, что нужно обратить особое внимание на вопросы распределения и обмена сельскохозяйственных угодий, и он мне ответил, что это обязательно будет сделано. Но фактически так ничего сделано и не было. С моей точки зрения послевоенная реформа представляла собой идеальный момент для правильного перераспределения земель, и даже если бы реформа состояла только в этом, то она имела бы несомненный положительный эффект. Но увы...

Меня беспокоит, что в последнее время в разных районах страны начали происходить события, которые можно назвать первыми результатами краха аграрной реформы. Прежде всего, растет спекуляция землей: если при конфискации земель у помещиков за один тан давали лишь несколько сот иен, то сейчас за один тан предлагают уже несколько десятков тысяч иен. Иными словами, возникает новый класс помещиков. Каким образом будет в дальнейшем развиваться сельское хозяйство Японии? Как наилучшим образом решить возникающие при этом вопросы? Это все очень серьезные проблемы, гораздо более серьезные, чем те, которые возникают при переходе к новой системе обязательного школьного обучения.

А между тем аграрная реформа самым неожиданным образом оказалась связанной и со сферой образования. Раньше на селе учителями начальных классов обычно работали дети помещиков. Эти же весьма образованные люди выполняли и многие административные функции. И для населения это было очень удобно. Однако в результате проведения аграрной реформы число помещиков резко сократилось, и сегодня периферия испытывает трудности с комплектованием штата учителей в начальных школах. Результаты аграрной реформы сильнее всего сказываются в самых неожиданных местах...

= Всеобщая забастовка 1 февраля =

Первый кабинет Ёсида терзали непрерывные забастовки. После забастовки работников радио 5 октября 1946 года с угрозами забастовок стали выступать профсоюзы электриков, железнодорожников, связистов, работников просвещения и т.п. В январе 1947 года противостояние достигло своей кульминации в призыве к проведению 1 февраля всеобщей забастовки, с которым выступил профсоюз служащих государственных и коммунальных предприятий и учреждений. Противостояние ударам рабочего движения стало одной из основных задач правительства.

18 января всеяпонский комитет совместной борьбы профсоюзов выступил с призывом ко всем служащим государственных и коммунальных предприятий и учреждений в центре и на местах принять участие во всеобщей забастовке 1 февраля. Причина забастовки состояла в том, что правительство не выполнило требования профсоюзов о повышении заработной платы. Между тем правительство 30 января 1947 года опубликовало заявление под названием «К вопросу о нынешней забастовке», в котором, в частности, говорилось:

«Нынешняя полемика началась с того, что в последней декаде ноября прошлого года несколько профсоюзов одновременно выдвинули письменные требования к правительству. В каждом из них было большое число пунктов, однако центральными были требования улучшения материального положения и троекратного повышения заработной платы по сравнению с ее нынешним уровнем. Приведенные цифры означают, что при составлении проекта бюджета на будущий год правительству придется вдвое увеличить налоги, втрое - тарифы железнодорожных перевозок, в 10 раз - тарифы на связь...

С наступлением нового года, а именно, 10 января, различные профсоюзы направили новые письменные требования к правительству с указанием сроков их выполнения. В ответ на это правительство заявило, что оно произведет повышение заработной платы в соответствии с промежуточным соглашением, подписанным ранее с профсоюзами, однако профсоюзы этим ответом не удовлетворились и 18-го числа призвали к всеобщей забастовке...

В целях предотвращения огромного ущерба, который могла бы нанести всеобщая забастовка, правительство в соответствии со своим предыдущим заявлением от 22 января объявляет о нижеследующем:

1. Правительство приняло решение о повышении с января сего года тарифной ставки по

оплате труда минимум на 32,5% и максимум на 200% в зависимости от категории. При этом заработная плата высокооплачиваемых категорий работников будет повышена в меньшей, а высокооплачиваемых - в большей степени. В целом месячные доходы возрастут на 42% от их сегодняшнего уровня.

2. Лица, имеющие заработную плату 500 (новых) иен, с января будут получать 700 иен. Вопросы дальнейшего повышения станут предметом переговоров.

3. Что касается взимания подоходного налога с работающих, то правительство разработало на этот счет законопроект, в котором учтены пожелания профессиональных союзов, и представило его на следующую сессию парламента.

4. Правительство в полной мере принимает требования профессиональных союзов, касающиеся обеспечения условий труда».

«Несмотря на то, что правительство дало ясный ответ на требования профсоюзов, они остались совершенно не удовлетворены. Стремясь всеми силами избежать всеобщей забастовки, власти обратились за посредничеством к центральному рабочему комитету. Члены комитета со всей серьезностью отнеслись к создававшемуся положению. 28 января был составлен проект соглашения, который комитет разослал обеим сторонам.

В проекте соглашения были пункты, на которые прежде правительство не согласилось бы ни при каких условиях. Только на этот раз, учитывая настоятельную необходимость избежать всеобщей забастовки, власти приняли и эти пункты. Но и это не помогло, ибо профсоюзы полностью отвергли проект соглашения, подготовленный центральным рабочим комитетом... Последняя встреча представителей противоборствующих сторон состоялась во второй половине дня 29 января. Представители рабочего комитета делали все, чтобы сблизить позиции сторон, но успеха не добились: дело окончилось полным разрывом...»

Таково было положение по состоянию на вечер 29 января 1947 года. Правительство, естественно, не было намерено отказываться от дальнейших встреч и переговоров. Вечером 30-го числа министр связи Хиромацу, министр транспорта Хирацука, министр социального обеспечения Каваи, министр просвещения Танака и я [167] в официальной резиденции премьер-министра встретились с представителями рабочего комитета и передали им

компромиссный проект совместного документа. Мы ожидали, что представители профсоюзов тоже придут на встречу. Детали этой встречи были мной опубликованы в виде заявления министра финансов, в котором говорилось:

«Вчера я вместе с другими членами кабинета министров встретился с представителями центрального рабочего комитета и центрального комитета борьбы профсоюзов служащих государственных и коммунальных предприятий и учреждений. Поскольку дело касалось размеров заработной платы, а я занимаю должность министра финансов, то, естественно, я говорил весьма много. Однако, обратившись к сообщениям радио и газет, я обнаружил, что они не в полной мере доносят смысл сказанного мною...

Прежде всего, меня удивило, что в этих сообщениях говорилось о том, будто правительство заняло жесткую и отстраненную позицию, а я вел себя агрессивно, заявлял, что «нужно стоять до конца» и т.п. Все это полностью не соответствует действительности - и это, я думаю, могут подтвердить участвовавшие в переговорах представители центрального рабочего комитета. В частности, говоря об ответе правительства 29-го января на предложения согласительной комиссии, представители рабочего комитета выразили полное удовлетворение и сказали, что если дело и дальше пойдет так, то вполне возможно, что нам удастся добиться компромисса с профсоюзами. Кроме того, когда на встрече 30 числа с представителями посредничающего центрального рабочего комитета господин Накаяма (Итиро) задал вопросы «Действительно ли проект правительства ставит своей целью устранить чрезмерный разброс и установить в будущем минимальный ежемесячный оклад в 1200 иен?» и «Соответствует ли это линии компромиссного документа, предложенного центральным рабочим комитетом?», то представители правительства дали на них положительные ответы. Затем член комитета Кацура спросил, что будет, если после перерасчетов в результате получится не 1200 иен, а ненамного (скажем, на 30-40 иен) меньше? Может ли правительство подтвердить, что зарплата все равно останется 1200 иен? Ответ и в этом случае был положительным. В ответ на такие заявления все присутствовавшие, за исключением Токуда (Кюити)[168] выразили глубокое удовлетворение. Так что, это, к сожалению, представители всеяпонского комитета совместной борьбы профсоюзов с самого начала решили игнорировать посреднические усилия рабочего комитета. А правительство, как видно из сказанного, было последовательным от начала до конца и всегда демонстрировало готовность к компромиссам...»

29 января, расставаясь с представителями комитета совместной борьбы, я действительно

позволил себе заметить, что «нас может рассудить только народ». На это председатель Ии (Ясиро) ответил, что они отвергают предложения правительства и продолжают стоять на точке зрения, изложенной в призыве к всеобщей забастовке. В ответ представитель правительства мог лишь еще раз заявить, что «нас рассудит народ». Позиция какой из сторон была более искренней? Думаю, об этом вам могут рассказать члены рабочего комитета, посредничавшие на переговорах».

Вечером 30 января мы ждали представителей профсоюзов до 12 часов ночи, но они так и не пришли. Тогда мы с министром социального обеспечения Каваи решили остаться в приемной резиденции премьера и ждать их до конца. Но мы так никого и не дождались. Оказывается, вечером 30 января члены комитета совместной борьбы профсоюзов были вызваны в отдел экономики и науки штаба оккупационных войск, где им приказали отказаться от проведения всеобщей забастовки. Весь вечер они обсуждали вопрос, подчиняться этому приказу или нет, и потому на встречу с нами не пришли. С нами встретился только господин Токуда - и было это около двух часов ночи. Кстати сказать, он был единственным членом рабочего комитета, который выразил неудовлетворение ответами правительства, все остальные решение правительства поддержали (ни один из представителей работодателей на встрече так и не появился). Профсоюзы на ночном совещании приняли решение забастовку проводить, поэтому Токуда был очень возбужден, говорил, что они приняли это решение для того, чтобы поддержать дух японского народа, что рабочие должны стать застрельщиками в борьбе и т.п. А когда мы вместе вышли из резиденции премьера, то нас встретила целая профсоюзная демонстрация, участники которой ходили взад-вперед, возбужденно размахивая факелами.

Тем не менее, всеобщая забастовка 1 февраля не состоялась - ее запретил своим приказом от 31 января командующий оккупационными войсками генерал Макартур. Профсоюз служащих государственных и коммунальных предприятий и учреждений мог не прислушаться к рекомендации начальника отдела экономики и науки штаба оккупационных войск господина Маркетта и все-таки решиться на проведение забастовки для поддержания авторитета японского народа, но ослушаться приказа командующего Макартура профсоюз не посмел.

Приказ Макартура о запрете забастовки был весьма длинным, но выдержанным в исключительно спокойных тонах: «Я вынужден предпринять эти чрезвычайные запретительные меры. Вместе с тем, хочу еще раз заявить, что я не намерен ограничивать свободу действий трудящихся в том, что касается достижения законных целей», - говорилось

в приказе.

Говорили, что запретом демонстрации 1 февраля штаб хотел противостоять Коммунистической партии, которая была несогласна с политикой оккупационных войск по отношению к рабочему движению. Безусловно, забастовка с самого начала была задумана компартией, и подготовка к выступлению велась под ее руководством. Некоторые утверждали даже, что этим выступлением коммунисты хотели даже за один шаг привести Японию к революции. Но у меня не сложилось впечатления, что такая опасность действительно существовала. Подавляющее большинство членов профсоюза служащих государственных и коммунальных предприятий и учреждений не были коммунистами, и они не могли не понимать, что в предложениях правительства есть рациональное зерно. Между прочим, 30 января профсоюз министерства финансов выразил готовность пойти на компромисс с правительством по вопросу о заработной плате. У меня было такое чувство, что и с руководителями профсоюзов, находившихся под влиянием компартии, тоже вполне можно было вести переговоры, главное - во время любой встречи сохранять присутствие духа и сдерживать себя, не давая вырваться наружу всяким невежливым оборотам... Думаю, если держать себя в руках, то договориться можно о многом. На аргументы надо отвечать аргументами - иным путем в дискуссии идти нельзя. А давить авторитетом власти - это не та политика, которую нужно проводить и по отношению к рабочему движению, и по отношению к компартии. И этому меня тоже научили события, связанные с всеобщей забастовкой, назначенной на 1 февраля...

Конечно, неизвестно, что бы случилось, если бы Макартур не издал своего приказа, но мне кажется, что японское правительство своими силами сумело бы справиться с ситуацией.

29 января председатель всеяпонского комитета совместной борьбы профсоюзов господин Ии выступил с обращением по радио. Я тоже вечером 30 января выступил по радио с обращением к стране и рассказал, в каком затруднительном положении оказалось правительство. Одновременно со мной по радио выступили также Ии и представитель рабочего комитета Суэхиро Идзутаро. Я не знаю, были ли отклики на их выступления, но на мое - были. И эти отклики свидетельствовали, что большая часть населения не является врагами собственного правительства. Профсоюз служащих государственных и коммунальных предприятий и учреждений, а уж тем более его руководство, на поводу у всеяпонского комитета совместной борьбы профсоюзов не пошли.

= Переговоры в ресторане «Кацура» =

Первый кабинет Ёсида был коалиционным. Его составили представители Либеральной партии и Прогрессивной партии (потом Демократической партии). Насколько мне известно, между ними не было сильных противоречий. Неплохие отношения сложились также с Социалистической и другими оппозиционными партиями. Я, в частности, обратил внимание на то, что даже по не самым значительным вопросам обязательно организовывались встречи с руководствами фракций в обеих палатах с тем, чтобы проинформировать их о создавшемся положении и добиться определенной степени понимания. Поэтому, несмотря на то, что в зале заседаний в комитетах парламента иногда шли жаркие дискуссии, в целом с другими партиями сложились весьма сердечные отношения.

В ноябре 1946 года я создал в министерстве финансов три комиссии: комиссию по регулированию и контролю финансовых доходов и расходов, комиссию по налоговой системе и комиссию по финансовой системе. В эти комиссии вошли представители трех партий: Либеральной, Прогрессивной и Социалистической. Либеральную партию представлял Такэда Гиити (комиссия по доходам и расходам), Прогрессивную - Томабэ Тигидзо (по налоговой системе); от Социалистической партии был выдвинут Мидзутани Тёдзабуро (по финансовой системе). Я стремился к тому, чтобы политика по мере возможности была надпартийной, полагая, что послевоенная Япония - это не та страна, в которой нужно допускать безудержное соперничество политических партий. И пребывание в должности министра финансов это мое убеждение только укрепило.

По моему мнению, в целом парламент тогда действовал правильно, и я был удовлетворен его работой. Более того, мне не казалось, что нужно что-то менять и в кабинете министров, например, включать в него представителей Социалистической партии. Поэтому я был до крайности поражен, когда 24 декабря 1946 года некоторые люди стали утверждать, что я вместе с премьером Ёсида и государственным министром Нусахара предпринимаю какие-то меры для того, чтобы представители Социалистической партии вошли в правительство. Безусловно, если бы в этом деле удалось достичь успеха, то это можно было бы только приветствовать. Опасался я другого.

Происходили эти события в день закрытия 91-ой специальной сессии парламента. На 28 декабря была назначена церемония открытия 92-й сессии. В это время, к сожалению, и стали

превращаться в реальность мои опасения: сначала поползли самые разнообразные слухи, а потом на заседании кабинета министров 17 января 1947 года было объявлено, что усилия премьер-министра Ёсида по созданию коалиции с Социалистической партией потерпели поражение.

Однако премьер-министр Ёсида на этом не остановился и начал новые переговоры с Социалистической партией, которые опять-таки закончились неудачей - об этом было объявлено на заседании кабинета министров 30 января. Одновременно с этими событиями ушел в отставку министр сельского хозяйства Вада. И в этих условиях прозвучало новое заявление Ёсида о том, что он не оставляет надежды на сотрудничество с Социалистической партией... Не знаю, что явилось истинной причиной таких заявлений. Может быть, он считал, что таким образом можно преодолеть кризис, связанный с яростным наступлением рабочих (тогда как раз была в разгаре суета, связанная с забастовкой 1 февраля, о которой я уже писал)? Или избавиться от связей с Либеральной и Прогрессивной партиями, которые в народе называли «консерваторами» и «реакционерами»? Не знаю.... Так или иначе, 31 января была осуществлена реорганизация кабинета (правда, представители Социалистической партии в него, естественно, так и не вошли). В результате этой реорганизации я некоторое время по совместительству занимал также должности начальника департамента цен и главы центрального управления по обеспечению занятости на производстве.

6 февраля я в резиденции министра финансов имел встречу с генеральным секретарем Социалистической партии господином Нисю [169]. Вообще-то я не люблю приставать к людям с вопросами, но тут я стал расспрашивать господина Нисю, каковы планы Социалистической партии. В результате беседы мне стало ясно, что Соцпартия в нынешней ситуации также не намерена отказываться от сотрудничества с кабинетом Ёсида, но, к моему удивлению, одним из условий этого сотрудничества ставит мой уход с поста министра финансов (впрочем, я об этом еще раньше узнал из газет). И, похоже, как раз это условие и не хотел выполнять премьер-министр Ёсида...

Я, со своей стороны, сказал Нисю, что если причина действительно только в этом, то ее легко устранить. Если мой уход с поста министра финансов на самом деле откроет путь к созданию коалиции Либеральной, Прогрессивной и Социалистической партий, то я готов немедленно уйти в отставку.

Скоро обстановка резко изменилась. 7 февраля генерал Макартур направил премьер-министру Ёсида письмо, в котором в приказном порядке предлагал распустить парламент и провести всеобщие выборы на основе новой Конституции. Однако я, как и было оговорено с Нисио, попытался снова переговорить с Ёсида. Скоро договоренность о такой встрече была достигнута, и вечером 8 февраля мы с Ёсида встретились в одной из комнат Управления императорского двора. На этой встрече я хотел еще раз уточнить у премьера возможно ли, по его мнению, продолжение контактов с Социалистической партией, а также выяснить, могу ли я лично переговорить с ее представителями. Премьер сказал, что если бы это стало возможным, то большего и желать было нельзя. Иными словами, он выразил согласие на переговоры.

Переговоры начались вечером 9 февраля, несмотря на то, что этот день приходился на воскресенье. Проходили они в ресторане «Кацура» в токийском районе Мита. Участников было четверо: Нисио Суэхиро и Мидзутани Тёдзабуро от Социалистической партии, Каваи Ёсинари от Прогрессивной партии и я. Закончились переговоры только в 2 часа ночи следующего дня, но закончились успешно.

Утром 10 февраля я позвонил Ёсида, который находился у себя дома в Оисо [170] и попросил его вернуться в Токио. Затем я пригласил в резиденцию министра финансов председателя президиума Либеральной партии Оно (Бампоку) и управляющего делами той же партии Окубо (Томэдзиро), сообщил им о достигнутом утром соглашении и заручился их предварительным согласием. В 10 часов утра я прибыл в резиденцию премьера и доложил о достигнутом соглашении непосредственно Ёсида. Однако, к сожалению, в тот день резко осложнилась обстановка в Прогрессивной партии: пошли слухи о том, что к ней якобы решил примкнуть видный деятель Либеральной партии Асида Хитоси, что создается новая партия и т.п. Словом, времени на то, чтобы переговорить с премьером по вопросу коалиции с социалистами у них не осталось, хотя, судя по тому, что говорил мне сам премьер, он не менял своего мнения по этому вопросу и продолжал надеяться на продолжение переговоров.

Вечером 12 февраля Нисио, Мидзутани, Каваи и я снова встретились в «Кацура», чтобы обсудить соглашение, достигнутое утром 10 февраля, и составить его окончательный текст (потом к нам присоединился господин Хирано Масукити из Прогрессивной партии). К трем часам ночи 13 февраля этот текст был готов. Следует сказать, что упоминаемые в нем «пять партий» - это Либеральная, Прогрессивная, Социалистическая, Народно-кооперативная и

Кокуминто. Последние две партии до того не участвовали в переговорах, но были упомянуты в проекте соглашения по просьбе представителей Прогрессивной партии. Текст соглашения гласил:

«Политическое соглашение (проект)

Учитывая сложившуюся внешне- и внутривнутриполитическую обстановку и принимая во внимание, что для создания демократической Японии по-прежнему необходима мощная поддержка со стороны Объединенных наций, наши пять партий отказываются от прежде проводимых несогласованных курсов, прекращают политическую борьбу и заключают между собой нижеследующее соглашение о создании коалиционного кабинета министров, которое будет действовать вплоть до подведения итогов следующих всеобщих выборов. На основе данного курса мы будем добиваться полного согласия между всеми слоями японского общества и проведения в согласии с законом следующих всеобщих выборов, которые должны привести к формированию парламента в соответствии с подлинно свободным волеизъявлением японского народа.

1. Кандидатуры членов будущего коалиционного кабинета министров выдвигаются каждой партией в отдельности в соответствии со следующими квотами: от Либеральной партии - 5 человек, от Прогрессивной партии - 4 человека, от Социалистической партии - 4 человека, от Народно-кооперативной партии и от партии Кокуминто - по 1 человеку. Кроме них, в состав кабинета войдут также 5 беспартийных министров.

2. Обязанности указанных выше лиц распределяются следующим образом:

Представители Либеральной партии занимают посты премьер-министра и по совместительству министра иностранных дел, министра финансов, министра внутренних дел, министра социального обеспечения и министра без портфеля.

Представители Прогрессивной партии занимают посты министра связи, министра торговли и промышленности, а также получают два поста министров без портфеля.

Представители Социалистической партии занимают посты министра сельского и лесного хозяйства, министра транспорта, министра труда и министра без портфеля.

Представители Народно-кооперативной партии и партии Кокуминто занимают два поста министров без портфеля.

Беспартийные члены кабинета занимают посты министра юстиции, министра просвещения и трех министров без портфеля (включая пост главы центрального управления по обеспечению занятости на производстве).

3. Кандидатура главы центрального управления по обеспечению занятости на производстве выдвигается исполнительным комитетом Социалистической партии.

4. Все ныне работающие беспартийные члены кабинета (за исключением главы центрального управления по обеспечению занятости на производстве) сохраняют за собой свои посты.

5. Из числа министров без портфеля выделяются руководитель департамента угледобывающей промышленности и глава палаты восстановительных работ.

6. По вопросу о политическом курсе действует отдельное соглашение (прилагается).

Приложение. Соглашение о политическом курсе (проект, в сокращении).

Стороны провели обсуждение вопросов формирования политического курса, центральными темами которого стали меры по преодолению экономического кризиса, выдвинутые Социалистической партией (меры, направленные на восстановление промышленности; политика по отношению к рабочему движению; меры, направленные на борьбу с инфляцией; меры, направленные на стабилизацию жизненного уровня народа). Достигнуто взаимопонимание по всем пунктам, за исключением тех, которые касаются форм собственности и способов управления государством. В целом достигнуто совпадение точек зрения Социалистической партии и других четырех партий по многим неотложным вопросам. Что же касается таких вопросов, как приостановка выплат процентов по облигациям займов военного времени в целях борьбы с инфляцией или установление так называемого второго налога на имущество (или антикризисного налога), который затрагивает в основном тех, кто получает зарплату в новых иенах - то эти проблемы должны быть исследованы в комиссиях по финансам и по налогам соответственно».

= Попытки создать коалиционное правительство терпят неудачу =

Несмотря на заключение «частного» соглашения между Нисио, Мидзутани, Каваи и Исибаси, соглашения о создании коалиционного правительства достичь не удалось. Впрочем, Нисио еще во время наших переговоров часто колебался и говорил, что не знает, пойдет ли Социалистическая партия на такое соглашение или нет. Он также утверждал, что вот если бы я ушел с поста министра финансов, то тогда вопрос о коалиции был бы решен, а так... Впрочем, несмотря на такую позицию, он все-таки проявил мужество и сел с нами за стол переговоров, видимо, посчитав, что с точки зрения государственных интересов будет правильно заключить краткосрочное, на период до выборов, соглашение о коалиции.

Рано утром 13 февраля, когда текст проекта соглашения был, наконец, подготовлен, мы на память об этом событии написали свои пожелания на открытках и раздали их всем присутствовавшим. Я свою открытку куда-то положил и потом так и не смог найти, где она сейчас - не знаю. Но я хорошо помню, что тогда оставил на ней строчку из стихотворения святого Нитирэна: «Сам по себе дождь косо идти не может, это ветер его заставляет ночью стучать в окно», а Нисио написал: «Нужно быть патриотом своей родины, а не своей партии». Думаю, он действительно так считал.

Для того чтобы какие-нибудь «косо поглядывавшие» на нас лица действительно не вмешались в реализацию соглашения, мы предусмотрели следующий порядок действий.

1. В 11 часов утра 13 февраля председатели президиумов Либеральной, Прогрессивной и Социалистической партий собираются в кабинете главы центрального управления по обеспечению занятости на производстве на совещание, в ходе которого глава этого ведомства знакомит их с подготовленным нами проектом. В этот момент проект принимает официальный характер. (Это совещание действительно состоялось, в нем приняли участие: от Либеральной партии - председатель президиума Оно, а также Окубо Томэдзиро и Исибаси Тандзан; от Прогрессивной партии - председатель президиума Танака (Манъицу), а также Инукаи Такэру и Каваи Ёсинари; от Социалистической партии - генеральный секретарь Нисио, а также Морито Тацуо и Мидзутани Тёдзабуро).

2. Главы партий, получив текст проекта, доводят его до сведения своих партий.

3. Следующее совещание глав трех партий назначается на 17 часов 13 февраля в том же здании.

4. Затем, в тот же день, проходит совещание представителей пяти партий, которое принимает окончательное решение по этому вопросу.

5. 14 февраля кабинет Ёсида уходит в отставку и формируется коалиционный кабинет.

Таким образом, согласно нашему плану все дела должны быть по существу решены в течение 13 февраля.

Рано утром 13 числа я в кабинете министра финансов встретился с председателем президиума Оно, показал ему вышеуказанную программу действий и готовый проект соглашения и попросил его прийти на совещание, которое состоится в 11 часов. Премьеру я ничего сообщать не стал, поскольку переговорил с ними еще 10-го числа, и он ответил на мои предложения согласием.

Между тем в 11 часов утра в назначенное место согласно договоренности пришли только представители Социалистической и Прогрессивной партий; из Либеральной партии никого не было. Прождав Оно и Окубо до 12 часов, мы начали поиски и обнаружили их в кабинете премьер-министра. Я застал их мирно беседующими с премьером. По видимому, они посчитали предыдущие мои напоминания недостаточными и не только не подготовились к совещанию, но даже и не прочитали соглашения. В этом была моя ошибка. В оправдание могу только сказать, что в те дни я был постоянно занят переговорами по урегулированию проблем, оставшихся после несостоявшейся всеобщей забастовки 1 февраля, и потому не смог найти времени для обстоятельного разговора с премьер-министром.

Как бы то ни было, запланированная на 13 февраля встреча руководителей трех партий была сорвана. Правда, во второй половине этого дня состоялась встреча представителей пяти партий, но, как и опасался Нисио, было уже поздно: закипели страсти в самой соцпартии. Группа депутатов парламента от этой партии на своем совещании приняла резолюцию протеста против планов создания коалиции. А присутствовавший на совещании представителей пяти партий господин Морито Тацуо снова потребовал, моего ухода с поста министра финансов, приостановки выплаты процентов по займам и замораживания новых иен.

Иными словами, он открыто выступил против нашего совместного проекта...

Таким образом, Нисио и Мидзутани остались с пустыми руками: попытки наладить крупномасштабное сотрудничество партий окончились провалом. Тем не менее, для того, чтобы сохранить согласованность в проведении политических линий отдельных партий и продемонстрировать неизменность подходов, они в 16 часов 14 февраля провели новое совещание представителей пяти партий и приняли на нем следующее совместное заявление:

«Заявление совещания представителей пяти партий

Мы созвали это совещание с целью реализовать свое самое искреннее желание прекратить всякую политическую борьбу между нашими партиями. Однако нам не удалось преодолеть расхождение точек зрения отдельных партий, и поэтому переговоры о создании коалиционного кабинета были прерваны. Тем не менее, мы поддерживаем сформулированный выше основной принцип взаимодействия наших партий и будем стараться и впредь по мере возможности добиваться успешного проведения нашей политической линии.

14 февраля 1947 года, 16 часов

Либеральная партия, Прогрессивная партия, Социалистическая партия, Народно-кооперативная партия, партия Кокуминто (председатели)»

Однако дело этим не закончилось. Во второй половине дня 19 февраля на сессии палаты представителей парламента депутат от Социалистической партии господин Сатакэ Харуки в резкой форме потребовал от меня объяснений. Мне показалось, что этот запрос не был согласован с господином Нисио и господином Мидзутани - по крайней мере, он их озадачил. Однако делать нечего: если вопрос задан, то на него нужно отвечать, а, отвечая на него, я был вынужден до некоторой степени раскрыть детали состоявшихся переговоров. Это, с очевидностью, взволновало социалистов. По крайней мере, шум в зале стоял оглушительный...

Волнения в стане социалистов продолжались и на следующий день, 20 февраля, поэтому заседание палаты представителей, намеченное на 13 часов, началось только в 15:30. На этом заседании блестящий оратор господин Морито выступил с речью, которая явилась ответом на мое вчерашнее выступление. Речь содержала прямые выпады в мой адрес, поэтому я был вынужден снова взять слово и еще немного рассказать о том, как все происходило на самом

деле. Я кратко обрисовал позицию Морито во время совещания пяти партий 14 февраля и закончил свое выступление словами о том, что дальнейшее любопытство в этом вопросе «не принесет пользы Социалистической партии». Потом возникла небольшая дискуссия о том, что я имел в виду, говоря, что «это не принесет пользы». Честно говоря, я ничего особого в виду не имел, а просто хотел сказать, что если углубляться в вопросы о замораживании иены или о прекращении выплат процентов по займам, то это только запутает присутствующих, и поэтому эти вопросы нужно обговаривать отдельно.

= Политическое соглашение =

Попытки создания коалиционного правительства многому нас научили. Для меня наиболее интересным было то, что, оказывается, мы могли бы заключить всеобъемлющее соглашение с соцпартией, но разошлись всего в двух пунктах, тогда как остальные были согласованы без труда.

При подобных переговорах самым важным обычно считается вопрос о распределении портфелей в будущем кабинете министров. В наших переговорах он тоже, естественно, занимал одно из первых мест. Но важно и другое. До этого в обществе считали, что кабинет Ёсида и Социалистическая партия расходятся во мнениях по ключевым вопросам, что они несовместимы, как лед и пламень. Однако оказалось, что, стремясь к достижению соглашения, стороны не только обсуждали политику друг друга, но и смогли сделать определенные шаги для достижения компромисса. Должен сказать, что такой результат был не случаен. Обсуждая свою политику в свете приближающихся выборов, мы изучали политику и других партий, и скоро пришли к выводу, что для нас наиболее выгодным будет вступить в контакт с Социалистической партией и шаг за шагом вести переговоры о сотрудничестве.

Как известно из совместного политического заявления, опубликованного вечером 20 февраля, такие постатейные переговоры закончились неудачей. Однако разногласия у нас сохранились далеко не по всем пунктам. По некоторым позиции были весьма близки. Так, если взглянуть на проект соглашения, подготовленный соцпартией, то в нем нередко можно увидеть слова «государственная собственность и государственное управление». Например: «Для того чтобы возродить и восстановить экономику Японии, в этом году нам нужно поставить своей целью увеличение производства, в частности, в угледобывающей и сталелитейной промышленности. А предварительным условием этого является передача их в государственную собственность и

под государственное управление».

Иными словами, в программе соцпартии утверждалось, что для развития угледобывающей промышленности необходимо часть шахт передать государству. Мы тоже размышляли над этим вопросом и пришли к выводу, что если в предыдущем абзаце слова «предварительным условием для этого является передача их в государственную собственность» заменить словами «при необходимости может осуществляться передача их в государственную собственность», то этот пассаж вполне может войти в программу Либеральной или Прогрессивной партии. Тем более что соцпартия соглашалась с тем, что «передача их в государственную собственность» отнюдь не означает «немедленная передача их в государственную собственность», и потому изменять формулировки здесь вообще было не нужно. И такой компромисс с соцпартией оказался возможен по многим пунктам ее программы.

Таким образом, оказалось, что если рассматривать программу соцпартии конкретно, пункт за пунктом, то среди них было немало таких, которые нам подходили, и этот факт нельзя было не заметить. Вообще если подходить к решаемым вопросам не с точки зрения идеологии, а с точки зрения конкретной работы, то оказывается, что в программах разных партий есть много общего - независимо от того, как называются эти партии - прогрессивными или консервативными. Самое интересное - обычно это те пункты, осуществление которых помогает поднять жизненный уровень народа. Можно считать это случайным совпадением, но я лично убедился в этой истине во время переговоров в «Кацура».

С другой стороны, в предложениях Социалистической партии были и такие пункты, с которыми ни господин Каваи, ни я не могли согласиться. Их было два: 1) приостановить на год выплаты процентов по займам военного времени и 2) ввести так называемую систему регистрации новых иен для того, чтобы можно было взимать с их владельцев повторный налог на имущество.

Тут надо пояснить, откуда возникло слово «регистрация». На самом деле оно означало просто замораживание новых иен, и соцпартия, опасаясь негативного общественного резонанса, заменила этот термин на другой.

Подробное изложение проблем приостановки выплат по займам военного времени и замораживания иены заняло бы слишком много места, поэтому здесь будет дан лишь краткий

анализ. Хочу только сказать, что если бы мы были в состоянии провести эти меры в жизнь, то беспрепятственно сделали это, не дожидаясь соцпартии. Однако в то время - вне зависимости от того, кто находился у власти - так поступать было нельзя. Почему?

Дело в том, что в Японии облигации государственного займа находились, в основном, не у частных лиц, а у банков, сберегательных касс и т.п. И именно с процентов от государственных займов сберкассы выплачивали проценты на вклады граждан. Таким образом, если приостановить выплаты процентов по государственным займам, то банки, почтовые сберкассы и другие подобные учреждения прекратят выплаты процентов по вкладам граждан. А это окажет огромное влияние на настроение людей, поставит под сомнение возможность получения денег с вкладов и вообще приведет к неустойчивости: люди начнут изымать сбережения из банков или бросятся скупать товары, что подстегнет инфляцию. К тому же при всех этих рисках государство, полностью прекратив выплату процентов по госзаймам, могло сократить свои расходы всего на 4 миллиарда 900 миллионов иен в год притом, что общая сумма займов военного времени составляла 3 миллиарда 800 миллионов иен. Так что овчинка не стоила выделки...

Что же касается замораживания иены, то мы считали, что такое решение также не создаст в обществе ничего, кроме проблем и приведет к всплеску прямого товарообмена. Подобным же образом предлагаемое Социалистической партией взимание повторного налога на имущество могло подорвать доверие к финансовой системе, вызвать нестабильность и породить хаос, с которым будет очень трудно справиться.

Таким образом, правительство тоже тщательно изучило эти подходы и пришло к выводу, что реализовывать их на практике не стоит. Кроме того, штаб оккупационных войск, который поначалу издал распоряжение о начислении 71%-ного налога на вклады военного времени, потом отменил это распоряжение - видимо, опасаясь тех же отрицательных последствий. Поэтому если Социалистическая партия хотела бы и дальше держаться за эти пункты, то было бы правильно, если бы она выпустила специальное заявление, в котором отчетливо аргументировала свою позицию и показала, что высказанные нами опасения являются безосновательными. Если подобное заявление будет сделано, то мы готовы согласиться с предлагаемой соцпартией политикой и признать, что и сокращение государственных расходов на 5 миллиардов иен, и вторичный налог на имущество не нанесут ущерба экономике.

Вот в таком виде я поставил на переговорах эти вопросы перед господином Нисио и господином Мидзутани.

Однако, к сожалению, оба они уклонились от прямого ответа. Более того, между господином Нисио и господином Мидзутани, который специализируется в партии на экономических вопросах, началась некая полемика о том, возможна ли такая декларация или нет.

Тогда мы договорились оставить эти два вопроса в стороне и не затрагивать их в нашем совместном заявлении. Именно поэтому в предварительном проекте совместного политического заявления было указано: «Что же касается таких вопросов, как приостановка выплат процентов по облигациям займов военного времени в целях борьбы с инфляцией или установление так называемого второго налога на имущество (или антикризисного налога), который затрагивает в основном тех, кто получает зарплату в новых иенах - то эти проблемы должны быть исследованы в комиссиях по финансам и по налогам соответственно». Комиссии эти, как уже говорилось, были созданы при министерстве финансов.

Короче говоря, в результате переговоров мне стало ясно, что Социалистическая партия не сможет быстро отказаться от этих двух положений, сформулированных в решениях ее партийной конференции, и потому наилучшим выходом будет направить их для детального исследования в комиссии. Вместе с тем я отчетливо выразил господам Нисио и Мидзутани мой пессимизм относительно дальнейшей судьбы этих положений и был уверен, что они поняли меня правильно. А господин Морито, не зная всего этого, полагал, что дело по-прежнему идет о согласовании вопроса прекращения выплат процентов по займам, и потому напустился на меня с упреками. Я, в ответ на это, был вынужден вкратце рассказать о ходе переговоров - и именно здесь родилась реплика о том, что более детальный рассказ «не принесет пользы Социалистической партии»...

На всеобщих выборах, состоявшихся в апреле 1947 года, Социалистическая партия одержала победу. Был сформирован кабинет Катаяма [171]. Однако интересно, что это правительство так и не приостановило выплаты процентов по займам, как не провело оно и замораживания иены. Думаю, это в немалой степени было связано с тем, что кабинет Катаяма был коалиционным, в него входили представители Социалистической, Демократической и Народно-кооперативных партий. Кроме того, вопреки нашим ожиданиям, пост министра финансов в правительстве Катаяма занял вовсе не представитель Социалистической партии,

а Яно Сётаро от Демократической партии. Когда же господин Яно скончался, то его наследником на этом посту стал Курусу Такэо...

Я заранее прошу извинения на свою подозрительность, но мне почему-то кажется, что отказ социалистов после победы на выборах занять пост министра финансов мог быть связан и с неразрешимостью тех двух вопросов, о которых выше шла речь...

Завершая эту статью, не могу не сказать, что мне совершенно не хочется ворошить прошлое, а тем более нападать на Социалистическую партию, и если я взялся за эти воспоминания, то лишь потому, что мне хотелось откровенно написать о том, что тогда было. Надеюсь, что эти воспоминания послужат материалом для анализа всеми заинтересованными сторонами...

= Вокруг избрания первого премьер-министра =

В соответствии с приказом командующего оккупационными войсками генерала Макартура от 31 марта 1947 года была распущена палата представителей парламента Японии. 25 апреля того же года состоялись всеобщие выборы. Я тоже принимал в них участие в качестве кандидата по 2-му округу префектуры Сидзуока (территория к востоку от реки Фудзи) и, к своей радости, победил, заняв первое место. Этот период запомнился мне как время катастрофической занятости и делами партии, и своими выборами (с 17 апреля я всю неделю был в округе).

Еще до этих событий в части нашей партии начались разговоры о том, что было бы неплохо, если бы я занял пост заместителя председателя партии. Этому мнения придерживался один из старейших деятелей партии господин Цудзи Кароку. Не знаю, почему он так решил; мы с ним никогда не были близко знакомы, и встречались лишь пару раз в доме Хатояма (Итиро) в районе Акасака - еще до того, как Хатояма было запрещено занимать общественные должности. Помню, что когда мы знакомились, то старец отрекомендовался мне как «Цудзи, верный вассал господина Хатояма». Позднее, когда я занял пост министра финансов, один из моих знакомых в разговоре как-то обронил фразу наподобие «Цудзи - один из боссов Либеральной партии, но как же трудно с ним работать!». И вот этот господин Цудзи накануне всеобщих выборов 1947 года стал настойчиво добиваться через посредников встреч со мной. В конце концов, мне пришлось пару раз с ним встретиться. Встречи происходили во все том же ресторане «Кацура» и сводились в основном к речам Цудзи, который не переставал

утверждать, что хотел бы видеть меня заместителем председателя Либеральной партии.

Все эти любезности приводили меня в крайнее замешательство, и не более того. Но год спустя, когда мне запретили занимать официальные должности, один из высокопоставленных чинов штаба оккупационных войск заявил: «Сам по себе Исибаси здесь не при чем, но он стал определенным символом, и потому мы не могли не пойти на отстранение его от всех должностей». Я сначала вообще не понял, о чем идет речь, а потом подумал, что, может, это идея Цудзи сделать меня заместителем председателя так впечатлила командование и сделала из меня «символ»? Если это так, то мне остается еще раз выразить благодарность Цудзи за его любезность. Но, конечно, это далеко не все чувства, которые я при этом испытываю...

На выборах 1947 года я прилагал все силы для победы Либеральной партии, но, должен сказать, что если бы в результате этих выборов Либеральной партии было бы поручено сформировать кабинет министров, то я бы в этот кабинет не вошел. Во избежание осложнений я тогда об этом открыто не заявлял, но это мое решение было доведено до сведения председателя президиума партии господина Оно, причем я сказал ему, что, оставив хлопотную работу в правительстве, я смогу больше сил отдавать на благо партии...

Однако, вопреки нашим ожиданиям, Либеральная партия потерпела на выборах поражение. На первом месте по результатам голосования оказалась Социалистическая партия. А вскоре и мне было запрещено занимать какие-либо официальные должности. При случае я еще расскажу о ситуации, которая тогда сложилась, а пока хочу рассказать об обстоятельствах, сопутствовавших первому избранию премьер-министра.

По Конституции Японии, «Премьер-министр и другие государственные министры должны быть гражданскими лицами... Премьер-министр выдвигается резолюцией парламента из числа членов парламента» [172]. Кстати сказать, употребленный в этой статье термин «гражданское лицо» (буммин) впервые встречается именно в тексте данной Конституции и примерно соответствует по смыслу английскому «civilian».

Во время первого голосования по кандидатуре премьер-министра в соответствии с новой Конституцией, опубликованной в мае 1947 года, в парламенте возникла дискуссия. Одна сторона утверждала, что раз по результатам прошедших за месяц до этого выборов наибольшее число мест (143 места) в палате представителей парламента получила

Социалистическая партия, то нужно выдвигать на пост премьер-министра ее лидера Катаяма Тэцу. Другая сторона утверждала, что можно так не поступать, ибо подобный принцип не заложен в Конституции.

Что касается меня, то я сразу после оглашения итогов выборов 26 апреля стал на первую точку зрения, а вечером 27 апреля открыто высказал свое мнение по этому вопросу на заседании «круглого стола» представителей различных политических партий, организованном газетой «Иомиури». Интересно, что утром того же дня на «круглом столе» в газете «Токио Асахи» ровно такую же точку зрения выразил участвовавший в этой встрече председатель президиума Либеральной партии господин Оно. Хочу подчеркнуть, что мы, естественно, ни о чем с ним заранее не договаривались, просто наши точки зрения случайно совпали...

А какую позицию заняла Социалистическая партия? Вполне естественную: там считали, что именно соцпартия должна играть лидирующую роль в следующем кабинете и всеми силами стремились к достижению этой цели. Но более того, они посчитали, что партия, которая заняла первое место на выборах, должна взять на себя не только лидирующую роль, но и вообще всю ответственность за формирование кабинета (я считаю такое решение ошибочным, о чем скажу ниже). Как мне представляется, главным проводником этой второй идеи был генеральный секретарь Нисио. Боюсь, что именно желание с самого начала продемонстрировать силу и влияние соцпартии, ее нежелание формировать кабинет общими усилиями четырех партий коалиции и привели соцпартию к тем трудностям, с которыми она очень скоро столкнулась. А если бы они проявили больше желания учесть позицию руководства Либеральной партии, то этих трудностей не было бы вовсе...

Ведь что получилось? В мае 1947 года второй по численности в парламенте после Социалистической партии была Либеральная. Но она не только занимала второе место по численности депутатов в новом парламенте. Либеральная партия была до этого основой кабинета министров. Напомним, что, как уже говорилось, и глава Либеральной партии господин Оно, и я всегда признавали безусловное главенство Катаяма среди социалистов и никогда не встречали противодействия этой точки зрения со стороны других членов руководства нашей партии. Впервые мы обсуждали этот вопрос на собрании членов руководства Либеральной партии 17 мая, и пришли к безусловному признанию господина Катаяма главой Социалистической партии.

Третья парламентская партия - Демократическая - в то время испытывала огромные сложности в вопросе о том, кто является ее лидером, поэтому демократы не могли оказать существенное влияние на формирование кабинета. Внутри партии, правда, возникали какие-то движения, имевшие целью выдвинуть на пост премьер-министра либо Асида, либо Нусахара и тем самым создать коалицию консервативных сил, но обычно такие волны даже не доходили до поверхности и замирали внутри самой партии.

В этих условиях голосование по кандидатуре премьер-министра, состоявшееся в мае 1947 года, прошло неожиданно просто: премьер-министром был избран лидер Социалистической партии господин Катаяма.

Потом некоторые с осуждением говорили, что на утверждение Катаяма премьером ушел целый месяц после выборов. Это не совсем так. Сами всеобщие выборы состоялись 25 апреля, парламент собрался на свою сессию 20 мая, выборы председателя палаты представителей и его заместителя проводились 21 мая (в палате советников они состоялись накануне вечером), а голосование по кандидатуре премьер-министра прошло 23 мая, то есть премьер в стране был уже спустя четыре дня после начала работы парламента, так что ни о каком затягивании этого процесса не может быть и речи. Да и четыре дня понадобилось на это только в силу действия протокольных причин, о которых я, может быть, скажу позже. Короче говоря, избрание премьер-министра прошло без особых трудностей.

Уже на следующий день, 24 мая, Катаяма получил удостоверение премьер-министра и приступил к выполнению своих обязанностей. Он стал единственным членом кабинета - никаких других министров в правительстве пока не было. У многих депутатов возникли сомнения в целесообразности такого подхода к управлению страной, но социалисты настояли именно на такой организации дела. Так или иначе, целую неделю, вплоть до утверждения состава кабинета министров 31 мая, в стране не было никаких других министров, так что обязанности глав всех министерств исполнял по совместительству все тот же Катаяма (предыдущий кабинет министров в полном составе ушел в отставку). Говорили, что именно на таком переходном процессе настаивала соцпартия... Не знаю. Мне этот прецедент хорошим не показался. По-моему, было бы лучше, если бы премьер получал свое удостоверение последним, уже после завершения формирования кабинета министров...

Вот так происходило утверждение премьер-министра в мае 1947 года, хотя, как я уже говорил

вначале, это вовсе не означает, что не было и других мнений относительно процедуры избрания. И мнения эти, прежде всего и в первую очередь, опирались на Конституцию.

Как уже отмечалось, по Конституции председатель кабинета министров должен избираться парламентом из числа гражданских лиц, являющихся депутатами этого парламента, но нигде не говорится о том, что это обязательно должен быть лидер партии, занявшей первое место на выборах. Поэтому если, например, Либеральная партия вступит в коалицию с другими партиями и обеспечит себе парламентское большинство (в частности, в палате представителей), то она вполне может предложить на пост премьера либо своего лидера, либо лидера любой другой партии, входящей в коалицию. Такая процедура также абсолютно законна.

На состоявшихся в апреле всеобщих выборах Социалистическая партия заняла первое место, но победа ее оставила много места и для сомнений. Да, по числу депутатов в палате представителей Социалистическая партия оказалась впереди Либеральной, но если подсчитать число поданных по всей стране бюллетеней, то окажется, что за Социалистическую партию проголосовало 7 163 792 человека, а за Либеральную - 7 281 442 человека, то есть большинство на стороне Либеральной партии.

А если вернуться к общей численности депутатов парламента прежнего созыва, то окажется, что разница между числом депутатов с той и с другой стороны составляла всего 12 человек, поскольку когда всеобщие выборы проходили в апреле 1946 года, то Либеральная партия получила на них 140 мандатов, Прогрессивная партия - 94, Социалистическая партия - 92. При таком подсчете первой оказывалась Либеральная партия, которая с большим отрывом опережала партии, занявшие второе и третье места. Я уже не говорю о том, что Либеральная партия, объединившись с демократической, могла бы обеспечить себе большинство не только по числу поданных за ни по всей стране голосов, но и по числу депутатов в палате представителей, причем в последнем случае перевес был бы двукратным. Таким образом, еще тогда можно было бы создать консервативную коалицию и выдвинуть на пост премьера Ёсида, Нусахара или Асида. И все это бы равным образом не противоречило волеизъявлению народа.

Равным образом, если бы Либеральная партия в мае 1947 года решилась на создание так называемой консервативной парламентской коалиции, то она вполне могла бы ее сформировать или, по крайней мере, обострить борьбу за пост премьера. Как я уже говорил,

в то время внутри Прогрессивной партии шла ожесточенная борьба между фракциями Асида и Нусахара. Либеральная партия, наверное, также могла бы использовать эту борьбу в своих целях... Короче говоря, существовало множество уловок, с помощью которых либералы могли бы преодолеть разрыв в 10 человек, отделяющий их от социалистов, и, как в шутку говорил председатель Оно, «стать из вторых первыми».

Все это так, однако у нас не было ни малейшего желания затевать эти низкие интриги, собирать депутатов от других партий и, таким образом, «становиться первыми». Почему? Результаты последних выборов продемонстрировали, что, во-первых, увеличилось число бюллетеней, поданных за Социалистическую партию, и число мест, которые она получила в парламенте. Во-вторых, резко пошло в гору политическое влияние соцпартии в целом. Эти два обстоятельства позволяют утверждать, что большинство японского народа склонилось к поддержке Социалистической партии. Поэтому, уважая выбор избирателей, мы блокировали всякого рода политические уловки, направленные на создание консервативной коалиции.

Действительно, формально парламент не обязательно должен утверждать в качестве премьера именно лидера победившей партии. Однако в практическом плане дело, по нашему мнению, должно обстоять именно так, и мы видим в избрании лидера победившей партии премьер-министром Японии важный конституционно-политический прецедент.

До введения в действие новой Конституции премьер-министр Японии назначался императором. Переход к парламентской форме правления фактически передал право занимать этот пост лидеру партии, обладающей большинством голосов в палате представителей. Проведенные выборы создали прецедент применения такого способа для нашей страны. Таким образом, в определенном смысле мы собираемся механически копировать опыт Великобритании, где прецедент является основой права.

Однако мы убеждены в том, что назначение премьер-министра императором имеет еще больше минусов, чем утверждение его парламентом. Да, метод парламентского назначения является в некотором смысле механическим. Но, с другой стороны выбор премьера императором (а, точнее, его помощниками) на основе собственных критериев часто представляет собой непосильную задачу для монарха и его окружения и наносит глубочайший вред. История нашей страны дает тому самые убедительные подтверждения.

Так же обстоит дело и при избрании парламентом премьер-министра. Если одна из партий обладает в палате представителей парламента абсолютным большинством, то премьер-министром должен становиться лидер этой партии - думается, в этом случае вопросов быть не должно. Не должно возникнуть проблем с выбором премьера и в том случае, если парламентские мандаты раздроблены между несколькими партиями, но они сумели образовать коалицию, обладающую абсолютным большинством мест в палате представителей.

Однако как выбрать премьера в том случае, если (как это случилось в Японии после апрельских всеобщих выборов 1947 года) партии в парламенте оказались раздробленными и не в силах объединиться в коалицию, обладающую большинством в нижней палате? Как должен поступить парламент, чтобы обеспечить беспрепятственное решение вопроса о премьере? В этом случае нет иного пути, кроме как безусловное внесение императором в качестве кандидатуры в премьеры лидера «первой» партии, имеющей наибольшее число мест. Конечно, формально премьером может стать любой человек, собравший большинство голосов в нижней палате парламента, но выдвижение лидера «первой» партии имеет то преимущество, что подталкивает партии к образованию коалиции. А это, с очевидностью, лучше, чем следовать произвольному волевому решению императора и его окружения, которое может только нанести вред обществу, осложнить положение в правящих кругах и похоронить надежды на проведение открытой демократической политики.

В политической деятельности, как и вообще во взаимоотношениях между людьми, необходимы определенные правила. Применение этих правил, безусловно, не может обойтись без некоего механизма. Однако именно этот механизм смещает политическую деятельность в сторону открытости и справедливости. Это как в правилах дорожного движения: они могут предписывать движение либо по левой стороне, либо по правой. Но если решено, что движение будет левосторонним, то даже те, кому удобнее ездить по правой стороне, все равно будут вынуждены держаться левой - подход механический, но в целом справедливый, ибо он обеспечивает беспрепятственный проезд для всех...

Выдвижение на должность премьера лидера партии, получившей наибольшее число мест в нижней палате парламента, тоже должно относиться к числу таких правил. Именно поэтому мы в мае 1947 года, отбросив всякие прения, выступили за движение господина Катаяма на пост премьер-министра - и, к счастью, сумели провести это решение. И если такую практику сочтут правильной, то заслуга в этом должны быть отнесена ко всей Либеральной партии,

которая заняла в этом вопросе открытую и справедливую позицию...

ГЛАВА 10. С МЫСЛЯМИ О НОВОЙ ЯПОНИИ

Почему Япония развязала безумную Тихоокеанскую войну и оказалась в шаге от собственной гибели? Главная ответственность за это, безусловно, лежит на военщине, деспотизм которой рос и ширился все время, начиная с 1931-1932 годов.

Но почему военным было позволено проявить свой деспотизм? Я думаю, что вина за это лежит, в основном, на японских политических партиях.

Как уже говорилось в этой книге, в период с 1907 года по середину 1920-х годов в Японии большое развитие получили демократические идеи. В политической области это привело к формированию партийных кабинетов. Тем не менее, эта система не получила полноценного развития, а после событий 15 мая стала вообще двигаться в обратную сторону.

Причины этого не столь просты. Конечно, трудно отрицать, что международная обстановка, сложившаяся в мире после первой мировой войны, оказалась не самой благоприятной для развития демократии.

Однако за то, что политическая система Японии пришла к столь бесславному концу, должны, прежде всего, отвечать японские политики и японские политические партии. Да, со времен Мэйдзи, когда к власти пришли кланово-бюрократические клики, партии вели с ними борьбу и стремились идти по демократическому пути. Но когда в стране утвердилась система партийных кабинетов, они с головой погрузились в межпартийную борьбу за политическую власть. В этой борьбе партии не выбирали средств. Они даже стали использовать в ней силы своих заклятых врагов - военно-бюрократических группировок. Эти ожесточенные межпартийные схватки не только подорвали всякое доверие народа к политическим партиям, но и создали брешь, через которую, оттеснив политические партии, к власти в стране пришла военщина. А за уничтожением, или, точнее, самоуничтожением политических партий последовало и падение государства.

Снова и снова я размышляю о том, что заставляло партии вести эти яростные схватки? Безусловно, во многом это вопрос психологии лидеров политических партий и течений, но

была и еще одна причина. Дело в том, что по прежней конституции Японии премьер-министр назначался, так сказать, в приказном порядке - указом императора. Правда, в Англии премьер тоже назначается указом короля, но там существует неписаное правило, согласно которому такой королевский приказ непременно направляется лидеру партии, получившей наибольшее число мест в нижней палате парламента. Однако в Японии такого правила не было, чем и пользовались представители военно-бюрократических группировок, выдвигавшие на пост премьер-министра своих людей. Более того, сложившаяся система назначения на должности военного и военно-морского министров только действующих генералов и адмиралов или офицеров армии и флота (временами, правда, эти должности могли занимать и генералы запаса) приводила к тому, что военные могли управлять кабинетом министров или, при желании, вовсе его разрушить. Таким образом, если партия не пользовалась доверием военных, то она не могла и приблизиться к власти - даже если имела большинство в парламенте. В такой ситуации японские политические партии сошли с демократического пути, стали втираться в доверие к военным и бороться друг с другом неполитическими методами. Таким образом, можно сказать, основная причина падения Японии коренилась в самой Конституции Мэйдзи.

Новая Конституция Японии позволила вырвать этот корень. Теперь премьер-министр обязательно должен избираться из числа депутатов парламента, и избирает его сам парламента. При выборе первого премьера возник важный прецедент: главой кабинета министров был избран лидер той партии, которая получила наибольшее число мест в палате представителей. Важно сделать из этого прецедента хорошую традицию. Более того, теперь ведь и членов кабинета назначает или отстраняет от должности сам премьер. Таким образом, пока в Японии действуют положения новой Конституции, у японских политических партий нет необходимости вести иные политические схватки, кроме тех, в которых сфокусированы настроения граждан. Конечно, в будущем в Японии снова появится армия и военный министр, но, в отличие от прошлых лет, в законодательстве уже не будет бреши, в которую военные смогут протащить свой произвол.

И еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. Теперь в Японии кабинет министров может действовать, по меньшей мере, четыре года (если в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств не будет распущена палата представителей). В прошлом, когда военные могли в любой момент по своему желанию сменить кабинет министров, средняя продолжительность жизни правительства была очень короткой, что делало невозможным

проведение нормальной политики. Президент Соединенных Штатов избирается на четыре года, нижняя палата английского парламента - на 5 лет и, значит, по меньшей мере на такие сроки в этих странах стабилизируется политическое положение. Теперь так будет и в Японии. Я уже писал о том, что со сменой кабинета министров в префектурах менялись губернаторы и о том, какие трудности это создавало. Отныне в Японии таких проблем не будет даже в том случае, если губернаторы будут по-прежнему назначаться правительством.

Безусловно, системой управляют люди. Поэтому если в народе нет сознательного отношения к Конституции, то никто не может исключить возможности новых злоупотреблений - каким бы замечательным не был Основной закон. Поэтому на будущее главнейшими задачами политиков в Японии являются повышение сознательности народа, реальное применение статей Конституции и всемерное утверждение демократических принципов управления. А для этого нужно обязательно использовать выборы, которые из процедуры простого сбора бюллетеней должны стать средством борьбы за повышение сознательности избирателей. Политиков старой формации, воспитанных на грязных методах борьбы за власть времен прежней Конституции (если таковые еще существуют), нужно вывести из современного политического сообщества.

В Сан-Франциско подписан мирный договор. В ближайшее время он пройдет ратификацию и вступит в силу. Но станет ли Япония в результате подписания этого договора действительно независимым государством? На бумаге договор действительно должен восстановить ее независимость. Однако о действительной независимости можно будет говорить только тогда, когда страна будет обладать государственной мощью и, в том числе, экономической мощью. В условиях, когда нашу жизнь охраняют другие, когда оборона страны осуществляется другим государством, и то же государство помогает развиваться нашей промышленности, Япония является независимой только по названию. Мы находимся в таком же состоянии, как нищий, который решил бороться за свои права: к нему никогда не будут относиться, как к равному.

В одной из глав этой книги я написал о том, что после японо-китайской войны в истории страны наступил поворотный момент. Собрав все свои силы и терпя невероятные трудности, японский народ под лозунгом «богатая страна - сильная армия» уверенно пошел вперед, к обретению экономической мощи. Именно в этом порыве кроются истоки развития Японии в последующие годы.

Сейчас японский народ снова терпит невероятные трудности, а, значит, снова под лозунгом

«богатая страна» (речь о «сильной армии» не идет) должен прилагать все силы для усиления своей экономической мощи. Если страна станет богатой, то мы при необходимости всегда сможем создать сильную армию. И наоборот, в бедной стране даже от сильной армии никакого толку нет - опыт Тихоокеанской войны показал это со всей отчетливостью.

Могут сказать, что «богатая страна» - это капиталистический лозунг, что сегодня более важным является вопрос о перераспределении богатств. Однако цель экономики - это повышение благосостояния народа. Распределение, конечно, тоже важно. Но ведь сколько бедность не распределяй, она останется бедностью. Поэтому для того, чтобы было что распределять, мы сначала должны дать народу благосостояние. А для этого нужно поднимать промышленность: если мы не этого не сделаем, то и потреблять нам будет нечего.

Могут еще сказать, что в Японии нет сырья, нет природных ресурсов, поэтому развитие экономики в стране невозможно без иностранной помощи. Имеющий глаза да увидит! То сказал, что в Японии нет сырья и нет природных ресурсов? Что, разве у нас нет возможности быстро получить несколько миллионов киловатт-часов гидроэлектроэнергии? И для этого не нужно импортировать в Японию ни единого гвоздя! До войны все крупные электростанции в Маньчжурии и Корее строились из японских материалов и с помощью японской техники. А сегодня мы можем использовать эти материалы и эту технику для себя. Чего ждать?

Однако находятся люди, которые говорят, что сегодня в Японии из-за отсутствия средств, материальных и людских ресурсов крупные ГЭС построить нельзя. И эти люди суетятся в поисках иностранных инвестиций.

Безусловно, время крупных поступлений из-за рубежа еще наступит. Но в современном мире, а особенно в условиях Дальнего Востока, а особенно в Японии длительное привлечение в страну иностранного капитала смысла не имеет. Когда ко мне обращаются с подобными просьбами, то я лично советую таким людям создавать капитал в самой Японии, занявшись, например, крупномасштабным производством электроэнергии.

Иностранные займы и иностранные кредиты нужны только в том случае, если вы собираетесь закупать за рубежом какие-либо товары. Для работ, которые будут выполняться японцами внутри страны и из местных материалов, в зарубежных кредитах нет никакой необходимости. В таких случаях средства обычно получают от выпуска государственных займов. Другой способ

- привлечение средств населения, для чего нужно всячески стимулировать накопление. А, накопив достаточно средств для развития производства, нужно через два-три года сесть и на счетах посчитать, что вот здесь, допустим, у вас есть электроэнергия, а вот здесь ее можно использовать, но для этого нужно вложить столько-то средств. Кстати, часть денег при этом можно напечатать - если их вложить в дело, то никакой инфляции не будет.... Кроме того, раз в Японии мало природных ресурсов, то нам нужно, прежде всего, развивать экспорт. Короче говоря, мнение о том, что для развития страны нужно обязательно проводить политику привлечения иностранного капитала, тормозит освоение ресурсов в самой Японии. Идти таким путем - верный способ на долгие годы оставить Японию в бедности.

Для того чтобы Япония стала действительно независимым государством, она должна стремиться к экономической самостоятельности. А для достижения этой цели необходимо в первую очередь разработать свою собственную экономическую политику. Это отнюдь не означает прекращения международной торговли. Наоборот. В течение последнего десятка лет я не устаю повторять, что Япония - это страна, которая может получить максимальную выгоду от свободной международной торговли. И мы должны во весь голос заявить на международной арене, что Япония выступает за полную свободу внешней торговли, а также приложить максимальные усилия для того, чтобы разрушить все барьеры на пути такой торговли.

Нередко можно слышать, что в Японии мало земли, низкие урожаи и потому нужно как-то ограничивать население страны. Нет ничего нелепее такой точки зрения! Считаю, что применение современных научных методов позволит найти в Японии новые резервы производства продовольствия, тем более что, как отметил недавно господин Кэшмиттер, и в мировом масштабе возможности для этого огромны («Ниппон таймс», 14 сентября 1951 г.). И население надо сравнивать не с общей территорией страны, а с производительностью труда ее граждан, с тем, насколько эффективно они могут использовать свой труд. Естественно, я не призываю: «Плодитесь и размножайтесь!». Но сокращать население Японии только потому, что там производится мало продовольствия? Нет, мне такая идея представляется либо империалистической, либо самоубийственной. Я уверен в том, что японский народ сумеет в полной мере использовать и свои скудные природные, и свои обильные трудовые ресурсы!

«Стучите, и откроют вам!» Этими словами я и хочу завершить свою книгу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я обрел более или менее критический взгляд на мир только в 40-е годы периода Мэйдзи (1907-1917 гг.). В Японии это было время бурного развития демократизма. Однако в полной мере развиваться ему не дали: сначала, с наступлением эпохи Сёва, на арене появилась авторитарная военщина, а затем началась война на Тихом океане.

Война до основания разрушила ту Японию, которую с невероятным трудом строили наши предки со времен Мэйдзи. Конечно, я наблюдал за этим процессом сквозь узкое окошко литературной жизни, но я видел его собственными глазами, и это была часть моей жизни.

В самом недалеком будущем Японию снова ждет процветание. Пока в Японии живут японцы, страна не может не процветать.

Но почему Япония в прошлом проделала именно такой путь? Только серьезные размышления и глубокий анализ прошедшего может указать нам дорогу к возрождению нашей страны.

Книга эта с самого начала не писалась по твердому плану. Просто я стал понемногу складывать понравившиеся мне статьи из числа тех, что вышли в «Тоё кэйдзай симпо» с 1949 года. Скоро они составили довольно увесистый том. Недавно редакция газеты «Майнити» сообщила мне, что намерена собрать все написанное в виде книги, но для этого необходимо еще кое-что дописать и переписать, прежде всего, главу «Детство» и разделы, относящиеся к послевоенному времени.

Однако из-за постоянных поездок времени для этого у меня совершенно не было, и придать книге ту форму, которая планировалась, я так и не смог. Не смог я провести и компоновку книги, унификацию терминов, чтение корректуры - вся эта работа целиком легла на плечи редакции газеты «Майнити» и моего секретаря Тани Кадзуси.

Когда я писал эту книгу, у меня не было никакого желания приукрашивать собственную персону. Но я всеми силами старался не обидеть моих друзей и старших товарищей, выведенных в этих воспоминаниях. В сложных случаях я подолгу размышлял, прежде чем взяться за кисть. Вместе с тем я старался, чтобы мои воспоминания были предельно честными, поэтому нельзя исключить, что, таким образом, я мог невольно причинить кому-то ущерб. В таком случае заранее приношу свои самые глубокие извинения.

1 октября 1951 года

Исибаси Тандзан

КОММЕНТАРИИ

[1] После окончания Второй мировой войны в оккупированной Японии действовал ряд ограничений для тех, кто сотрудничал с милитаристским режимом. Несмотря на антимилитаристские взгляды автора книги, в число людей, подвергшихся чистке, попал и Исибаси Тандзан, которому было запрещено занимать официальные должности. Запрет был снят только в 1951 году.

[2] Нитирэн - одна из основных японских школ буддийского учения, созданная монахом по имени Нитирэн (1222-1282).

[3] Татами - соломенные маты, которым устилают полы в комнатах традиционного японского дома.

[4] «Беседы и суждения» (кит. «Лунь юй») - каноническое произведение китайской классической литературы, которое передает взгляды Конфуция (VI-V вв. до н. э.), записанные его учениками после смерти учителя. Приведенное высказывание содержится в первой главе трактата и полностью звучит так: «Я ежедневно проверяю себя в трех отношениях: преданно ли служу людям, искренен ли в отношениях с друзьями, повторяю ли заповеди учителя» (Цит. по: «Лунь юй», в кн. «Древнекитайская философия, т. I, М.: Мысль, 1972, с. 141. Пер с кит. В.А. Кривцова).

[5] Мэн-цзы (ок. 372-289 до н.э.) - китайский философ.

[6] Токайдо - старинный тракт, связывавший императорскую столицу Киото с городом Эдо (Токио). В 1872 году вдоль тракта начали строить первую в Японии железную дорогу.

[7] Имеется в виду Вторая мировая война.

[8] Основатель школы Нитирэн.

[9] Го - японские облавные шашки, сёги - японские шахматы.

[10] Мэйдзи - период истории Японии с 1867 по 1912 г.

[11] Токугава - период с 1600 по 1867 гг. когда власть в стране принадлежала военным правителям - сёгунам династии Токугава.

[12] Рин, мо, сэн - денежные единицы; 10 сэн = 1 рин, 100 мо = 1 сэн, 100 сэн = 1 иене.

[13] Камбун - текст на китайском языке, изданный для чтения японцами.

[14] Ри - мера расстояний, 1 ри = 3,927 км.

[15] Тайный совет (сумицуин) - государственная невыборная структура, согласно японской конституции 1889 года - высший консультативный орган при императоре. Совет был независим от правительства и парламента и подчинялся только монарху.

[16] Должность генерального резидента в Сеуле (токан) была учреждена в феврале 1906 г. 24 июня 1907 года император Кореи отрекся от престола в пользу сына. Корейское правительство было вынуждено подписать договор, урезавший суверенитет. Японский генеральный резидент был фактически полновластным правителем страны. Окончательно процесс аннексии Кореи был завершён к 1910 г. (Здесь и далее при составлении примечаний использовано издание «История Японии». М.: ИВРАН, 1999).

[17] Сидэхара Кидзюро (1872-1951) - государственный деятель, министр иностранных дел, премьер-министр Японии в 1945-1946 гг.

[18] «Будьте джентльменами!» (англ.)

[19] «Ребята! Будьте целеустремлёнными!» (англ.)

[20] В 1872 г. в Японии вступил в силу Закон об образовании. Согласно новой системе, образовательные учреждения делились на начальные школы (сёгакко), средние школы (тюгакко), высшие школы (кото гакко), технические школы (сэммон гакко) и университеты (дайгаку).

[21] Тайсё - период с 1912 по 1926 гг.

[22] Сэнсэй - почтительное обращение к преподавателю.

[23] Каванакадзима - местность в префектуре Нагано у слияния рек Тикумагава и Саигава, ныне - в черте г. Нагано. Здесь в 1561 году произошло одно из самых крупных сражений средневековой Японии. В битве между войсками противоборствующих княжеств Каи и Этиго под водительством военачальников Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин участвовало около 20 тыс. человек; более 8 тысяч из них погибло.

[24] Рай Санъё (1780-1832) - японский учёный, автор знаменитого труда «Неофициальная история Японии» (яп. «Нихон гайси»), в котором излагалась история страны с XII века до 1600 г. В сочинении проводилась идея о незаконности власти военных правителей Японии - сёгунов, поэтому оно стало одной из идейных опор движения за возвращение власти императору.

[25] Су Дун-по, Су Ши (1037-1101) - великий китайский поэт. Поэмы Су Дун-по считаются вершиной китайской литературы.

[26] Прозвище «Сандун» составлено из двух иероглифов, входящих в имена Рай Саньё и Су Дун-по.

[27] Хансэцу - формат бумаги, используемый в Китае и Японии для написания каллиграфических надписей. Размер хансэцу - примерно 50 на 80 см.

[28] Позднее банк стал называться «Экспортно-импортный банк Японии». - Прим. яп. ред.

[29] Стихотворение восходит к известному эпизоду из исторической эпопеи китайского автора XIV в. Ло Гуаньчжуна «Троецарствие», повествующей о реальных событиях III в., когда Китай распался на три царства - У, Вэй и Шу, которые вели между собой непрерывные войны. В 37-ой главе «Троецарствия» рассказывается о том, что Лю Бэй, властитель Шу, трижды лично приходил в скромное жилище человека по имени Чжугэ Лян, чтобы просить его возглавить войска своего царства. В конце концов Чжугэ Лян согласился и показал себя выдающимся стратегом и полководцем.

[30] Токонома - декоративная ниша, «красный угол» японского дома. По традиции сюда ставят вазу с композицией из цветов и вешают картину или каллиграфический свиток.

[31] В главе девятой «Бесед и суждений» Конфуция говорится: «Цзы-гун сказал: «Здесь есть кусок прекрасной яшмы. Спрятать ли его в ящик или же подождать, когда за него дадут хорошую цену и продать? Учитель сказал: «Продать. Продать. Я жду цены». (Цит.по: «Лунь юй», в кн. «Древнекитайская философия, т. I, М.: Мысль, 1972, с. 157. Пер с кит. В.А. Кривцова). Эти слова в устах Конфуция, игнорировавшего материальный интерес, кажутся странными, поэтому оставляют широкие возможности для интерпретаций. Кагава, скорее всего, имел в виду, что нельзя зарывать свой талант в землю.

[32] Кэндо - японское искусство фехтования на мечях, традиционный вид спорта.

[33] Кваджлейн - атолл в архипелаге Маршалловых островов в экваториальной части Тихого океана, арена ожесточенных боев между японскими и американскими войсками во время Второй мировой войны.

[34] Хаори - японская накидка, принадлежность парадного мужского костюма.

[35] Хакама - часть традиционного японского мужского костюма в виде широких шаровар, похожих на юбку.

[36] Парадный японский костюм украшают изображения фамильных гербов: два на груди, два сзади на рукавах и один на спине.

[37] Сёва - период с 1926 по 1989 г.

[38] Пупыш - просторечное название того же хвоща полевого, *Equisetum arvense* L.

[39] Икэда Дайго (1885-1942) - японский драматург, известен как автор пьес для «Синкабуки» - нового театра Кабуки.

[40] Сун и бу - меры длины. 1 сун = 10 бу = 3,03 см.

[41] Тикамацу Сюко (1876-1944) - японский писатель, один из основателей жанра «эгоромана», в котором автор описывал исключительно собственные чувства и переживания.

[42] Утида Роан (1868-1929) - критик, публицист, писатель. Первым перевел на японский язык роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

[43] Сэн - денежная единица, одна сотая часть иены.

[44] Площадь одного татами чуть больше 1,5 кв. м.

[45] Цубоути Сёё (1859-1935) - специалист в области английской литературы, писатель, драматург, критик, переводчик. В 1906 году основал при университете Васэда «Литературно-художественное общество» («Бунгэй кёкай») и театральную студию, которая положила начало развитию в Японии театра европейского типа. Большую поддержку Цубоути оказывал выпускник Васэда, писатель, философ и психолог Симамура Хогэцу (1871-1918). Главные роли в спектаклях «Бунгэй кёкай» с блеском исполняла Мацуи Сумако (1896-1919) - первая крупная актриса нового японского театра. В 1914 году из-за внутренних разногласий труппа «Бунгэй кёкай» распалась. Симамура, Мацуи и другие актеры основали новый театральный коллектив под названием «Гэйдзюцудза» («Художественный театр»), который создал несколько постановок по произведениям русской и европейской классики. Огромный успех сопутствовал спектаклю «Воскресение» по роману Л.Н. Толстого, в особенности исполненной Мацуи «Песенке Катюши Масловой», которая приобрела всеяпонскую известность. Деятельность «Гэйдзюцудза» оборвалась с кончиной Симамура и смертью Мацуи (спустя два месяца после его ухода из жизни она покончила с собой).

[46] Стоицизм - направление античной философии, согласно которому все существующее телесно и различается по степени грубости и тонкости составляющей его материи. В этике стоики проповедовали следование бесстрастию природы. Эпикурейцы - последователи учения древнегреческого философа Эпикура (341-270 гг. до н.э.), который видел цель жизни в том, чтобы обеспечить здоровье тела и состояние безмятежности духа.

[47] Хатояма Итиро (1883-1959) - политический и государственный деятель, премьер-министр Японии в 1954-1956 годах. 19 октября 1956 года подписал Совместную декларацию СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений.

[48] Окума Сигэнобу (1838-1922) - государственный и политический деятель, в молодые

годы - активный участник антисёгунского движения. После Реставрации Мэйдзи занимал различные посты в новом правительстве Японии, возглавлял Министерство финансов. Один из основателей университета Васэда.

[49] Абэ Исоо (1865-1949) - христианский социалист, в 1920-е годы возглавлял Социал-демократическую партию Японии.

[50] Фудзии Кэндзиро (1866-1952) - известный японский биолог, специалист в области цитологии растений, основатель международного журнала «Цитология» (1929).

[51] Хатано Сэйити (1877-1950) - японский философ, создатель собственного учения, основанного на некоторых положениях христианской доктрины.

[52] Анэсаки Масахару (1873-1949) - философ, один из основоположников современной японской теологии.

[53] Ивая Садзанами, Ивая Суэо (1870-1933) - писатель, автор рассказов и сказок для детей, один из основателей современной детской литературы в Японии.

[54] «Тайё» («Солнце») - первый японский журнал универсального содержания. Основан в 1895 году, наибольшего влияния достиг в конце 1910-х годов. В 1928 году прекратил свое существование.

[55] «Тюо корон» («Центральное обозрение») - ежемесячный общественно-политический и художественно-публицистический журнал, основан в 1887 году как студенческое издание. Под своим нынешним названием выходит с 1899 года. В конце Второй мировой войны был закрыт военными властями, с 1946 года возобновлен.

[56] Цунадзима Рёсэн (настоящее имя - Эйитиро) (1873-1907) - критик и эссеист. Взгляды Цунадзима отличались крайним мистицизмом. Он был также широко известен как организатор спиритических сеансов.

[57] Хасэгава Тэнкэй (1876-1940) - литературный критик, стоял на позициях натурализма.

[58] Подробнее об этом автор пишет в пятой главе мемуаров.

[59] «Кэнсэйкай» («Общество конституционной политики») - политическая партия, активно действовавшая в 1910-х гг.

[60] Симада Сабуро (1852-1923) - государственный и политический деятель, один из основателей «Риккэн кайсинто» - «Конституционной партии реформ и прогресса» - второй политической партии в Японии, созданной при поддержке Окума Сигэнобу в марте 1882 г. Симада некоторое время занимал пост главы Верхней палаты парламента Японии.

[61] Тойнби Арнольд Джозеф (1899-1975) - английский историк и социолог. Выдвинул теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых

проходит аналогичные стадии возникновения, роста, надлома и разложения.

[62] Дьюи Джон (1859-1952) - американский философ, один из ведущих представителей прагматизма. Отрицал объективность истины, отождествляя ее с полезностью. Развил концепцию инструментализма, согласно которой понятия и теории - лишь инструменты приспособления человека к внешней среде.

[63] Операционализм - направление в философии. Операционализм сводит содержание понятий к различного рода операциям, например, время и пространство - к операциям измерения. Развита в основном в трудах американского физика и философа П.У. Бриджмена (1882-1961).

[64] Метафизика - учение о сверхчувственных, недоступных опыту принципах бытия. В истории философии термин «метафизика» часто употребляется как синоним слова «философия»; в современных философских учениях часто обозначает метод, тяготеющий к построению однозначной, статичной и умозрительной картины мира.

[65] Масамунэ Хакутё (1879-1962) - писатель-романист, яркий представитель литературного течения натурализма.

[66] Симонака Ясабуро (1878-1961) - политический и общественный деятель, бизнесмен. В 1914 году основал действующее до настоящего времени издательство «Хэйбонся», которое в 1920-х годах успешно издавало художественную литературу и книги по искусству, а в 1930-х годах - словари и энциклопедии.

[67] Паульсен Фридрих (1846-1908) - немецкий философ. Развил пантеистическое учение о мире. Сторонник волюнтаризма.

[68] Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) - немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики. Труды Гегеля по истории философии были изданы посмертно.

[69] Лэм Чарльз (1775-1834) - английский писатель. «Рассказы из Шекспира», подготовленные им совместно с сестрой Мэри Лэм, представляют собой пересказы пьес У. Шекспира для детей.

[70] Тохоку - северо-восточная часть главного японского острова Хонсю, жители которой отличаются особым диалектом.

[71] «Благостные годы» - возраст в 77 лет, который считается в Японии и Китае юбилейным.

[72] Одзаки Юкио, Одзаки Гакудо (1859-1954) - политический и государственный деятель, один из основателей в 1896 году Прогрессивной партии («Симпото»). За время своей карьеры занимал множество руководящих постов в различных кабинетах, участвовал в первых

парламентских выборах в Японии в 1890 году, а затем еще в 25 избирательных кампаниях.

[73] Хани Томоко (1873-1957) - педагог, общественный деятель, одна из зачинательниц женского движения в Японии.

[74] Ныне Токийский государственный педагогический университет.

[75] Катагами Нобору (1884-1928) - театральный критик, переводчик, специалист в области русской литературы. Выпускник, преподаватель университета Васэда. В своих взглядах эволюционировал от натурализма к апологетике «пролетарской литературы».

[76] Ныне университет Хитоцубаси. Он был основан в 1975 году как Токийская школа коммерческого законодательства (Токё сёхо косюдзё), с 1887 года назывался Токийским Высшим Коммерческим училищем (Токё кото сёгё гакко), с 1920 г. - Токийским Коммерческим университетом (Токё сёка дайгаку), и, наконец, с 1949 г. - университетом Хитоцубаси (Хитоцубаси дайгаку).

[77] Одзаки Коё (1867-1903) писатель, выпускник Токийского университета, один из заметных литературных деятелей эпохи Мэйдзи.

[78] Под таким названием вышел первый перевод на японский язык романа Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы».

[79] Такаяма Тёгё (1871-1902) - писатель, критик, в своих статьях активно пропагандировал традиционные японские ценности.

[80] Косуги Тэнгай (1865-1952) - писатель и журналист, в начальный период своего творчества примыкал к течению натурализма, испытал влияние Золя. В дальнейшем работал во многих жанрах развлекательной литературы.

[81] «Васэда бунгаку» («Литература Васэда») - литературно-художественный журнал, основанный в 1891 г. Цубоути Сёё, который и стал его первым главным редактором. В 1906-1927 гг. журнал «Васэда бунгаку» был оплотом литературного течения натурализма.

[82] Накаяма Симпэй (1887-1952) - известный японский композитор, выпускник Токийской консерватории, автор множества популярных в Японии песен.

[83] «Хоти симбун» («Ведомости») - ежедневная газета, основанная в 1872 году, под своим нынешним названием выходит с 1874 года. Позднее была фактически поглощена газетой «Иомиури». Сейчас специализируется, в основном, на спортивных новостях.

[84] Таким мечом в старой Японии совершалось ритуальное самоубийство сэппуку (харакири).

[85] Накано Буэй, Накано Сэйго (1886-1943) - выпускник университета Васэда, журналист, впоследствии - крупный политический деятель.

[86] Сибусава Эйити (1840-1931) - крупный японский промышленник, банкир и

коммерсант, один из видных деятелей эпохи модернизации Японии в конце XIX - начале XX вв. Сибусава основал более 500 акционерных компаний, многие из которых стали флагманами японской экономики.

[87] Инукаи Цуёси (1855-1932) - видный политический деятель, возглавлял Конституционную народную партию Риккэн кокуминто и партию Сэйюкай, с 1932 г. - премьер-министр Японии. Убит в результате путча 15 мая 1932 года.

[88] Мотигаси - рисовые пончики с начинкой из бобового мармелада; традиционные японские сладости.

[89] Танака Гиити (1863-1929) - государственный и военный деятель. В 1907 г. Танака добровольно стал командиром 3-го пехотного полка, а в 1909 г. возглавил отдел в военном министерстве, где занимался реорганизацией японской армии. В 1915 г. стал заместителем начальника генштаба, одновременно занимая ключевые посты в армии. С 1918 г. начал политическую карьеру, став военным министром. После выхода в отставку с действительной военной службы в 1925 г. Танака становится президентом партии Сэйюкай. С апреля 1927 г. занимал пост премьер-министра Японии.

[90] Рин - самая мелкая денежная единица тогдашней Японии. 1 иена = 100 сэн = 1000 рин.

[91] Танка - легкая обувь типа кожаных тапочек.

[92] Слово Мурасаки может означать «лиловый цвет», «соевый соус» или служить именем девушки из «веселого квартала». Обитательницы «кварталов любви» по традиции заимствовали свои имена у героинь классического японского романа XI века «Повесть о принце Гэндзи». Имена эти так и назывались - Гэндзина, «имя по «Гэндзи»».

[93] В августе 1914 г. японские военные корабли произвели высадку десанта на германских территориях в Тихом океане - Маршалловых, Каролинских и Марианских островах. Вскоре после этого началась операция по взятию военно-морской базы Циндао, расположенной на арендованной Германией китайской территории Цзяочжоу. В операции принимало участие около 30 тысяч японских солдат.

[94] «Забота о благе народа», яп. минсююги - политическое учение, основные положения которого были сформулированы профессором Токийского университета Ёсино Сакудзо (1878-1933). Согласно идеям минсююги, правительство должно руководствоваться в своей деятельности благом народа и быть ответственным перед парламентом как его представителем. Ёсино также выступал за широкое применение принципов формирования органов власти на основе свободных выборов.

[95] Сайго Такамори (1827-1877) - один из лидеров движения против сёгуната -

военного правительства Японии. Много сделал для создания коалиции южных княжеств Сацума и Тёсю, которая стала основной военной силой сторонников императорской власти. В 1867 году командовал войсками этой коалиции в сражениях с сёгунской армией в пригородах Киото, чем внес заметный вклад в установление власти императора Мэйдзи (Мэйдзи исин). Позднее, в 1877 году, поднял мятеж самураев Сацума против нового правительства. Восстание было подавлено, Сайго покончил с собой.

[96] Прогрессивная партия (Кайсинто), полное название Конституционная партия реформ и прогресса (Риккэн кайсинто), - вторая по времени создания политическая партия Японии. Основана в марте 1882 года. Лидер - Окума Сигэнобу. Партия отражала интересы крупного предпринимательства и пользовалась популярностью у части умеренных интеллектуалов.

[97] Ямагата Аритомо (1838-1922) - крупный военный и политический деятель, выходец из клана Тёсю, один из организаторов антисёгунского движения. После Реставрации Мэйдзи занимался военным строительством, был главой Тайного совета, премьер-министром Японии.

[98] Ито Миёдзи (1857-1934) - влиятельный политический деятель, один из авторов текста Конституции Японии 1899 г., впоследствии - член тайного совета.

[99] Уйдя в отставку с поста премьера осенью 1916 года, Окума рекомендовал на пост своего преемника Като Такааки, но при поддержке влиятельного советника Ямагата Аритомо премьером стал маршал Тэраути Масатакэ (1852-1919), который вряд ли сохранил теплые чувства по отношению к Окума.

[100] Цубо - мера площади, 1 цубо=3,3 кв. м.

[101] Напомним, что соломенные циновки-татами, которыми устилают пол в комнатах традиционного японского дома, одновременно являются мерой площади; 1 татами = 1,5 кв. м.

[102] Бэнто - коробка с едой, которую берут с собой в дорогу или на работу.

[103] Лоян - одна из древних столиц Китая.

[104] Катаяма Сэн (1859-1933) - один из инициаторов создания Коммунистической партии Японии. В конце XIX - начале XX веков участвовал в организации японского социалистического движения. Похоронен на Красной площади в Москве.

[105] Джингоизм (jingoism) - крайне воинственный и ограниченный патриотизм. Возникновение этого термина связывают с именем яркого английского консерватора Дж. Джинга, сторонника премьер-министра Дизраэли.

[106] На самом деле певицей была дочь сестры. - Прим. яп. ред.

[107] Маршалл Альфред (1842-1924) - английский экономист, основатель кембриджской школы политэкономии.

[108] Мацуката Масаёси (1835-1924) - политический и государственный деятель. Несколько лет занимал пост Министра финансов, был Премьер-министром Японии. Автор финансовой реформы, позволившей сформировать в Японии полноценную финансовую систему западного образца.

[109] Тогда под всеобщим избирательным правом имелось в виду такое право для мужчин. Даже по Закону о выборах 1925 года женщины в Японии не получили право избирать и быть избранными в органы власти.

[110] Милль Джеймс (1773-1866) - английский историк, философ и экономист.

[111] Хаксли (Гексли) Томас Генри (1825-1895) - английский биолог и философ, соратник Ч. Дарвина.

[112] В последние годы периода Мэйдзи в Японии сложилась своего рода двухпартийная система, когда на лидирующие посты в правительстве по очереди выходили Сайондзи Киммоти (1849-1940), пользовавшийся славой «либерала», и Кацура Таро (1847-1913), известный своими милитаристским взглядами.

[113] Кацура настаивал на выделение средств для формирования двух новых армейских дивизий, предназначенных для размещения в аннексированной Японией Корее. Одновременно руководители военно-морского министерства потребовали новых ассигнований для расширения флота. Кацура не смог одновременно удовлетворить требования соперничавших между собой армейской и флотской группировки, что привело к правительственному кризису. Военный министр ушел в отставку, а военные круги отказались выдвинуть нового кандидата на этот пост. Поскольку по закону его мог занять только генерал действительной службы, кабинет Сайондзи потерял возможность нормально функционировать и ушел в отставку.

[114] Различными посулами Кацура переманил в свою партию более 100 депутатов парламента, однако создать правительственное большинство ему так и не удалось.

[115] По инициативе представителей парламентских партий митинги прошли в различных городах Японии. 10 февраля произошли кровавые столкновения у стен парламента в Токио. 20 февраля правительство Кацура ушло в отставку. Вскоре Кацура скоропостижно скончался.

[116] Став премьером, Ямамото Гоннохёэ (Гомбэй) (1852-1933) сразу же ассигновал крупные суммы на расширение военно-морского флота, что продолжило соперничество с армейскими структурами.

[117] В начале 1914 года в прессу проникли сведения о коррупции в высших эшелонах военно-морского флота. Как оказалось, японские адмиралы и офицеры получали крупные взятки от германской компании «Сименс-Шукерт» за предоставление ей военных заказов.

[118] Кокуминто (букв. Народная партия) - так стала называться с 1910 года Партия прогресса (Симпото), одним из создателей которой явился в 1896 году Окума Сигэнобу.

[119] Мост, ведущий на территорию императорского дворца в Токио.

[120] Киёура Кэйго (1850-1942) - Председатель тайного совета, видный представитель придворной бюрократии. Сформированное им правительство состояло исключительно из членов верхней палаты парламента.

[121] Политический курс новой власти был изложен в клятве императора от 6 апреля 1868 года (Гокадзё госэймон), состоявшей из пяти статей.

[122] Мори Огай (1862-1922) - крупный японский писатель, один из зачинателей романтизма в японской литературе.

[123] Одним из самых громких дел того времени стало банкротство крупной компании «Судзуки», чьи векселя держал полуправительственный Формозский банк. Сразу после землетрясения 1923 года правительство дало директиву Банку Японии предоставить кредиты фирмам для проведения восстановительных работ. На этом основании Формозский банк передал векселя фирмы «Судзуки» Банку Японии, который весной 1927 года потребовал их оплаты. Тогда же выяснилось, что кредит был незаконен - фирма не имела отношения к восстановительным работам, связанным с землетрясением. Для выхода из сложившейся ситуации правительство предложило Банку Японии выпустить срочный заем с государственной гарантией на 200 млн. иен. Проект императорского указа на этот счет должен был получить одобрение тайного совета, однако ряд членов совета, недовольный политикой кабинета, решил воспользоваться случаем, чтобы вызвать правительственный кризис. Проект указа утвержден не был, Формозский банк потерпел банкротство, а правительство Вакацуки ушло в отставку.

[124] Муто Сандзи (1867-1934) - видный предприниматель, государственный деятель, депутат палаты представителей. В 1932 году возглавил информационное агентство «Дзидзи». Убит в результате покушения.

[125] Бокурэцу - японское чтение корейского имени Пак Ёль. Пак Ёль (1896-1974) - корейский националист.

[126] Имеется в виду коалиция партий Сэйюкай, Кэнсэйкай и Какусин курабу, пришедшая к власти в результате выборов, состоявшихся в июне 1924 г.

[127] Котоку Сюсуй (1871-1911) - анархист и социалист, один из основателей Социал-демократической партии Японии (1901). В 1905 году эмигрировал в США, откуда вернулся в 1906 г. уже сторонником «прямых действий» против властей, которые стал усиленно пропагандировать. В 1910 году японская полиция спровоцировала так называемое « дело об

оскорблении трона», деятельность Котоку и его соратников была объявлена террористической и направленной на подготовку покушения на императора. В закрытом судебном процесс 12 человек, включая Котоку, были приговорены к смертной казни.

[128] Партия Сэйюхонто откололась от Сэйюкай в 1924 году, а в 1927 году слилась с Кэнсэйкай и образовала новую партию.

[129] «Маньчжурский инцидент» начался с того, что 18 сентября 1931 года произошел взрыв на железной дороге в районе Лютяогоу, севернее китайского города Мукдена (ныне Шэньян). Обвинив во взрыве китайскую сторону, японская армия, расположенная в Маньчжурии, напала на казармы китайских войск и уже к 19 сентября овладела Мукденом. К началу января японская армия практически завершила оккупацию Маньчжурии, а 1 марта 1932 года было объявлено о создании марионеточного государства «Маньчжоуго».

[130] 15 мая 1932 года группой молодых экстремистски настроенных офицеров армии и флота была совершена попытка путча. Путчисты смертельно ранили премьер-министра Инукаи Цуёси.

[131] Окава Сюэмэй (1886-1957) - один из организаторов фашистского движения в Японии, создатель организаций «Юдзонся» (1919) и «Гётися» (1924), идейные установки которых отличались откровенным национализмом и стремлением к изменению социального порядка путем установления диктатуры во главе с императором.

[132] Иноуэ Ниссё (настоящее имя - Хисаси, 1886-1967) организовал в префектуре Ибараки так называемый Храм защиты отечества, при котором в 1930 году была создана специальная группа, ставившая своей целью «борьбу с продажными политическими партиями» путем индивидуального террора. Созданная на основе этой группы организация «Лига кровавого братства» осуществила убийство бывшего министра финансов Иноуэ Дзюнносукэ (1869-1932), в том же году был убит управляющий акционерной компанией «Мицуи гомэй» барон Дан Такума (1858-1932). 14 членов организации были арестованы, Иноуэ и трое его сподвижников приговорены к каторжным работам. 13 апреля 1930 года представителем другой организации, Айкокуся (Общество патриотов), был тяжело ранен премьер-министр Японии Хамагути Осати, который скончался 26 августа 1931 года от последствий ранения.

[133] 12 сентября 1921 года в Вашингтоне начала свою работу конференция, в которой принимали участие делегации США, Великобритании, Японии, Китая, Франции, Нидерландов и других стран. Главными на ней были вопросы морских вооружений и политика держав в Китае. 6 февраля 1922 года участники конференции подписали «Договор 9-ти держав» о политике в Китае. Япония была вынуждена отказаться от Циндао и Шаньдунской провинции и вернуть их Китаю.

[134] Доктрина Монро - внешнеполитическая программа правительства США, провозглашенная в 1823 году в послании президента Дж. Монро (1758-1831) конгрессу. Декларировала принцип взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов в дела друг друга, чем препятствовала приобретению европейскими державами колониальных территорий на Американском континенте.

[135] Соглашение, подписанное на Лондонской конференции 22 апреля 1930 года, ограничило суммарный тоннаж кораблей ВМФ каждой из трех стран: Великобритании, США и Японии.

[136] Главный морской штаб препятствовал ратификации Лондонского соглашения, считая, что правительство, непосредственно направляя инструкции японским представителям на конференции, нарушило прерогативы императора. Уже после ратификации Лондонского соглашения премьер Хамагути был смертельно ранен террористом-«патриотом».

[137] В конце XVI века войска будущего военного диктатора Японии Тоётоми Хидэёси осадили замок Одавара. Осажденные начали вести длительные и бесплодные переговоры, в результате чего осада закончилась их полным поражением и падением замка.

[138] См. «Приложение к политико-экономическому ежегоднику», издаваемое «Тоё кэйдзай симпо». - Прим. автора.

[139] См. Асагава Эйдзиро, Нисида Тёдзю: «Аmano Тамэюки», стр. 119-120. - Прим. автора.

[140] Комиссией по изданию наследия господина Матида издана его подробная биография, написанная Мацумура Кэндзо. - Прим. автора.

[141] Фукудзава Юкити (1834-1901) - выдающийся японский просветитель, много сделавший для знакомства японцев с достижениями научной и общественно-политической мысли Запада, основатель университета Кэйо.

[142] 23 апреля 1895 года посланники России, Германии и Франции «посоветовали» Японии отказаться от Ляодунского полуострова.

[143] Под заголовком «Рассказы о нашем журнале» они публиковались в юбилейном, 1500-м номере «Тоё кэйдзай симпо» от 21 мая 1932 года и в других номерах журнала. - Прим. автора.

[144] Цитирую по статье «Воспоминания о выходе первого номера». - Прим. автора.

[145] Сё - мера объема сыпучих тел. 1 сё = 1,804 л.

[146] См. Асагава Эйдзиро, Нисида Тёдзю: «Аmano Тамэюки», стр. 116. - Прим. автора.

[147] Миура скончался 8 мая 1973 года в возрасте 98 лет. - Прим. яп. ред.

[148] Китченер Горацио Герберт (1850-1916) - британский фельдмаршал (1909),

главнокомандующий британской армией в англо-бурской войне, в 1914-1916 годах - военный министр Великобритании.

[149] В 1929 году в мире наметился некоторый рост цен, но в Японии они продолжали падать. В результате оказалось невозможным поддерживать курс иены без реэкспорта золота или без иностранных займов. По этой причине тогдашний министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ решил пойти на отказ от эмбарго на вывоз золота, введенный после Первой мировой войны. В январе 1930 г. правительство объявило об отмене эмбарго. Однако снятие эмбарго привело к быстрому сокращению валютных запасов, что и закончилось повторным введением эмбарго в 1931 г.

[150] Имеется в виду путч 26 февраля 1936 года, ставший завершающим актом фашистского движения в Японии. Более 1400 солдат, поднятых по тревоге, напали на правительственные учреждения и убили нескольких высокопоставленных государственных деятелей. Премьер Окада сумел спрятаться и избежать смерти. По приказу императора Хирохито (Сёва) путч был подавлен, его организаторы (17 человек во главе с бывшим интендантом 1 ранга Исобэ Асаити) казнены.

[151] Речь идет об Антикоминтерновском пакте, заключенном 25 ноября 1936 года сроком на 5 лет. Стороны обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического интернационала и вести борьбу против него, а также принимать необходимые меры против тех, кто прямо или косвенно действует в пользу Коминтерна.

[152] «Инцидент» состоял в том, что японские войска, проводя маневры в этом районе на северо-востоке Китая, обстреляли китайский гарнизон. Китайцы ответили огнем, в результате чего началась полномасштабная война, которая не прекращалась 8 лет, вплоть до конца Второй мировой войны.

[153] В апреле 1923 г. - Прим. яп. ред.

[154] Свободомыслие (англ.)

[155] Токийский район Маруноути является центром деловой активности, в котором сосредоточены крупнейшие компании и банки.

[156] Кабутотё - квартал токийского района Нихомбаси, в котором расположена фондовая биржа; иносказательно - деловые и финансовые круги.

[157] То есть 13,6 м; 1 сяку=30,3 см.

[158] Кансай - экономический район в западной части острова Хонсю вокруг городов Осака, Киото и Кобэ.

[159] Коку - японская мера объема сыпучих тел, прежде всего риса. 1 коку = 180,4 л. Коку риса имеет массу около 150 кг.

[160] Впервые система государственных складов для хранения и продажи зерна сложилась в Древнем Китае во времена династии Хань (II в. до н.э. - II в. н.э.). В урожайные годы государство скупало избыток риса, в неурожайные - продавало его по низким ценам. Эти резервные запасы риса хранились в специальных зернохранилищах (кит. чанпинцан, яп. дзёхэйсо), отсюда и название системы компенсаций.

[161] Текст проекта закона о введении монополии на продажу риса и зерновых и комментарии к нему были опубликованы в «Тезисах о новой политике в области сельского хозяйства», выпущенных редакцией «Тоё кэйдзай симпо». - Прим. автора.

[162] Тодзё Хидэки (1884-1948) - генерал, с 1938 г. - военный министр, в 1941-1945 гг. - премьер-министр Японии. По приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока казнен как военный преступник.

[163] Ее полное название - Японская акционерная компания по рассылке печатных материалов (Ниппон сьуппан хайкю кабусики кайся). - Прим. автора.

[164] Судзуки Кантаро (1867-1948) - адмирал, последний премьер-министр Японии военного времени.

[165] Бронзовая статуя так называемого Большого Будды (Дайбуцу), установленная в Камакура в 1252 году, имеет высоту 11,5 м.

[166] Тё, тан и сэ - меры площади; 1 тё = 0,9917 га, 1 тан = 0,099 га, 1 сэ = 99,19 кв. м.

[167] 22 мая 1946 года был сформирован первый кабинет Ёсида, в котором Исибаси Тандзан занял пост министра финансов.

[168] Токуда Кюити (1894-1953) - один из лидеров Коммунистической партии Японии, впоследствии ее генеральный секретарь. При милитаристском режиме провел в заключении более 18 лет.

[169] Нисио Суэхиро (1891-1981) впоследствии стал лидером Партии демократического социализма

[170] Оисо - курортное местечко в южной части префектуры Канагава.

[171] Кабинет Катаяма Тэцу (1887-1978) продержался у власти всего 8 месяцев (июнь 1947 - февраль 1948).

[172] Цитируются ст. 66 и ст. 67 Конституции Японии. См.: Конституция Японии. Перевод на русский язык. Научно-исследовательский институт Евразии при Обществе «Япония - страны Евразии», Токио, 1995 г., с. 27-28.